

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

TOZZER LIBRARY

1Z 1PL8 X

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY
OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY

IN EXCHANGE WITH

Gos. Russkoe geograficheskoe
obshchestvo.

Received April 21, 1933.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.
т. XXX.

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

Записалъ Н. Ончуковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.

1904.

26796

№ 100. 100. 7. 2. 17. 1
Exchange gift with the
Rus. Geogr. Geographical Soc.
Alshchestvo
Apr. 21, 1933.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

Издано подъ редакціей члена-сотрудника Общества Н. Е. Ончукова.

Отъ собирателя.

Только благодаря поддержкѣ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ удалось мнѣ съѣздить на Печору и записать „Печорскія былины“. Поэтому, выпуская въ свѣтъ эту книгу, долгомъ своимъ считаю принести глубокую благодарность обоимъ этимъ ученымъ учрежденіемъ. Въ особенности глубоко, глубоко благодаренъ я предсѣдателю Отдѣленія Этнографіи академику *Владимиру Ивановичу Ламанскому*, который кромѣ того, что всегда способствовалъ моимъ лѣтнимъ поѣздкамъ, но и вообще первый направилъ меня на занятія этнографіей. Глубокую благодарность я долженъ выразить также академику *Алексѣю Александровичу Шахматову*, также принимавшему живое участіе въ моихъ поѣздкахъ и никогда не оставлявшего меня своими совѣтами. Много благодарить я долженъ *Василія Ильича Чернышева*, не только взявшагося, во время печатанія книги, по корректурнымъ листамъ, изслѣдовать языкъ Печорскихъ былинъ, но и раздѣлившаго со мной утомительный трудъ чтенія корректуръ первыхъ 12-ти листовъ текста былинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Отъ собирателя	—
II. Былинная поэзія на Печорѣ <i>Н. Ончукова</i>	I
III. Замятка о языкѣ Печорскихъ былинъ <i>В. Чернышева</i>	XXXVI

А. Старины Устьцылемской волости.

(А. селенія по рѣкѣ Пижмѣ).

I. Деревня Чуркина.

1. *Чуркина вѣдосья Емельяновна.*

1. Застава Богатырская (Илья Муромецъ и Сокольникъ).	5
2. Илья Муромецъ въ опалѣ	16
3. Олеша Поповичъ и сестра братьевъ Долгополыхъ	22
4. Васька Игнатьевъ	26
5. Скопинъ	33

II. Село Заможное (Замегъ).

2. *Осташовъ Анкудинъ Ефимовичъ.*

6. Бой Ильи Муромца съ сыномъ	37
7. Бой Добрыни и Дуная	41
8. Соловей Будимировичъ	45
9. Фатѣнко	47
10. Садокъ	50
11. Василій Буславичъ	52
12. Князь Долгорукой и ключникъ	57
13. Небылица	59

VIII

13. Чуровъ Алексій Васильевичъ.

57. Потыкъ	237
58. Вдова и разбойники	245

VI. Деревня Рощинскій ручей.

59. Добрыня и змѣя	247
60. Скопинъ	251

VII. Деревня Уегъ.

15. Вокуевъ Анисимъ Федоровичъ.

61. Свитогоръ	256
62. Илья Муромецъ и голи	257
63. Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство Добрыни	258
64. Алеша Поповичъ, Екямъ и Тугаринъ	260
65. Василій Казимировичъ	263
66. Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна	269
67. Небылица про льдину	274
68. Отрывокъ	275

VIII. Деревня Верхнее Бугаево.

16. Шимоловъ Василій Дорофеевичъ.

69. Чурило и невѣрная жена	276
70. Садко	278

IX. Село Среднее Бугаево.

17. Шимолова Марія Кузьмовна.

71. Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна	279
---	-----

Б. Старины Пустозерской волости.

X. Село Великая Виска.

18. Шальковъ Николай Петровичъ.

72. Потапъ Артамоновичъ	285
-----------------------------------	-----

73. Гремять Мануйловичъ, Идолъ Жидойловичъ и Анна, племянница Владимира князя	292
74. Василій Буслаевъ	297
75. Садко	301
76. Данилко Денисьевичъ	305
77. Кострюкъ	307
78. Голубиная книга	308
79. Небылица про Щуку пзъ Вѣлаго озера	311

19. Дитятевъ Алексѣй Ивановичъ.

80. Иванъ Горденовъ	313
81. Скопинъ	321

20. Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.

82. Горе	325
--------------------	-----

21. Дитятева Прасковья Ивановна.

83. Небылица	329
------------------------	-----

XI. Деревня Вѣдовая.

22. Марковъ Павелъ Григорьевичъ.

84. Вольга Всеславьевичъ	331
85. Олеша Поповичъ, Екимъ-чаробокъ и Тугаринъ	333
86. Дунай	338
87. Василій Игнатьевъ	344
88. Василій Буслаевъ въ Новгородѣ	346
89. Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ѣздилъ	351
90. Садко	358
91. Кострюкъ	363
92. Царь Иванъ Васильевичъ	370

XII. Деревня Пылемецъ.

23. Хабаровъ Степанъ Федоровичъ.

93. Михайло Карамышевъ	394
94. Василій Буслаевъ	396

XIII. Село Куя.

24. Шевелева Парисковья Ивановна.

95. Олеша Поповичъ женится	289
--------------------------------------	-----

XIV. Деревня Нарыга.

25. Никоновъ Василій Артамоновичъ.

96. Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ	394
97. Василій Буслаевъ	396
98. Кострюкъ	397
99. Князь Гагаринъ	400
100. 14-е декабря 1825 г.	401
101. Жена разбойника	401
—	
— Словарь мѣстныхъ словъ	403
-- Указатель именъ	416

Былинная поэзія на Печорѣ *).

I.

Лѣтомъ 1901 г. мнѣ пришлось побывать на низовой Печорѣ. Зная, что два года назадъ г. Марковъ записалъ свои „Бѣломорскія былины“ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, а А. Д. Григорьевъ — въ Поморьѣ, я естественно поинтересовался нѣтъ-ли былины и на Печорѣ, хотя наличность ихъ тамъ однимъ изъ прежнихъ изслѣдователей-этнографовъ и отрицалась.

При первыхъ-же разспросахъ на мѣстѣ, тотчасъ выяснилось, что на Печорѣ, даже въ такомъ бойкомъ мѣстѣ ея какъ Усть-Цыльма — мѣсто центральное, больше похожее на городъ — существуютъ „старинны“, которыя поются стариками.

Захотѣлось непременно выяснить, что это за старинны такія? провѣрить не былины-ли это? А если былины, насколько въ качественномъ и количественномъ отношеніи онѣ сохранились? Сдѣлать все это было очень не трудно при большомъ добродушіи и довѣрчивости усть-цыльмовъ, хотя они всѣ поголовно старообрядцы. Въ первый-же свободный день, въ воскресенье, три старика явились ко мнѣ на квартиру и когда стали пѣть старины, сомнѣнія не было, что это былины. Что былины еще очень много на Печорѣ, въ этомъ меня увѣрили на первый-же разъ. Старики говорили шутя „всѣ старинны тебѣ не переписать у насъ — бумаги у тебя не хватить“.

Однако въ то лѣто я успѣлъ записать только *семь былинь*. Этому единственной причиной былъ поздній мой пріѣздъ на Печору. Въ Усть-Цыльму я

---

*1 Статья эта уже была начата в 3—4 вып. «Жив. Стар.» за 1902 г. Въ настоящ. изложеніи она переработана и значительно сокращена.

попалъ къ Петрову дню, когда кончалась бывающая всю весну въ Усть-Цыльмѣ ярмарка, сплывали внизъ по рѣкѣ съ караванами чердынцы, поспѣвала трава на пожняхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ или въ лѣсныхъ рощистяхъ, а по Печорѣ начала большими массами „идти вверхъ семга“. И всѣ усть-цыльмы, какъ и всѣ остальные печорцы, семьями въ полномъ составѣ, со старухами и ребятишками, иногда даже съ животными (лошадей и собакъ берутъ съ собой на пожни, коровъ отправляютъ со старухами за Печору, въ лѣсныя избушки на подножный кормъ), заколачивая дома отправляются изъ селеній—часть на пожни, часть на рыбныя ловли.

Привезенныя изъ лѣтней поѣздки 1901 года семь былинъ были напечатаны въ „Извѣстiяхъ Отд. русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ“, а весной 1902 года Географическое Общество и 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ съѣздить на Печору уже нарочно за былинами. Чтобы поѣздка была наиболѣе плодотворной, а запись былинъ возможно большей, нужно было пріѣхать на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне совсѣмъ свободны отъ работъ. Въ этомъ отношеніи о Печорѣ нужно сказать то же, что говорится вообще о русскомъ Сѣверѣ: свободное для крестьянъ время это отъ Пасхи до Петрова дня; печорцы пріѣзжаютъ тогда съ промысловъ рыбы, возвращаются съ звѣриной ловли, влѣдствіе распутицы не занимаются извозомъ. Всѣ тогда дома, всѣ свободны; тогда происходитъ наибольшее количество свадебъ --кладъ для этнографа, — а когда пройдетъ Печора и пріѣдутъ „съ верховъ“ каячники-чердынцы, въ Усть-Цыльмѣ „на горкѣ“ каждый вечеръ собираются хоровады. Въ Усть-Цыльмѣ во время ярмарки перебивается постепенно вся раскинутая на огромномъ пространствѣ волость, такъ что не выѣзжая изъ этого села можно переvidать жителей всѣхъ, иногда отдаленнѣйшихъ селеній. Совершенно свободнаго для печорцевъ времени, пожалуй, меньше—отъ Пасхи до вскрытія Печоры,

т. е. время „распуты“ такъ какъ по вскрытіи рѣки часть крестьянъ сейчасъ-же начинаетъ ловить рыбу и кончаетъ это занятіе глубокой осенью, когда рѣка встанетъ. Принимая все это во вниманіе и научный къ тому-же горькимъ опытомъ лѣта 1901 года, въ 1902 г. я рѣшилъ ѣхать на Печору по зимнему пути на лошадяхъ. Но и тутъ нужно было рассчитать время такъ, чтобы пріѣхать не позже, не раньше, такъ какъ во второмъ случаѣ я рисковалъ долго прожить на Печорѣ безъ дѣла; и это непременно-бы случилось, если-бы я пріѣхалъ на Печору еще въ Великомъ посту, особенно на его послѣднихъ недѣляхъ: печорцы-старообрядцы, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва-ли-бы стали мнѣ пѣть что нибудь свѣтское въ это время. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Усть-Цыльмѣ старинщика, не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ пѣвшаго только по воскресеньямъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 2-го апрѣля, 5-го былъ я въ Архангельскѣ, 6-го уже выѣхалъ, по самому послѣднему пути, на лошадяхъ на Печору. Мнѣ предстояло сдѣлать въ саняхъ около 800 верстъ, а время стояло самое неблагоприятное для этого: немилосердно для ранней на сѣверѣ весны палило солнце, быстро таялъ снѣгъ и быстро портились дороги, по которымъ ѣхать становилось едва возможно, а такъ какъ большая половина зимняго тракта на Печору идетъ рѣками (С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма), то и небезопасно: ледяной покровъ рѣкъ вездѣ освободился отъ снѣга и посинѣлъ, появились большія забереги, у самыхъ краевъ дороги зловѣще темнѣли полыньи... Сильно разбитый, сдѣлавъ въ шесть дней 800 верстъ, 12 апрѣля пріѣхалъ я на Печеру въ Усть-Цыльму, а со второго дня Пасхи могъ уже приняться за работу. Знакомствъ заводить мнѣ было не нужно: въ Усть-Цыльмѣ жили старинщики, не использованные мною еще въ прошлый мой пріѣздъ на Печору. Всю пасхальную недѣлю я записывалъ былины въ Усть-Цыльмѣ и къ концу ея, когда старинщики отчасти

поистожились, а отчасти поутомились, въ Фомино воскресенье, 21 апрѣля выѣхалъ въ селенія на рѣкѣ Пижемѣ. И выѣхалъ все еще по зимнему пути: на самыхъ послѣднихъ дняхъ страстной недѣли погода внезапно измѣнилась, подулъ вѣтеръ съ океана, выпала „перенѣва“, и свѣтлый праздникъ печорцы встрѣтили, какъ рождество, въ совикахъ и малицахъ. Съѣздить въ селенія, раскиданныя по рѣкѣ Пижемѣ, по зимней дорогѣ было очень выгодно: путь во всѣ деревни укорочался на половину и втрое сокращалось время. Побывавъ во всѣхъ деревняхъ Пижмы, кромѣ трехъ отдаленнѣйшихъ, съ небольшимъ „жиломъ“ гдѣ навѣрняка, говорили мнѣ, нѣтъ былинь, 26 апрѣля я пріѣхалъ обратно въ Усть-Цыльму, гдѣ и сталъ переживать распути, ждать вскрытія Печоры. Ждать этого „событія“ на Печорѣ, мѣняющаго совершенно ея зимнюю фізіономію, пришлось очень долго. Вычислано, что Печера въ среднемъ вскрывается 5-го мая, рѣдко она вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а въ тотъ годъ въ Усть-Цыльмѣ Печора тронулась 14 мая, а ледъ пошелъ 16 мая. Въ Пустозерскѣ и др. селеніяхъ низовья, Печора тронулась 26—28 мая! Все время распути я уже ни шагу не могъ сдѣлать изъ Усть-Цыльмы, такъ какъ гораздо раньше Печоры вскрылись маленькіе, впадающіе въ нее ручьи и рѣчки и обратясь въ стремительные бурурны отрѣзали путь даже въ ближайшія къ Усть-Цыльмѣ деревни: мостовъ вѣдь на Печерѣ не полагается, а если такыя и есть кой гдѣ, то при отсутствіи на Печорѣ земства, дорожное дѣло находится тамъ совсѣмъ въ плачевномъ состояніи. Въ отношеніи записи новыхъ былинь все время распути было для меня потеряно, такъ какъ усть-цылемскіе старинчики были мной всѣ использованы. Когда Печора совсѣмъ очистилась ото льда, и пришелъ первый пароходъ, я уѣхалъ изъ Усть-Цыльмы и уже все время вплоть до 4-го іюля—дня моего выѣзда съ Печеры обратно—провелъ въ разъѣздахъ, то на пароходѣ, то въ лодкѣ, то на лошадахъ, а случалось, что ходилъ и пѣшкомъ.

Двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ — Усть-

цылемская и Пустозерская, располагаются по берегамъ Печоры приблизительно на 325—330 верстахъ; Усть-Цылемская волость—кромѣ того еще по рр. Цыльмѣ, Пижемѣ и Нерицѣ, а Пустозерская — по одному селенію на рѣчкахъ Сулѣ (д. Сула) и Куѣ (выс. Порсондуѣ). Если къ линіи, по которой селенія обѣихъ русскихъ волостей распластались по Печорѣ, причислить линіи поселеній по рр. Цыльмѣ, Пижемѣ, Нерицѣ, Куѣ и Сулѣ, то получимъ цифру до 1.000 верстъ; конечно объѣхать все селенія до одного обѣихъ русскихъ волостей было-бы очень трудно, а въ нѣкоторыя селенія попасть лѣтомъ прямо-таки невозможно, *) да въ этомъ я не видѣлъ и необходимости для моей цѣли: навѣрное извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ старинъ.

Сообщеніе по рѣкѣ Печорѣ, конечно, стало безусловно доступнѣе въ послѣднія десять лѣтъ, но все-же оно еще очень далеко, напр., даже отъ любого глухого земскаго уѣзда въ Россіи. Дѣло въ томъ, что Печора совсѣмъ еще не знаетъ тѣлѣжныхъ дорогъ, если исключить двѣ станціи (Шылемецъ-Пустозерскъ=24 в. и Пустозерскъ-Тельвиска=20 в.). Лѣтомъ ѣздятъ исключительно въ лодкахъ или, въ послѣднее время, на пароходѣ. Но почтовый пароходъ дѣластъ рейсъ въ 10 дней—во-первыхъ, во-вторыхъ, переѣздки изъ мелкихъ селеній въ таковыя-же или изъ мелкихъ въ крупныя и обратно, по прежнему, приходится совершать на очень большихъ печорскихъ лодкахъ, внизъ по водѣ на веслахъ, вверхъ — бичевой, если нѣтъ попутнаго

---

*) Напр., дер. Омелина на р. Цыльмѣ, мѣсто бывшаго Цылемскаго старообрядческаго скита (закрытъ, если судить по бумагѣ Пинежскаго духовнаго правл. отъ 20 Апр. 1851 г., хранящейся въ архивѣ Устьцылемскаго собора—въ 1851 году), весьма интересная для посѣщенія, находится въ 250 в. отъ Усть-Цыльмы. Ѣхать туда лѣтомъ нужно въ лодкахъ, на шестикахъ, 200 верстъ по совершенно незаселенной мѣстности. Земскіе ямщики туда, конечно, не повезутъ, вольнонаемные также едва-ли, а если-бы какой нибудь охотникъ и согласился проѣхать 500 в. въ лодкѣ—возьметъ очень дорого. Омелинцы, правда, пріѣзжаютъ разъ въ годъ въ Усть-Цыльму за хлѣбомъ, во время пріѣзда на Печору чердынцевъ, но они едва-ли согласятся везти къ себѣ посторонняго человѣка, а если и увезутъ впередъ, никакъ нельзя будетъ возвратиться обратно. Омелинцы очень заинтересованы быть противураскольничій миссіонеръ, живущій въ Устьцыльмѣ, и все-таки въ цѣляхъ шесть лѣтъ онъ не былъ тамъ ни разу, да такъ съ Печоры и уѣхалъ.

вѣтра. Какъ только поднимается сильный вѣтеръ, такъ ѣзда по Печорѣ въ лодкахъ становится невозможной, и мнѣ не разъ приходилось подчиняться капризамъ этой сѣверной красавицы. Когда на Печорѣ поднимется сильный вѣтеръ, а это бываетъ очень часто, не только не особенно заинтересованные земскіе ямщики никуда не повезутъ васъ, но и сами печорцы въ самую горячую для нихъ рабочую пору также никуда не ѣздятъ въ лодкахъ. Въ Великой Вискѣ я видѣлъ трехъ печорцевъ, которые чуть не плакали отъ досады, сидя совершенно безъ всякаго дѣла въ Вискѣ дня четыре, а выѣхать домой не могли, хотя деревня и была всего въ 9 верстахъ. Ёхать въ вѣтеръ нельзя—все равно „прижметъ“ къ берегу, гдѣ и придется сидѣть, пока вѣтеръ не стихнетъ. Бываетъ часто, что, выѣхавъ въ хорошую погоду, но застигнутые въ пути вѣтромъ, путешественники робинзонствуютъ гдѣ нибудь на пустынномъ берегу Печоры недѣлю и больше.

Совершенно безпрепятственно мои работы по записи былинъ могли происходить только во время распуты, когда всѣ крестьяне были дома, но въ распуту я успѣлъ обследовать подробно только село Усть-Цыльму и селеніе по рѣкѣ Пижмѣ. По вскрытіи Печоры, когда я поѣхалъ въ Пустозерскую волость, многихъ изъ хорошихъ сказателей я уже не засталъ дома. Такъ два раза проѣзжая мимо дер. Абрамовской, я справлялся объ очень хорошемъ будто-бы старинникѣ—Иванѣ Ивановичѣ Горенкѣ, но оба раза не заставалъ его дома. Пробовалъ я сѣздить на рыбную тоню и тамъ поработать. По условія работы на тоняхъ крайне неблагоприятны, можно сказать, невозможны. Записывалъ былины я, напр., у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо ѣстъ глаза; сѣсть отъ костра дальше, нѣтъ дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валитъ чернильницу, сыплетъ песокъ въ глаза, и того и гляди, пойдетъ дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человекъ 20—30 рыболововъ

толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлають работу въ конецъ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ насморкъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ пополамъ записи еще можно дѣлать до Петрова дня. Этотъ праздникъ — послѣдній день, въ которой печорцы свободны. Теперь-же поспѣваетъ трава на пожняхъ, нужно косить; появляется въ рѣкѣ семга, нужно торопиться ловить ее: болѣе или менѣе богатая добыча семги — болѣе или менѣе сытый годъ для Печорца. Это въ Усть-Цыльмѣ. Въ Пустозерской волости многіе съ очищеніемъ Печорской губы ото льда, а съ Петрова дня все безусловно заняты: или тоже ловятъ семгу или отправляются въ Печорскую губу на рыбный и звѣриный промыселъ. Вообще въ обѣихъ волостяхъ съ Петрова дня не до пѣнія старинъ.

II.

Низовую Печору въ этнографическомъ смыслѣ можно подраздѣлить на три группы: 1) на русскіихъ, 2) зырянъ-ижемцевъ и 3) самоѣдовъ. Мое вниманіе привлекали, конечно, только двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ — Усть-Цылемская и Пустозерская. Самоѣды и кочевые, и осѣдлые русскіихъ былинь всеѣмъ не знаютъ *); зыряне-ижемцы старинъ почти не знаютъ, большинство даже не понимаетъ, что значить старина или былина. Но въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и ижемцы старины знаютъ.

---

*) Академикъ Озерецковскій говоритъ про «достопамятныя древности самоѣдскія земли въ Мезенскомъ округѣ»: «Народныя преданія, сверхъ сего правила ихъ вѣры заключаются въ старинахъ (сюдовонцъ) и въ сказкахъ (вада). Старины поютъ голосомъ, а сказки рассказываютъ просто; въ чемъ заключается исторія сего народа. Увеселительныя пѣсни (хынонцъ) поютъ и слагають и мужчины и женщины». Путешествія акад. Ивана Лепехина, т. IV, стр. 204. Знающіе по самоѣдски пустозеры отзывались о самоѣдахъ, какъ прекрасныхъ сказателяхъ своихъ старинъ, а также сказокъ. Отъ усть-цылема А. Чуирова я записалъ прекрасную русскую сказку, которую онъ выучилъ отъ самоѣда.

Мнѣ называли въ селѣ Сизябекѣ старика, поющаго „пѣсни про богатырей“—Илью Муромца и др. Видѣть лично мнѣ этого старика не удалось. Нѣсколько такихъ стариковъ живутъ еще по разнымъ селеніямъ въ Ижемскомъ краѣ на Печорѣ; отъ нѣкоторыхъ я лично слышалъ, что они знаютъ старины. Г. Истомина въ 1890 году удалось записать „среди зырянъ Усть-Кожвинской волости нѣсколько былинъ, распѣваемыхъ ими на ломанномъ русскомъ языкѣ“. Это заставило г. Истомина предположить, что „былины... заимствованы зырянами отъ русскихъ сосѣдей ихъ—усть-цылемовъ“. Но когда поиски г. Истомина былинъ у усть-цылемовъ не увѣнчались успѣхомъ, вопросъ о томъ, „откуда зырянами заимствованы русскія былины, остался для него (г. Истомина) не выясненнымъ“ *).

Теперь можно съ большою вѣроятностью предположить, что зыряне-ижемцы дѣйствительно заимствовали свои былины отъ своихъ сосѣдей русскихъ. Предположить это можно тѣмъ больше, что зыряне почти не имѣютъ своей поэзіи; по крайней мѣрѣ въ настоящее время они пробавляются исключительно русскими пѣснями. Но съ другой стороны, для меня большимъ сомнѣніемъ является, что весь свой пѣсенный обиходъ ижемцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей т. е. усть-цылемовъ и пустозеровъ. Я нѣсколько разъ слышалъ, какъ поютъ ижемцы, и между ихъ пѣніемъ и пѣніемъ ближайшихъ къ нимъ усть-цылемовъ—большая разница, разница въ напѣвахъ, въ содержаніи, въ языкѣ. Пѣсни ижемцевъ—это или старинныя пѣсни среднихъ губерній Россіи („Ахъ вы сѣни“, „Я вечеръ молода“, „Снѣжки бѣлы и пушисты“), поющіяся здѣсь такими-же напѣвами, какъ и тамъ, или это совсѣмъ и не народныя, а модныя пѣсни, стихотворенія изъ книгъ, романсы, перешедшіе изъ полуинтеллигентныхъ слоевъ сначала въ мѣщанство, а потомъ и въ крестьянство: „Хазь-Булатъ удалой“, „Глядя на лучъ румянаго заката“, „По

*) «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.» томъ XXVI, стр. 433—434.

синимъ волнамъ океана“, самоновѣйшая знаменитая „Разлука“ и др. „Ваньку Ключника“ ижемцы поютъ пѣсней, своимъ текстомъ совпадающей съ текстомъ подъ нынѣшними лубочными картинами и несомнѣнно оттуда взятой, въ Усть-Цылемской волости про „ключника“ поютъ старину, опредѣленно связывая его съ именемъ князя Долгорукова, а дѣйствіе приурочивая къ Москвѣ. Что заимствованія пѣсенъ ижемцами отъ усть-цылемовъ едва-ли были очень ужъ обильны, — за это-же говоритъ и старая вражда между тѣми и другими. Покойному С. В. Максиму въ 1856 году такъ рассказывалъ объ этомъ одинъ усть-цылемъ: „Ижемцы—наши супостаты, супротивники мы съ ними, *изъ старины во враждѣ* и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертоноснаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежь себя-то, миримся кое-какъ. Да и то нѣтъ“... *). Едва-ли такая „до смертоноснаго побитія“ исконная вражда служила благопріятнымъ условіемъ для поэтическихъ заимствованій. Но откуда-же такимъ образомъ заимствовали свои старины ижемцы? Зыряне-ижемцы, выходцы съ рѣки Вычегды, Яренскаго у., Вологодской губерніи, могли, во первыхъ, оттуда, со своей родины, принести на Ижму былины. Затѣмъ, ижемцы, издавна отличаясь торговыми наклонностями, могли перенять старины гдѣ-нибудь при своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но всего вѣроятнѣе мнѣ кажется слѣдующее предположеніе. Въ церковной лѣтописи ижемской церкви написано: „По устнымъ преданіямъ старожилонъ первые обитатели (Ижмы) были выходцы новгородскіе, что между прочимъ подтверждается и фамильями: Ануфріевы, Истомины, Рочевы. Затѣмъ къ этимъ выходцамъ поселились изъ Вологодской губ., Яренскаго у., деревни Глотовой-слободы два-три семейства. Эти послѣднія были зыряне, отъ которыхъ на Ижмѣ — ижемско-зырянское нарѣчіе, смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ“. Церковный лѣтописецъ

*) «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 56, 57.

(священникъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка), говоря о выходцахъ новгородскихъ, какъ первыхъ поселщикахъ Ижмы, не говоритъ только, откуда новгородцы взялись на Ижму. Зато очень опредѣленно объ этомъ говоритъ академикъ Озерецковскій въ 1772 году: „Первые поселяне (Ижмы) были зыряне... Потомъ въ разныя времена присовокупились къ нимъ многія россійскія семьи, вышедшія изъ *Усть-Цылемской слободки*“ *). „Населеніе Ижмы, говорится въ Геогр. Слов. состоитъ изъ зырянъ, вышедшихъ изъ Вологодской губерніи, самоѣдовъ и русскихъ, говорящихъ по зырянски. Есть преданіе, что на Ижму выселились бояре отъ преслѣдованія Ивана Грознаго **). Наконецъ у Ижемскаго старожила—дьякона Сизябской церкви Петра Истомина я записалъ слѣдующее: „Первый житель поселился въ 1567 г. изъ Волог. г., Яренской округи, деревни Глотовой, изъ слободки зырянинъ, по имени неизвѣстно. Отъ него зырянскій языкъ остался въ селеніи Ижма навсегда. Къ нему пріѣхали изъ Усть-Цылемской слободки пять братьевъ Чупровыхъ, изъ новгородцевъ поселились Рочевы, еще есть поколѣніе одно изъ чудскихъ жителей, что нынѣ записаны крестьяне Поповы“. Эти данныя, основанныя на преданіяхъ, имѣютъ подъ собой уже и чисто реальную почву: зыряне-ижмцы разительно по моему отличаются отъ зырянъ Вологодской губерніи своимъ типомъ: они высоки, стройны, въ громадномъ большинствѣ бѣлокуры, съ голубыми глазами, и если-бы не языкъ ижемцевъ, въ большинствѣ совершенно нельзя было-бы отличить ихъ отъ потомковъ новгородцевъ — усть-цылемовъ. Вотъ не предки-ли русскихъ засельщиковъ Ижмы, выходцы изъ Усть-Цыльмы и занесли къ зырянамъ русскія быліны? Это во первыхъ. Во вторыхъ, ижемцы, всегда разѣзжая по торговымъ дѣламъ, сами могли научиться пѣть быліны на Мезени, Пинегѣ и др. мѣ-

*) «Путешествіе академика Ивана Лепехина въ 1772 году» часть IV, стр. 282, 283. О выходцахъ въ Ижму и въ Устьцыльму упоминаетъ и Максимовъ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 118.

***) «Геогр. стат. словарь Россійск. Им.» т. 2, стр. 309.

стахъ. Въ третьихъ, въ Ижму, въ свою очередь всегда прѣзжали купцы изъ разныхъ мѣстъ. Озерцовскій такъ говоритъ объ этомъ: „Для покупки мягкой рухляди прѣзжаютъ къ нимъ (ижемцамъ) изъ Яренска, Мезени, Пинеги и изъ Архангельска, а иногда изъ Москвы и съ Вологды торговые люди“ *).

Ш.

Печорскія былины я считаю нужнымъ раздѣлить на 1) старины Усть-Цылемской волости и 2) на старины Пустозерской волости, а первыя еще, кромѣ того, на старины Пижемскія и Припечорскія. Сначала скажу о причинѣ раздѣленія старинъ по волостямъ. Однѣ и тѣ-же былины поются въ той и другой волости различно, и это относится иногда къ былинамъ распространеннѣйшимъ, напр. женитьба Дуная. Кромѣ того, нѣкоторыя былины извѣстны только въ той или другой волости: такъ въ Усть-Цылемской волости совсѣмъ не знаютъ распространенную—бой Васьки Буслаева съ новгородцами. Не знаютъ еще въ Усть-Цылемской волости былинъ Пустозерской: Вольгу, Потапа Артамоновича, Идолица и племянницу Владиміра, Ивана Горденовича, Кострюка, Горе, небылицу про щуку изъ Бѣлаго озера. Зато и въ Пустозерской волости не знаютъ былинъ Усть-Цылемскихъ: Данила Староильевича, Дмитрія Бранского, Бутмана Колыбановича, Луку Даниловича, князя Долгорукова. Нѣкоторая разница въ содержаніи одинаковыхъ старинъ и незнаніе старинщиками одной волости старинъ другой будутъ вполне понятны, если вспомнить, какъ населялись эти двѣ рядомъ лежащія по одной рѣкѣ волости.

Первый засельникъ Усть-Цылемской волости былъ новгородецъ Ивашка Ластко, съ товарищемъ Власкомъ, основавшій слободу Усть-Цыльму въ 1542 г.**)

Къ новгородцамъ мало по малу стали приходять при-

*) «Шуг. ак. Пв. Лепехина» Т. IV, стр. 234.

**) С. Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ», т. 2 стр. 23—24.

шельцы съ Мезени, Пинеги, Кевролы, Двины и др. рѣкъ, гонимые тяготой жизни со старыхъ мѣсть и искавшіе вольности на повинѣ. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы или потомки ихъ, изъ только-что отошедшей къ Москвѣ Двинской земли. Все населеніе слободки было, повидимому, изъ представителей чистой „земли“, т. е. земледѣльческаго сословія, — крестьянъ.

Совершенно не то мы видимъ въ Пустозерской волости. Такъ сказать, завязью волости былъ Пустозерскій вонный острогъ. „Острогъ былъ устроенъ въ 1499 году князьями Курбскимъ, Ушатовымъ, Заболоцкимъ, для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ *). Слѣдовательно волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московскаго государства, прямыми потомками которыхъ и являются нынѣшніе пустозеры. Первые русскіе засельники волости были военные люди: „здѣсь имѣли мѣстопробываніе воеводы“ **). Затѣмъ, „Городокъ (Пустозерскъ), со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многихъ боярскихъ фамилій, поднавшимъ подъ царскую опалу ***). Изъ лицъ опальныхъ, кромѣ многихъ малоизвѣстныхъ въ исторіи, въ Пустозерскѣ бывали лица съ крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгорѣвшаго здѣсь со своими товарищами на кострѣ за свою идею, въ Пустозерскѣ семь лѣтъ (съ 1676—1682) выжилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, двадцать лѣтъ прожилъ (съ 1691 по 1710 г.) князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ началѣ-же 18 вѣка жилъ здѣсь князь Семень Щербатовъ. Эти опальныя лица пріѣзжали въ Пустозерскъ не безъ провожатыхъ и не безъ челяди; такъ бояринъ Матвѣевъ жилъ здѣсь съ сыномъ Андреемъ, а при нихъ были: учитель сына, священникъ и 30 человѣкъ слугъ. Вотъ какимъ пришлымъ элементомъ пополнялись быстро вымиравшіе въ

*) «Геогр. Стат. словарь Рос. Имп.» т. IV стр. 248—249. П. Н. Семенова.

**) П. Н. Семеновъ. Геогр. словарь.

***) С. Максимовъ «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 59.

суровомъ краю первые русскіе засельники. И всё бы они, первые засельники, вѣроятно вымерли, если бы, смѣшиваясь съ самоѣдами и зырянами *), не приспособились такимъ образомъ къ суровому краю и не образовали въ теченіе времени какъ бы особаго пустозерскаго типа, послѣ чего они окрѣпли, стали плодиться и расселяться по волости. Конечно инородцы, входившіе въ кровныя связи съ русскими, не могли не подпасть подъ полное ихъ культурное и и религіозное вліяніе и въ совершенствѣ усваивали языкъ, религію, обычаи и преданія, но и русскіе, обильною волною воспринявшіе инородческую кровь, не могли, сохранивъ свой духовный обликъ, не попортить свой вышній типъ, внесеніемъ въ него инородческихъ чертъ. Выхватите изъ толпы пустозеревъ и усть-цылемовъ по одному рядовому и сразу-же бросится въ глаза большая разница: усть-цылемъ вообще выше средняго роста, строенъ, силенъ, бѣлокуръ, непременно съ голубыми глазами, обладаетъ громкимъ голосомъ, подвиженъ, веселъ, словоохотливъ, добродушенъ; пустозеръ всегда ниже средняго или низкаго роста, черноволокъ, смуглъ, глаза непременно черные, съ какимъ-то особенно лаковымъ, неглубокимъ блескомъ, какой вы часто увидите и у самоѣдовъ. Пустозеръ говоритъ тихимъ голосомъ, не откровененъ, себѣ на умъ, склоненъ къ низкопоклонству и лести.

И вотъ „земля“ одной волости и „служилое сословіе“ другой отразились, казалось мнѣ, и въ былинахъ обѣихъ волостей. Усть-цылемъ поетъ старину увѣренный, что все, что въ ней изложено, было. Но, потомокъ новгородцевъ, — онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности не ясно представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственныя и политическія, а чисто нравственныя, общечеловѣческія. Совѣмъ не то пустозеръ. Онъ твердо знаетъ, что значить царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозеръ не запутается и въ хроноло-

---

*) До сихъ поръ указываютъ пустозеры на кр-нѣ Дитяевыхъ и Безумовыхъ, какъ произошедшихъ отъ чудн.

ги: не споешь положимъ, что Костюкъ былъ въ Кіевѣ у Владиміра, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былиной онъ разскажетъ преданіе, а послѣ ея еще что нибудь дополнить и объяснить. Его очень интересуетъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ, сомнительно, пользуется-ли его сочувствіемъ. Устьцылемъ-старообрядецъ съ головой ушедшій въ религію или точнѣе въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ-то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики-пустозеры, напр., Павелъ Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые разсказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто царь этотъ жилъ лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти *).

Выше я говорилъ, что старины Усть-Цылемской волости можно еще подраздѣлить на старины жителей, живущихъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижмѣ и на ста-

---

*) Выше я говорилъ предположительно, что предки нынѣшнихъ пустозеровъ—московскіе служилые люди, смѣшавшіеся впоследствии съ мѣстными инородцами. Мой старинщикъ изъ Бѣдовой П. Марковъ упорно передавалъ мнѣ мѣстное преданіе, что пустозеры—новгородцы, бѣжавшіе изъ Великаго Новгорода во время извѣстныхъ казней Ивана Грознаго. Марковъ отрицалъ даже, что его родная деревня Бѣдовая—выселокъ изъ Пустозерскаго острога. Онъ утверждалъ, что Бѣдовая, да и нѣкоторые другія деревни заселились непосредственно выходцами изъ Россіи. Для подтвержденія его разсказа итъ данныхъ, кромѣ преданій, передаваемыхъ, правда, очень упорно и не мнѣ одному. Преданіе въ этомъ-же смыслѣ записано уже Озерецковскимъ: «Жители сей волости (Пустозерской), по объявленію ихъ, происходятъ отъ чуди и изъ новгородцевъ, поселившихся, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». („Путешеств. акад. И. Лепехина“ Т. IV стр. 277). О новгородскомъ происхожденіи пустозеровъ говорилъ и покойный В. Н. Латкинъ въ своемъ „Дневникѣ путешествія по Печорѣ: „заселеніе здѣсь началось позже (12 вѣка) и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода; сюда шли селиться... по выгодности промысловъ и для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега родного Волхова во время разгрома новгородскаго“ (стр. 59)... „У пустозеровъ передается преданіе, что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно, эти люди сохранили типъ сѣверныхъ славянъ: ихъ обычаи и домашній бытъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ усть-цылемцевъ и ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ“ (стр. 60). Послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ Латкинъ, конечно, разрушаетъ все то, что онъ воздвигъ для доказательства, что пустозеры—новгородцы, такъ какъ уже въ всякихъ сомнѣній, что усть-цылемцы-то именно и есть новгородцы, и если жители двухъ волостей рѣзко отличаются

рины припечорскихъ селеній. Между тѣми и другими старинами нѣтъ разницы въ ихъ содержаніи, и только одного Бутмана Колыбановича, котораго почему-то особенно любятъ пижемцы, не знаютъ припечорцы. Разница между старинами той и другой мѣстности, во первыхъ, въ *напѣвахъ*, во вторыхъ — немного *въ говорѣ*. Разница въ напѣвахъ между пижемцами и остальными усть-цылемами (т. е. жителями всей волости) да пожалуй, и всѣми русскими печорцами — велика. Дѣло въ томъ, что на Пижмѣ цѣлыхъ 114 лѣтъ *) существовалъ старообрядческій Великопоженскій скитъ. Скитъ этотъ почти сто лѣтъ былъ единственнымъ просвѣтительнымъ мѣстомъ на Печорѣ, и въ немъ не только учили грамотѣ и получали полемическія познанія старообрядцы, но тутъ же учились они и пѣть для нуждъ богослуженія, которое въ скиту свершалось благолѣпно. Теперь даже, 60 лѣтъ спустя послѣ закрытія скита, деревни Скитская и Замогильникъ, образовавшіяся на его мѣстѣ извѣстны своимъ пѣніемъ, которое тамъ по традиціи передается отъ отцовъ и дѣдовъ. Лучшіе старообрядческіе пѣвцы и справщики службъ на Печорѣ и теперь живутъ въ Замогильникѣ и Скитской; лучшіе, чѣмъ гдѣ либо въ Печорскомъ краѣ пѣвцы живутъ не только въ этихъ двухъ образовавшихся на мѣстѣ скита деревушкахъ, а и по всей рѣкѣ Пижмѣ, по всѣмъ ея деревнямъ. Если Пижма и теперь несетъ славу центра печорскаго старообрядства (на разстояніи ста верстъ живутъ 5 наставниковъ, одинъ изъ которыхъ, древній старецъ — исповѣдникъ чуть ли не всей волости, а

по типу другъ отъ друга, это значить только, что они имѣютъ не одинъ корень происхожденія. Нельзя также никакъ сблизать усть-цылемцевъ и ижемцевъ: послѣдніе зыряне, хотя, вѣроятно, и не безъ сильной струи русской крови. Противорѣчить ему и названіе всѣхъ жителей Пустозерской волости — *пустозерами*, что значить, что всѣ они вышли когда-то изъ городка Пустозерска. Совершенно также всѣ жители усть-цылемской волости называются — *усть-цылемами*, и уже навѣрно извѣстно, что всѣ они дѣйствительно потомки усть-цылемовъ.

Н. О.

*) Основанъ приблизительно въ 1730 г. выходцами съ Мезени, въ 1744 г. сгорѣлъ, но возобновился опять и закрытъ начальствомъ въ 1844 г. „Живая Стар.“ 1901 г., вып. 3-4 П. Е. Ончуковъ: „О расколѣ на низовой Печорѣ“, стр. 441.

другой ѣздить съ тѣбами въ предѣлы Вологодской губерні), то пижемскія дѣвицы слывутъ лучшими пѣвицами на всей Печорѣ. Онѣ такъ хорошо поютъ въ сравненіи со всѣми остальными печорками, что какъ только пижемки пріѣзжаютъ во время ярмарки въ Усть-Цыльму и являются на горкѣ, усть-цылемки отходятъ прочь, уступая имъ первенство въ умѣніи пѣть пѣсни. Удивительно чистыми пріятными голосами, но какими-то особенными, скорѣе пѣсенными мотивами поютъ пижемцы, все равно и старики и молодые, — былины, знаютъ которыя здѣсь почти въ каждой деревнѣ. Разница въ говорѣ между пижемцами и остальными усть-цылемами и припечерцами зависитъ, вѣроятно, отъ того, что пижемцы на полувино, если не болше, мезенцы родомъ, не столь отдаленнаго выхода. Рѣчь ихъ совсѣмъ не пѣвуча, какъ у устьцылемовъ, въ ней меньше цеканья, она болше литературна, и это послѣднее можетъ быть потому, что обладательница просвѣщеннаго скита — Пижда, не мало привнесла въ свою рѣчь отъ книгъ.

Выше было сказано, что Пустозерская волость не знаетъ нѣкоторыхъ старинъ Усть-Цылемской волости и наоборотъ. Является вопросъ: неужели за время четырехъ столѣтій двѣ, съ русскимъ населеніемъ рядомъ лежащая волости, не могли обмѣняться старинами? Но, во первыхъ, мы не знаемъ — когда старины попали на Печору, а во вторыхъ, дѣйствительно, двѣ сосѣднія волости мало сносились между собою, и на это были особыя причины. Дѣло въ томъ, что обѣ волости только въ послѣднее время, какихъ нибудь 40 лѣтъ, т. е. тогда, когда уже былинный эпосъ сталъ падать на Печорѣ — стали почти сходиться селеніями, раньше-же они были довольно далеки другъ отъ друга *), а такъ какъ сотни двѣ версты разстоя-

---

*) Озерецковскій въ 1772 г. говоритъ: „Домовъ въ самой Усть-Цыльмѣ 120, да въ приписанныхъ къ ней *четыре* деревни — 20“. „Путешествіе академика Ивана Лепехина“. Т. IV, стр. 280. Конечно, всѣ четыре деревни Устьцыл. волости были вблизи слободки Усть-Цыльмы, никакъ не дальше 20 версты, если не меньше, слѣдовательно, до перваго селенія пустозерской волости, Великой Виски, въ концѣ 18 вѣка было отъ Усть-Цылемской волости 200 версты.

нія приходилось по такой большой и беспокойной рѣкѣ, какъ Печора, то ничего нѣтъ удивительнаго, что сношенія были и не часты. Но главная причина незначительныхъ сношеній между пустозерами и усть-цылемами была таже, что и между послѣдними и ижемцами-зырянами, о чемъ уже было говорено выше. Причина эта была вражда изъ-за рыбныхъ угодій на Печорѣ. Въ 1856 году старикъ, бесѣдовавшій съ С. В. Максимовымъ, такъ говорилъ ему: „И теперь дѣло съ пустозерами не можетъ рѣшиться:—загребали Печорушку всю, почестъ; выселки свои понадѣлали у насъ чуть не подъ самымъ носомъ. Тако дѣло!..“*). О томъ-же говорить и г. Истоминъ: „граница между двумя сосѣдними волостями (Пустозерской и Усть-Цылемской) до сихъ поръ точно не установлена: размежеваніе не произведено, и эта неопредѣленность вызываетъ большія недоразумѣнія. Столкнувшись на какомъ-нибудь угодьи и усть-цылемы и пустозеры убѣжденно считаютъ его своей территоріей; поднимается споръ, который и рѣшается въ пользу сильнаго, нерѣдко послѣ жестокой драки“ **). Мнѣ лично, самый старый въ Усть-Цыльмѣ человекъ Лазарь, долго и много рассказывалъ, какъ онъ лѣтъ сорокъ тому назадъ ходилъ выборнымъ, чтобы хлопатать передъ пріѣхавшимъ на Печору „землемѣру“ о выгодахъ своего общества въ спорѣ двухъ волостей о границахъ. Усть-цылемы дѣйствовали навѣрняка: собрали денегъ съ каждаго домохозяина и вручали ихъ Лазарю на взятки „землемѣру“. Но пустозеры были богаче усть-цылемовъ, и деньгами нельзя было ничего сдѣлать. Тогда дальновидный Лазарь познакомился „съ супругой землемѣра“ и подарилъ ей какую-то особенно дорогую и диковинную шаль. Успѣхъ былъ полный, и дѣло выиграли усть-цылемы. Послѣ торжества одной волости надъ другой взаимныя столкновенія, конечно, не прекратились, и до сихъ поръ еще усть-цылемы и пустозеры не особенно-то дружатъ. До сихъ поръ на тоняхъ рѣдко вмѣстѣ ловятъ

*) „Годъ на сѣверѣ“; т. 2, стр. 36—37.

**) „Предв. Отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край“ стр. 17.

семгу пустозеры и усть-цылемы, а встрѣчаясь, часто ссорятся, а то и дерутся.

Можно только затронуть вопросъ: какъ попали старины на Печору? Если считать былины-старины произведеніемъ профессиональныхъ пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то слѣды ихъ найдутся и въ печерскихъ старинахъ, о чемъ ниже. Но очень трудно и предположить даже, чтобы калики и особенно скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятыя отъ нихъ, заносились на Печору посредственно. Если Пустозерскъ служилъ мѣстомъ ссылки боярамъ, иногда знатнымъ, иногда даже временщикомъ, и если жили они на Печорѣ не безъ своихъ людей, то что же удивительнаго, что изъ 30 челядкѣ челяди, жившей въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знаточковъ старинъ? Можно допустить даже, что Матвѣевъ, отправляясь въ ссылку, нарочно взялъ съ собой побольше людей, могущихъ утѣшить и развеселить его въ „суровой странѣ льда и ночи“. То же можно сказать и про Голицына, и про Щербатова, и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Москвы въ Пустозерскѣ. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссыльными и другихъ служилыхъ людей такъ или иначе имѣвшихъ дѣло съ Пустозерскомъ. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору, и трудно рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Этотъ второй путь—торговая сношенія съ Пустозерскомъ. Озерцовскій писалъ въ 1772 году: „Для покупки мягкой рухляди бываютъ въ Пустозерскѣ изъ разныхъ городовъ купцы, а больше изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, также съ Вологды, а временемъ изъ Москвы. Они пріѣзжаютъ туда обыкновенно въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а отъѣзжаютъ передъ Рождествомъ“*). Такимъ образомъ по два мѣсяца жилали здѣсь архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы,

*) „Путешествіе академика Ивана Лепехина“. Т. IV, стр. 277.

и все это время, конечно, уже не такъ были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы—для пѣнія и слушанія старинъ. Латкинъ свидѣтельствуесть, что „по сохранившемуся списку съ указа даннаго пустозерской воеводской канцеляріи видно, что въ 1574 году въ здѣшній край (въ пустозерскую волость) приходили Двиняне, Устюжане и Пенежане промыслять моржей и окуль“ *)... Приходя сюда, они не могли не сталкиваться съ пустозерами и могли передавать имъ старины. Наконецъ, сами пустозеры прежде „производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби“ **). А въ Сибири тоже знаютъ старины.

Вотъ пути, по которымъ могли попадать старины въ Пустозерскую волость.

Но если усть-цылемы жили во враждѣ съ пустозерами и не отъ нихъ заимствовали свои старины, то откуда? Тотъ-же Озерцовскій на свой вопросъ: „пріѣзжаютъ-ли въ Усть-Цыльму иногородцы за мягкою рухлядью и изъ которыхъ мѣсть?“ отвѣчаетъ: „Въ Усть-Цыльму пріѣзжаютъ все тѣ же, какіе и въ Пустозерскѣ“***). Но тогда почему усть-цылемы переняли не всѣ старины, какія переняли пустозеры и наоборотъ? Въ отвѣтъ на это можно предположить, что въ выборѣ старинъ отъ заѣзжихъ купцовъ у жителей той и другой волости руководило чувство симпатіи къ тому или иному герою старины и чувство вкуса, такъ что неонравившійся, напр., „Кострюкъ“ усть-цылемами и не запоминался. Кромѣ того, усть-цылемы, кромѣ продажи продуктовъ своего промысла пріѣзжимъ купцамъ, также сами вели еще торговлю съ городомъ Пинегой и съ зырянскимъ краемъ на р. Вашкѣ, Вологодской губерніи; тамъ они также могли встрѣчаться съ русскими изъ другихъ городовъ. Торговля эта была бѣлой рыбой, которую усть-цылемы добывали осенью на озерахъ и въ замороженномъ видѣ цѣлыми обозами отправляли на Никольскую ярмарку въ Пинегу и въ

*) „Дневникъ Путеш. по Печорѣ“, стр. 37, ч. II.

***) Тамъ же, стр. 58.

***) «Путеш. акад. Ив. Лепех. т. IV стр. 281.

зырянскій край. Дорога въ городъ Пинегу шла 150—200 верстъ по мезенскимъ селеніямъ, а мезенцы—извѣстные старинщики. Кромѣ того, сами мезенцы-старообрядцы, переселившись въ 1730 году на Печору, могли занести туда и старины. Была и еще возможность занесенія старинъ въ Усть-Цылемскую волость: Великопоженскій скитъ, за 100 слишкомъ лѣтъ своей жизни, не переставая, сносился съ другими центрами старообрядческаго міра. Особенно часты и обильны были сношенія скита на великихъ Пожняхъ съ знаменитыми Выгорецкими скитами *), въ Олонецкой губерніи, которую В. Θ. Миллеръ не даромъ назвалъ „Исландіей русскаго эпоса“.

IV.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ сохранялись и передавались былины на Печорѣ можно уже, выйдя изъ области гаданій съ большою вѣроятностью утверждать слѣдующее. Конечно, на Печорѣ не было профессиональныхъ пѣвцовъ мѣстныхъ, такъ же совершенно, какъ ихъ не было и на всемъ Сѣверѣ, т. е. не было лицъ, пѣніемъ старинъ снискивавшихъ себѣ пропитаніе. И это потому главнымъ образомъ, что на Печорѣ и особенно въ Усть-Цылемской волости, чисто крестьянской, вообще не было какихъ нибудь сословныхъ различій, исключая развѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ—тамъ всѣ равны. Однако слѣды пѣвцовъ-профессионаловъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ. Правда ихъ очень не много. Петръ Поздѣвъ три изъ 11-ти спѣтыхъ мнѣ старинъ (Илья и Угарище, Чурило и невѣрная жена и Васька Окуловъ) оканчивалъ такъ:

Кабы бросить тулово во чисто поле,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканье,
Онъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаніе,
Тамъ какъ синему морю на утишенье,

*) Въ дер. Скитской я нашелъ портреты двухъ выгорецкихъ столбовъ благочестія: Симеона Діонисевича (Денисова) и Петра Прокопьевича; нашелъ списки посланій витіеватаго поморскаго характера, обрывки рукописей поморскаго письма и пр.

Кабы всё намъ молодцамъ на послуханье,

Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

Если все вышеприведенное м. б. показываетъ на приемъ кончать такъ подходящія старины профессиональными пѣвцами, — такимъ образомъ даютъ они понять слушателямъ о концѣ старины, то предпоследній стихъ говоритъ, что пѣли старины молодцы, приемъ м. б. заимствованный отъ скомороховъ; а послѣдній стихъ не говоритъ-ли, что пѣвцы, эти, по крайней мѣрѣ, на Печорѣ, были старухи, при окончаніи своей работы полушутливо желающія себѣ долгой жизни. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, пѣвцы, какъ-бы обращаясь къ слушателямъ, называютъ ихъ „братцами“.

Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность отъ всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удержались на Печорѣ. Заброшенная въ суровомъ климатѣ за полярнымъ кругомъ, недалеко отъ Ледовитаго океана, совершенно въ сторонѣ отъ жизни всей остальной Россіи, Печора до самаго послѣдняго времени жила укладомъ жизни и духовными интересами, по крайней мѣрѣ, конца XVIII вѣка. Въ области религіозной пытливость печорцевъ не простерлась дальше споровъ между собой и съ миссіонерами о мелкой обрядности, о буквы св. писанія; огромное движеніе народныхъ массъ въ Россіи въ религіозной области въ сторону раціонализма всё-вѣмъ не коснулось печорцевъ, осталось для нихъ непонятнымъ и чуждымъ*). Даже въ костюмахъ Печора сохранила парчевые боярскіе наряды, въ центрѣ Россіи хранящіеся только въ музеяхъ. И въ области духа—въ поэзіи, Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ, формахъ, и пробавлялась Богъ вѣсть когда сложенной былиной, неволью приспособ-

---

*) Мнѣ завѣдомо извѣстно, что на Верхнюю Печору, въ Чердынскій уѣздъ, Пермск. губ., проникали въ качествѣ рабочихъ на заводъ Бердышъ не то штурдисты, не то баптисты. Но ихъ не поняли, и они не имѣли успѣха. Про ученіе ихъ одинъ старообрядецъ рассказывалъ мнѣ, какъ о крайней степени нравственнаго паденія, чуть не безумія.

собляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и, по своему, многое въ ней понимая. Печорецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже не задается вопросомъ— правда-ли все то, о чемъ поется въ старинахъ? Для большинства все удивительное и необыкновенное въ старинахъ вполне допустимо. Да и безъ вѣры въ чудесное, необыкновенное, о чемъ рассказываютъ старины, онѣ конечно потеряли-бы всякій интересъ и, м. б. давно забылись-бы. Нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вниманіемъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно нравящіеся имъ мѣста, объясняютъ по своему темныя или совсѣмъ непонятныя. Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ, впрочемъ, и не представляется чѣмъ-то особеннымъ. Этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь, міръ, его окружающій полонъ чудесъ и необъяснимостей: въ рѣкахъ и особенно озерахъ обитаютъ водяные, въ лѣсу—лѣшіе, въ собственномъ дому, за печкой, хозяйничаетъ домовою, вокругъ—оборотни, вѣдьмы, шишки, колдуны, которые—разсерди ихъ—и нынче обратятъ въ гнѣдаго тура.

Для усвоенія сотенъ и тысячъ стиховъ есть благопріятныя условія, это—большой досугъ, являющійся не какъ лѣнь или отсутствіе работы, а большой досугъ даже на самомъ важномъ дѣлѣ. Этотъ досугъ на работѣ невольно является, напр., у усть-цылемовъ на рыбной ловлѣ, производимой два раза въ годъ, лѣтомъ и осенью, причемъ оба раза ловля значительно различается, а въ зависимости отъ этого различается и досугъ. Лѣтомъ усть-цылемы ловятъ семгу, для чего хозяевъ по 20 по 30 и даже больше скопляются на особыхъ мѣстахъ Печоры, „тоняхъ“, гдѣ идетъ вверхъ по рѣкѣ рыба. Ловятъ семгу большимъ неводомъ, причемъ закидываютъ, соблюдая строго очередь, и если ловъ происходитъ на хорошей тонѣ, и собралось положимъ до 50 хозяевъ, то каждый ловецъ, закинувъ неводъ разъ, очереди долженъ ждать, когда закинутъ остальные слѣдующіе за нимъ 49 человекъ. Такимъ образомъ получается

большой промежутокъ совершенно свободнаго времени, и этотъ невольный досугъ у каждаго домохозяина тѣмъ больше, чѣмъ больше на тонѣ народу. Вотъ въ это-то свободное время, достигающее иногда полусутокъ, а иногда даже и больше, и поются старины. Но ловля лѣтомъ семги слишкомъ важное дѣло: отъ величины улова зависитъ весь годъ жизни усть-цылема. Время лова семги поэтому горячее, напряженное, нервное; часто оно сопровождается ссорами, иногда даже драками изъ-за очереди; часто тутъ не до старинъ. Особенно не до старинъ тогда, когда ловля происходитъ на неважной тонѣ и гдѣ, слѣдовательно, ловить немного народу, иногда такъ немного, что свободнаго времени чуть-чуть хватаетъ на отдыхъ. — Совершенно другой характеръ носить ловля рыбы осенью, на такъ называемыхъ *осеновьяхъ*. *Осеновья*—это ловля бѣлой рыбы осенью или вначалѣ зимы на озерахъ. На осеновья уѣзжаютъ обыкновенно артелями въ 6 — 7 — 10 человекъ. Уѣзжаютъ съ запасами провизіи за много верстъ отъ двора, за 100—150 и больше, гдѣ и проводятъ осеннюю распуту, а по первому снѣгу возвращаются домой. День на Печорѣ осенью и особенно зимой очень коротокъ и, проработавъ часовъ 5—6, при наступившей темнотѣ всѣ принуждены на невольный отдыхъ. Работы кончаютъ въ 5, въ 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чемъ, дѣлиться не чѣмъ; всѣ знаютъ о каждомъ порознь всю подноготную. Вотъ тутъ-то и выступаютъ на сцену сказочники и старинщики, которыхъ, говорили мнѣ, нарочно старается, всѣми мѣрами залучить въ артель составляющій ее староста. Въ хорошемъ старинщикѣ на осеновѣ такая потребность, что старинщики пользуются нѣкоторыми преимуществами въ совершенно равноправной артели, гдѣ и староста, хлопотами котораго артель собирается, а иногда и держится, имѣетъ только нравственное, а не матеріальное преимущество; старинщики-же въ артели, повторяю, пользуются и послѣднимъ. Старинщику, напр., не поручаютъ особенно трудную часть работы, и они дѣлаютъ въ артели то,

что обыкновенно исполняютъ малолѣтніе и подростки, если таковыя есть въ артели, пользующіеся однако совершенно одинаковымъ паемъ съ остальными членами артели; при раздѣлѣ добычи старинщику, особенно угодившему своими стараніями артели, возможно, что дается и до нѣкоторой степени лучшая часть добычи; объ частыхъ угощеніяхъ старинщиковъ особенными любителями старинъ въ артели я уже не говорю: старинщика возможно чаще стараются угостить „алабышами“, а алабыши старинщику, не въ примѣръ прочимъ, особенно жирно мажутъ масломъ, чтобы голосъ былъ звонче и катился масляниѣе, а старинщикъ охотнѣе и лучше пѣлъ старины.

Къ этому можно добавить, что и вообще старинщики пользуются на Низовой Печорѣ уваженіемъ среди сельчанъ; ихъ считаютъ особенно развитыми, надѣленными какой то особенной способностью, даромъ, которымъ, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: „о, онъ сказитель!“ служитъ большой похвалой. И только „молодяжникъ“ въ большихъ центрахъ, напр., въ Усть-Цыльмѣ, похожей больше на городъ, относится иногда какъ бы скептически къ старинщикамъ. Но скептицизмъ этотъ въ данномъ случаѣ особенный, не искренній, и зависитъ, во 1-хъ, просто отъ свойства русскаго человѣка надъ всѣмъ слегка посмѣяться, особенно когда дѣло происходитъ въ компаніи, а во 2-хъ, тутъ, пожалуй, сказывается зависть, къ заработку и угощеніямъ, которые получали отъ меня старинщики за свою работу, а также зависть и къ исключительному вниманію къ старинщикамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка. Что нѣсколько насмѣшливое отношеніе къ старинщикамъ отъ молодежи не искренне даже и въ Усть-Цыльмѣ, видно хотя бы изъ того уже, что въ той же Усть-Цыльмѣ мнѣ предлагали пѣть старины два молодые парня, желая заработать на „половинчикъ“. Вездѣ по другимъ всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непременно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору. Правда эта слава не всегда совпадаетъ съ

дѣйствительною цѣнностью старинщика, и мнѣ не разъ приходилось разочаровываться въ старинщикахъ, о которыхъ наговорено было слишкомъ уже много. Но какъ бы то ни было, подѣзжая зимой по тайболѣ къ Усть-Цыльмѣ я еще за три станціи отъ нея занесъ въ записную книжку имена нѣсколькихъ извѣстныхъ сказителей, а въ томъ числѣ и И. И. Горенку, хотя деревня, гдѣ онъ живетъ, была отъ станціи по крайней мѣрѣ въ 250 верстахъ. Стоитъ пріѣхать только даже въ такое огромное село какъ Усть-Цыльма, какъ почти первый встрѣченный расскажетъ вамъ, кто постъ въ селѣ старины. Поэтому мнѣ мало понятно—какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слыхали о старинахъ. Если путешественники позапрошлаго столѣтія академики Лепехинъ и Озерецковскій и путешественникъ 40 годовъ XIX вѣка В. Н. Латкинъ, какъ ѣздившій на Печору не съ этнографическими цѣлями, могли еще не спросить про старины, то ужъ совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ о старинахъ не слыхали этнографы—С. В. Максимовъ и Ѳ. М. Истомина, и особенно послѣдній, даже сознательно интересовавшійся былинами на Печорѣ*). Неуспѣхъ г. Истомина можно объяснить развѣ только, такъ сказать, методомъ его изслѣдованій: „желаніе ознакомиться съ возможно большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ, — писалъ онъ, — вынуждало меня почти все время тратить на разъѣзды... Болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ столь необходимыхъ для полнаго этнографическаго изслѣдованія края, въ особенности для составленія значительнаго собранія памятниковъ народнаго творчества, такихъ остановокъ въ нынѣшнюю поѣздку на долю мою почти не выпадало“.

Много значить, конечно, и личное умѣнье каждаго изслѣдователя входить въ сношенія съ народомъ;

---

*) «Однимъ изъ крайне интересовавшихъ меня вопросовъ въ нынѣшнюю поѣздку, былъ вопросъ о былинахъ. Названныхъ въ прошломъ году знатоковъ я вторично не засталъ дома, а разпросы мои о старинахъ, которыя они знаютъ убѣдили меня *что это не былины*, а рассказы и записи объ устьцылемской старинѣ... Дальнѣйшіе мои поиски былины не увѣнчались успѣхомъ». «Предвар. отчетъ о поѣзд. на Печору», стр. 3.

огромное значеніе имѣеть и тотъ методъ, съ какимъ приступать къ распросамъ о старинахъ, особенно среди старообрядцевъ. А между прочимъ, онъ такъ простъ и еще 30 лѣтъ тому назадъ изложенъ въ двухъ словахъ А. Θ. Гильфердингомъ: „Программа на случай встрѣчи со старообрядцами, говоритъ Гильфердингъ, *) была у меня готова: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, а когда зайдегъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ“.

Большой новостью мои открытія десятковъ былинь на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть цѣлыхъ два — дѣйствительныхъ члена Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинь на Печорѣ, не подозрѣвалъ потому, конечно, что работая годы, иногда десятки лѣтъ среди народа, просвѣщая, уча, руководя имъ, эта интеллигенція очень повинна именно въ неисполненіи вышевыписанной программы Гильфердинга; служба десятки лѣтъ народу, интеллигенція эта, къ сожалѣнію, въ большинствѣ совершенно чужда народу; это какія-то двѣ отдѣльныя націи, другъ другу чуждыя, другъ друга совсѣмъ не понимающія, если только не враждующія. Такъ и живутъ, обыкновенно, выказывая, съ одной стороны, — недостижимое превосходство и иногда прямое презрѣніе, съ другой, — приниженность изъ сознанія безсилія и пугливую скрытность...

Въ извѣстности старинщиковъ на всей Печорѣ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что старины поются главнымъ образомъ на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ скопляются иногда представители чуть-ли не всей волости. Извѣстность старинщиковъ на Печорѣ, впрочемъ, и не предста-

*) «Сборникъ II Отд. II. Ак. Наукъ», т. 59 стр. 12.

влететь чего-то особеннаго: нечего удивляться тому, что какого нибудь хорошаго сказителя знаютъ на Печорѣ, если собиратель „Бѣломорскихъ былинъ“ г. Марковъ, бывшій въ Зимней Золотицѣ, записалъ имена и фамильи особенно извѣстныхъ старинщиковъ на Мезени.

Относительно того, гдѣ старины больше сохранились—въ глухихъ-ли деревняхъ или въ селеніяхъ многолюдныхъ, казалось - бы, можно утвердительно сказать, что въ глухихъ мѣстахъ. Однако это не совсѣмъ такъ. Маленькія глухія деревушки, вдали отъ центровъ жизни, съ ихъ культурными нововведеніями, школами и пр., конечно, имѣютъ больше шансовъ для сохраненія старинъ, но это только говоря вообще. Въ частности-же можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдѣльное маленькое глухое селеніе, и живутъ-ли въ немъ старики. Если селеніе старинное, и въ немъ живутъ старики, навѣрное можно сказать, что въ немъ поютъ и старины, и что среди молодого поколѣнія есть будущіе старинщики; но если глухое селеніе—недавній выселокъ, старинщиковъ въ немъ обыкновенно не бываетъ; но это опять-таки въ томъ только случаѣ, если на новое мѣсто не выселились и старики. Такъ что, установя общее правило, что въ молодыхъ поселкахъ старинщиковъ нѣтъ, въ видѣ исключенія можно наткнуться на такой выселокъ, образовавшійся, можно сказать, вчера, а въ немъ живетъ прекрасный старинщикъ. Теперь возьмемъ центръ низовой Печоры—Усть-Цыльму. Это совсѣмъ почти городъ: двѣ церкви, двѣ школы, полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податнаго инспектора и пр.; въ ней всегда много прїѣзжихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественныя игры молодежи на улицахъ—вообще всѣ условія, способствующія быстрѣйшему вымиранию и полному забвенію усть-цылемами старинъ. И однако это не такъ: въ Усть-Цыльмѣ я записалъ старины отъ 9 человекъ, а на самомъ дѣлѣ старинщиковъ тамъ и еще больше,

Почему это? Причина та, что живущіе почти въ городѣ усть-цылемы поголовно всѣ, такъ-же, какъ и жители всѣхъ самыхъ маленькихъ и глухихъ селеній, заняты рыбной ловлей, являющейся для нихъ пока преобладающимъ промысломъ. И если Усть-Цыльма преобразуется въ настоящий городъ, усть-цылемы обратятся въ мѣщанъ, старины въ ней все будутъ держаться, какъ напр., въ городѣ Мезени, и удержатся онѣ до тѣхъ поръ, пока усть-цылемы съ рыбной ловли не перейдутъ на какое нибудь другое домашнее дѣло. Такъ сказать бюрократичность Усть-Цыльмы, можно сказать совсѣмъ пока не отвлекаетъ ея жителей отъ ихъ исконнаго дѣла; даже женская прислуга у чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ почти поголовно не мѣстная, а отчасти съ Ижмы, отчасти съ Мезени, а то и изъ Архангельска.

Несомнѣнно только одно, что населенность, бойкость и обиліе чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ ведетъ къ тому, что усть-цылемки-женщины уже не знаютъ старинъ. Въ самой Усть-Цыльмѣ отъ женщинъ мнѣ не пришлось записать ни одной старины, и только двѣ женщины пѣли мнѣ стихи. Совсѣмъ не то, напр. на рѣкѣ Пижемѣ, гдѣ изъ 7 пѣвшихъ мнѣ лицъ четыре были женщины. И этому объясненіе одно: усть-цылемы почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ. Дома имъ есть *идь* и *какъ* провести время: лѣтомъ, во время приѣзда чердынцевъ, каждый день горка, тутъ-же гдѣ нибудь игра въ мячъ, въ которой принимаютъ участіе и взрослые; играютъ также въ городки, борются, часто происходятъ драки, что тоже привлекаетъ много зрителей. Все это ведетъ къ тому, что дома, въ селѣ, нѣтъ ни времени, ни охоты пѣть старины, а дѣвицамъ не у кого старинамъ учиться. Да если-бы старики дома и пѣли старины, всякая дѣвушка, конечно, предпочла-бы пѣнію стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсенъ, игръ и пр. На рыболовныхъ-же тоняхъ, гдѣ главнымъ образомъ поются старины, усть-цылемки не бываютъ. Совсѣмъ не то въ глухихъ деревняхъ, напр. на рѣкѣ Пижемѣ. Тамъ есть деревни въ 4—5—10

дворовъ, расположенныя на крутомъ берегу рѣки. Нѣтъ тамъ ни хороводовъ, ни горокъ, ни нгръ, такъ какъ ко всему этому располагаетъ, и все это возможно только при большомъ количествѣ молодежи; а на Пижмѣ въ деревняхъ часто бываетъ, что есть въ одной деревнѣ дѣвушки, а парней нѣтъ: частью переженлись, частью въ солдаты ушли, а то еще не подросли. Или такъ случается: въ деревнѣ 2—3 парня и одна дѣвушка—какой-же тутъ хоровадь! Нечего дѣлать, не на что смотрѣть въ свободное время и старикамъ, и вотъ они собираются въ одну избу и поютъ старины, вся деревня слушаетъ, а болѣе воспримчивые, какъ парни, такъ и дѣвицы, перенимаютъ. Вотъ почему нѣтъ старинщицъ въ бойкомъ и огромномъ селѣ Усть-Цыльмѣ и есть они въ маленькихъ и глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ селѣ Бугаевѣ я уже опять нашелъ старинщицу, но все-же въ селеніяхъ Усть-Цыльмской волости, расположенныхъ по Печорѣ, женщины знаютъ гораздо меньше старины, чѣмъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ Пустозерской волости женщины знаютъ старины мало, но все-же мнѣ пришлось встрѣтить лично трехъ старинщицъ и объ одной замѣчательной старинщицѣ (въ с. Куѣ) слышать. Незнаніе пустозерками старинъ, я думаю, зависитъ отъ того, что положеніе женщины въ Пустозерской волости рѣзко отличается отъ того-же въ Усть-Цылемской, гдѣ женщина совсѣмъ чувствуетъ себя свободной *). Не то въ Пустозерской волости. Собираясь въ гости въ какойнибудь домъ, женщины-пустозерки всегда держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, если есть отдѣльная изба, сидятъ въ ней, если нѣтъ, стараются помѣститься хоть въ особой комнатѣ **)—условія для заучиванія старинъ, конечно, неблагоприятныя.

Заучиваются старины, вообще говоря, въ дѣтскомъ

*) „Живая Старина“ вып. 3—4 за 1901 г. См. мою статью: „О расколѣ на Низовой Печорѣ“.

**) Это строгое разобщеніе половъ, можетъ быть, еще одинъ лишній признакъ того, что пустозеры—потомки московскихъ служилыхъ людей. Древняя Русь, правы которой долѣе всѣхъ носилъ Новгородъ, едвали знала то, что явилось послѣ татарскаго ига въ Москвѣ.

или юношескомъ возрастѣ, когда уметвенная воспримчивость гораздо сильнѣе, но изъ этого общаго правила естьразительныяисключенія. Приведу примѣры: старинщикъ Петръ Поздѣевъ, спѣвшій мнѣ старинъ больше, чѣмъ кто либо, такъ заинтересовался моей работой, что приходилъ ко мнѣ и тогда, когда старинны пѣли другіе. Однажды у меня пѣлъ Д. Дуркинъ старину о Лукѣ и змѣѣ, а Петръ Поздѣевъ былъ тутъ, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной черезъ нѣсколько дней, онъ со смѣхомъ заявилъ мнѣ, не хочули я отъ него прослушать новую старину „о Лукѣ и змѣѣ“. Оказывается, что онъ, прослушавши разъ, запомнилъ старину, а когда ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, попробовалъ спѣть и спѣлъ всю отъ начала до конца. П. Поздѣеву 65 лѣтъ! Когда я былъ въ деревнѣ Чуркиной на Пижмѣ, ямщикъ мой указалъ мнѣ на Петра Агѣева, знающаго какую-то очень ужъ складную старину, такую, какую ямщикъ не слыхалъ больше нигдѣ. Пошелъ я къ Агѣеву и попросилъ спѣть. Тотъ долго отпѣкивался, а потомъ, когда согласился, сказалъ, что старину онъ не поетъ, а „читаетъ, какъ по книжкѣ“. Дѣлать нечего, я согласился и на это. Тогда Агѣевъ взялъ деревянную покрывку съ горшка, легъ на кровать и, глядя въ покрывку, какъ въ книжку, безъ запинки отбарабанилъ мнѣ лермонтовскую пѣсню про купца Калашникова. Онъ зналъ ее такъ твердо, что заинтересовалъ одного священника, тотъ слѣдилъ за нимъ по книгѣ и не нашелъ ни одного пропуска. Пѣсню 40—45 лѣтній Агѣевъ запомнилъ недавно, когда его грамотный братъ, солдатъ, читалъ раза два по книжкѣ.

Поются старинны на Печорѣ многими, но учатся старинѣ не отъ многихъ, а только отъ лучшихъ пѣвцовъ. На Пижмѣ, напр., всѣ, пѣвшіе мнѣ старинны, ссылались или на Васю Малаго (д. Аврамовская) или на умершую уже тетку Катю. Иногда этотъ знатокъ старинъ служить учителемъ цѣлаго поколѣнія и цѣлой кучки деревень, не связанныхъ между собою никакимъ родствомъ. Передаются старинны, такъ сказать, и по наслѣдству, отъ отца, дѣда и пр., и, въ свою

очередь, нынѣшніе старинщики передаютъ старины своимъ дѣтямъ. Такъ у Петра Поздѣва старинщикомъ былъ отецъ и вотъ изъ четырехъ его сыновей двое—Петръ и Семень поютъ старины. У Петра Поздѣва есть дѣти, изъ которыхъ сынъ Иванъ, служащій сельскимъ писаремъ, знаетъ старины. У Григорія Чупрова, по его словамъ, отецъ былъ замѣчательный старинщикъ, а сынъ Григорія, 15 лѣтній подростокъ Иванъ, грамотный, и, можетъ быть, будущій начетчикъ, знаетъ много сказокъ, интересуется и старинами, но не заучиваетъ ихъ, предпочитая читать по книгамъ. Сынъ Димитрія Дуркина перенялъ нѣкоторыя отцовскія старины.

Относительно того—падаетъ-ли былинная поэзія на Печорѣ?—можно сказать утвердительно: да, падаетъ. Еще и теперь печорская рѣчь такъ сказать пропитана старинами, и выраженія изъ нихъ, ввидѣ поговорокъ и пословицъ, можно слышать постоянно. Вотъ на улицѣ разговариваютъ парни о своихъ дѣлахъ, и одинъ изъ нихъ говоритъ: „Поди-ко съ нимъ свяжись: онъ схватитъ за руку—рука прочь, схватитъ за ногу—нога долой“. А вотъ на сельскомъ сходѣ, когда нужно было высказаться о чемъ-то, а всѣ молчали, одинъ мужичекъ сказалъ: „у насъ, когда дѣла коснется—меньшій хоронится за средняго, средній за большого, а и отъ большого отвѣту нѣтъ“.— „Ты дари намъ чо-ли—сказалъ одинъ усть-цылемъ мѣстному богачу, который просилъ услужить,—дари намъ, такъ мы тебѣ будемъ помогать“, а тутъ-же бывшая его жена добавила: „Кунью шубу въ пятьсотъ рублей“. Даже маленькій сынишка священника часто говоритъ: А пойду я, мама, „вонъ на улицу“. Недавно еще составлялись и распѣвались цѣлыя пародіи старинъ, гдѣ дѣйствующими лицами выставлялись мѣстные крестьяне.

И все-таки старинная поэзія на Печорѣ падаетъ не смотря на все это. Объ этомъ говорятъ въ одинъ голосъ уже сами старинщики. Какъ только станешь спрашивать про старины, такъ всѣ и говорятъ: „Вотъ прѣхаль-бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ

живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ-бы напѣлъ! А мы што”...

О паденіи былинной поэзіи говорятъ и мои личныя наблюденія. Есть еще и теперь прекрасныя старинщики и старинщицы (Авдотья Чуркина, Анисимъ Вокуевъ, Степанъ Хабаровъ, Павелъ Марковъ), но и они уже отчасти устарѣли, а отчасти, можетъ быть, не встрѣчая прежняго сочувствія и прежняго спроса на свое искусство, много забыли; Чуркина много уже путаешь, а двѣ старины спѣла совсѣмъ плохо. О большинствѣ-же нечего и говорить: путають, перевирають, извращають старины сильно. Таковъ, напри- мѣръ, хотя-бы спѣвшій мнѣ больше всѣхъ Петръ Поздѣевъ. Всѣ старины онъ поетъ однимъ „ясакомъ” (напѣвъ), что хорошій былинщикъ никогда не позволить, да и не сумѣетъ; все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ даже и князя Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ старины вноситъ однообразныя факты, фразы и цѣлыя дѣйствія, и не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Усть-Цыльмѣ рѣчи. Болѣе древнія старины знаютъ плохо: такъ про Вольгу я записалъ только отрывокъ, про Святогора, никто не сумѣлъ мнѣ спѣть. У многихъ старинъ не знаютъ нынчѣ конца, нѣкоторыя старины поютъ не сначала. Такъ, записывая Ваську Игнатьева, я только на третій разъ записалъ и конецъ; конецъ Данилы Староильевича я записалъ въ 4-й разъ; Бутмана Колыбановича, записавъ четыре раза, я такъ и не записалъ всего; Скопина въ Усть-Цылемской волости, мнѣ долго не могли спѣть сначала, всѣ начинали:

„Много Скопинъ по землямъ бывалъ,
Много Скопинъ городовъ видалъ”...

То-есть, начинали съ середины рѣчи Скопина на пирѣ у князя. То, что всѣ старинщики Усть-Цылемской волости начинать старину непременно съ этихъ словъ, показываетъ, что старина заучена отъ одного

усть-цылема, въ свою очередь, слышавшаго старину гдѣ-нибудь не сначала.

Итакъ былинная поэзія на Печорѣ, несомнѣнно, падаетъ и падать будетъ все больше больше съ каждымъ годомъ, такъ какъ съ каждымъ, можно сказать, годомъ развивается промышленно низовая Печора. По Печорѣ ходятъ теперь пароходы; Въ Усть-Цыльмѣ теперь телеграфъ и почта, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы и морскіе пароходы. Три года, уже какъ на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки за границу; около устьевъ Печоры построили они лѣсопильный заводъ, занимающій много рабочихъ рукъ. Выросъ другой такой-же заводъ въ то лѣто, когда я былъ на Печорѣ, а на р. Ухтѣ, притокѣ Ижмы, говорятъ, шли подготовительныя работы для добычи давно извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые съ занятіемъ, въ качествѣ рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ будутъ привлекать и полчища „бродячей руси“ изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалитъ старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнутъ и былины. И Печора имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы съ развитіемъ на ней промышленности скоро перенять чужое и совсѣмъ обезличиться: у ней нѣтъ поддерживающаго старину элемента—на Печорѣ земледѣліе почти не имѣетъ значенія, и промыслы здѣсь, — единственный хлѣбъ насущный. Получится то-же, что я наблюдалъ напримѣръ, на р. Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ постройки перваго въ уѣздѣ—Кутимскаго горнаго завода, населеніе совершенно измѣнило свой характеръ и изъ нѣскольکو грубоватыхъ, но строго честныхъ, съ патріархальными нравами лѣсныхъ и рыбныхъ промышленниковъ превратилось въ дерзкихъ и наглыхъ подсобныхъ рабочихъ горнаго завода и спилось. Можетъ быть, это и неизбѣжно, какъ одна изъ стадій промышленнаго роста страны, но это грустно.

V.

Долженъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу настоящей книги. Какія былины на Печорѣ сохранились? Въ какомъ видѣ онѣ сохранись? Вотъ тѣ два вопроса, которые были мной поставлены, когда я приступалъ къ записыванію печорскихъ былинъ. Для этого я рѣшилъ, такъ сказать, переписать по содержанію всѣ обращающіяся на Печорѣ былины и по одному разу хотя-бы и такія, которыя уже извѣстны въ массѣ пересказовъ, записывая малоизвѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя въ большемъ количествѣ разнорѣчій. Намѣреваясь переписать всѣ печорскія былины, я руководился тѣмъ, что былины у насъ—родъ народнаго творчества, наиболѣе быстро исчезающій изъ народнаго обихода и сохраненіе ихъ по отдѣльнымъ областямъ, какою несомнѣнно является Печора, вслѣдствіе ея полной почти изолированности отъ остальной Россіи, во всякомъ случаѣ, интересно. Въ былинахъ, извѣстныхъ въ десяткахъ пересказовъ, въ этомъ глухомъ краю я думалъ найти такіе эпизоды, штрихи, намеки, какихъ нѣтъ еще въ уже существующихъ сборникахъ былинъ, а вѣдь и самыя незначительныя намеки очень иногда цѣнны при изученіи былинъ. И я не ошибся: даже въ извѣстнѣйшей былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ я записалъ на Печорѣ нѣчто такое, чего нѣтъ пока еще въ извѣстныхъ о немъ былинахъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ пришлось записать не мало былинъ, гораздо худшаго качества, чѣмъ таковыя-же въ сборникахъ Гильфердинга. не говоря уже о классическомъ Киршѣ. Но если принять во вниманіе, что отъ записей былинъ «Сборника Кирши Данилова» насъ отдѣляетъ, по крайнѣй мѣрѣ, полтора ста лѣтъ, а отъ времени, когда записывалъ А. Θ. Гильфердингъ все-таки 30 съ лишкомъ, то худшее качество многихъ былинъ будетъ понятно.

У приѣма записывать старины все впередъ и впередъ по содержанію были конечно, и свои недостатки: мнѣ не пришлось вначалѣ разбирать качество пѣвцовъ, а затѣмъ, когда большая часть былевого обихода низовой Печоры была уже записана, иногда у лучшихъ старинщиковъ, за

неимѣнемъ времени мнѣ пришлось записывать только то, чего у меня пока еще не было, хотя-бы старины, уже записанныя у меня, эти послѣдніе старинщики и знали лучше. Задачу: какія старины существуютъ на Печорѣ, сдаетъ, я выполнялъ. Мнѣ хотя и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старинщиковъ, но и тѣ 25 лицъ, отъ которыхъ я записывалъ старины, нужно думать, знаютъ хотя-бы по наслышкѣ, кто какіе поетъ старины.

Сказителей старинъ, которыхъ мнѣ не пришлось видѣть, я тщательно переписалъ и списокъ ихъ, состоящій изъ 38 лицъ, интересующіеся найдутъ напечатаннымъ въ «Живой Старинѣ» за 1902 г. 3—4 вып. стр. 367—368 или въ отдѣльномъ оттискѣ моей статьи «Былинная поэзія на Печорѣ» стр. 10—11.

Долженъ сказать, что былины этого сборника за №№ 19, 24, 26, 28, 45, 47 и 57, составляющія записи, сдѣланныя во время моей первой поѣздки на Печору, были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. язык. и слов. Академіи Наукъ» за 1902 г. т. VII, кн. 3, а №№ 14, 34, 41, 43, 51, 66, 79 и 100 въ тѣхъ-же «Извѣстіяхъ» за 1903 г. т. VIII, кн. 3; здѣсь я счелъ ихъ нужнымъ перепечатать, чтобы сборникъ этотъ представилъ весь былевой обиходъ низовой Печоры.

Называя выпускаемую книгу «Печерскіе былины», я, конечно, не причисляю къ былинамъ въ строгомъ смыслѣ вошедшія въ сборникъ и называемыя на Печорѣ «старинками» и «былинками»—историческія пѣсни и пѣсни былевья, но я думаю, что не такъ ужъ важно, если присутствіе ихъ въ книгѣ и не отразится на ея заглавіи, которое иначе пришлось бы очень удлинить. Кромѣ того историческія и былевья пѣсни составляютъ очень незначительную часть сборника, между тѣмъ присутствіе ихъ въ книгѣ дастъ читателю сразу представленіе о томъ, что нашелъ я на низовой Печорѣ въ отношеніи эпоса.

Н. Ончуковъ.

Замѣтки о языкѣ „печорскихъ былинь“.

Я читалъ корректуры былинь, записанныхъ на Печорѣ Н. Е. Ончуковымъ, съ цѣлью познакомиться съ тѣмъ живымъ языкомъ, на которомъ они поются. Хотя авторъ записей прилагалъ всѣ усилія, чтобы передать точно звуки живой рѣчи — какъ это слѣдуетъ дѣлать при записи всякихъ произведеній народной словесности — тѣмъ не менѣе въ его письмѣ, какъ въ орѳографіи всякаго образованнаго человѣка, есть такія стороны, которыя должны возбудить у читателя-филолога вопросъ: что значитъ это написание? произношеніе или орѳографическое начертаніе? нѣтъ ли тутъ ошибки (описки или опечатки) и дѣйствительно-ли такъ говорятъ? Я находился въ исключительно выгодномъ положеніи: имѣлъ возможность получать разъясненія на подобные вопросы отъ самого Н. Е. Ончукова, который многое помнилъ и многое отмѣчалъ въ своихъ черновыхъ записяхъ подчеркиваніемъ. Въ этомъ и заключается смыслъ моего участія въ настоящемъ изданіи.

Я выписалъ и сгруппировалъ примѣры особенностей языка (сколько успѣлъ отмѣтить во время печатанія книги по корректурамъ всего текста), чтобы дать первое представленіе о говорѣ пѣвцовъ. Примѣры взяты такіе, которые привлекли мое вниманіе: или типическіе или казавшіеся мнѣ болѣе всего важными. Тѣмъ лицамъ, которыя пожелали-бы болѣе подробно изучить языкъ записанныхъ Н. Е. Ончуковымъ былинь, я могу рекомендовать его книгу, какъ трудъ исполненный очень внимательно и добросовѣстно. При этомъ я не отношу на счетъ записыванія или записывателя немногихъ темныхъ или прямо искаженныхъ мѣстъ въ «печорскихъ былинахъ», считая небольшую порчу текста, переходящаго изъ устъ въ уста въ теченіе долгаго времени, вполне естественнымъ явленіемъ.

Въ былинахъ нерѣдки случаи употребленія рядомъ двухъ разныхъ формъ одного и того же слова. Это не нужно считать неточностью. Собиратель былинъ указываетъ на подобные варианты, какъ на сознательный стилистическій приемъ: мы съ своей стороны считаемъ это наблюдение интереснымъ и важнымъ.

Оговоримъ предварительно случаи, въ которыхъ Н. Е. Ончуковъ не передавалъ произношенія, сохраняя принятую орфографію: это сочетаніе ж и ш съ и (жирь, шить и подобн.), ч съ а и у (часто, Чурило), сохраненіе звонкихъ согласныхъ передъ глухими и въ концѣ словъ (лавка, дубъ), употребленіе лишнихъ буквъ азбуки (ъ, ь, ѣ, і, ѳ) и нѣкот. др.

Цифра при словахъ означаетъ страницу текста. Когда уже вся моя работа была исполнена, оказалось, что съ 276 страницы послѣдняя корректура переверстывалась: поэтому у меня должны встрѣтиться нѣкоторыя неточности въ обозначеніи страницъ, которыя отмѣчались по пред-послѣднимъ листамъ.

Звукъ *a* вмѣсто *o* находимъ въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ: 1) калпакъ 38 (и: колпакъ 289), валовъ 211, Авдотей 166 при Овдотью 168; 2) послѣ *ж*, *ш* на мѣстѣ *e*: пшаной 104, жанихъ 193, жаню 362, жалѣзныи 182 (и: залѣзную *) 117), жаребъци 109, жаребъцей 107, жамчюгомъ 153 (и: замчугъ *) 184, несчатнымъ 382, ключавоей 320, причятниковъ 374, также и *o*: жоной 294, жонѣ 276, жоребятъ 311, жониха 272.

Чередованіе *a* и *o* въ глаголахъ типа клонить—кланять очень рѣдки: покланяется 242. Обыкновенно *a* вытѣснено звукомъ *o*.

Особые случаи: камянной 97, мѣдвѣдѣмъ 173, сѣрцо (сердце) 340.

Любопытно, что нѣкоторыя пѣвцы акаютъ въ пѣніи, напр. Дитятевъ (стр. 312), Поздѣевъ (165, 171 и мн. др. страницы) и иные. Ср. предисловіе стр. XVIII и др. Н. Е. Ончуковъ замѣтилъ однажды, что печорскіе старообрядцы и при богослуженіи нѣкоторыя слова поютъ на *a*.

*) А послѣ *з*, вѣроятно, явилось по вліянію первыхъ формъ съ *ж*.

Звукъ *о* видимъ во многихъ, преимущественно заимствованныхъ словахъ, на мѣстѣ ореографическаго *а*: Ондронъ 310, Онтоньева монастыря 346, Гогаринъ 400, колачикъ 187, колачѣмъ 265, Тороканъ (соб. имя) 144, робота (обыкновенно), кормана 79,—ъ 256, софьянъ 152, тотариновъ 55, понафиду 208, кобаки 64, у ножа припои серебряны 335, шолыга 336, пою 379; на мѣстѣ *е* въ словѣ два 108, доржитъ 297; послѣ *ж*, *ш*, *ч*, мягкихъ согласныхъ и *ј* на мѣстѣ *е*: можоть 112, 178, дорожоньку 223, жона 362, чоловѣческнмъ 104; ёго 108, чотыри 333. полѣ 97, 107, подорожноѣ 81, синѣѣ, морѣ 359, кóренѣмъ 80, управителѣмъ 213, самовольствуётъ 219, ѣдѣтъ 223 и т. под.; на мѣстѣ *ѣ* въ: вѣдрами 218 (сравни. вѣдрами Покров. у. Владим. губ.), чолуетъ 317.

Особые случаи: Небѣснаго 310, юзолочикъ (узелочикъ) 246. Древнее въ: топерь 367, робята (много случаевъ).

Звукъ *е* часто является на мѣстѣ *а* послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ во всѣхъ положеніяхъ относительно ударенія: езыкъ 25, тежихъ 34, ѣгленетце 39, стрѣлетъ 99, хозеинномъ 85, взель 106, поеса родит. п. 70 и мн. др. т. подобн.

Е на мѣстѣ древняго *ь*: пехнулъ 96.

Е на мѣстѣ *и*: лесицы 332, улечу 339.

Е не фонетическое на мѣстѣ *и* въ не за ни: негдѣ (нигдѣ) 201, не какую я не чую невзгодушку не надъ собой, не надъ хозеинномъ 85 и т. п.; также въ: вѣселнцу 400.

Звукъ *и* является замѣстителемъ древняго *ѣ* въ корнѣ слова только въ нсь 135, поисъ 96, 132, найстисе 370, симью 390, винчи (вѣнцы) 391, одіяло 278; въ окончаніяхъ дательнаго-предложнаго падежа: на цареви-то ходитъ большомъ кабаки 59, въ чистомъ поли 49, во городи 89, ко Почевъ рѣки 70, на вини 74, во сти 102, на гори 166 и мн. др. т. п. Какое *и* въ: на кони 163 и подобн.: древнее или изъ *ѣ* рѣшить трудно.

Въ: одолила 92 и также можетъ быть древнее; срав. дрема долить (Пушкинъ).

И видимъ также на мѣстѣ *е* въ въ мѣстоименіяхъ 1-2-го лица и возвратномъ: миня 211, тибя 211, сибѣ 57, тибѣ 76, 114, нидѣлю 360, въ прилагательныхъ на енькій: хроминькой 53 и т. п., въ существительныхъ на енька: Васинька 76, въ мѣстоименіи *іе* 341, 352. въ глаголахъ перваго спряженія: можыте 54, хвастанте 169, расколыбаите 171 и др.

т. п.; въ словахъ: типерь 376, рибятамъ 214, также на мѣстѣ а послѣ мягкой согласной: десить 159. Всѣ случаи, повидимому, передъ слѣдующей мягкой согласной; передъ твердой у насъ отмѣченъ одинъ случай: тисовую 148 (при: тесовую 276) и мн. др. стран.

Вѣроятно, по смѣшенію префиксовъ: притяжолыя 293, приогромная 311, прибогатую 321, Присвята 345.

И сохраняется въ: поимали 202.

Звукъ *ы* является вмѣсто и въ началѣ словъ: ы на то 92, ы бы пой миня 104, ы ти кони побѣжали 107, ыцэ 106 и подобн. Во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ ы находится послѣ предыдущаго слова, оканчивающагося на гласную и при томъ въ началѣ фразы. Поэтому его никакъ нельзя объяснить сочетаніями, какъ дѣлыя (даль и я), нѣтыще (нѣтъ ище); но, вѣроятно: ы вынута изъ такихъ сочетаній. При томъ подобное произношеніе могло возникнуть только при окончательной потерѣ *j* передъ и.

На мѣстѣ о: солнычны 282; въздымалъ 308 и др.; сысполнилось 341 (ы въ послѣднемъ словѣ изъ он, какъ въ народн.: пымали).

Звукъ *у* на мѣстѣ о: яблуки 212, суреди 317, суредили 317, буярина 390, буѣвую 269.

Ю на мѣстѣ е: очюнь 326.

Согласные звуки. Очень часты случаи мѣны *ц* и *ч* (цоканье и чеканье).

Звукъ *ц* нерѣдко произносится мягко: отця 35, цяра 34, боцьки 60 и мн. др. Наоборотъ, *ч* можно услышать и твердое: чысто полѣ 97, 107. Иногда, повидимому, *ч* въ произношеніи распадается на свои элементы тш: роботшиимъ 117. Тоже бываетъ и съ *ц*: привязетса 311, вырвитса 381. Ж и ш тверды въ говорахъ пѣвцовъ. Щ звучитъ то какъ шч, при чемъ *ч* иногда твердо, то какъ двойное твердое шш: ищэ 52 и др. (читайте: ишчэ), шчо 222 (сравни. що 223), крешшоную 80, тащыте 92. Двойное ж въ говорахъ твердо: возжы, прѣжжжаетъ и подобн. Вмѣсто группы ждж, жж иногда видимъ жд: заѣждяетъ 35, прѣждятъ 164 и подобн. Русское ж: межу 105, промежу 365, прежь 368, пробуждетса 73.

Спорадическіе случаи мѣны согласныхъ: младого (младого) 57, бладь (младъ) 98, бладеня (младеня,

XI.

младенца) 180; охабоцьку 44 и др. (звонкій вмѣсто глухого между двумя гласными, паропокъ 260; ковда 55; дакъ (такъ) 51 и др. (вѣроятно, старое колебаніе между д и т въ этомъ словѣ; сравните великор. да и малоросс. та); зеребчикъ (жеребчикъ) 178; чажолую 242; охвота 375 и др.

Вмѣсто ки видимъ ти въ словахъ: титъ-рыба 310, на трѣхъ подтитышахъ 310.

Мягкое г, судя по произношенію собирателя былинъ, запомнившаго мѣстное произношеніе, повидимому, обращается въ j: Вольію Всеславьевича 332, Вольіина матушка 332, Вольіи Всеславьевичу 332.

Группы согласныхъ. Очень часто сочетаніе дн заимняется нн (50, 59 и мн. др. стран.); отсюда, вѣроятно, гриня (гридня) во многихъ мѣстахъ. Употребленіе рядомъ того и другого рода сочетаній приводитъ къ ихъ смѣшенію, такъ что дн, повидимому, появляется на мѣстѣ древняго нн: * плямядница, откуда здѣшнее племяденка 170.

Околенку 327 указываетъ на диссимилацию звуковъ нн.

На мѣстѣ бм—мм: оммылось 74 и подобн.; вв на мѣстѣ бв: овваживать 249; на мѣстѣ бн—мн: надомно 149; на мѣстѣ мн—вн: вного 51, 210, вногіе 52; на мѣстѣ чн—сн: Путятисну 47, Мнкулисна 116.

Щ на мѣстѣ тч, ч въ окончаніяхъ прилагательныхъ: круписъчатой 74, крупнщатой 187, кирпичаты 65 и др., (ср. кирпичатой 321), ременщатъ 50, 137, ремещатъ 327, 346.

Мѣстоименіе что звучитъ: що 223, шчо 222, чо 111, чѣ 383, штѣ-бы (чтобы) 143, што 289, 351.

Перестановка согласныхъ: гнѣлкою 126.

Твердость согласныхъ: конечнаго губного: церковъ 51, кровь 60, карабъ 53, два голуба 99, голубовъ 99; твердость р: товарищи 67 и др. (часто въ разныхъ формахъ этого слова), причиненъ 204, попрыща 206, заскрыпѣли 217, крыку 288, кричить 324; другіе случаи: воскресѣнская 50, сэрко 289 и др., середъ лѣта 153 (также относится къ «середъ», какъ «задъ» къ «задь»), передѣ (впередѣ) 340, попозадѣ 340, Владымира 289, водыця 290, сыза бобра 295, Давыдъ 309, зори утренны 309, осѣнною ночью 345, княгина (часто), государына 344.

Мягкость согласныхъ: обрюшился (обрушился) 128, 159; лѣжился 43 (мягкость изъ: «слягу», «сляжешь»); борь-

цами, борьцовъ 267; руська 56, морьска вода 210, Подобьскую 242; стольнѣй 53, колокольняго 53 и др. подобн.; тольке 62, Вольгя 331, церквю 342, сильнѣе богатыри 294, карабельную 296, вольнѣй 310, больня 327; назадъ 340.

Въ Пустозерской волости смягчаются сочетанія ка, ко, ку, ху послѣ мягкой согласной: дорожинькя 352, сколькоѣ 292, Васинькю 301, хорошинькѣй 297, десяточкѣмъ 315, звѣркѣмъ 328 (чит.: звѣркѣмъ), березонькѣй 326, черькѣвъ 364, горькя 369, церкѣвныя 345 (чит.: церькѣвныя), прекрасинькѣму 366, маленькѣго 366 и т. п.; даже: Потанюшка 354; верхю 361 (чит.: верьхю), верхъ-ѣтъ 400 (чит.: верьхъ-отъ), верхѣвишша 310 (читайте: верьхѣвишша).

Вставка и пропускъ звуковъ. 1. Часто приставляется j; во Ястрахани 151, на юходъ 36, не ѣгленетце 39 и мн. др., ету 91, екой 112;

в вмѣсто отпавшаго г: восударына 69, восударевой 207, восударевомъ 59, Восподу-Богу 198; въ срединѣ слова между гласными: каравульныя 71.

Этамъ (тамъ) 298; карабель 296, мысль 290, казенью 371, ледина 274; здря 20, заздриль 341, здриль 354, во ѡгробы 327, въ долину 308, пондравились 194, строку 194; конинную 341; сохраненіе старой группы: обвѣщались (объщались) 80, откуда: овѣщайся 279, оввозами 288 (съ ассимиляціей).

Полногласіе: околъ черева 57.

2. Отпаденіе и выпаденіе: ужли 355, Сусъ Христось 355, ны (оны) 398; в въ началѣ словъ: здорожали 50, ставалъ 53, сѣ (все) 89 и др. подобн.; другіе случаи: нынь (часто), почесенъ пиръ 60, овернула туромъ 101; ѣецѣ (ничего) 89, нечо 302, отшанула (отшатнула) 387; кось 289, кресъ 41, ѣсъ 288, чесью, радосью 296, супружесво 293 и др. подобн., здраствуй 299, сонцо 310, расгилатися 327, 351, вѣшво (вѣжество) 332 вѣска (вѣстка) 371.

Удареніе; дадите 80, сидите 23, перекопы 291, перескочу 291, перенесу 291.

Склоненіе существительныхъ. Обращаютъ на себя вниманіе формы: изъ корени 350, пламѣ 106, времѣ 205; бладенеця 323, мѣда 348, ото сну 325, удару род. п. 347; родит. пад. на мѣстѣ дател.-предл.: ко стрѣлы 75, мужъ жены давать 100, по силы 133, во первой вины 126 и др.

т. п.; на конь сяли 315, на камню 303; не въ любѣ 334, къ матерѣ 395; на Василиѣ 353; лѣсы 83; веселышка 305, бо-
яришка 323, ручища, ножища 89 и т. п. правильно по
среднему роду; дружкѣй-товарищевъ 57, друзей 300, мѣ-
сецей 98, купцей 102, отцей 192; ногамъ (ногами) цястить
121: хвастать кони добрыма 114, помѣнелись злачны персни
251; богатырьми 138, съ гусьми, съ лебедьми 149, плецьми,
глазьми 316, буевыма палицьми 181, своима рукамы 221;
вмѣстяхъ 193; вочью, позавочью 292; слезовъ 310.

Собирательныя формы въ значеніи множеств. числа:
увидѣли каменьѣ превысокія 56, сырыя тутъ дубѣ рас-
шаталися 226—единственнаго числа: сыроѣ-то дубѣ рас-
шаталосе, сухоѣ-то пеньѣ поломалосе 288, прутьѣ, лисьѣ
серебренное 327, прутьѣмъ, лисьѣмъ по земли да растилатися
327, не нашли то луды, нынѣ не каменья 360.

Прилагательныя: на конюшенѣ дворъ 112, добра
коня 34, добру коню 34; имен. ед. на ой, ей: удалой 287,
турей 74 и т. п.; родител. падежъ на ого, аго: лютого 35,
змѣинога 35, виноватого 35, сердечного 35, добраго 75, ходя-
чаго 75, средняго 52 и подоб.; рядомъ на ово, ова: турец-
ково 212, сладкова 74; по смѣшенію окончаній съ согласными
г и в получилось: бѣлоярого 190 вм. бѣлоярово, Светого-
рого 332 вм. Светогорова; отъ земли отъ невѣрныя 190,
ноги правыя 241; дружинишку хороброю 386, отъ великою
хмелинки 392; кошочки подводной 51, сбруи лошадиной 74,
къ заставѣ великойей 84, кобылой водовозной 101 и др.
подобн. формы на оей вм. ей;

именит.-винит. множ. на быя, быи, бые: столики дубо-
выя 253, голи кабацкія 257, двери подвальнія 258, сходенки
дубовыя 266, якоря карабельнія 266, уста сахарныи 276,
перины пуховыи 276, очи ясныи 278, горы высокіи 281,
степи Сарочинскіи 281, моря синіи 281, сады зеленыи 282,
могучіе плеча 267, сапожки софьянныя 277, и мн. др. т. п.;
сильни заставы 223, сильни богатыри 340, людей робочинхъ
53, ко теремамъ высокіемъ 322, горючими слезми 358 часто
формы творитель наго множественнаго на има; съ новыма го-
родами 97, многима народами 112 и т. п., съ хорошимя людьми
397, купецъ богатыя 50, отецъ духовныя 50, король литов-
скій 169 и подоб.

Христовому 302, Скопинова матушка 322, государевому
366, войскому 273.

Стяженные формы: во ножны, во ручны (желѣза), во запечныи 351, харчево и годово, нашо денежно (жалованье) 400.

Сравнительная стель на яе: чудные 275.

Склоненіе мѣстоименій и числительныхъ представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ особенностей: у мя 48, у тя 48, у ся 90; тѣ (тебѣ) 91, сѣ (себѣ) 261, минѣ (миѣ) 103; еѣ род. п. 49, ей (еѣ) 68, собя 250, ю вин. п. 136, нѣтъ ею краше 115 (здѣсь вин. п. вмѣсто родительнаго); кимъ 97, чимъ 114, затимъ 79; этѣ 220, 223, этоя 178, ты бояра 115, ти монастыри 80, тихъ 102, вси стороны 87; сѣ имá 91, со всимá 188, сумками своимя 203; не пропей своя (своего) разума 163, мою (моему) горюшку 184; обѣма руки 74; трюхъ сажень 134; третей прутикъ 248, третье 261. Полтретьяста 363. Стяженіе въ: тако 194, котора 225. Мнѣ-кова 313, мнѣ-ка-ва 320, 347.

Глаголы. Замѣчательны формы: берекчи, стеекчи 140; искати 282; лежилса 341, легѣшь (ляжешь) 56, сѣкѣтъ 337; увидяль 161; читить (читаетъ) 345, сочтятъ 212; подѣте-ко 220, положтетко 357; сидячи 113; отрехнувше 281; чѣловаль (цѣловываль) 219, выплюивать 335; сяли (сѣли) 315; сѣду (сяду) 334; нагониль 339.

Часто стяженіе гласныхъ: знашь 72, имѣшь 57, шатать 53, сдѣламъ 51 и т. п.

Возвратн. залогъ на ся, се, са, сѣ: иматисе 83, сошолса 89, оправитсѣ 92 и подоб.

Сохранились старыя сложныя формы прошедшаго времени: Да е винныя цѣры да мнѣ доносили 48, прошло е 98, видѣли э, е 105, было ѣ 181 и др. подобн.; Онѣ тащиль его бы скоро вонѣ на улицу, Онѣ вытаскиваль бы скоро на круто крыльцо 132 и подобн. Это бы проникло и въ формы настоящаго времени: Какѣ становятъ бы нонѣ скоро дубовой столѣ, Какѣ на столѣ бы носятъ всяки кушанья 135 и т. п.

Формы совершеннаго вида въ значеніи продолженнаго дѣйствія: купиль 304, откинетъ 325, скажотъ 365 и др. т. п.

Членъ имѣетъ формы: отѣ (пирѣ-отѣ 52, столѣ-отѣ 52 и т. п.), та, ту (княгину-ту 46), то (жилѣ-то 58, говоритѣ-то 58 и т. п.), ты (столы-ты 113), ти (болота-ти 170, ворота-ти 182), тѣ (всѣ-тѣ сходенки дубовыя 296).

Родъ. Много случаевъ, когда сказуемое прошедшаго времени стоитъ при подлежащемъ женскаго рода: корова задавилосе 96, собака волочилосе 96, смерть случилосе 99, 132, 192, накатилося вдругъ тутъ туча темная, навалилося бы тутъ орда невѣрная 136, старушка раскачалосе 160, Марина спугалосе 194, княгиня разгорѣлосе 200 и др. подобн.

Въ первыхъ друкъ примѣрахъ средній родъ объяснить нетрудно: «корова», «собака» подмѣнили старыя «коровище», «собакище». Въ другихъ примѣрахъ это объясненіе не примѣнимо.

Согласованіе въ родѣ по формѣ: Зоветь тогда слуга вѣрная... Соловей на то ей (т. е., слугѣ) отвѣтъ держаль 87, калика пошла 90 и т. п.

Особыя слова или образованія: ко стремяни лошадиной 85, другой ступень 146, бѣлой куропать 278, ужъ сварили они ужину 217, пшану 290 и мн. др., харчу хлѣбного 314, числа смѣту нѣтъ 340, дитѣ будетъ намъ не кормилицо 80, лучишко подорожной 81.

Пусть не дѣржитъ Василей всё сто рублей 300.

Число. При словахъ «народъ», «дружина» сказуемое во множест. числѣ: народъ остановилисе 149, народъ не глядятъ 150, пошли-то дружина на черленъ карапъ 357.

Употребленіе падежей представляетъ слѣдующія отличія: 1) форма именит. въ оборотахъ, какъ пить цыра 34, кровавить сабля 82 и др. подоб.; ты намъ больше не надобно 67, мнѣ не надо твоя золота казна, мнѣ не надо твои люди робочіе 53; 2) винит.: при мимо: мимо княгиню 220; вмѣсто соплеталисе 180 и др.; дань не плачиваль 362. 3) родител. множ. числа при предлогѣ по: закопать молодца по груди въ землю 197, нога по колѣнъ бѣла 108, по локоть *) 100 (срав. сорока локоть 117), отсѣкъ по плечъ голову 293); родит.: княгиню-ту дарилъ да хрущатой камки 46, я радъ службы служить, службы служить, да головы сложить 296, пиръ о полупира, столъ о полустола 307, есь-ле борцовъ поборотисе 307, цего видѣли 344.

Особыя слова: ле (ли) 36, 48, 288 (въ началѣ фразы ле - ле) и мн. др., але (али) 65, 114, 220 и др. (сравн. такой

*) Изъ подобныхъ формъ, можетъ быть, произошло и наше: покаместъ въ которомъ ка изъ вин. падежа.

же союзъ въ славянскихъ языкахъ: болгарскомъ, чешскомъ, словацкомъ), есле 183, оже 164, ожъ 65, 69 и др., коло (около) 158, 167, ту 29, 30, до вмѣсто къ: веземъ ее до князя Владимира 191, долонь 307, щанъ (чанъ) 347, дочи (дочь) 193, вопрыща (вепря) 165, любы: перстянки эти ему въ любы придуть (понравятся) 125, кура 47, куря 48, трупѣ (трупъ) 49, жѣребы (жеребья) 361, на радошахъ 374, одинакого (одинокого) 374; перстянки 125, перстяночки 124, перщаточка 152, рота 399, свободой 247 (слободой), баривался 120, волховать 159, книгу волховную 159, порозного 261, мотри (смотри) 149, робити 214, сробити 214.

На Волхову-рѣку 349, изъ Волховой-рѣки 350.

В. Чернышевъ.

А. СТАРИНЫ УСТЬЦЫЛЕМСКОЙ ВОЛОСТИ.

(А. СЕЛЕНІЯ ПО РѢКѢ ПИЖМѢ).

І. ДЕРЕВНЯ ЧУРКИНА.

І. Ѳеодосья Емельяновна Чуркина.

Это 55 лѣтняя, высокая, здоровая, со слѣдами былой красоты женщина, хозяйка самага зажиточнаго дома въ деревушкѣ въ десятокъ домовъ. Родомъ Ѳеодосья Емельяновна изъ деревни Аврѣмовской, на Пижмѣ-же, гдѣ жилъ до послѣдняго времени ея родной дядя—Василій Авраамовичъ Чурдвѣ, попросту Вася Малый, отъ котораго Ѳ. Е. и „поняла“ старины. Знала она старины очень хорошо и знала ихъ много, но въ послѣднія 10—15 лѣтъ за недосугомъ—у ней большое хозяйство и полонъ домъ народа—начала забывать. Однако и теперь я долженъ ее поставить въ рядъ лучшихъ сказателей, слышанныхъ мною на Печорѣ. Ѳ. Е. грамотна, читаетъ священныя книги и потому въ ея былинахъ попадаютъ часто книжныя обороты, а въ ея рѣчи вообще не такъ много мѣстнаго элемента, она приближается къ книжной. Чуркина чрезвычайно дѣятельна по хозяйству,—ни одну минуту она не сидитъ безъ дѣла, а если можно дѣлаетъ два-три вразъ. Обладая яснымъ умомъ, она сейчасъ-же поняла и повѣрила—зачѣмъ мнѣ ея старины, но и тотчасъ же постаралась извлечь изъ этого возможно больше пользы: всю жизнь безъ передышки приобрѣтаетъ въ домъ—ея идеаль, въ проведеніи котораго она иногда показываетъ себя не-

симпатичной. Отвергнувъ, какъ совершенно вздорное, предостереженіе сосѣдокъ, что „какъ-бы отъ пѣнія ея старины не было худа“, Ѳ. Е. безпокоилась только о томъ сначала—заплачено-ли будетъ ей за труды. Моихъ увѣреній, что трудъ будетъ оплаченъ, показалось мало, и во время пѣнія первой старины она раза четыре останавливалась и говорила: „Вотъ я пою, пою, а будетъ-ли толкъ какой мнѣ?—„Будетъ, будетъ, Ѳ. Е., успокою я ее, пойте только“. Она успокоится, а черезъ полчаса опять: „Да ты дашь-ле мнѣ што? Не даромъ-ле я убиваюсь?“ Пришлось предложить плату впередъ и установить таксу за каждую спѣтую былинку, при чемъ я попросилъ, чтобы плату назначила она сама,—интересно было, какъ дорого оцѣнитъ свой трудъ эта, совсѣмъ въ видѣ исключенія встрѣтившаяся старинщица. Плата, къ моему удивленію, назначена была совсѣмъ грошовая. Когда деньги очутились въ рукахъ Ѳ. Е. успокоилась и безъ остановокъ уже пѣла мнѣ, въ тоже время прядя шерсть и няньчась съ ребенкомъ, отъ чего было, конечно, и ей, и мнѣ не мало помѣхи. Знаетъ Ѳ. Е. старины кромѣ записанныхъ мною у ней: женитьбу Владиміра (Дунай), „Маево“ побоище, сорокъ каликъ, Данила Староильевича, князя Долгорукова; знаетъ разговоръ также „разговоръ птицъ“, который прежде пѣла съ тетрадки, теперь затерявшейся. Старины № 1 и 3 Ѳ. Е. хорошо знаетъ и спѣла прекрасно, про Скопина знаетъ уже хуже; при пѣнии этой старины она часто плакала, невольно сравнивая Скопина съ роднымъ своимъ, самымъ младшимъ сыномъ, служащимъ въ солдатахъ въ Петербургѣ. Въ старинахъ про Ваську Игнатѣева и про Илью Муромца въ опалѣ, Ѳ. Е. много, мнѣ кажется, прибавляла отъ себя, по кр. м. передавала своими словами то, что не знала, какъ поется.

Застава Богатырская.

(Илья Муромецъ и Сокольникъ).

- Кабы жили на заставы богатыри,
 Недалёко отъ города—за двѣнадцать верстъ,
 Кабы жили они да тутъ петнацеть лѣтъ;
 Кабы трицеть-то ихъ было да со богатырёмъ;
5. Не видали не конного, не пѣшого,
 Не прохожого они тутъ, не проѣзжого,
 Да не сѣрой тутъ волкъ не прорыскивалъ,
 Не ясенъ соколъ не пролѣтывалъ,
 Да не руськой богатырь не проѣзживалъ.
10. Кабы трицеть-то было богатырей со богатырёмъ:
 Атаманомъ-то—старъ-казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Подутѣманьёмъ Самсонъ да Колыбановичъ,
 Да Добрыня-то Микитичъ жилъ во пнсаряхъ,
15. Да Олеша-то Поповичъ жилъ во поварахъ,
 Да и Мишка Торопанишко жилъ во конюхахъ;
 Да и жилъ тутъ Василей сынъ Буслаевичъ,
 Да и жилъ тутъ Васинька Игнатъевичъ,
 Да и жилъ тутъ Дюкъ да сынъ Степановичъ,
20. Да и жилъ тутъ Пермъ да сынъ Васильевичъ,
 Да и жилъ Родивонъ да Превысокіе,
 Да и жилъ тутъ Микита да Преширокіе,
 Да и жилъ тутъ Потанюшка Хроминькой,
 Затѣмъ Пѣтыкъ-Михайло сынъ Ивановичъ,
25. Затѣмъ жилъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
 Да и былъ тутъ Чурило блады Пленковичъ,

- Да и былъ тутъ Скопинъ сынъ Ивановичь,
Тутъ и жили два брата два родимые,
Да Лука, да Матвѣй дѣти Петровыя... *)
30. На зацнѣ-то было свѣтла деницька,
На зори-то тутъ было да ноньце на утренной,
На восходѣ-то было да красна солнышка,
Тутъ ставаётъ старой да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ ставаётъ да сынъ Ивановичь,
35. Умывается онъ да ключевой водой,
Утирается онъ да бѣлымъ полотномъ,
А ставаётъ да онъ нонь передъ Господомъ,
А молитсе онъ да Господу-Богу,
А крестъ-отъ кладётъ да по писанному.
40. А поклонъ-отъ ведётъ да какъ вѣдь водитсе,
А молитву творить полну Иисову,
Самъ надѣрнулъ сапожки да на босу-ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечѣ,
Да пуховъ-де колпакъ да на одно ухо.
45. Да и бралъ онъ нынѣ трубочку подзорную,
Да выходитъ старой да вонъ на улицу,
Да и зрѣлъ онъ, смотрѣлъ на вси стороны,
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону восточную,—
Да и стоитъ-то-де нашъ тамъ стольнѣ-Кіевъ-градъ;
50. Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Да стоятъ тамъ луга да тамъ зелѣныи;
Да глядѣлъ онъ подъ сторону подъ западну,—
Да стоятъ тамъ да лѣсы тѣмныи;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ сѣверну,—
55. Да стоятъ-то-де тамъ да ледены горы;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону въ полуночию,—
Да стоитъ-то-де нашо да синѣ морѣ,
Да и стоитъ-то-де нашо тамъ чисто полѣ,
Сорочинско-де словно наше Кулигово;
60. Въ копотѣ-то тамъ, въ туманѣ не знай звѣрь бѣжитъ,
Не знай звѣрь тамъ бѣжитъ, не знай соколь летитъ,
Да Буйанъ-ле славной островъ тамъ шатайтсе,
Да Саратовы-ле горы да знаменуютсе,

*) Больше богатырей О. Е. вспомнить не могла, какъ не старалась, но сказала, что прежде помнила всѣхъ.

- А богатырь-ле тамъ ѣдѣтъ, да потѣшается:
65. Попередн-то его да бѣжитъ сѣрой волкъ,
Позади-то его бѣжитъ черной вожлокъ,
На правомъ-то плецѣ знать воробей сидитъ,
На лѣвомъ-то плецѣ да знать бѣлой кречеть,
Во лѣвой-то рукѣ да держитъ тугой лукъ,
70. Во правой-то рукѣ стрѣлу калѣную,
Да калѣную стрѣлочку, перѣную,
Не того-же орла да сизокрылого,
Да того-же орла да сизокамьского,
Не того-же орла, которой на дубу сидитъ,
75. Да того-же орла, которой на синѣмъ мори,
Да гнѣздо-то онъ вѣтъ да на сѣрой камень.
Да подвѣрхъ богатырь стрѣлоцѣку подстрѣливать,
Да и на полѣ онъ стрѣлоцѣку не уранивать,
На полѣтѣ онъ стрѣлоцѣку подхватывать.
80. Подѣждятъ онъ нынѣ ко бѣлу шатру,
Да и пишотъ нонѣ самъ да скору грамотку,
На правомъ-то колѣнѣ держитъ бумажецѣку,
На лѣвомъ-то колѣнѣ держитъ чернильничу,
Во правой-то рукѣ да держитъ перышко,
85. Самъ пишотъ ерлыкъ да скору грамотку,
Да подмѣтываль ерлыкъ да скору грамотку,
Да къ тому-же шатру да къ бѣлобархатному.
Да берѣтъ-то старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Да и то у него тутъ написано,
90. Да и то у него тутъ напечатано:
«Да и ѣду я нонѣ да въ стольнѣй-Кіевъ-градъ,
«Я громѣтъ-шурмовать да въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
«Я соборны больши церкви я на дымъ спущу,
«Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
95. «Я печятны больши книги да во грезѣ стопчу,
«Чудны образы-иконы на полавѣ воды,
«Самого я князя да въ котлѣ сварю,
«Да саму я княгиню да за себя возьму».
Да заходитъ тутъ старъ тутъ во бѣлой шатѣрь:
100. «Охъ вы ой есъ вы дружинишка хоробрая!
Вы хоробрая дружина, да заговорная!
Ужъ вамъ долго-ле спать, да нынѣ пора ставать.
Выходилъ я, старѣй, вонъ на уличу,

- Да и зрѣлъ я, смотрѣлъ на вси стороны,
105. Да смотрѣлъ я подѣ сторону восточную,—
Да и стоитѣ-то-де нашѣ тамѣ стольнѣ-Кіевѣ-градѣ...» *)
Тутѣ скакали нынѣ всѣ руськіе богатыри,
Говоритѣ-то-де старѣ-казакѣ Илья Муромецѣ:
«Да кого-же намѣ послать нынѣ за богатырѣмѣ?»
110. Да послать намѣ Самсона да Колыбанова,—
Да и тотѣ вѣдѣ—онѣ роду-то сонливого,
За невѣдѣ потерять свою буйну голову;
Да послать намѣ Дуная сына Иванова,—
Да и тотѣ, онѣ вѣдѣ роду-ту заплывчива,
115. За невѣдѣ потерять свою буйну голову;
Да послать намѣ Олѣшиньку Поповиця,—
Да и тотѣ, онѣ вѣдѣ роду-ту хвасливого,
Потерѣетѣ свою буйну голову;
120. Да послать-то намѣ вѣдѣ Мишку да Торопанишка,—
Да и тотѣ, онѣ вѣдѣ роду торопливого,
Потерѣетѣ свою буйну голову;
Да послать-то намѣ два брата, два родимыя,
Да Луку де, Матвѣя, дѣтей Петровицей,—
Да такого онѣ роду-то вѣдѣ вольнѣго,
125. Они вольнѣго роду-ту, смиренѣго,
Потеряютѣ свои да буйны головы;
Да послать-то намѣ Добрынюшку Микитиця,
Да и тотѣ онѣ вѣдѣ роду, онѣ вѣдѣ вѣжлива,
Онѣ вѣжлива роду-ту, очеслива,
130. Да умѣетѣ со молодцомѣ соѣхатсе,
Да умѣетѣ онѣ со молодцомѣ розѣхатсе,
Да имѣетѣ онѣ вѣдѣ молодцу и честь воздать.»
Да уцоло тутѣ вѣдѣ ухо богатырскоѣ,
Да завидѣло око да молодецькоѣ,
135. Да и сталь тутѣ Добрынюшка сряжатисе,
Да и сталь тутѣ Добрынюшка сподоблетисе;
Побѣжалѣ нынѣ Добрыня на конюшенѣ дворѣ,
Да и бралѣ онѣ коня да всѣ семи чѣпей,
Да семи онѣ чѣпей, да семи розвезей,
140. Да и клалѣ на коня да плотны-плотѣницьки,

*) Рассказъ И. Мурома. что онѣ видѣлъ, составляющій буквальное повторѣніе предѣидущаго въ 49 стихахъ (отѣ стиха 50 до 99)—выпускаетсе.

- Да на плотницьки клать да мякки войлоцьки,
Да на войлоцьки сѣдѣлышко черкальской,
Да двѣнадцать онъ вяжотъ подируть шелковыхъ,
Да тринадцету вяжотъ черезхребѣтнюю,
145. Черезъ ту-же онъ степь да лошадиную,
Да не ради басы да молодецькоей,
Ради крѣпости вяжотъ богатырьскойей;
Туть онъ призналь онъ-де шапоцьку курцявую,
Онъ простилсе со всѣми руськими богатырьми,
150. Да не видно поѣзки да молодецькоей,
Только видно какъ Добрыня на коня скочилъ,
На коня онъ скочилъ, да въ стремена ступилъ,
Стремена-те ступилъ, да онъ коня стегнулъ;
Хоробра была поѣздка да молодецкая,
155. Хороша была побѣжка лошадиная,
Во чистомъ то полѣ видно курива стоить,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валить,
Да изъ глазъ у коня искры сыплютсе,
Изъ нозрей у коня пламѣ мѣчетсе,
160. Да и сива-де грива да разстилаетсе,
Да и хвостъ-то трубой да завиваетсе.
Наѣжжаётъ богатырь на чистомъ поли,
Заревѣль туть Добрыня да во первой наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынь на пускъ держу,
165. Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ёгленетсе;
Заревѣль-то Добрынюшка во второй наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынь на пускъ держу,
Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
170. А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ёгленетсе;
Да и туть-де Добрынюшка ругатце сталъ:
«Ужъ ты гадина, ѣдѣшь, да перегадина!
Ты сорока, ты лѣтишь, да бѣлобокая!
Да ворона ты лѣтишь да пустопѣрая,
175. Пустопѣра ворона да позагуменью!
Не воротишь на заставу каравульнюю,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считаешь?..»
А и туть-де тотаринъ да поворотъ даётъ,
Да снималъ онъ Добрыньку да со добра коня,
180. Да и далъ онъ на ж . . . по отѣнышу,

- Да прибавилъ на ж... по алябышу,
Посадилъ онъ назадъ его на добра коня:
«Да поѣдь ты, скажи стару казаку,—
«Кабы што-де старой тобой замѣняется?»
185. «Самому ему со мной ище дѣлать нечево».
Да поѣхалъ Добрыня да одва живъ сидить,
Тутъ ѣдетъ Добрынюшка Никитьевичъ,
Да къ тому-же къ своему да ко бѣлу шатру,
Да встрѣцётъ его да нынче старъ-казакъ,
190. Кабы старъ-де казакъ да Илья Муромецъ:
«Охъ ты ой еси Добрынюшка Никитицъ бладь!
Ужъ ты што-же ты ѣдѣшь не по старому?
Не по старому ты ѣдѣшь, да не по прежнему?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
200. Потопя ты дѣржишь да очи ясныи».
Говорить-то Добрынюшка Никитицъ бладь:
— Наѣжжалъ я тотарина на чистомъ поли,
Зарѣвѣлъ я ему да ровно два роза,
Да и ѣдетъ тотаринъ, да не ѣгленется;
205. Кабы тутъ-де-ка я ровно ругатсе сталъ,
Да и тутъ-де тотаринъ да поворотъ даѣтъ,
Да сымалъ онъ меня да со добра коня,
Да и далъ онъ на ж... да по отяпышу,
Да прибавилъ онъ еще онъ по алябышу,
210. Да и самъ онъ говоритъ да таковы рѣци:
«Да и што-де старой тобой замѣняется?»
«Самому ему со мной да дѣлать нечего!»—
Да и тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
215. Могущи его плеча да расходилисе,
Ретиво его сердце разгорѣцилосе,
Кабы ровно-неровно—бутьто въ котли кипить.
«Охъ вы ой еси русскіе богатыри!
Вы сѣдлайте, уздайте да коня доброго,
220. Вы кладите всю сбруню да лошадиную,
Вы кладите всю приправу да богатырьскую».
Тутъ сѣдлали-уздали да коня доброго,
Да не видно поѣздки да молодецкойей,
Только видно какъ старой нынѣ на коня скочилъ,
225. На коня онъ скочилъ, да въ стремяна ступилъ,

- Да и прижнялъ онъ свой да нонь пуховъ колпакъ:
«Вы прощайте дружинушка хоробрая!
Не успѣте вы да штей котла сварить,—
Привезу голову да молодецькую».
230. Во чистомъ поли, видно, курива стоить,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валить,
Да изъ глазъ у коня искры сыплотсе,
Изъ нозрей у коня пламѣ мечетсе,
Да и сива де грива да ростилаетсе,
235. Да и хвостъ-отъ трубой да завиваетсе.
Набѣжжаётъ татарина на чистомъ поли,
Отъ того-же отъ города отъ Кіева,
Да и столько де мѣста—да за три поприща,
Заревѣль тутъ старой да во первой наконъ:
240. «Ужъ я вѣрной богатырь, дакъ я на пускъ держу,
Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь.»
А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ѣгленетсе;
Да и тутъ старой заревѣль во второй наконъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ я на пускъ держу,
245. Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь.»
Да и тутъ-де тотаринъ да не огленетсе;
Да и тутъ-де старой кабы ругатсе сталь:
«Ужъ ты гадина, ѣдѣшь, да перегадина!
Ты сорока ты лѣтишь, да бѣлобокая!
250. Ты ворона ты лѣтишь да пустопера!
Пустопера ворона да по загуменью,
Не воротнишь на заставу каравульную,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считаешь.»
Кабы тутъ-де тотаринъ поворотъ даётъ,
255. Отпустилъ тотаринъ да нынь сѣра волка,
Отпустилъ-то тотаринъ да черна вождлока,
Да съ права онъ плеча да онъ воробышка,
Да съ лѣва-то плеча да бѣла кречета.
«Побѣжите, полетите вы нынь процъ отъ меня,
260. Вы ищите сибѣ хозяйна поласкове,
Со старымъ намъ съѣждятся да намъ не брататсе,
Со старымъ намъ съѣжжатця—дакъ чья Божья помочъ».
Вотъ не двѣ горы вмѣсто да столканулисе,
Два богатыря вмѣсто да тутъ соѣхалисе,
265. Да хватали они сабелки нынь вострыи,

- Да и сѣклись, рубились да чѣлы сутоцки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострыя сабельки ихъ да изломалисе,
Изломалисе сабельки, исщербилисе;
270. Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да хватали-то палицы боѣвыя,
Колотились, дрались да чѣлы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Да боѣвыя палицы загорѣлисе,
275. Загорѣлисе палицы распоѣлисе;
Да бросали тотъ бой на сыру землю,
Да хватали конейця да бурзомецкин,
Да и тыкались, кололись да чѣлы сутоцки,
Да не ранились они, да не кровавились,
280. По насадеѣ копѣйця да изломалисе,
Изломалисе они, да извихнулисе;
Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрыхъ коней,
Да хватались они на рукопашецьку.
285. По старому по безчесью да по великому,
Подоспѣло его слово похвальнѣе,
Да лѣва его нога да окольздилося,
А права-то нога и подломилосе,
Да и падалъ старой тутъ на сыру землю,
290. Да и ровно-неровно бутто сырой дубъ,
Да заскакиваль сокольникъ на бѣлы груди,
Да и розорваль лату да онъ булатную,
Да и вытащилъ чинжалище, укладенъ ножъ.
Да и хочеть пороть да груди бѣлыя,
295. Да и хочеть смотрѣть да ретиво сердце.
Кабы тутъ-де старой да нынѣ расплакался:
«Охъ ты ой есть Пресвята Мать Богородиця!
Ты пошто этта меня нынѣ поведала?
Я за вѣру стоялъ да Христовую,
300. Я за церкви стоялъ да за соборныя». —
Вдругъ не вѣтру полоска да перепахнула,—
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свиснулъ онъ сокольника со бѣлыхъ грудей,
Да заскакиваль ему да на черны груди,
305. Да и розорваль лату да всё булатную,

- Да и вытащилъ чинжалище, укладенъ ножъ,
Да и ткнуть онъ ему до во черны груди,—
Да въ плечи-то рука и застоиласе;
Тутъ и сталь-де старой нынче выпрашивать:
310. «Да какой ты удалой да доброй молодець?»
У поганого сердце-то заплывчиво:
— Да когда я у те былъ да на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ не роду тя, не племени.—
Да и ткнуть старой да во второй наконъ,—
315. Да въ локти-то рука да застоиласе;
Да и сталь-де старой да опеть спрашивать:
«Да какой-ты удалой да доброй молодець?»
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
«Да когда я у те былъ на бѣлыхъ грудяхъ,
320. Я не спрашивалъ не роду тя, не племени,
Ты ище сталь роды у мня выпрашивать.—
Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Да и ткнуть старой да во третей наконъ,—
325. Въ завѣди-то рука да застоиласе,
Да и сталь-то старой тутъ выпрашивать:
«Ой ты ой еси удалой доброй молодець!
Да скажись ты мнѣ нынче пожалуйста:
Да какой-ты земли, какой вотчины?»
330. Да какого ты моря, коя города?
Да какого ты роду, коя племени?
Да и какъ ты молодца именѣмъ зовуть?
Да и какъ прозываютъ по отечестви?»
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
335. — Отъ того-же я отъ камешка отъ Латыря,
Да отъ той-же я дѣвченки да златыгорки,
Она зла полениця да преудалая,
Да сама она была ище одноокая.—
Да скакаль-то старой нонь на рѣзвы ноги,
340. Прижималъ онъ его да ко бѣлой груди,
Ко бѣлой де груди, да къ ретиву сердцю,
Чѣловалъ его въ уста да нынъ сахарини:
«Уже ты чадо-ле, чадо да моѣ милоѣ!
Ты дитя-ле моѣ, дитя моѣ сердцебноѣ!
345. Да стѣзжались съ твоей да мы вѣдь матерью,

- Да на томъ-же мы вѣдь на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы съ ей любовь тѣлесную,
350. Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, чадо, тебя прижили;
Да поѣдь ты нынъ къ своей матери,
Привези ей ты нынъ въ Стольно-Кіевъ-градъ,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
355. Да не будётъ тебѣ у насъ поединщиковъ».
Да и тутъ молодцы нынъ разѣхались,
Да и ѣдетъ сокольникъ ко свою двору,
Ко свою двору, къ высокоу терему,
Да встрѣцятъ его матушка родимая.
360. «Ужъ ты цядо-ле, цядо мое милое!
Ужъ дитя ты моё, дитя сердечнѣе!
Ужъ ты штоже нынъ ѣдешь да не постарому?
Да и конь-то бѣжитъ не по прежнему?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
365. Потопя ты доржишь да оци ясныя,
Потопя ты ихъ дѣржишь да въ мать сыру землю».
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
— Ужъ я былъ-же нынъ-нынъце да во чистомъ поли,
Ужъ я видѣлъ стару коровушку Базыкову,
370. Онъ тебя зовётъ блядкой, меня выбледкомъ».
Говорить-то старуха да таковы рѣци:
«Не пустымъ-де старой да похваляется,—
Да съѣжжались мы съ имъ да на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
375. Да не ранились мы да некровавились,
Сотворили мы съ имъ любовь тѣлесную,
Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, цядо, тебя прижили».
А и тутъ-де сокольнику за бѣду стало,
380. За великую досаду показалосе,
Да хваталъ онъ матушку за черны кудри,
Да и вызнялъ онъ ей выше могущихъ плечь,
Опустилъ онъ ей да о крпницатъ польъ,
Да и тутъ-де старухѣ да смерть случилосе.
385. У поганого серьцѣ-то заплывчиво,

- Да заплывчиво серьцѣ-то, разрывчиво,
Да подумамъ онъ думу да промежду собой,
Да сказалъ онъ нынѣ слово да нынѣце самъ сибѣ:
«Да убили я топеря да родну матушку,
390. Да убью я, поѣду, да стара-казака,
Онъ спитъ нынѣ съ устатку да нонѣ съ великого».
Да поѣхалъ сокольникъ въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
Непиваючись онъ, да неѣдаючись,
Не сыпаль-де онъ нынѣце плотного сну,
395. Да розорвана лата да нынѣ булатная,
Да цвѣтно его платѣ да всё истрѣпано.
Приворачиваль онъ на заставу каравульнюю,
Некого тутъ на заставы не случилось,
Не случилось-де нынѣ, не пригодилосе,
400. Да и спитъ-то одинъ старой во бѣломъ шатру,
Да храпитъ-то старой, какъ порогъ шумить;
Да соскакиваль сокольникъ да со добра коня,
Да заскакиваль сакольникъ да нынѣ во бѣль-шатѣръ,
Да хваталь онъ копейцѣ да бурзомецкое,
405. Да и ткнулъ онъ старому да во бѣлы груди;
По старому-то по счастью да по великому,
Пригодилсе-ле тутъ да золотъ-чуденъ-крестъ,—
По насадки копейцо да извихнулосе;
Да и тутъ-де старой да пробужаитсе,
410. Отъ великаго сну да просыпаитсе,
Да скакаль-де старой тутъ на рѣзвы ноги,
Да хваталь онъ сокольника за черны кудри,
Да и вызняль его выше могуцихъ плечь,
Опустиль онъ его да о кирпичать полъ,
415. Да и тутъ-де сокольнику смерть случилось;
Да и вытащилъ старой его вонъ на улицу,
Да и руки и ноги его онъ оторваль,
Розсвисталь онъ его да почисту полю,
Да и тулово свезаль да ко добру коню,
420. Да сорокамъ,-воронамъ да на расклѣваньѣ,
Да сѣрымъ-де волкамъ да на ростарзаньѣ.

2.

Илья Муромецъ въ опалѣ *)

Подарилъ-то де солнышко Владимиръ-князь,
Какъ тому-же Ильѣ да стару-казаку,
А дарилъ ему шубейку о петьсотъ рублей,
Говорилъ-ту-де тутъ да нынѣ старъ-казакъ:

5. «А не мнѣ были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Ивановичу, **)
А мнѣ видно-де нынѣ да пригодилсе». Ужъ услышали тутъ думныя бояра нынѣ,
Они писали ерлыки да скоры грамоты,
10. Доносили князю они Владимиру:
«А обхулилъ твои да старъ подароцьки,
Говорилъ будто старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ я цѣ, думаю, мнѣ князь дарить станѣтъ,
«Онъ и шубку дарить мнѣ, будто у мя шубокъ нѣтъ»».
15. Тутъ призвалъ нынѣ солнышко Владимиръ князь,
Какъ тово-же вѣдь нынѣ да стара-казака,
Кабы тутъ-де-ка старъ да на опѣръ пошолъ,
Кабы думныхъ бояръ да приказалъ притти,
Они сложились троима да всѣ отвѣтили:
20. «Говорилъ-то-де это еще старъ-казакъ,
Онъ вполне говорилъ, да всѣ мы слышели». Говорить-то тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Говорилъ-же то я да не советѣмъ-же такъ,
Они ложно доносятъ показанье-го,
25. Они съ клятвой на старá да пригибають-же.
Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Говорилъ-то вѣдь я да промежу собой:

---

*) Эту старину О. Чуркина помнила очень плохо, только въ общихъ чертахъ, и только на усиленную мою просьбу согласилась ее пройтѣ, при чемъ, когда шла, часто путалась и останавливалась, чтобы припомнить. При сравненіи этой старины съ предыдущей и послѣдующей разница въ обработкѣ содержанія видна сразу. По всему видно было, что старина припоминалась во время шпіи, а не передавалось слышанное и усвоенное ранѣе. Н. О.

**) Старина эта, говорила мнѣ О. Ч. шла съ стариками непосредственно послѣ старины о женитьбѣ Дуная. Послѣ смерти Дуная Ильѣ М. досталась его шуба, изъ-за которой все и началось. Н. О.

- «А не мнѣ были подароцьки направлены,
«А направлены Дунаю сыну Иванову,
30. «Уже мнѣ, молодцу, видно пригодилисе».—
Нечему тутъ Владимиръ-князь не варуётъ:
«Послѣ дѣла-то вѣдь всякъ-же отпираетца».
Онъ позволилъ ископать нынѣе глубоць погребѣ,
Засадилъ-ту-де стара нынѣе казака.
35. Тутъ вѣдь нынѣе богатыри прогнѣвилисе,
Говорятъ тутъ вси руськїи богатыри:
«Засадишь ты нынѣ нашего предводителя,
Мы ужъ всѣ нынѣ розойдѣмся и розѣдѣмся,
У тя пусто станеть стоеть стольно-Кїевъ-градѣ».
40. Говорить-ту ему тутъ молода жона,
Кабы та-же княгина да мать Апраксїя:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
На кого-же ты вѣдь нынѣ да понадѣшесе?
У тя думны бояра да знать измѣнщики,—
45. Когда не будѣтъ у тя надѣжды великоей,
Они тогды-же пуще измѣнятъ-же».
Нечѣму-же тутъ князь нынѣе не варуётъ.
Тутъ и выскоцилъ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Побѣжалъ онъ по городу по Кїеву,
50. Забѣгалъ-же нынѣ онъ на царевъ кабаць,
Онъ и выпнулъ тамъ двери всѣ подвальнїя,
Онъ тутъ выкатилъ три боцьки сороковоцьки,
Да крычалъ-де старой да зычнымъ голосомъ:
«Охъ вы ой еси да руськїи богатыри!
55. Ужъ вы вси-же хресьяна да православныи!
Ужъ вы вси-де нынѣ голи да кабацкїи!
Вы тащите-тось мни мѣру да своеруцьную,
Своеруцьную мѣру, да поварѣноцькой,
Ужъ вы пейте вина да сколько хочите,
60. Поминайте меня да добра молодца».
Тутъ не крыкъ-ле стоить, да какъ не стонъ стонѣтъ,
Спровожаютъ тутъ удала добра молодца,
Говорить-то де тутъ да нынѣе старъ-казакъ:
«Ужъ я могъ-бы-де не сѣсь нынѣе въ глубоць погребѣ,
65. Ужъ я могъ-бы побѣдить да нынѣе весь городѣ,—
Повинуюся закону да государеву;
Я спѣлѣтъ прежь безъ ногъ да ровно тридцеть лѣтъъ,

- Нынѣ опять видно минѣ да бывать Богъ судиль». Засадил тутъ удача добра молодца,
70. Какъ захлупили плитой его желѣзной-же,
Загребли его матушкой сырой землѣй.
Тутъ и вси-же народъ да разѣѣзжаются,
Разѣѣзжаются вони, да розбѣгаются;
Ужъ розѣѣхались вси руськи нынѣ богатыри,
75. Они прогнѣвались на князя на Владимира,
Да на думныхъ-то бояръ да толстобрюхихъ.
Какъ-то нынѣ княгиня да роздумалась,
А роздумала въ уми да промежу собой,
Ископала она нынѣ тайной подкопъ,
80. Какъ къ тому-же-ле къ старому казаку,
А снесла она ему нынѣ ременщатъ стулъ,
А снесла она свѣци да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи,
Забавлялся штобы да нынѣ старъ-казакъ,
85. Штобы съ великой тоски смерть не случилосе:
А кормила-поила его тридцетъ лѣтъ.
Ужъ прошло нынѣ поры да это времени,
Миновало промежъ тѣмъ ищѣ тридцетъ лѣтъ,
90. Тутъ садилсѣ нынѣ бояра толстобрюхѣ,
Какъ за ти-же за столы да за дубовыи,
Они писали ерлыки, да скороу грамотку,
Посылали вси по дальнимъ сторонущкамъ,
Посылали они Ковшею Безсмѣртному:
95. «Нынѣ ужъ вси разошлись руськи богатыри,
Какъ пустой стоитъ у насъ стольно-Кіевъ-градъ,
Онъ пустой состоитъ да нынѣ тридцетъ лѣтъ». Скоро скажется исторья, долго дѣйтсе,
Какъ прѣѣхалъ Ковшей да во чисто полѣ,
100. Нагонилъ нынѣ сплунки премножество:
Попередѣ-то его да сорокъ тысяцей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысяцей,
По лѣву руку, собаки, да сорокъ тысяцей,
Позади его да числа-смѣту иѣтъ.
105. Онъ писалъ ерлыки да скороу грамоту,
Выбиралъ онъ тотарина какой лучше всѣхъ,
Отсылалъ съ имъ ерлыкъ да скороу грамоту.
Да цитать-де князь Владимиръ скороу грамоту,

- Говорить онъ своей да молодой жоны,
110. Какъ своей онъ супругѣ да обручальной:
«Охъ ты ой есь княгиня да мать Апраксія!
Ты позволъ мнѣ придумать думу крѣпкую:
Кабы просить Ковшей у меня поединщиковъ,
А кого-же намъ послать будѣтъ поединщикомъ?»
115. Говорить-то его да молода жона:
— На кого-же ты надѣю прежь оставалса-же?
У тя есь думны бояра, да при сибѣ живутъ,
Ты подитко има нынѣ замѣнейса-же.—
Говорить-то тутъ князь да таковы рѣци:
120. «Ты не дѣльнѣ мнѣ да говоришь нынѣ,
Ахъ ты ой есь Опроснѣя, да дочь Семеновна!
Молодая княгиня да обручальня,
Ты вѣдь востра баба, да всё догадлива,
Та скажи-тко, скажи мнѣ пожалуста,—
125. Да кого-же намъ послать намъ поединщикомъ?»
Говорить тутъ княгиня да мать Опраксія:
— Мнѣ ночесъ што-то мало спалось—много видѣлось:
Будто живъ въ погребу да сидитъ старъ-казакъ.—
Говорить тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
130. «Кабы была при сибѣ да сабля вострая,
Я срубилъ-бы у тебя буѣну голову—
Ужъ прошло нынѣ время ровно трицетъ лѣтъ,
Ужъ какой нынѣ этамъ живой нынѣ старъ-ка-
закъ?»
- Говорить ту княгиня да мать Апраксія:
135. — Я не знаю къ чему да сѣдни видѣлось,
Будто живъ сидитъ въ погребу будто старъ-казакъ».
Говорить-то-де солнышко Владимиръ князь:
«Какъ ты прежь будто дѣльнѣ што-ле баяла,
А ужъ нынѣ сочиняшь таку бездѣлчу:
140. Ужъ и много продолжалось да поры времени,
Ужъ прошло-де топерѣ ровно трицетъ лѣтъ,
А какой ужъ нынѣ живой да есь старъ-казакъ?»
Говорить ему княгиня да мать Апраксія:
— Мнѣ вѣдь зря-то нынѣ сонъ вногѣ не видѣтсе,
Што приснитсе мнѣ ночью, то и сбѣдетсе.
145. Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ты некого не посылай, некому не приказывай,

- Ужъ нынѣ вѣдь народъ да всё невѣрной здѣсь,
Ты изволь посмотриѣть, сходить въ глубокъ погребъ,
Онъ и взáбыль не живой-ле въ погребу сидитъ.—
150. Какъ на то-де нынѣ князь да не ётслушалса,
Онъ надёрнулъ сапожки да на босу ногу,
Онъ и кунею-де шубу да на одно плечѣ,
Свой пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Побѣжалъ ту-де князь да скоро-наскоро,
155. Ухватилъ онъ лопатоцьку жалѣзную,
Онъ раскидывалъ пески да всё макаръевски,
Отпружилъ онъ плиту да все желѣзную.
Ужъ и живъ-то сидитъ да нынѣ старъ-казакъ,
Онъ и зрить-ле, гледитъ да нынѣ въ гумажной лисъ,
160. Перемѣтывать листики ербовыя,
Закрывалъ-то тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
«Ужъ и звыше ума цюдо состоялосе!»
Заревѣлъ тутъ и солнышко Владимиръ-князь:
«Ты изволь-ко Илья да пще Муромецъ,
170. Ты и вытти нынѣ къ намъ на бѣлой свѣтъ,
Ты ужъ больнѣ большой да строкъ нынѣ высидѣть».
А сидитъ-ту старой да не огленетсе.
Побѣжалъ тутъ назадъ домой Владимиръ князь,
Онъ розказывать своѣй да молодой жоны:
175. «Ужъ и заболь-же не здря да сонъ привидѣлса,
Ищэ живъ-де сидитъ да у насъ старъ-казакъ.
Ужъ ты ой есь княгина мать Апраксія!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побѣжала тутъ княгина да мать Апраксія,
180. Ужъ какъ кликнула княгина да во первой наконъ:
«Понзытъ-ко, пожалуй, доброй молодець,
Разгони-ткось ты кручину да съ ретива сердца,
Ты не ради князя да ты Владимира,
Ужъ ты ради-же вѣры да ты Христовоюй,
Послужи-тко-же ты да вѣрой правоюй».
185. Кабы тутъ-де старой да нынѣ выскакивалъ,
Бутто бѣлой тутъ куропать выпархивалъ;
Онъ ступилъ по земли да нынѣ три ступья,
А услышалъ его да нынѣ доброй конъ,
190. Онъ и сорвалъ всѣ цѣпи да нынѣ желѣзныи,
Онъ розорвалъ всѣ пунки шелковыи,

- Закрычалъ-де вѣдь, заржалъ да зычнымъ голосомъ,
Прибѣжалъ онъ къ Ильѣ да къ стару казаку,
Какъ Ильѣ-то де плачѣтъ, конь не поддавантсе, *)
195. Ужъ какъ ровно-де пули слезы катятсе.
Говоритъ-то-де тутъ да нынче старъ-казакъ:
«Ужъ ты здраствуй-ко княгина да мать Апраксія!
Ужъ жива-ле моя сбруня да лошадиная,
Ужъ жива-ле моя приправа да богатырская **)?..
- 200 Ухватилъ ту-де старъ-казакъ Ильѣ Муромецъ,
Кабы ту-же нынъ палицу бѣвую,
Онъ свиснулъ эту палицу доброй молодець,
Улетѣла эта палица подверхъ изъ виду,
Ужъ и пала она на матушку сыру землю,
205. Подрожала нынче матушка сыра земля;
Ужъ уцюли нынъ всѣ руськїи богатыри:
«Ищѣ есь нынче въ Кїевѣ сильнѣй бѣгатырь,
Подавать нынче знакъ намъ добрымъ молодцамъ».. ***)
— «Ужъ ты ой есь слуга нашъ да старъ-казакъ!
210. Извини ты пожалуй, да не прогнѣвайся,
Какъ пособить вамъ Богъ да Царь Небесной Свѣтъ,
Состоитъ какъ сохранио стольнѣ-Кїевъ-градъ,
Вы обратно опеть, да не гостите тутъ».

Дальше Ѳ. Чуркина разсказала: «Ильѣ Муромецъ встрѣтился съ другими богатырями въ поле и побилъ Ковшея Безсмѣрнаго. Стали послѣ этого богатыри думать—куда нынче ѣхати? А княгина это увидѣла, прилетѣла (т. е. прибѣжала) сама за богатырями и закланялась, зазвала ихъ въ Кїевъ. Богатыри посовѣтовали между собой и опять поѣхали къ князю Владимиру; тутъ они и стали снова жить».

---

*) Т. е. и конь не уступаетъ, тоже плачетъ.

**) «Тутъ слуги принесли все, что нужно», сказала Ѳ. Чуркина и зашла дальше.

***) «Поѣхалъ Ильѣ Муромецъ въ поле драться съ Ковшемъ, княгина ему и говоритъ, извиняетсе», сказала Ѳ. Чуркина и зашла дальше.

Олеша Поповичъ и сестра братьевъ Долгополыхъ.

- А во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ,
Вотъ у ласкова князя да у Владимира,
Тутъ и было пированье-столованье,
Тутъ про руськихъ могущихъ про богатырей.
5. Вотъ про думныхъ-то бояръ да толстобрюхихъ,
Вотъ про дальнихъ-то купцевъ гостей торговыхъ,
Да про злыхъ-де поленицъ да преудалыхъ,
Да про всѣхъ-де хресьянъ да православныхъ,
Да про чесныхъ-де жонъ да про купеческихъ.
15. Кабы день-отъ у насъ идѣтъ нынѣ ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
А столы-те стоятъ у насъ полустоломъ,
Да и пиръ-отъ идѣтъ у насъ полупиромъ;
Кабы вси-ле на пиру да напивалисе,
10. Кабы вси-то на чесномъ да пьяны веселы,
Да и вси-ле на пиру нынѣ приросхвасталисе,
Кабы вси-то-де тутъ да прирозгляпалисе;
Какъ иной-отъ-де хвастатъ своей силою,
А иной-отъ-де хвастатъ своей смѣткою,
20. А иной-отъ-де хвастатъ золотой казной,
А иной-отъ-де хвастатъ чистымъ серебромъ,
А иной-отъ-де хвастатъ скатымъ жемцюгомъ,
А иной-отъ-де домою, высокимъ теремомъ,
А иной-отъ-де хвастатъ нынѣ добрымъ конѣмъ,
25. Ужъ какъ умной-отъ хвастатъ старой матерью,
Кабы глупой-отъ хвастатъ молодой женой.
Кабы князь-отъ сталъ по полу похаживать,
Кабы съ ножки на ножку переступывать,
А сапогъ о сапогъ самъ поколачивать,
30. А гвоздѣкъ о гвоздѣкъ да самъ пощалкивать,
А бѣлыми-ти руками да самъ розмахивать,
А злачными-ти перснями да принабрякивать,
А буйной головой да самъ прикачивать,
А желтыми-ти кудрями да принатраживать,
35. А ясными-ти оцями да прирозглядывать,
Тихо-смирную рѣчь самъ выговаривать;

- Кабы вси-ту-де тутъ нонь приумолкнули,
Кабы вси-ту-де тутъ нонь приудрогнули:
«Охъ вы ой есь два брата родимыя,
40. Вы Лука-де Матвѣй дѣти Петровичи!
Ужъ вы што сидитѣ будго не веселы?
Повѣся вы держите да буйны головы,
Потопя вы дѣржите да очи ясныя,
Потопя вы держите да въ мать сыру землю.
45. Развѣ пирь-отъ-ле для васъ да всё нечесенъ былтъ?
Да поднощычки для васъ были не вѣжливы,
А не вѣжливы были, да не ѣчесливы?
Ужъ какъ винны-го стоканы да не доносили,
Але пивны-го цяры да не доносили?
50. Золота-ле казна у васъ потратилась?
Але добры-ти кони да приѣжжены?»
Говорять два брата, два родимыи:
— Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ужъ пирь-отъ для насъ право чесенъ былтъ,
55. А поднощычки для насъ да были вѣжливы,
Ужъ какъ вѣжливы были и очесливы,
Кабы винны стоканы да намъ доносили,
Кабы пивныя-ти цяры да къ намъ доносили,
Золотая казна у насъ да не потратилась,
60. Какъ и добрыхъ намъ коней не заѣздити,
Какъ скаченъ намъ жемцюгъ да всё не выслуга,
Кабы чистоѣ серебро не похвальба,
Кабы есть у насъ дума да въ ретивомъ серцѣ:
Кабы есть у насъ сестра да всё родимая,
65. Кабы та-же Анастасья да дочь Петровична,
А не хто про ей незнать, право не вѣдаеть,
За семима-те стѣнами да городовыми,
За семима-ти дверьми да за жолѣзными,
За семима-те замками да за нѣмецкими.—
70. А уцоло тутъ вѣдъ ухо да богатырьскоѣ,
А завидяло око да молодецькоѣ,
Тутъ ставаеть удалой да доброй молодець,
Изъ того-же изъ угла да изъ передняго,
Изъ того-же порядку да богатырьскаго.
75. Изъ за того-же изъ за стола середняго,
Какъ со той-же со лавки, да съ дубовой доски,

- Молодые Алёшенька Поповицъ младъ;
Онъ выходитъ на сѣреду кирпицатъ полъ,
Становилсе ко князю да ко Владимиру:
80. «Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ко, позволь мнѣ слово вымолвить,
Не позволишь-де за слово ты сказнить меня,
Ты сказнить, засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты подъ мецъ склонить».
85. Говорить-то де тутъ нынѣ Владимиръ князь:
— Говори ты, Олѣша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай.—
Говорить тутъ Олѣшинька Поповицъ младъ:
«Охъ вы ой есь два брата, два родимыи!
90. Вы Лука-де, Матвѣй дѣти Петровици!
Ужъ я знаю про вашу сестру родимую,—
А видалъ я, видалъ, да на руки сыпалъ,
На руки я сыпалъ, уста чѣлѣнвалъ».
Говорять-то два брата, два родимыи:
95. — Не пустымъ-ле ты Олѣша да похваляише?—
Говорить тутъ Олѣшинька Поповицъ младъ:
«Охъ вы ой еси два брата, два родимыя!
Вы ѡбъжите-ко нынѣ да вонъ на улицу,
Вы ѡбъжите-тко скоре да ко свою двору,
100. Ко свою вы двору, къ высокоу терему,
Закатайте вы комъ да снѣгу бѣлого,
Ужъ вы бросьте-ткось въ окошечко косявчато,
Припадите вы ухомъ да ко окошечку,—
Ужъ какъ чѣ ваша сестра тутъ говорить станѣтъ».
105. А на то-де робята не ѣтлушались,
Поѡбъжали они да вонъ на улицу,
Приѡбъжали они да ко свою двору,
Закатали они комъ да снѣгу бѣлого,
Они бросили Настасьѣ да во окошечко,
110. Какъ припали они ухомъ да ко окошечку,
Говорить тутъ Настасья да доць Петровицъна:
«Охъ ты ой еси Олѣшинька Поповицъ младъ!
Ужъ ты што рано идѣшь да съ весела пиру?
Развѣ ширь-отъ-ле для те право не чесенъ былъ?
115. Развѣ поднощычки тебѣ были не вѣжливы?
А не вѣжливы были да не очесливы?»

- Кабы тутъ-де робятамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
А хотятъ они вести ей во чисто полѣ. *)
120. Кабы тутъ-де Олѣшинькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе.
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь мнѣ позволь, сходить посвататься,
Ты позволь мнѣ позвать да стара-казака,
125. Ты позволь мнѣ—Добрынюшку Никитиця,
А робята-ти вѣдь роду-ту вѣдь вольнѣго,
Ужъ какъ вольнѣго роду-ту смиренѣго». Ужъ позволилъ имъ солнышко Владимиръ-князь,
Побѣжали тутъ робята скоро-наскоро,
130. Они чеснымъ порядкомъ да стали свататься.
Подошли тутъ и руськи да три богатыря,
А заходятъ во гриню да во столовую,
Они Богу-ту молятсе по ючѣному,
Они крестъ-отъ кладуть да по писанному,
135. Какъ молитву говорятъ полну Иисову,
Кабы кланяютсе да на вси стороны,
А Луки да Матвѣю на особицѣ:
«Мы пришли нынѣ, робята, къ вамъ посвататься,
Кабы съ чеснымъ порядкомъ, съ весела пиру,
140. А не можно-ле какъ да дѣло сдѣлати?
А не можно-ле отдать сестра родимая?»
Говорить тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Не про насъ была пословиця положена,
А и намъ, молодцамъ, да пригодиласе:
145. «Кабы въ первой вины да, бывать, Богъ проститъ,
А въ другой-то вины да можно вамъ проститъ,
А третья-то вина не надлежитъ ищѣ». Подавалъ тутъ онъ вѣдь царю зелена вина,
Не великую, не малу—полтора ведра,
150. Да припалнивалъ мѣду тутъ да сладкого,
На закуску калачъ да бѣлъ крупищатой;
Подаютъ они царю да обѣма руки,
Поблишешинько они къ имá да придвигаются,

---

*) Дальше О. Чуркина знала старину уже не такъ твердо и пѣла не совсѣмъ увѣренно.

- Понижешенько они имъ да покланяются,
155. А берутъ-то-де царю единой рукой,
А какъ пьютъ-ту-де царю къ едину духу,
Кабы сами они за царой да выговариваютъ:
«А оммыло-де наше да ретиво сердце,
Звеселило у насъ да буйну голову».
160. Веселымъ-де пиркомъ, да они свадебкой,
Какъ повыдали сестру свою родимую,
За того-же Олѣшненьку Поповиця.

4.

Васька Игнатъевъ.

- Пролегала, просвистала да быстра рѣченька,
По прозванію-ту рѣченька Смородина,
Она усѣмъ-то пала въ Волгу матушку;
Волга матушка рѣка да подъ Казань она пошла,
5. Подъ Казань она пошла, пошла подъ Вастрахань,
Она усѣмъ-то пала да во синѣ морѣ.
По синю-то морю да тутъ карабъ бѣжитъ,
Баско-хорошо карабъ да изукрашеной,
Кабы носъ-де, корма да подзолочена;
10. Мѣсто глазъ-то его да было врѣзано,
Какъ по цѣлому камню да самоцѣтному;
Мѣсто рѣсницъ-то его было приклеено,
Какъ по цѣлому бобру да по осистому;
Мѣсто бровей-то его было прибivano,
15. Какъ по цѣлой лисичѣ да бурнастой;
Мѣсто ушей-то его было привязано,
Какъ по цѣлому волку да по рысучему;
Мѣсто хвоста-то его было повѣшено,
Какъ по цѣлому звѣрю да по заморскому.
20. А карабль-отъ бѣжитъ да какъ соколъ летитъ,
А и рыщетъ карабль по звѣрному,
Кабы хоботы-то мецѣтъ по змѣиному,
Да не флюгаръ на деревѣ шатайтсе,
Будто люгая змѣя да извивается.
25. Да бѣжали, выбѣгали два гнѣды тура,

- Да на стрѣцю имъ туриця, да родна матушка:
«Ужъ вы здраствуйте туры, да дѣти малыя!»
— Ужъ ты здраствуй туриця, родна матушка!—
«Ужъ вы гдѣ-же туры да были-побыли?»
30. — Ужъ и были мы вѣдь, матушка, во Шахавѣ,
Да погулели, сударына, во Ляховѣ,
Сарочинско чисто полѣ да впоперѣкъ прошли,
Стольной Кіевъ мы градъ да изъ конца въ конецъ,
Некакого мы вѣдь цода-та не видѣли,
35. Только видѣли чудышко не малое,
Да не малое чудо, да превеликое:
Да середка мы ноци, да середь тѣмной,
Да середка мы ноценьки осѣнной,
Отворилисе ворота, да городовья,
40. Выходила дѣвица да младо-красная,
Да въ одной она рубашецкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ она чеблѣтахъ безъ цолоциковъ,
Выносила она книгу да лисъ еванъелье,
Забродила она да во Пучевъ рѣку,
45. Забродила она да по коленъ въ воды,
Да ищѣ того поглубже—дакъ до горлышка,
Становилася ко камешку ко сѣрому,
Да и клала она книгу да на сѣрой камень,
Да стояла она тутъ отъ зари до зари,
50. Да читала она книгу отъ доски до доски,
Да и сколько читала, вдвое плакала.—
Говорила имъ матушка родимая:
«Охъ вы ой еси туры да златорогія!
Не дѣвица выходила, да Богородиця,
55. Она цюетъ надъ городомъ незгодунку,
Она цюетъ на Кіевомъ великую:
Да и Скурла-де царь да подымантъсе,
Да со тѣмъ-же со сватушкомъ со Куршакомъ,
Да со тимъ-же со зетелкомъ со Миршакомъ,
60. Нагонилъ онъ въ чисто поле силы множество:
Попередни-то его да сорокъ тысецей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысецей,
По лѣву руку, собаки, сорокъ тысецей,
Позади-то его да числа-смѣту нѣтъ;
65. Поселился онъ тутъ да нынъ въ чистомъ полѣ,

- Хорошо-де собака да шатры выставилъ,
Хорошо онъ, татаринъ, да верхи выкрасилъ,
Да и самъ онъ тутъ по силушки похаживать,
Да и самъ онъ тутъ силушку разглядывать,
70. Да садилса-де Скурла да за дубовой столъ,
Онъ писалъ ерлыки, да скороу грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина какой больше всѣхъ,
Выбиралъ онъ тотарина какой толще всѣхъ,
Да и выбралъ такого да превеликаго,
75. Да и туша-то его да всё коса сажень,
Да коса-де сажень, сажень печатная,
Да и плеча-то его дакъ махова сажень,
Головище у его сильнѣй пивной котѣль,
Да ушища у его какъ царски блюдища,
80. А глазищи его какъ шивны чашища,
А ручища его какъ сильны граблища,
А ножища у его какъ сильны кичжища,
А и самъ онъ ему тутъ наговаривать:
«Да и ѣдь ты черезъ пашенки посѣенны,
85. «Черезъ тѣ-же мелки да переулоцьки,
«Черезъ стѣны тѣ ѣдь да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
«Да и ставъ ты коня серѣдка улицы,
90. «Не привязывай коня ты, не приказывай.
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ужь ты Богу не молись, да ты челомъ не бей,
«Ты челомъ не бей, не кому не кланейся,
«Ужь ты выложъ ерлыкъ да на дубовой столъ;
95. «Какъ ты выложишь ерлыкъ, дакъ такъ и вонъ поди,
«Такъ и вонъ поди, скорѣ назадъ гони.»
Тутъ подходитъ солнышко Владимиръ-князь,
Да читать онъ ерлыкъ да скороу грамоту,
Да и то у собаки написано,
100. Да и то у собаки напечатано:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужь ты дашъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму,
Ты не дашъ городъ добромъ, дакъ я боёмъ возьму,
Я великой-ле дракой, да кроволитыицёмъ:
105. Я соборны больши церкви да вси на дымъ спущу,

- Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги во грезе стопчу,
Чудны образы пконы да на полавъ воды,
Самого я князя да въ котлѣ сварю,
110. Да саму я княгину да за себя возьму».
Говоритъ-же тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Охъ ты ой еси княгина да мать Опраксія!
Ужъ ты дума моя да была крѣпкая,
Ужъ ты слово моё да было тайное,
115. Ужъ ты вострая баба, да всё догадлива,
Пособи-ко ты мнѣ да думу думати,
Да скажи-тко минѣ да ты пожалуста:
Да кого-же намъ послать нынѣ поединщикомъ?»
Говоритъ тутъ княгина да мать Опраксія:
120. — Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты сходи-тко, ты поди да на царевъ кабакъ,
Кабы нѣтъ-ли тамъ какого руського богатыря.—
А на то-де нынѣ князь да не отслышалса,
Побѣжалъ нынѣ Владимиръ да на царевъ кабакъ,
125. Да и стрѣтилась ему первая застава,
Да и сталъ тутъ-де князь нынѣце выпрашивать:
«Кабы кто-ле есь гулять на царевомъ кабакѣ,
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему первая подсушинка:
130. — Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты не съ нами думу думаешь—съ боярами.—
Побѣжалъ-де нынѣце князь да онъ опять впередъ,
Кабы стрѣтилась ему серенняя подсушинка,
Да и сталъ тутъ князь нынѣце выпрашивать:
135. «Кабы кто-же есь гулять на царевомъ кабакѣ?
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему серенняя подсушинка:
— Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами.—
Да пошолъ тутъ князь нынѣце опять впередъ,
140. Да и стрѣтилась послѣдняя подсушинка,
Да и сталъ тутъ-де князь нынѣце выпрашивать:
«Ужъ и нѣтъ-ли кого на царевомъ большемъ кабакѣ?»
Говоритъ ему послѣдняя подсушинка:
— Кабы есть ту да Васиенька Игнатъевниъ,
145. Онъ пропиесе, промоталсе да всё до нитоцьки,

Не креста у его нѣтъ, не пояса,
Онъ вѣдь спитъ ту на пецькѣ, да на муравленкѣ,
Да подь тѣмъ-же подь краснымъ подь трубнымъ
окномъ,

Паступаютъ ему да третьи суроцьки.—

150. Пообѣжалъ тутъ князь нынѣ опять впередъ,
Да приходитъ-то князь да на царевъ кабакъ,
Да добралса до Васиеньки Игнатъевича,
Да Василей-отъ спитъ, да какъ порогъ шумитъ,
Да и сталъ тутъ князь его побуживать,
155. Да и сталъ онъ тутъ его покликивать:
«Охъ ты ой еси Васиенька Игнатъевичъ!
Тибѣ долго-же спать, да все пора ставать».
Да и будитъ его да во первой законъ,
Да и будитъ его да во второй законъ,
160. Да и будитъ его да во третьей законъ,
Да и тутъ-де Василей да пробужаитсе,
Отъ великого сна да просыпаетсе,
Говоритъ ту-де князь да таковы рѣчи:
«Охъ ты ой еси Василей сынъ Игнатъевичъ!
165. Приходи ты во гриню да во столовую,
Пособи ты минѣ да думу думати».
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
— Не креста у меня нѣту, да нынѣ не поеса,
Да прошилса я, промоталса, да весь до ниточки.—
170. Да и скоро-де князь-отъ крестъ-отъ выкупить.
Говоритъ ту-де Васиенька Игнатъевичъ:
«Ты поди ты домой да я вѣдь самъ приду».
Да пошолъ-де тутъ князь да нынѣ домой назадъ,
Да стрѣбцеютъ они да добра молодца,
175. Да того-же они Васиеньку сына Игнатъева,
Да садилн его да за дубовой столъ,
Подносили-де царю да зелена вина,
Не велику не малу да полтара ведра.
Да завидѣли тутъ думныя бояра толстобрюхѣ,
180. А и это имъ порато да за бѣду стало:
«А кака эка чесь сѣдни Васиенькѣ Игнатъеву?»
А и тутъ нецѣ князь говоритъ не смѣтъ,
Говоритъ-то Васиенька Игнатъевичъ:
— Да ещо-ли я вамъ, Васиенька, понадобится?—

185. Говорять-то бояра да толстобрюхін:
«Тибѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано!»
Да спросилъ тутъ Васька да во второй законъ:
— Да ищэ-ле я, Васинька, понадобитсяъ?—
Говорять-то бояра толстобрюхіе:
190. «Тебѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано».
Повторилъ тутъ Васька во третей законъ:
— Не ищэ-ле вамъ вѣдь Васинька понадобитсяъ?—
Говорять ту бояра да толстобрюхін:
«Тибѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано».
195. А и князь-отъ ничего говорить ни смѣтъ.
Кабы тутъ-де вѣдь Васинькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Тутъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго,
Тутъ не видно поѣздки молодецкойей,
200. Только видно Василий на коня скочилъ,
На коня-то скочилъ, да онъ коня стегнулъ,
Какъ пріѣхалъ тутъ-де Васинька Игнатъевичъ:
«Какъ и ѣду-ле я съ вами*) въ стольно-Кіевъ-градъ,
Я громѣтъ-шурмовать да стольно-Кіевъ-градъ,
205. Мы повыбѣёмъ-де всю силу да самолучшую,
Ужъ мы тѣхъ-же бояръ да толстобрюхінхъ,
Только тотъ съ вами залогъ да я положу нынъ:
Штобы оставить князя да со княгиною,
Да и царьской дворечь, да церкви Божіи».
210. Состоялася война да тутъ великая,
Кабы бьютъ по всему да какъ по городу,
А князя дворечь да оставапце.
Говорить ту-де Скурла да таково слово:
«А не должъ-ле ты это да придумалъ-же?»
215. Заскочилъ-то Василей во гриню во столовую,
Да хваталъ онъ столешенку кедровую,
Да вызывалъ ей нынѣ выше могущихъ плечь,
Да змолися ему да тутъ Владимиръ-князь:
«Ты оставь на покаянъе грѣхомъ тяжкіимъ,
220. Не убей-же ты во гринѣ князя Владимира».
Опустились у Василья да руки бѣлыя,
Кабы выскоцилъ Василей да вонъ на улицу,

*) съ татарами.

- Да хваталь онъ вѣдь трубоцьку да говорливую,
Заревѣль, завопѣль зычнымъ голосомъ:
225. «Да пора намъ надошла да нынь шабашити».
Туть бросали всю нынѣ орудію,
Кабы стали совѣтъ они совѣтовать,
Кабы стали они да думу думати,
Кабы стали дѣлать да золоту казну,
230. Да и Васиньку стали да туть обдѣливать.
Говорить туть одинъ да изъ тотаръ ище:
«Охъ ты ой еси нынь да ты-ле Скурла царь!
У бою у насъ Василей да всѣхъ вѣдь больше былъ,
У дѣлу нынѣ сталъ да онъ вѣдь меньше всѣхъ».
235. Говорить ту-де нынь да ищѣ Скурла царь:
— У мя есь ищѣ сабелька не кровавлена,
Надѣлю по Васильевой по шеѣ я.—
А и это нынь Василью да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе:
240. «У меня есь-же вѣдь сабелька запасная,
Надѣлю я по Скурлатыной по шеюшкѣ».
Да хваталь онъ и сабельку нынь вострую,
Да на ту руку махнѣтъ—туть и улица,
На другу руку махнѣтъ—переулоцекъ,
245. Да и сколько онъ бьетъ, вдвое конемъ топчѣтъ,
Да и бился онъ туть да трои сутоцьки,
Не одного изъ нихъ да не помиловаль,
Да и всѣхъ нарушилъ да до единого.
Туть подходитъ-то солнышко Владимерь-князь:
250. «Охъ ты ой еси Василей да сынъ Игнатъевичъ!
Заходи-тко ты во гриню да во столовую,
Да садись-ко ты нынь да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли ты ись, да нынѣ квасу пить,
Быватъ хоцетса тибѣ и опохмелитсе,
255. Быватъ хоцетса тибѣ и опочинутце».

Туть Ѳ. Чуркина разсказала словами: «Заходилъ Василей во гриню во столовую, мыль руки бѣлыя, простилсе (извинилсе) князю Владимиру—расплакалсе: неладно надѣлаль. Туть посадилъ его князь и стали пировать—помирилсе».

5.

Скопинъ.

- ...«Да и много Скопинъ да по землямъ бываль, *)
Кабы много Скопинъ городовъ бираль,
Да не взявши отъ города не отъѣзживаль,
Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,
5. Двадцети пети полковъ, да полковъ тысячныхъ;
Да Малютина князя во служенье браль,
Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки,
Чашки-ложки, я, мыть, да повареноцьки.
Да и это Малюты да за бѣду стало,
10. За великую досаду показалосе,
Побѣжала Малюта да дочь Скурлатьевна:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ золоты ключи,
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ кованы ларьци,
15. Ты позволь мнѣ сходить да во темны погребы,
Ты позволь мнѣ налить царю зелена вина,
Да вчера мы вѣдь съ кумушкомъ кумилисе,
Да сегодня вѣдь хресника проздравить надь».
Говорить-то вѣдь солнышко Владимиръ-князь:
20. — Охъ ты ой еси Малюта дочь Скурлатьевна!
Да повѣрены тебѣ золоты ключи,
Да повѣрены тебѣ да темны погребы.—
Побѣжала Малюта дочь Скурлатьевна,
Наливала она царю зелена вина,
25. Наливала не малу, да полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она сала змѣинога,
Да подноситъ Скопину сыну Ивановичу,
Поближешинько она да придвигайтсе,
30. Понижешинько она да покланяйтсе:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановицъ!
Ужъ ты выкушай царю да зелена вина».

---

*) Только съ этихъ словъ знаеть О. Чуркина старину про Скопина, также какъ и многіе другіе сказатели Устьцѣлемской волости. Въ Пустозерской волости эту старину знають сначала.

- По краямъ-то у цяры да ровно ключъ кипить,
По середкѣ у цяры ровно огонь горить.
35. Да беретъ-то Скопинъ цяру единой рукой,
Да и самъ-де за цярой выговаривать:
«Охъ вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина да заговорная!
Ужъ вы руськіе могущіе богатыри!
40. Ужъ какъ пить мнѣ-ка цяра—живому не быть,
А не пить мнѣ-ка цяра дакъ виновату быть.
Ужъ я выпью какъ цяру да зелена вина,
Вы тащыте меня да вонъ на улицу,
Посадите меня вы на добра коня,
45. Привезите меня да ко добру коню,
Спроводите коня да ко свою двору,
Пусть и знатъ про меня да родна матушка». —
Кабы выпилъ Скопинъ цяру зелена вина,—
Покатилася съ плечъ буйна головушка,
50. Да свалилася она да на широку грудь,
Кабы ниже она стала могущихъ плечъ.
Тутъ увидѣли руськіе богатыри,
Потащили его да вонъ на улицу,
Посадили его да на добра коня,
55. Привезали его да ко добру коню,
Спроводили коня да ко свою двору,
Ко свою двору, высоко терему.
Какъ увидѣла матушка родимая,
Какъ и ѣдетъ Скопинъ да сынъ Ивановичъ,
60. Да выскакивала она да на красно крыльцо,
Да стрѣцала она сына сердцецного:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановичъ!
Да дитя ты мое, дитя родимое,
Да ты цядо мое, цядо мое сердечное,
65. Ужъ ты што-же нынъ ѣдешъ да не по старому,
Не по старому ты ѣдешъ, да не по прежному,
Повѣся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да оци ясныя,
Потопя ты ихъ держишь да въ мать сыру землю».
70. Говорить то Скопинъ да сынъ Ивановичъ:
— Охъ ты ой еси матушка родимая!
Матера ты Омельфа Тимофеевна!

- Ужъ я былъ у князя да на чесномъ пиру,
Прибездестилъ молоду да дочь Скурлатьевну,
75. Воспромолвилъ-же я да нынъ такую рѣчь:
«Ужъ я много Скопинъ по землямъ бывалъ,
«Ужъ я много Скопинъ да городовъ биралъ,
«Да не взявши отъ города не отъѣзживалъ,
«Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,
80. «Двадцети пети полковъ, да полковъ тысячныхъ,
«Да Малютина-князя во служенъе бралъ,
«Да Малюту Скурлатьевну во служаноцки.»
Подавала она мнѣ царю зелена вина,
Не великую не малу, да полтара ведра,
85. Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она тутъ сала змѣиного,
Да и выпилъ я царю да зелена вина.
Охъ ты ой еси матушка родимая!
Да бѣжи ты скорѣ нынъ по попа-отця,
90. По попа-де, отця, да по духовного,
У меня есь на душѣ да три тяжкихъ грѣха).
Розорвала тутъ матушка родимая,
Да и вси тутъ, всѣ пунки шолковыя,
Да снимала она его со добра коня,
95. Побѣжала старуха да скоро-наскоро,
Привела она попа-отця духовного,
Да сказалъ онъ ему да три тяжкихъ грѣха,
Да заключилса у его тутъ говорунъ-языкъ.
Кабы тутъ-де старухи да за бѣду стало,
100. За великую досаду да показалосе,
Заскакивала она да на добра коня,
Да гонила она да въ стольной-Кіевъ-градъ,
У воротъ она не спрашивать приворотничковъ,
У дверей она не спрашивать придверничковъ,
105. Забѣждаетъ она на улицу широкую,
Да въ крылечко клюкой стала поколачивать:
«Да подай-ко, подай, князь, виноватого,
Ужъ и худо потребилъ дитя сердечного,
Какъ того-же Скопина сына Иванова:
110. Наливала Малюта царю зелена вина,
Не велику не малу, полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,

- Да положила она сала змѣинога».
- А и тутъ Малюта нынѣ на юходѣ ушла.
115. А садился тутъ солнышко да за дубовой столѣ,
Онѣ писалѣ ерлыки да скоры грамоты,
Разсылалѣ онѣ по городу по Кіеву,
Розыскать Малюту дочѣ Скурлатѣевну.
А на то-де старуха была догадлива,
120. А сама-де старуха въ сугонѣ поѣхала,
Да выдернула она нынѣ сырой дубѣ,
Уколотила она Малюту доцѣ Скурлатѣевну. *)
А увидѣла старуха да стара-мáтера,
Какѣ слетѣлись-де нынѣ два ворона,
125. А одинѣ-то-ле воронѣ да царя бѣлого,
А другой отѣ-де воронѣ да царя чернаго,
Они бьются-дерутся, пуще ратятся,
Ни которой другого побѣдить не могутъ нынѣ.
А змолился-ле воронѣ да царя бѣлого:
130. «Помоги-ты мнѣ старушка, да стара бабушка,
Потребити мнѣ вѣдѣ ворона, мнѣ вѣдѣ чернаго,
Ужѣ я сдѣлаю тебѣ добро великое».
Да натегивала старуха нынѣ тугой лукѣ,
Зарежала-то стрѣлоцѣку калѣную,
135. Да подстрѣлила ворона невѣрнаго.
Да слеталѣ нынѣ воронѣ по живу воду,
Да и отдалѣ старухѣ, да старой бабушкѣ;
Помазáла она сына нынѣ любимого,
Помазáла она его во первой наконѣ,
140. Помазала она его во другой наконѣ,
Да плеснула она ему на бѣло личо,
Стрепенулса Скопинѣ да сынѣ Ивановичѣ;
Кабы тутѣ-де Скопинѣ да пробужаитсе,
Отѣ великаго сну да просыпаитсе;
Да скакаль-то Скопинѣ на рѣзвы ноги:
145. «Ужѣ я долго-де спалѣ, да всё пора ставать».

---

*) Отсюда, сказала мнѣ О. Чуркина, она вѣла старину въ первый разѣ, но какѣ поютъ другіе, прежде слыхала.

II. СЕЛО ЗАМЕЖНОЕ (ЗАМЕГЪ).

2. Анкудинъ Ефимовичъ Осташевъ.

Высокій, здоровый, плечистый старикъ 78 лѣтъ, уроженецъ Замега и старообрядецъ по рожденію, но въ видѣ рѣдкаго исключенія въ этихъ мѣстахъ— утратившій вѣру отцовъ. 20 лѣтъ безъ перерыва „Анкуха“, какъ зовутъ его на Печерѣ, находится при православной церкви въ его деревнѣ; сначала онъ служилъ въ ней сторожемъ, теперь и старостой, и сторожемъ вмѣстѣ. Отъ раскола постепенно онъ отсталъ, и теперь каждый годъ исповѣдуется и причащается. Прежде службы при церкви 20 лѣтъ кряду ходилъ по Печорѣ съ чердынскими судами отъ Балбанскаго носу до Якши и обратно (тысячи три верстъ!). Ходилъ сначала въ бичевникахъ, *шійхой*—переднимъ бурлакомъ, затѣмъ лоцманомъ. Во время своихъ странствованій видѣлъ много всякаго народа, причемъ было, конечно не до соблюденія обрядностей раскола. Это-то и подготовило его переходъ въ православіе—чрезвычайно рѣдкій случай на Печорѣ, повторяю. Отчасти во время своихъ странствій, отчасти дома онъ научился и старинамъ, нѣкоторыя слышалъ въ Пустозерскѣ. Онъ очень добродушенъ, сейчасъ-же согласился пѣть, только совсѣмъ не могъ пѣть безъ водки, къ которой сильно приверженъ, опять-таки отъ временъ бурлачества-же. Всѣ его старины очень коротки, онъ много изъ нихъ выпускаетъ, невольно, конечно, хотя поетъ очень гладко,—стариннымъ „ясакомъ“.

6.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Да стояли-де на заставы богатыри,
Да ни много ёни—петнацеть лѣтъ;
Але старъ-то казакъ былъ на бѣльшани,
А Добрынюшка Микитичъ былъ во писаряхъ,

5. Да и Васицька Буслаевъ былъ во кашникахъ,
Да два брата Долгополын во конюхахъ.
Да ни хто-ко туды нонь не прохаживаль,
Кабы черной-ле воронъ да не пролетываль.
Да ставають ёни ютромъ ранешинько;
10. Да ставаль старъ-казакъ утромъ ранешинько,
Надеваль онъ сапожки да на босу ногу,
Свою кунью-ту шубу на одно плецё,
Свой пуховъ-де калпакъ да на одно ухо,
Кабы брать-то-ле трубоцьку подзорную,
15. Выходиль-де вѣдь онъ да на юлицу,
Заходиль онъ на релн да превысокия,
Онъ смотрѣль-ле теперь да во чисто полѣ.
Не гора-ле въ чистомъ полѣ знаменуется,
Не богатырь-ле ѣздитъ да потѣшаеця,
20. Подъ правой-то ногой дакъ бѣжитъ сѣрой волкъ,
Подъ лѣвой-то ногой дакъ молодой выжлокъ,
На правомъ-то плецѣ сидитъ ясень соколь,
На лѣвомъ-то плецѣ сидитъ бѣлой кречеть;
Калену-ле онъ стрѣлоцьку пострѣливать,
25. Да и на поль-де стрѣлку да не юранивать.
Слѣзывать-то старой дакъ на сыру землю,
Онъ увидѣль ярлыкъ дакъ скору грамоту,
Онъ взялъ-де ярлыкъ да скору грамотку,
Заходиль-то старой да во бѣлой шатѣрь,
30. Говориль-то старъ-казакъ да Илья Муромецъ:
«Охъ вы ой еси дружинюшка хоробрая!
Ашь вамъ полно-ко спать, да пора ставать,
Отъ великого сну да пробужатисе,
Отъ великой хмелины да просыпатисе.
35. Ты ставай-ко Добрынюшка Микитиць бладь,
Ты считай-ко ярлыкъ, да скору грамоту».
Да ставаётъ Добрынюшка Микитиць бладь,
Клюцовой-де водой да умываеця,
Полотѣнышкомъ самъ да утираеця,
40. Онъ берётъ-де ярлыкъ да скору грамоту,
Отъ цитаётъ, дѣтина, да усмѣхаеця:
«Ужь у старой собаки да голову срублю,
«Я Добрынюшку Микитиця возьму въ писари,
«Я и Ваську Буслаева во кашники,

45. «Да два брата Долгополыхъ возьму въ конюшни.
Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Онъ уздалъ-де сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ поѣхалъ за сокольникомъ въ чисто полѣ,
50. Онъ наѣхалъ на сокольника въ чистомъ полѣ,
Закрывалъ тутъ старой дакъ зычнымъ голосомъ:
«Ахъ ты ой еси ворона да пустопѣрая!
Да куда ноньце лѣтншь, да куды путь держишь?
За невидъ ты потеряешь буйну голову».
55. Да на то ноньце сокольникъ не ѣгленетце:
Закрывалъ тутъ старой да во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси ворона пустопѣрая!
Ты куда ноньце летишь, да куды путь держишь?
За невидъ ты потеряешь буйну голову».
60. А оттуль-же сокольникъ да поворотъ даѣтъ,
Да съѣжжались со старымъ, да они встрѣтились,
А ударилъ сокольникъ да Илью Муромца,
Онъ не выпалъ едва изъ сѣдлышка;
Оттуль-же ѣни дакъ разѣжжались,
65. Какъ съѣхались они да во второй наконъ,
Какъ ударилъ старъ-казакъ да сокольничка.
Тутъ вѣдъ вышибъ его изъ сѣдлышка;
А скакали тутъ ѣни да на сыру землю.
Какъ хватались они дратця въ рукопашную.
70. Они бились какъ, дрались да двои сутоцки.
Какъ какн-то-ле тяжки грѣхи попутали,
Какъ права нога стара-казака да окатилося,
Да лѣва его нога да подлومیлося.
Какъ садился сокольникъ да на бѣлы груди.
75. Онъ вымалъ-то чинжалнице булатенъ-ножъ,
Онъ хотѣлъ-то пороть да груди бѣлыя.
Въ заведи его рука да застоялося;
Замахнулся сокольникъ да во второй наконъ,
Да въ локтю его рука да застоялося.
80. Тутъ змолился, старой дакъ Господу Богу:
«Охъ ты ой еси Присвета Матерь Богородица!
Я стоялъ ноньце за вѣру за христовую,
Я стоялъ ноньце за церкви православныя,
Я стоялъ-ле за иконы да за цюдныя,

85. Ты повыдала поганому едолицу».
У стара-казака да силы прибыло;
Онъ не бѣль-то-ле куропать выпархиваль,
Кабы старъ-де казакъ ноньце выскакиваль,
Онъ бросаль-то сокольника на сыру землю,
90. Онъ садилса къ ему да на бѣлы груди:
«Охъ ты ой еси удалой да доброй молодець!
Ты коей нонь земли, коей вотчины?
Коего ты отца, да коей матери?
Кабы какъ тебя, дѣтина, да именѣмъ зовуть?»
95. Говорить-то сокольникъ да таково слово:
— Когда былъ я у ты дакъ на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашиваль ни имени, ни вотчины,
Я хотѣлъ нонь пороть твои бѣлы груди,
Ты пори ноньце мой, право, бѣлы груди.—
100. Говорить ему старой да во второй наконъ:
«Охъ ты ой еси удалой доброй молодець!
Ты коей ноньце земли, да коей вотчины?
Коего-же ты отца, да коей матери?»
— Отъ того-же я отъ камѣшка отъ Латыря,
105. Да отъ той-же я отъ матушки Златыгорки,
Какъ зовутъ меня, право, сокольникомъ.—
Говорить ему старой да Илья Муромецъ:
«Охъ ты ой еси удалой доброй молодець!
Ты вѣдь будешь нынѣ мнѣ да не поклѣпной сынъ:
110. Мы дрались съ твоей матушкой родимой,
Мы дрались-ле съ ею да ровно три года,
Мы одинъ-ле другого да нынѣ не ранили,
Мы не ранили одинъ, дакъ не кровавили,
Ужь мы сдѣлали любовь съ ею сердцецную,
115. Да сердцецную любовь, да нынѣ тѣлесную.»
Говорилъ-ле старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ты зачѣмъ-же вѣдь выѣхаль во чисто поле?
Молодѣшинѣкъ выѣхаль, зеленѣшинѣкъ,
Кабы выѣхаль-ле ты да лѣтъ семнацети,
120. Дакъ и небыло-бы тебѣ въ поли поединщика.»
Кабы тутъ-же ёни да распростилисе,
Какъ поѣхаль сокольникъ да онъ назадъ домой.
Прѣбжжаетъ онъ къ своей матушкѣ родимой,
Говорить своей матушкѣ родимой:

125. «Ужъ какъ стара собака да похваляетца:
Будто ты ему топере да ноньце суца блядь,
А какъ я ему да ноньце выбледокъ?»
Говорить ему матушка родимая:
— Не пустыми вѣдь старой-отъ похваляетца,
130. Ты вѣдь будёшь ему да не поклѣпной сынъ.—
Кабы тутъ-же сокольнику за бѣду стало,
За велику-ле досаду показалосе,
Онъ убилъ свою матушку родимую.
Онъ поѣхалъ топере да во чисто полѣ,
135. Ко тому-же шатру да Ильи Муромцю,
Онъ и брать-то конейцо бурзомецкое.
Какъ о ту ноньце пору, да какъ о то время,
Кабы старъ-казакъ спить, дакъ порогъ шумить,
Кабы ткнулъ-де сокольникъ Илью Муромца,
140. Да попалъ-де ему, право, въ чуденъ кресъ.
Кабы тутъ-де старой да пробуждается,
Онъ выскакиваль старой дакъ изъ бѣла шатру,
Онъ хваталь-ле сокольника за черны кудри,
Да бросаль-же его ноньце о сыру землю,
145. Да срубилъ-же ему да буйну голову.

7.

Бой Добрыни и Дуная.

- Ай да первая поѣзка да молодецкая.
Хоробра была поѣзка да молодецкая,
Да не видѣли побѣжку да лошадиную,
Только видѣли въ чистомъ поли курива стоитъ,
5. Курива-ли стоитъ, дакъ дымъ столбомъ валить;
Выѣжжалъ-ле тутъ Добрыня на чисто полѣ,
Онъ брать-то-ле трубоцьку подзорную,
Осмотрѣлъ на четыре да на дальни стороны,
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ западну:
10. Тамъ стоять-де топере да лѣсы темныя;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ сѣверну,
Тамъ стоять-де топере да леденны горы;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону восточную,

Тамъ стоитъ дакъ и нашъ да стольнёй Кіевъ-
градъ;

15. Онъ смотрѣль-де подъ сторону подъ лѣтнюю,
Онъ завидѣль въ чистомъ полѣ черной шатѣрь,
Онъ черной-де шатѣрь, да чернobarхатной.
Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
«Какъ у нашего царя было у бѣлого,
20. У нашихъ-то руськихъ богатырей,
Кабы были-ле шатры бѣлополотнены,
Туть стоитъ ноньце черной, да чернobarхатной».
Пріѣждяль туть Добрыня ко черну шатру,
Привезаль онъ коня да ко сыру дубу,
25. Заходилъ-то Добрыня да во черной шатѣрь,
Розоставлены столы туть бѣлодубовыя,
Розоставлены вѣдра да зелена вина,
Розоставлены бадьи да съ медомъ сладкімъ,
Розоставлена посуда да все хрустальняя,
30. Туть лежалъ-де ярлыкъ, да скоро грамота:
«А кабы кто ноньце въ моёмъ шатру попьѣтъ-
поѣсь,
«Какъ попьѣтъ-де поѣсь, право, покушаеть,
«Не уѣхать живому изъ чиста поля».
А оттуль-же Добрыня да поворотъ даѣтъ,
35. Онъ поѣхаль назадъ да въ стольнёй Кіевъ-градъ,
Добѣжалъ-то Добрыня до Несей рѣки,
Онъ поилъ-де коня да во Несей рѣки,
Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
«Я пріѣду теперь да въ стольнёй Кіевъ-градъ,
40. Кабы стануть богатыри да спрашивать,
Кабы стануть-же руськіе вывѣдывать,
Ужъ я што имъ скажу, што повѣдаю?
То не честь мнѣ хвала молодецкая».
Какъ оттуль-же Добрыня поворотъ даѣтъ,
45. Пріѣждяль-то Добрыня да ко черну шатру,
Привезаль онъ коня да ко сыру дубу,
Заходилъ туть Добрыня да во черной шатѣрь,
Онъ напился, наѣлся, туть накушался,
Приломаль онъ туть посудушку хрустальною,
50. Приломаль онъ-де вѣдра зеленымъ виномъ,
Приломаль онъ бадьи да съ медомъ сладкімъ,

- Розрывалъ онъ тутъ да весь черной шатёръ,
Розбросалъ онъ шатёръ да почисту полю.
Онъ лёжился тутъ спать да на сыру землю.
55. Какъ о ту-же о пору, о то времицько,
Пріѣжжалъ тутъ Дунай да изъ чиста поля,
Онъ завидѣлъ свой шатёръ не постарому:
Вся приломана посудушка хрустальная,
Всѣ приломаны вѣдра съ зеленымъ виномъ,
60. Всѣ приломаны бадьи съ медомъ сладкіимъ,
Весь розорванной его да черной шатёръ,
Какъ увидѣлъ онъ Добрыню на сырой землѣ,
Вынималъ-де онъ сабельку булатную,
Онъ хотѣлъ-то срубить да буйну голову,
65. Думучись-то-ле самъ дакъ призадумалсе:
«Какъ сонно́го-то губить, дакъ ровно мёртвого,
То не чесь будётъ хвала да молодецкая,
А не выслуга будетъ да богатырская».
Розбудилъ онъ Добрынюшку Микитица,
70. Хваталисе они дратца на рукопашецьку,
Они билисе, дрались да трон сутоцьки.
Какъ о ту нынѣ о пору, да о то время,
Кабы старъ-ле казакъ да Илья Муромецъ,
Выѣзжалъ старъ-казакъ да во чисто полѣ,
75. Какъ со тѣмъ-же Олѣшинькой Поповицомъ,
Говоритъ старъ-казакъ дакъ Илья Муромецъ:
«Ой ты ой есь Олѣшинька Поповицъ братъ!
Слѣзываетъ ты теперица со добра коня,
Припадай-ко къ землѣ да юхомъ правымъ,
80. Не стучитъ-ле-де-ка матушка сыра земля,
Не дерутца-ле гдѣ руськіе богатыри;
Кабы два нонѣе руськихъ, дакъ помирить надо,
Кабы два нонѣе невѣрныхъ дакъ прогонить надо,
Кабы руськой съ невѣрнымъ, дакъ пособить надо».
85. Припадалъ-то Олѣша да ухомъ правымъ:
— Какъ не гдѣ нонѣ не стучитъ да мать сыра
земля.—
Какъ скакалъ-то старой да со добра коня,
Припадалъ онъ ко матушкѣ сырой землѣ,
Тамъ стучитъ-ле вѣдь матушка сыра земля,
90. Да подъ той-же сторонушкой восточной;

Какъ прямой-то дорогой ѣхать мѣсяцы,
Выѣзжалъ-то старъ-казакъ да ровно въ три часа.
Закричалъ старъ-казакъ да зычнымъ голосомъ:
«Ужь вы ой еси удалы добры молодцы!

100. Вы объ цѣмъ деритесь, дакъ объ цѣмъ ратитесь?
Развѣ на земли-то стало да нынѣ узко вамъ?
Кабы до-неба-то стало да нынѣ низко вамъ?»
Они то нынѣ дерутса, не варуютъ,
Они пуще дерутса, пуще ратятса,
105. Да скакаль-де старой дакъ со добра коня,
Онъ хваталь-де обѣхъ нынѣ въ охабоцьку:
«Охъ вы ой еси удалы да добры молодцы!
Вы объ цѣмъ нынѣ деритесь, да объ цѣмъ рати-
тесь?»

- Кабы сталъ ему Дунай нынѣ высказывать:
110. — Я вѣдь за морѣмъ нынѣ жилъ, да за синіимъ,
Я за синіимъ жилъ за Варальскіимъ,
У того-же я Семѣна Лиховитого,
Я вѣдь три года жилъ да ровно въ конюхахъ,
Да и три года жилъ да право въ стольникахъ,
115. Да и три года жилъ я въ поннощычкахъ,
Да прошло-же тому время ровно девять лѣтъ,
Я вѣдь выжилъ всю посудушку хрустальную,
Я выжилъ-ле вѣдра да зеленымъ виномъ,
Я выжилъ-ле бадьи да съ мѣдомъ сладкіимъ,
120. Да я выжилъ-ле столы бѣлодубовыя,
Да и выжилъ шатѣрь да чернобархатной.
Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать во свою землю,
Во свою-ле землю, нынѣ на родину,
Я поѣхаль нонь топерѣ да во свою землю,
125. Выѣждяль я топерѣ да на чисто полѣ,
Я поставилъ свой шатѣрь да на чисто полѣ,
Розоставилъ я столы бѣлодубовыя,
Розоставилъ я вѣдра да зеленымъ виномъ,
Розоставилъ я бадьи да съ мѣдомъ сладкіимъ;
130. Захотѣлось мнѣ-ка съѣздить за ѣхвотою,
Написаль я ерлыкъ да скору грамоту:
«Кабы хто нынѣ въ моѣмъ шатрѣ попьѣтъ-поѣсь,
«Какъ попьѣтъ-де поѣсь, право покушаетъ,
«Не уѣхатъ живому изъ чиста поля».

135. Говоритъ имъ старъ-казакъ да Илья Муромецъ:
— Тѣ спасибо нонѣ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Не оставляшъ свой шатѣрь безъ угрозъ ты молодец-
кинхъ,
Тѣ спасибо-ле Добрынюшка Микитичъ младъ,
Не боишься ты угрозъ да молодецкиныхъ.—

8.

Соловей Будимировичъ.

- Пролегалала-ле, просвиталала-ле мать быстра рѣка,
По прозванью-ле рѣцинька Смородина,
Она усьемъ-ле пала да въ Волгу матушку.
Кабы Волга-то матушка подъ Казань ушла,
5. Да еще того подальше, да нонѣ подъ Вастрехань,
Кабы усьемъ-то пала да во синѣ морѣ.
По синѣму-то морю бѣжитъ черленъ карабль,
Баско-хорошо караблѣкъ да изукрашенъ былъ,
Кабы весь-то караблѣкъ да по звѣриному,
10. Да на мѣсто ёцей-то было врѣзано,
По тому-же по камню да самочвѣтному;
Да на мѣсто бровей было прибывано,
Да по черной лисичѣ да по бурнавчетой;
Да на мѣсто юшей было прибывано,
15. Да по красной лисичѣ да по берѣзовкѣ;
Да на мѣсто-го хвоста было прибывано,
Да по сѣрому волку да по рысучему;
Есь построенной въ караблицьки черной чердакъ,
Въ чердаки-то-ле кроватоцька тисовая,
20. Кабы построена кроватоцька да слоновыхъ костей,
Кабы ноги у кроватки да зубовыхъ костей,
На кроватоцькѣ перинушка пуховая,
Кабы кладено зголовицо косящато (такъ!),
Одяло тутъ лежитъ да черныхъ соболей.
25. Тутъ лежалъ-ле, Соловей да Будимировичъ,
Онъ лежалъ-ле, бѣжалъ да за синѣ море,
Онъ во ту-же во землю да во Литовскую,
Ко тому-же королю земли Литовскоей,

- Кабы свататъсье на Яннушкѣ Путятишны.
30. Да не флигуръ-отъ на деревци шатайтсе,
Какъ не люта-ле змѣя дакъ извиваетса,
Прибѣгалъ-то Соловей да за синѣ море,
Забѣгалъ онъ во тихія во гавани,
Опускалъ-де онъ парусы полотнены,
35. Да металъ-же вѣдь якори булатныя,
Онъ клалъ-де вѣдь сходни да коньцемъ на землю,
Кабы тутъ-же Соловей да снаряжайтса,
Кабы тутъ-же Соловей да сподобляйтсе,
Какъ берѣтъ онъ подароцъки не малыя;
40. Кабы бралъ-то подароцѣкъ лисицъ пару,
А другой-отъ нонъ подароцѣкъ—куницъ пару,
Кабы сорокъ сороковъ дакъ—черныхъ соболей,
А княгины-то бралъ дакъ хрущатой камки,
Хрущатой камки право сорокъ аршинъ.
45. Тутъ пошоль-ле Соловей да Будимировиць,
Впереди-то-ле Солóвьюшка сукно стелятъ,
Позади-то-ле Солóвья во трубу вертятъ,
Онъ дариль-то царя да нонъ подароцкомъ,
Кабы первой-отъ подарокъ—куницъ пару,
50. А другой-ле подарокъ да лисицъ пару,
Кабы сорокъ сороковъ да чѣрныхъ соболей,
Да княгину-ту дариль да хрущатой камки.
Кабы тѣ ему (князю) подарки да приглянулися,
Кабы тѣ ему подарки да прилюбилися,
55. Говоритъ ему король земли Литовскія:
«Ахъ ты ой еси удалой да добрый молодець,
Ты торгуй-ко моей земли безъ пошлинны.»
Говоритъ ему Соловей да Будимировиць:
— Я не торгъ торговать, да не товаръ продавать,
60. Я прѣхалъ посвататся на Яннушкѣ,
Какъ на той-же на Яннушкѣ Путятишной.—
Да оттуль-же Соловей да поворотъ даѣтъ,
Какъ идѣтъ то Соловей да на черленъ карабъ,
Приказалъ-то своимъ людямъ робочимъ:
65. «Рознастите вы карабъ да по хорошему».
Какъ стоялъ тутъ Соловей да цѣлы сутки,
Увидала тутъ-ле Яннушка черленъ карабъ,
Заходила тутъ-ле Яннушка на черленъ карабъ,

- Увидалъ ее Соловей да Будимировичъ:
70. «Я хотѣлъ-де нонь по Яннушку посла послать,
Я хотѣлъ по Путятисьну вѣдь самъ бѣжать,
Какъ тепере-ле Яннушка сама пришла,
Какъ сама ёна пришла, да прпкатилася;
Охъ вы ой еси мои люди робочіе!
75. Вы вымайте-ко якорн булатныя,
Подымайте-ко парусы полотнены,
Мы побѣжимъ-ко тепере во свою землю,
Во свою-же землю, ноньце на родину».

9.

Фатѣнко.

- Ай во стольнѣмъ во городѣ во Кіѣвѣ,
Кабы было-ле пированьѣ-столованьѣ,
Да про многія князи, да про богатырей;
Тутъ сидѣли-то двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
5. Какъ одна-то была Маринка Чусова вдова,
А друга была Овдотья да дочь Облудишна,
Они пили-то, ѣли, потѣшались,
Промежду они собой дакъ проклаждались;
Наливала тутъ Овдотья да зелена вина,
10. Подавала-ле Маринки да Чусовой вдовѣ,
Какъ сама она за чарой да слово молвила:
«Ищѣ што-же намъ людymi дакъ засылатисе,
Ищѣ што-же намъ людymi дакъ замѣнетисе,—
У меня-то вѣдь есть дакъ бладь-ясень-сокольъ,
15. Бладь-ясень-сокольъ, да сынъ Фатенушко,
У тебя-де вѣдь есть да право бѣла-лебедь,
Не можнѣ-ле какъ вѣдь намъ да нынѣ родъ
свести».
- На ётмахъ Маринка цяру ту отводила:
Какъ сама ёна за цярой да слово молвила:
20. — Кабы есть у тя кура-то подслѣпая,
Какъ по городу ходитъ да всё юродуетъ,
Кабы звали у его отца-та цюдищѣмъ,
Прозовутъ нынѣ его право верблудищѣмъ».

- Кабы тутъ-же Евдотьѣ да за бѣду стало,
25. За велику ей досаду показалосе,
Да ставала Овдотья да со чесна пиру,
Да пошла она тепереце назадъ домой,
Повѣся-ле идѣтъ дакъ буйной головой,
Потопя-ле дѣржитъ дакъ да очи ясныя,
30. Очи ясныя держитъ дакъ въ мать сыру землю.
Увидаль-де ее дакъ бладь-ясень соколь,
Бладь-ясень-то соколь да сынъ Фатенушко,
Онъ встрѣцѣтъ свою мать родимую:
«Ахъ ты ой еси матушка родимая!»
35. Ужъ ты давеця пошла дакъ ёчунъ весела,
Кабы ноньце идѣшь очюнь не весела:
Разъ мѣсто тебѣ было не по разуму?
Разъ стольнички у тебя были не вѣжливы?
Да поднощички были не очесливы?
40. Разъ винны-то цяры да не доносили?
Але пивные стаканы да не доносили?»
Говоритъ ему матушка родимая:
— Кабы мѣсто-то мнѣ было по разуму,
Кабы стольнички были у мя вѣжливы,
45. Да поднощички были у меня очесливы,
А и пивны-ти стаканы да мнѣ доносили,
Да е винныя цяры да мнѣ доносили:
Мы сидѣли двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
Наливала я цяру дакъ зелена вина,
50. Подавала я Маринки Чусовой вдовы,
Какъ сама-ле я за цярой да слово молвила:
«Какъ у мя-ле ноньце есь да бладь-ясень-соколь,
«Бладь-ясень-соколь да сынъ Фатенушко,
«Какъ у тя-ле есь право бѣла-лебедь,
55. «Не можно-ле намъ тепереце да родъ свести?»
На ётмахъ она цяру ту отводила,
Да сама она за цярой да слово молвила:
«Кабы есь у тя куря-то подслѣпая,
«Какъ по городу ходить да все юродуѣтъ,
60. « Она кой день зерно найдѣтъ—сыга живеть,
«Она кой день не найдѣтъ—на то голодна,
«Кабы звали-ле отца да ноньце цюдищемъ,
«Прозовутъ-ле его ноньце верблудищемъ.»

- Кабы тутъ-ле Фатенку за бѣду стало,
65. За велику-ле досаду да показалось,
Онъ юздаль-де, сѣдлаль да коня доброго,
Онъ двѣнадцать-де подпругъ лошадиныхъ,
Онъ тринадцету клаль черезхребетницу,
Какъ не для ради басы, да ради крѣпости,
70. Не оставилъ бы его да конь въ чистомъ поли.
Приѣзжалъ онъ къ Маринкину ко терему,
Закрычалъ тутъ Фатенко да зычнымъ голосомъ:
«Ужь ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Ужь ты дай мнѣ-ка въ поли да поединщика,
75. Ты не дашь мнѣ-ка въ поли да поединщицка,
Я вѣдь скрою твой теремъ да по ёкошечкамъ.»
У Маринки-то было да нынь деветь сыновъ,
Какъ деветь-де сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Говорила имъ Маринка да яснымъ соколамъ:
80. — Охъ вы ой еси мои да ясны соколы!
Вы пойдите за Фатенкомъ да во чисто поле.—
Говорять-ле еѣ да ясны соколы:
«Мы не ѣдемъ за Фатенкомъ во чисто поле,
Какъ Фатенкова смерть да ёчунь страшная.»
85. Говорить-то Маринка да яснымъ соколамъ:
— Я бы лучше носила да нынь деветь камней,
А не тѣхъ-бы носила да я деветь сыновъ,
Я бы бросила камни да во синѣ-морѣ,
Кабы сдѣлалась кошоцька подводная,
90. Да подводная кошоцька розбойная,
Да розбила-бы Фатенка да на синѣмъ мори».
Да нехто не поѣхаль да во чисто полѣ,
Приѣзжалъ-то Фатенко да изъ чиста поля,
Закрычалъ-то Фатенко да зычнымъ голосомъ:
95. «Охъ ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Выходи-ко ты теперь да вонъ на юлицу.»
Акъ не вышла она да вонъ на юлицу,
Онъ вѣдь скрылъ у ей теремъ да по ёкошечкамъ,
Да вытаскивалъ Маринку да вонъ на улицу,
100. На одну-ле ногу сталъ, да другу оторвалъ,
Да остатки трупѣ да жеребчу за хвостъ.

10.

Садокъ.

- Есь устроена въ Новѣ-гради мать-божья-черковь,
Со всыма она со чудныма иконами,
Со всыма она со попами да со духовныма.
Какъ на ту-же на славу да на великую,
5. Собиралисе народу да много множество,
Собиралисе купци гости торговья,
Собиралисе попы ѣтцы духовныя,
Кабы былъ тутъ садокъ купецъ богатяя,
Какъ служили тутъ ѣбенню да воскресэнскую.
10. Отходила-ле ѣбедня да воскресэнская,
Выходилъ-ле народъ да вонъ на юлицу,
Оставалисе купци гости торговья,
Оставалисе попы отцы духовныя,
Говорить тутъ Садокъ купецъ богатяя:
15. «Я въ Новѣ-градѣ товары да всѣ повыкуплю,
Да на матушку на Волховъ да всѣ повывожу,
Кабы тридцеть-ле караблей понагружу».
Говорить ему попъ отецъ духовныя:
— Тѣ въ Новѣ-градѣ товары всѣ не выкупить,
20. Да на матушку на Волховъ да всѣ не вывозить.—
Говорить ему Садокъ купецъ богатяя:
«Ужъ я бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Да не ѣ сто рублей, да не ѣ тысяцѣ,
Ужъ я бьюсь о своей да буйной головы».
25. Они билися съ попомъ да ѣ великъ закладъ,
Да не ѣ сто рублей да не ѣ тысяцѣ,
Они билися о своихъ буйныхъ головушкахъ.
Выходилъ-ле тутъ народъ да вонъ на юлицу,
Выходили купцы гости торговые,
30. Выходили попы отцы духовные,
Какъ пошоль-ле какъ попъ, да онъ домой пришоль,
Онъ садился-ле дома да на ременщатъ стуль,
Онъ писалъ ерлыки да скоры грамоты,
Штобы скоро нынь везли товаръ во Новѣ-Городъ,
35. Да скоро нынь везуть товаръ во Новѣ-Городъ,
Здоровжали товары да во Новѣ-Градѣ.

- Начинаетъ нынѣ Садокъ право товаръ купить,
Кабы брать-то Садокъ дакъ право день поры,
Кабы брать-то Садокъ дакъ и другой поры,
40 Кабы брать-то Садокъ дакъ всю недѣлюшку,
Въ Новѣ-Градѣ товару да вного множество.
Какъ пошелъ-де Садокъ въ мать-божью-церковь,
А просилъ ю святитель золотой казны,
Обѣщалса онъ построить да мать-божью-церковь,
45. Со всѣма де со чудныма со иконами,
Со всѣма со попами да со духовныма.
У Садка-ле казны да вдвое прибыло,
Начиналъ-де Садокъ нонѣце товаръ купить,
Онъ и брать-де Садокъ да право день поры,
50. Онъ и брать-де Садокъ да всю недѣлюшку,
Онъ повыкупилъ товары въ Новѣ-Городѣ,
Онъ на матушку на Волховъ да повывозилъ,
Кабы тридцеть-ли кораблей да всѣ понагрузилъ.
Побѣжалъ тутъ Садокъ да за синѣ-морѣ,
55. Выбѣгалъ тутъ Садокъ да на синѣ-морѣ.
Середито-ле моря да право синего,
Становилса у Садка право черленъ карабъ,
Говоритъ тутъ Садокъ купецъ богатя:
«Охъ вы ой еси мои люди робочіе,
60. Вы возьмите-ко щупалы предолгія,
Вы бросьте-ко щупалы въ синѣ морѣ,
А нѣту-ле кошоцьки подводной».
Кабы брали ёни щупалы предолгія,
Да бросали они щупалы въ синѣ море,
65. Дакъ нѣту вѣдь кошоцьки подводной,
Да подводной вѣдь тутъ кошоцьки розбойной.
Говорилъ тутъ Садокъ купецъ богатя:
«Ахъ вы ой еси мои люди робочіе!
Ужъ вы дѣлайте-ко жеребьи калиновы».
70. Ёни дѣлали вѣдь жеребьи калиновы,
Да метали ёни жеребьи калиновы,
Да кому-же идти да во синѣ-морѣ;
Какъ повыпалъ нонѣце жеребей самому Садку,
Говоритъ-то Садокъ купецъ богатя:
75. «Кабы намъ-ле эти жеребьи не жеребьи.
Ужъ мы сдѣламъ-ко жеребьи малиновы».

- Они сдѣлали вѣдь жеребьи малиновы,
Да бросили они жеребьи въ синё море,
Да повыпаль-ле жеребей самому Садку,
80. Змолилсе Садокъ да Господу Богу:
«Обѣщалса я построить да мать-божью-черьковъ
Со всѣма-ле я чудныма иконами».
Какъ наклаль-то-ле Садокъ да золотой казны,
Онъ спускаль-то казну да во синё море:
85. «Понеси-ко, ты, Микола, да золоту казну!»
Какъ положилъ Садокъ да на синё море,
Понесло его сундукъ да по синю морю,
Побѣжалъ-ле его да право черлентъ карабъ.

11.

Василій Буслаевъ *).

- Ай во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
Какъ было пированьѣ-столованьѣ,
Какъ про вногіе князи, всё про бояра,
Какъ про злыхъ поленичъ да преюдалыихъ;
5. Кабы день-отъ идѣтъ право ко вечеру,
Кабы солнышко катится ко западу,
Кабы пиръ-отъ идѣтъ о полупира,
Кабы столъ-отъ идетъ о полустола,
Княженеческая радость полурадости,
10. Кабы солнышко по горенкѣ похаживаётъ,
Тихосмирную рѣчь да выговариваетъ:
«Ахъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Ищѣ хто вы мнѣ сослужите нонь службуку?
А не малую вѣдь службу, не великую,—
15. Кабы съѣздить во ту землю во невѣрную,
Какъ свезти королю да нынче пошлину».
Какъ большой-отъ хронитце за средняго,
Кабы средней хранитце за меньшого,

*) Представляя изъ себя по дѣйствию, въ главномъ, Василія Казимирова былина эта имѣетъ въ началѣ, а также и весь конецъ Василія Буслаева; послѣднимъ-же именемъ все время величалъ А. Осташевъ и героя быliny. Н. О.

- Какъ отъ меньшого нонь право отвѣту нѣтъ.
20. Изъ того стола изъ середняго,
Изъ того порядку изъ передняго,
Тутъ ставаль дѣтина на рѣзвы ноги,
Говориль-ле тутъ да таково слово:
«Ужъ я радъ за царя да нонь службу служить,
25. Кабы службу-ле служить—головы сложить».
Говорить ему солнышко Владимиръ-князь:
— Тебѣ много-ле надо людей робочіихъ?
Тебѣ много-ле надо черныхъ караблей?—
Говорить ему Васинька Буслаевичъ:
30. «Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо твои люди робочіе,
Только надо мнѣ право черлень карабъ,
Да надо два брата, два названья,
Одного-же Потанюшку-ту хромого,
35. Да другого Микитушку Широкова.»
Кабы скоро тутъ робята снарезаютца,
Кабы скоро они да сподобляютца.
Какъ походятъ робята на черлень карабъ,
Вотъ заходятъ они да на черлень карабъ,
40. Вотъ прощаются на четыре дальни стороны,
Какъ князю со княгиной на ёсобицу:
«Вы прощайте-ко право люди добры!
Не бывать вѣдь намъ будеть да на светой Руси,
Не видать намъ будеть да стольнѣй-Кіевъ-градъ,
45. Не слыхать намъ вѣдь звону колокольнаго,
Не слыхать намъ пѣтя-четья церковного».
Кабы скоро тутъ робята сподобляютца,
Кабы Васинька сталъ право ко парусу,
А Микитушка сталъ право ко якорю,
50. А Потанюшка хроминькой ко вороту,
Побѣжали тутъ робята за синѣ морѣ.
Выбѣгали они да за быстрой субой,
Кабы начело ихъ право покачивать,
А покачивать начело, пошатывать,
55. Какъ Микита широкой подъ уножь упаль,
Кабы Васинька Буслаевичъ на уножь паль,
Какъ Потанюшка хроминькой кормой шатать,
Какъ кормой-де шатать, парусъ поправливать.

- Перебѣжали робята за быстрой субой,
60. Забѣгали во тихія во гавани,
Опускали-де парусы полотнены,
А метали-де якори булатные,
Кабы клали-де сходни коньцемъ на землю.
Кабы тутъ-де робята снарезаютсе,
65. Кабы скоро робята сподобляютсе,
Какъ берутъ-ле тепере да золоту казну,
Золоту-ле казну да ноньце пошлину,
Какъ пошли они ко царишшу ко Батуишшу,
Понесли ему золоту казну нонь пошлину,
70. Какъ скоро идутъ они ко городу,
Какъ приходятъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
Какъ скоро идутъ да на круто крыльцо,
Кабы скоро въ палаты бѣлокаменны,
Говоритъ-то вѣдь Васиенька Буслаевичъ:
75. «Охъ ты гой есь царишшо Абатуишшо!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну,
Золоту-де казну да ноньце пошлину.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Какъ сослужите вы службу я приму казну,
80. Не сослужите службы—головы срублю;
Кабы есь у меня въ полѣ трицетъ три колышка,
Какъ на всѣхъ-то на колышкахъ по головушкѣ,
А на трехъ-то-ле колышкахъ нѣтъ головушекъ,—
Я повѣшу ваши буйные головушки.
85. Кабы есь у мня въ поли право три бойца,
Кабы можете побороть—я казны возьму,
Какъ неможите побороть—головы срублю.
Говоритъ ему Васиенька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на спаса Вседоржителя,
90. На другого на брата на названого,
На тово-же Потанюшку на хромова».
Тутъ походятъ робята во чисто полѣ,
Какъ ко тѣмъ-же борьцамъ да преюдалыемъ,
Какъ Потанюшка-то хроминькой прихрамывать,
95. На едну-ту ногу нониця припадывать,
Говоритъ-то Потанюшка-то хроминькой:
«Ужъ ты какъ мнѣ прикажешъ нонь боротися—
Со всѣма-ле мнѣ вдругъ, ле по единому?»

- Говоритъ ему Василей Буслаевичъ:
100. — Ковда есь у тя юдаця молодецкая,
Ты бери ихъ всѣхъ трехъ до единого». —
Какъ берётъ его Потанюшка-то хромпньюкой,
Какъ одного-то бралъ во праву руку,
Какъ другого-то бралъ во лѣву руку,
105. А вѣдь третьего бралъ право въ охабоцьку,
Подымалъ онъ вѣдь ихъ выше головы,
Опускалъ онъ о матушку сыру землю,
Кабы тутъ вѣдь имъ всѣмъ да смерть случилось.
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
110. «Охъ ты ой есь царишшо, ты Батуишшо!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Вы сослужите ище службу—я приму казну:
Кабы есь у мя въ поли право тугой лукъ,
115. Какъ которымъ стрѣляла дочь любимая,
Кабы можете владѣть дакъ я приму казну.—
Говоритъ ему Васинька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на Спаса Вседоржителя,
На другова на брата на названова,
120. На тово-же Микитушку Широкова». —
Кабы скоро несутъ да право тугой лукъ,
Подъ одинъ-отъ конечъ тридцетъ тотариновъ,
Подъ другой-отъ конечъ тридцетъ тотариновъ,
А тетивку несутъ тридцетъ тотариновъ,
125. Калену стрѣлу несутъ тридцетъ тотариновъ.
Какъ приходитъ Микита ко тугу луку,
Онъ берётъ-то вѣдь лукъ во лѣву руку,
А тетивку берётъ да во праву руку,
Прижималъ онъ колѣномъ право правымъ,
130. Полетѣли отъ лука мелки дребезги.
Какъ оттуль они пошли да ко Батуишшу,
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ты примай-ко ѣтъ насъ да золоту казну.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
135. — Я наложу нонь вамъ да еще службоцьку:
Кабы есь у мя дочь любимая,
Какъ горазна играть да въ мелки шахматы.—
Какъ сядилися играть да въ мелки шахматы,

- Какъ со тою со царскою со дочерью,
140. Кабы разъ Васька ступилъ, да другой ступилъ,
Какъ третьей ступилъ—ей больше некуда;
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси царишшо, ты Батуишшо!
Ты примай-ко ётъ насъ золоту казну»,
145. Ты не примешъ казну—у тя голову сорву.»
Говорить имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Охъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Я приму отъ васъ топере золоту казну.—
Они дали ему да золоту казну,
150. Какъ пошли ёни робята на черлень карабъ,
Обирали они сходенки дубовыя,
Повымали якоря новы-булътныя,
Подымали паруса-бѣлополътнены,
Побѣжали робята во свою землю.
155. Побѣжали тутъ робята по синю морю,
А увидѣли камень превысокія,
Кабы сдумали робята тутъ потѣшитсе,
Приворѣтили робята ко крутой горы,
Заходили тутъ робята на круту гору,
160. Тутъ лежитъ кось-глава да человѣческа,
Поколотиль-то вѣдь Васинька Буслаевичъ:
«Охъ ты ой кось-глава человѣческа!
Кабы руська глава дакъ схоронить надо,
Какъ погана глава дакъ мы погалимсе,
165. Ты зачѣмъ-же лежишь креста по лѣву руку?»
Говорить кось глава человѣческа:
— Охъ ты ой есь ты Васинька Буслаевичъ!
Ты вѣдь самъ ноньце легѣшь креста по лѣву руку.—
Кабы стали робята-та поскакивать,
170. Какъ поскакивать стали съ камня на камень,
Какъ выскакивалъ Васинька побольше всѣхъ,
Кабы стали скакать да задомъ наперѣдъ...

Тутъ, оставивъ пѣть, А. Осташевъ досказалъ словами:
«скочилъ съ заду на передъ, палъ на камешокъ, разломалъ
свою буйну головушку, чѣ больше? Больше не знаю».

12.

Князь Долгорукой и ключникъ.

- Кабы жить-ле тутъ да Долгорукой князь,
Онъ держаль при сибѣ да блады ключника,
Онъ держаль-ле его да ровно трицеть лѣтъ,
Онъ и пиль-де и ѣль да съ одного стола,
5. Да повѣрена ему вся золота казна,
Золота-ле казна да княженеческа,
Да повѣрены ему нонь золоты ключи,
Золоты-ле ключи да кованы ларьци.
Онъ по часту-ле ходиль да на царевъ кабакъ,
10. Онъ по вногу-ле пьетъ да зелена вина,
Онъ не чашками пьетъ, да не братынями,
Онъ-де вѣдрами пьетъ, дакъ полувѣдрами,
Онъ откатывать боцьки да сороковоцьки,
Да на ту-же на площадь да на широкую,
15. Да на ту-же дорогу да прямоѣжжую.
Онъ поиль-ле дружьей-товарищевъ,
Онъ поиль-ле голей да все кабацкихъ,
Изъ ума-то-ле дѣтина да вышивается,
Изъ рѣчей самъ дѣтина да вышибается:
20. «Я живу у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
Мнѣ повѣрена теперь да золота казна,
Мнѣ повѣрены теперь золоты ключи,
Золоты-ле ключи, да кованы ларьци,
Я со княземъ-то живу да равно трицеть лѣтъ,
25. Со княгиной я живу да равно три года,
У княгины на колѣняхъ да вногу сиживаль,
Ужь я въ пазухи руки да вногу дярживаль,
Я пониже-ле пупа, да околъ чѣрева».
А услышали бояра да толстобрюхія,
30. Доносили-ле князю да Долгорукому,
«Охъ ты ой еси ты нашъ да Долгорукой князь!
Не имѣешь ты не сына, да не дочери,
Да имѣешь ты при сибѣ благого ключника,
Онъ по часту-ле ходитъ да на царевъ кабакъ,
35. Онъ по вногс-ле пьетъ да зелена вина,
Изъ ума-то-ле дѣтина да выпивается,

Изъ рѣчей-то дѣтина вышибается:

«Я живу-ле у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
«Со княгиней я живу да ровно три года,

40. «У княгини на колѣняхъ да вного сиживаль,
«Ужь я въ пазухи руки да вного дярживаль,
«Я пониже-ле пупа, да околь черева».

Говорить-то-ле имъ да Долгорукой князь:
— Охъ вы ой еси мои люди придворныя!

45. Вы подите-ко, ведите младого ключника.—

Привели-ле къ ему младого ключника,
Допросилъ-ле его да Долгорукой князь,
Говорить-ле ему да млада ключничекъ:

«Я живу-ле у тебя да ровно тридцеть лѣтъ,

50. Со княгиной я живу да ровно три года».

Говорить то теперь да Долгорукой князь:

— Ужь вы ой еси мои люди придворныя!

Вы состройте-ко рели да превыеокія.—

Какъ и сдѣлали ѣни рели превысокія,

55. Кабы дѣлали петелку пеньковую,

Повели они да млада ключничка.

Повели-ле тутъ тепере да млада ключничка,

Говорить-то-ле имъ да млада ключничекъ:

«Вы позвольте-ко пропѣть да ноньце пѣсенку,

60. Да не первую пѣсенку, послѣднюю».

А запѣль-де ѣнъ пѣсенку послѣднюю:

«Ужь я жилъ-то у князя да ровно тридцеть лѣтъ,

Со княгиной-то я жилъ да ровно три года,

У княгини на колѣняхъ да вного сиживаль».

65. Привели его ко релямъ да превысокімъ,

Запахали какъ буйну-главу во петелки,

Доброй молодець во петелки качается,

А княгиня въ терему право кончается,

Какъ сама она тепере да приговаривать:

70. «А куда ноньце летитъ да млада-ясень-соколь,

Да туда-же ты лети право бѣла-лебедь».

13.

Небылица.

- Ай во славномъ во городѣ во Кашинѣ,
Да было побоище престрашное:
Какъ дралися невѣстушки съ золовками,
Какъ большія боями всё мутовками,
5. Зарезали горшки да ёни пушками,
Да стрѣляли изъ за каменной стѣны, изъ за жорнова.

3. Устинья Филипповна Чупрова.

Невысокая, тщедушная, но разбитная, словоохотливая жена дѣсника, сиѣла мнѣ лучше чѣмъ всё другіе странную старину про Бутмана, стихъ мученіе Егорья и пѣсню про Александра II-го. Объ ея мужѣ, Афанасѣ въ Устпльмѣ я слышался какъ о замѣчательномъ сказителѣ, но встрѣтился съ нимъ въ недобрую для его минуту: послѣ воскресенья онъ сильно страдалъ похмѣльемъ. Къ сожалѣнію—говоря чуть не про всякого старинщика, мнѣ приходится говорить и о водкѣ—такъ она страшно вѣлася въ каждую пору народной жизни. Афанасій впрочемъ разувѣрилъ меня, что онъ знаетъ старины, про него «наплели»: онъ хорошо знаетъ пѣсни. Жена его кромѣ Бутмана, также не знаетъ больше старинъ.

14.

Бутманъ Колыбановичъ и царь Петръ
Алексеѣвичъ.

- Какъ про бѣннаго сказать, да про бѣлого,
Про удалого сказать, доронна молодца.—
Онъ и ходитъ-де удалой доброй молодецъ,
На цареви-то ходитъ большомъ кабаки,
5. На кружалѣ онъ ходитъ восударевомъ,

- Онъ и пьеть вногo дѣтна зелена вина,
Онъ не цярою пьеть, самъ не стоканами.
Онъ откатывать боцьки сороковоцьки,
Во хмелю-ту самъ дѣтина выпиваетца,
10. Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ вышибаетсе:
«Ужь я силушкою ноньце царя сильне,
Ужь я смѣтоцькою царя посмѣливе».
Пригожались у царя люди придворныя,
Какъ придворныя люди—губернаторы,
15. Губернаторы, люди толстобрюхїе;
Они скоро пошли, царю доносили:
«Ужь ты ой еси надѣжа православной царь,
Ты со ярости Пѣтъ сынъ Алексѣевичъ!
У тя ходитъ на цареви большомъ кабаки,
20. На кружалѣ-то ходитъ восударевомъ,
Молодой сынъ Бутманъ да Колыбановичъ,
Онъ и пьеть вногo дѣтина зелено вино,
Онъ не цярою пьеть, да не стоканами,
Онъ откатывать боцьки сороковоцьки,
25. Во хмелю-ту дѣтина выпиваетца,
Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ похваляется:
«Ужь я силушкою ноньце царя сильне,
«Ужь я смѣтоцькою царя посмѣливе».
Какъ гореця его *) кровь да расгорѣлосе,
30. Могуци его плеча да расходилисе,
Не увидѣль-бы надѣжа свѣту бѣлого,
Онъ послалъ-бы трехъ слугъ да немилосливыхъ,
Немилостивыхъ слугъ, да не жалосливыхъ:
«Какъ сковать его, связать, да такъ ко мнѣ тащить».
35. Какъ пошли они палачи всё буютныя (такъ!),
Подошли они Бутману, низко кланялись:
«Ужь ты ой еси Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
Ты пойдѣмъ ко царю да на почесенъ пирь,
Пировать-столовать, да ѣства кушати».
40. — Вы постой-те-ко, робята, поманитесь-же,
Ужь я выпью-же царю зелена вина,
Я не малую царю полтора ведра.—
Ужь берѣтъ-то онъ царю единой рукой,

---

*) царя.

- Выпиветь онъ царю единымъ духомъ.
45. — Не окатила эта цыра ретиво серцо,
Не звеселила эта цыря буйну голову,
Мы тыпереця пойдёмъ да на почесенъ пирь.—
Подошли они ко гринямъ богатырьскімъ,
Какъ во тѣ-же полаты бѣлы-каменны,
50. Онъ ставаль передъ цыря да на рѣзвы ноги,
Какъ на тѣ-же колѣнки богатырьскіе:
«Ужъ ты ой еси надѣжа православной цырь,
Ты со яросью Петръ Алексѣвичъ!
Ты за што меня зо вешь, да за што требуешь?»
55. Уже што-же я тибѣ ноньце надѣлалъ такъ?
Уже што я тибѣ да напрокуцилъ такъ?»
Говорить-то надѣжа православной цырь:
— Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
Ужъ ты ходишь на церовомъ большомъ кабаки,
60. На кружалѣ ты ходишь восударевомъ,
Ужъ ты пѣшь-же Бутманъ да зелено вино,
Во хмелю ты, дѣтина, выпиваишсе,
Во рѣцяхъ ты дѣтина шибовать живѣшь:
«Ужъ я силушкою буду цыря сильне,
65. «Ужъ я смѣтоцькою цыря посмѣтливе».
Засажу я тебя въ стѣны каменны,
Я замкну тебя въ замки окованы,
Я сѣкку-де, срублю у тебя буйну голову.—
Говорить-же Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
70. — «Ты попомни-ко, надѣжа, самъ подумай-ко,
Когда былъ ты, надѣжа, во чужой земли,
Ужъ ты былъ во земли да во поганой-же,
Какъ во той во ёрды, да во проклятой-же,
Тебя хто-же оттуль тогда повыкупилъ?
75. Тебя хто-же оттуль тогда повыручилъ?
Тебя хто-же оттуль тогда на свѣтъ спустилъ?»
— Не пустымъ ты, дѣтина, похваляишсе!
Ужъ я много тибѣ дамъ да золотой казны,
Города тибѣ дамъ да съ пригородками,
80. Я села тибѣ дамъ да со деревнями.—
«Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо города ' пригородками,
Мнѣ больши твои сѣла со деревнями,

- Только дай мнѣ-ка пить вина безденежно,
85. Какъ безденежно вина, да безкопеечно». Царь писалъ ерлыки, да скоры грамоты, Разсылалъ ерлыки на четыре стороны, Штобы пить ему вино безденежно, Какъ безденежно, Бутману, безкопеечно.
90. Тутъ зашолъ-де Бутманъ да во новой кабакъ, Онъ и взялъ-ле онъ боцку подъ праву руку, Онъ топнулъ-де въ полъ да какъ правой ногой, Какъ разсыпалась печь, печь кирпичная, Какъ пошолъ-де Бутманъ вонъ на улицу.
95. «Ужъ вы ой еси голи всѣ кабачкiя! У кого у васъ болятъ нынъ буйны головы, Выходите за мной да вонъ на улицу».

Устинья Чупрова дальше старины не помнить, но сказала, что конецъ тутъ близко. Я списывалъ эту старину отъ четырехъ лицъ и никто какъ слѣдуетъ не могъ допѣть ее до конца. *Анна Максимова Позднѣва*, изъ села За-межного-же, досказала конецъ старины словами такъ: «Бѣлой (А. П. не разу не назвала героя Бутманомъ) пошолъ въ кабакъ, а тамъ его не спустили, онъ топнулъ ногой дверь и она разлетѣлась на четыре жеребья. Пошолъ, взялъ сороковку (бочку сорока-ведерную) и вышелъ пить съ товарищами. Допилъ до того, что опохмелиться у *Васи* стало не на што».

15.

Царь Александръ II.

- Время тяжкое приходитъ—
Французъ съ туркой воевалъ,
Съ Оглицяниной кумился,
Не могли Россiю взять.
5. Не въ показанное время
Царя требуютъ въ сенотъ;
Царь не долго снарежался,
На емскихъ царь отъѣзжалъ,
Да не кому царь не сказалъ,
10. Только вѣску брату даль:

«Пріѣзжай, братъ, поскорѣе,
Попровѣдай, братъ, меня,
Придаютъ мнѣ скору смѣртку,
Похоронятъ, братъ, меня».

15. Братъ по горницѣ идѣтъ,
Во рукахъ книгу несѣтъ,
Книга страшна и порушна—
Алексанъ пошолъ назадъ,
Во колѣсоньку сѣдился,
20. Ко сеноту подѣзжалъ,
Ко сеноту подѣзжалъ,
Чесовымъ чесь воздавалъ:
— Ужъ вы здраствуйте, робята,
Сенаторскіе стражи!
25. Не видали-ли, робята,
Не прошель-ли ефицеръ?»
Они другъ на друга зглянутъ,
Говорятъ, что не прошель.
Одинъ мальчикъ чернобровой
30. Чернымъ глазикомъ повѣлъ,
Ефицеръ въ сенотъ зашолъ.

Лѣтомъ 1903 года, въ Поморѣ, я записалъ эту пѣсню
въ болѣе полномъ видѣ. Оканчивается пѣсня, записанная
въ Поморѣ, такъ:

- ...Во коляску братъ сѣдился,
20. Ко сеноту подѣзжалъ,
Да пуховую шляпу снялъ,
Да чесовымъ чесь воздавалъ:
Ужъ вы здраствуйте робята,
Сенаторская стража:
25. Не видали-ли робята,
Не прошель-ли офицеръ?
Они другъ на друга взглянутъ,
Говорятъ, что не прошель.
Одинъ парень чернобровой,
30. Чёрнымъ глазикомъ повѣлъ:
«Государь въ сенотъ зашолъ».
А Костя саблю обнажалъ,
Да чесовымъ головки снялъ,

- Да единого съ собой взять;
35. Трои двери проломалъ,
Да до четвертыхъ доступалъ;
Да онъ четверты проломалъ,
Да на колѣняхъ царь стоитъ,
Передъ нимъ полковникъ ходитъ:
40. — Поскорѣй царь подпишись,
Да не долга твоя жись». Сенаторы всѣ стоятъ,
Да царю смертію грозятъ.

4. Тарасъ.

Въ Устцыльмѣ еще я наслышался объ Тарасѣ (фамилью его я забылъ записать), какъ объ очень хорошемъ сказателѣ, но когда познакомился съ нимъ, Тарасъ сказалъ, что старинъ не знаетъ совсѣмъ, а знаетъ только пѣсни. Слѣлъ онъ мнѣ только про Бутмана и то потому, что на Пижмѣ это что-то среднее между былиной и пѣсней: поютъ Бутмама совсѣмъ особымъ, приближающимся къ пѣсенному, напѣвомъ. Но и Бутмана зналъ Тарасъ нетвердо. Вообще слава сказателей не всегда соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному качеству.

16.

Бутманъ и царь Петръ.

- Во печали намъ жить не небъ кручину быть,
На дому надо ходить не набъ куражиться.
Какъ про бѣннаго сказать, будто про бѣглого,
Про юдалого сказать, дородня молодца.
5. Онъ и ходитъ на царевомъ большомъ кабаки...
Въ концѣ Тарасъ пѣлъ старину такъ:
... Онъ заходитъ Бутманъ да во царевъ кабакъ,
Тутъ лежитъ Васька на печкѣ на муравленкѣ,
Безъ креста лежитъ Васинька безъ пояса,
Онъ пропиль-де всю сбруню лошадиную,
10. Онъ-де пропиль-де Васинька лошадь добрую,

- Онъ-де пропиль-де палицу буёвую,
Онъ-де пропиль копейцо бурзомецкое,
Онъ-де пропиль-де Васинька свой тугой лукъ,
Онъ-де пропиль колчанъ каленыхъ стрѣлочекъ,
10. Опохмелиться у Васьки видно не на што,
Со похмельнца у Васьки голова болитъ,
Говорить-то Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
«Ожъ вы ой есь воры чумаки, да чѣловальники!
Ожъ вы дайте мнѣ пить вино безденежно,
15. Мнѣ безденежно пить, безкопеечно».
Не даютъ ему пить вино безденежно,
Онъ топнулъ-де, Бутманъ, ноньце правой ногой,
Кабы печи кирпичаты розсыпались,
Какъ хрустальня посуда розломалосе,
20. Але боцьки съ виномъ да розкатилисе;
Онъ берётъ одну боцьку сороковоцьку,
Онъ берётъ эту боцьку самъ подъ пазуху,
Онъ выносить эту боцьку вонъ на улицу:
«Ожъ вы ой еси вы голн всѣ кабацкн!
25. Вы подите ко мнѣ да опохмелю васъ».
Какъ ставаётъ-де Васинька съ муравленки,
Онъ подходитъ-де къ Бутману Колыбанову;
Они пили-то, ѣли трои сутоцьки,
Они выпили одну да сороковоцьку,
30. Онъ*) и нулъ эту боцьку правой ногой,
Розлетѣлась эта боцька на три жеребья:
— Изъ порозной-то посуды нонь не пьютъ, не
ѣдятъ**).
- ... Онъ заходитъ-то Бутманъ да во царевъ кабакъ:
«Ужъ вы ой еси воры, чумаки да чѣловальники!
35. Вы отдайте намъ съ Васькой коня доброго,
Вы отдайте всю сбрую лошадиную,
Вы отдайте доспѣхи богатырскія.»
Ему отдали, Бутману, коня доброго,
Ему отдали всю сбруню лошадиную,
40. Ему отдали доспѣхи богатырскія.
Какъ поѣхали они съ Васинькой во чисто полѣ,

*) Бутманъ.

**) Три раза выносилъ по боцкѣ Бутманъ и шивовали они 9 сутокъ.

Они ѣдутъ по полю потѣшаются,
Какъ своими стрѣлами забавляются.

III. ДЕРЕВНЯ АВРАМОВСКАЯ.

5. Василій Аврамовичъ Чупровъ.

Это тотъ самый *Вася Малый*, на котораго всѣ указывали мнѣ какъ на лучшаго знатока былинь на Пижмѣ; Ѳ. Чуркина, напр., его ученица. Родомъ В. А. изъ дер. Аврамовской, на Пижмѣ, но теперь живетъ въ селѣ Верхнемъ Бугаевѣ, читаетъ по покойникамъ, служить часы и вообще исполняетъ роль старообрядческаго наставника. Онъ очень старъ, ему 78 лѣтъ, и много старинъ онъ перезабылъ, а что помнитъ, помнитъ плохо. Отрывокъ старины про Ваську Игнатъева спѣлъ очень охотно хотя и наставникъ; въ немъ нѣтъ угрюмости замкнутости, обыкновенно наставникамъ присущей. Прозвище ему „Малый“, а онъ великъ ростомъ, съ громадной черной бородой; очень добродушень, непрочь потолковать о многомъ и выпить.

17.

Васька Игнатъевъ.

(Отрывокъ).

- .... «Полети-ко ты стрѣлочка калёная,
Повыше ты дерева шарового,
Пониже ты облака ходечого,
Не падай не на гору, не на воду,
5. Пади-тко ты Скурлы во черенъ шатѣрь,
Тому-же-ле Киршику во правой глазъ,
Да выйди ты стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ».
Онъ подѣрнулъ тетивочку шолковую,
Полетѣла-то стрѣлоцька калёная,
10. Повыше она дерева шарового,
Понизже она облака ходяцяго,
Не падала не на воду не на землю,

- Да пала-ле Скурлы нонь во чернъ шатѣръ,
Тому-же-ле Киршинку во правой глазъ,
15. Да вышла-ле стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ.
Да и тутъ-же-ле Скурла зволивалисе,
Подходятъ ко городу ко Кіеву,
Да просятъ они да виноватого.
Говорятъ-то бояра толстобрюхіе:
20. «Кабы кто бѣду загрѣзилъ, тотъ догрезивай».
Пойдетъ-то-ле Васицька воротитце,
Воротитце Васицька поклонитце,
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
«Ужъ вы ой еси бояра толстобрюхіе!
25. Еще-ли я вамъ, Васицька, понадобится?»
Говорятъ-то бояра толстобрюхіе:
— Тебѣ сказано, Васицька, отказано,
Тебѣ сказано: ты намъ больше не надобно.—
Пошоль-то-ле Васицька во чисто полѣ,
30. Ко тому-ле ко Скурлы сыну Смородову:
«Охъ ты ой еси Скурла царь Смородовичъ!
Прощай ты меня да во первой вины,
Принимай ты меня во товарищи,
Громѣть-шурмовать да стольнѣй Кіевъ-градъ,
35. Оставить только князя со княгиною,
Оставить-же церкви соборныя,
Оставить-же царевы больши кабаки».
Простилъ его Скурла во первой вины,
Да принялъ его да во товарищи,
40. Громѣть-шурмовать да стольнѣй Кіевъ-градъ.
Пошли-то они да въ стольно-Кіевъ-градъ,
Да увидѣли бояра толстобрюхіе:
«Да не чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Да Васька Игнатъевъ передомъ идѣтъ!»
45. Приходятъ къ воротамъ городовымъ,
Да зыкнулъ-ле Васицька Игнатъевичъ,
Да зыкнулъ онъ палицей боевой,—
Улетѣли ворота во чисто полѣ.
Завалила сила въ стольно-Кіевъ-градъ,
50. Громѣли-шурмовали стольно-Кіевъ-градъ,
Да худшую силу въ пень повысѣкли,
Да лучшую силу во полонъ взяли,

- Да оставили только князя со княгиною,
Оставили только церкви соборныя,
55. Оставили царевы большіе кабаки,
Да выгнали силу на чисто полѣ.
Да сталъ-то тутъ Скурла нонь животъ дѣлнть,
Да дѣлнть животъ онъ на три пая.
Да былъ у его ноньце малой сынъ,
60. Говоритъ-ле ему да таковы рѣци:
«Охъ ты Скурла царь да сынъ Смородовичъ!
Кабы у бою, у драки Васька первой былъ,
Кабы у дѣлу, у паяю Ваську обдѣлнвать».
Говоритъ-то-ле Скурла сынъ Смородовичъ:
65. — Да есь у меня сабелька-то новая,
Да новая-та сабелька, не точена,
Не тоцена сабелька, некровавлена,
Поправлю нонь по шеи я по Васиной.—
Да тутъ-то-ле Васьки за бѣду стало,
70. За великую досаду показалосе,
Хваталь-то-ле Васнъка саблю вострую,
Окровавлъ всё по шеѣ по Скурловой;
Хваталь онъ тотарина какой побольше всѣхъ,
Побольше, потолще, подрене всѣхъ,
75. Хваталь онъ его да за рѣзвы ноги,
Да сталъ онъ по силушки похаживать,
Да сталъ онъ по силушки помахивать,
Куды онъ махнетъ, да тутъ и улица,
А назадъ поворотитъ—переулеча,
80. Да самъ онъ ему да приговаривать:
«Ты тонокъ на жилахъ—не вырвешсе,
Ты сухъ на костяхъ да не изломншсе.»
Онъ билса, пласталса трои суточки,
Не пиваючись, Васька, не фдаючись,
85. Онъ всѣхъ ихъ убилъ да до единого,
Оставилъ только силу полоненую,
Воротилъ ей назадъ да въ стольно-Кіевъ-градъ.
А пошоль-то онъ во гриню во столовую,
Ко тому-же ко князю ко Владимиру,
90. Хваталь онъ столесенку дубовую,
Хотѣлъ онъ убить князя Владимира.
Солнышко князь нонь подъ столъ упаль:

- «Охъ ты ой еси Васинька Игнатъевичъ!
Бери ты города съ пригородками,
95 Бери ты села со деревнями,
Оставь только меня нынѣ живого».
Говорить-то-ле Васинька Игнатъевичъ:
— Мнѣ не надо города съ пригородками,
Мнѣ не надо села со деревнями,
100 Только дай мнѣ-ка, Васинькѣ, такой дозволь:
Штобы пить мнѣ вино нонь безденежно,
Штобы пить мнѣ вино нонь безкопеешно.—
Да давалъ ему князь нонь такой дозволь:
Штобы пить ему вино да вѣкъ безденежно.

VI. ДЕРЕВНЯ БОРОВАЯ.

6. Анна Денисовна Осташева.

Старуха 62 лѣтъ, живетъ въ Боровой; была выдана замужъ въ Устьцыльму, за родню моего старинщика Петра Поздѣева, но овдовѣла и теперь опять живетъ на родинѣ. Скрытна, боязлива, послѣ долгихъ упрашиваній согласилась пѣть; хоть и очень бѣдна, но долго отказывалась отъ гонорара; пѣла хорошо, знала старину твердо.

18.

Василій Игнатъевъ.

- Не по матушки было по Невы рѣки,
Тутъ плыли, выплывали два гнѣды тура,
Кабы встрѣцю имъ матушка родимая:
«Ужъ вы здраствуйте, туры, да дѣти малыя!»
5. — Ужъ ты здраствуй, матушка родимая!
Кабы ты-же турица златорогая!—
«Ужъ вы гдѣ-же туры, да были-спобыли?
Вы чего-же туры да много видѣли?»
— Ожъ мы были-то, матушка, во Шаховѣ,
10. Ужъ мы были восударына, во Ляховѣ,

- Сорочинско славно полѣ поперекъ прошли,
А Куликово поле съ угла на уголъ,
Стольнѣ-Кіевъ-де градъ да изъ конца въ конецъ;
Не какого цюдышко не видѣли,
15. Только видѣли цюдышко не малое,
Какъ не малое цюдо привеликое:
Выходила тутъ дѣвица младо-красная,
Да въ одной она рубашоцькѣ безъ пояса,
Да въ однихъ она цюлоцькахъ безъ башмациковъ,
20. Приходила она да ко Почевъ рѣки,
Да брала она книгу, да лись евангельѣ,
Приходила она да ко Почевъ рѣки,
Забродила она да по колѣнъ въ воду,
А ище того поглубже выше поеса,
25. А ище того поглубже до бѣлыхъ грудей;
Становилась ко камешку ко сѣрому,
Она клала-то книгу на сѣрь-горючь камень,
А стояла она да отъ зари до зари,
А цитала она книгу отъ доски до доски,
30. Она сколько цитала, вдвое плакала.—
«Охъ вы, глупые туры, да дѣти малыи!
Охъ вы глупыи туры да неразумныи!
Не дѣвица выходила да младо-красная,
Присвята Госпожа Мати-Богородица.
35. Она цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Она цюетъ надъ Кіевомъ великую:
Кабы Скурла-де царь до подымаетсе,
Скурлыта-де-ка царь да сынъ Смородовичъ,
Со любимымъ со сватушкомъ со Коршакомъ,
40. Со любимымъ со зятѣмъ со Коньшакомъ,
Со любимымъ племенникомъ со Киршакомъ;
Объявить онъ, собака, да силы множество,
Впереди его, собаки, сорокъ тысецей,
По праву руку, собаки, сорокъ тысецей,
45. По лѣву руку, собаки, сорокъ тысецей,
Позади его, собаки, да числа смѣту нѣтъ.
Выѣжжалъ онъ, собака, на чисто полѣ,
Хорошо онъ, собака, да шатры выстроиць,
Баско-хорошо, собака, да верхи выкрасиць,
50. Во шатры-де, собака, да столы выставиць,

- Онъ писалъ-де ерлыкъ да скору грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина самолучшаго,
Кой получше, побольше, попроворне всѣхъ,
Кабы самъ онъ тотарину наговаривать:
55. «Ты поѣдь-ко удалой доброй молодець,
«Черезъ заставы ѣдь да каравульня,
«Черезъ стѣны ты ѣдь да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
60. «Станови ты коня да середь уличи,
«Не приказана коня, да не привязана,
«Заходи ты ко князю ко Владимиру,
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ты положъ-ко ерлыкъ да на дубовой столъ,
65. «Ты положъ-ко ерлыкъ, да скоро вонъ поди.»
Какъ увидѣлъ-то солнышко Владимиръ-князь,
Онъ увидѣлъ ерлыкъ да скору-грамотку,
Говорить-то тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты ой есь Добрынюшка Никитичъ сынъ!
70. Ты цитай-ко ерлыкъ да скору-грамотку.»
Какъ цитать-бы Добрынька усмѣхаеця:
«Какъ даютъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму;
«Не даютъ городъ добромъ дакъ я боёмъ возьму,
«Какъ боёмъ-де возьму, да кроволитычомъ,
75. «Самого-то князя я подъ мечъ склоню,
«Какъ Опраксю княгиню да за себя возьму,
«Какъ соборны ихны черкви всѣ на дымъ спущу».
Кабы это-де князю да за бѣду стало,
За досаду показалось за великую,
80. Кабы сталь-то тутъ солнышко снарежатисе,
Кабы куню-ту шубу на одно плечо,
А пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Онъ пошелъ по городу по Киеву,
Кабы стрѣчу ему бѣлая подсушина:
85. «Ужъ ты здравствуй-де, большая подсушина!»
— Ужъ ты здравствуй-ко, солнышко Владимиръ-
князь!
- Ужъ ты што-же идѣшь да не по старому?
Повеся ты дѣржишь да буйну голову,
Потопя-де дѣржишь да очи ясныи.—

90. «Охъ ты ой еси, бѣлая подсушина!
Какъ еси у меня надъ городомъ незгодушка,
Кабы еси у меня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты батюшко, солнышко Владимирь-князь!
95. Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами,
Могутъ они тебѣ способствовать».
А оттоль-де-ка солнышко впередъ пошоль.
Кабы встрѣту ему средня подсушина:
«Ужъ ты здраствуй-ко, средня подсушина!»
100. — Ужъ ты здраствуй-ко, солнышко Владимирь-
князь!
Ужъ ты что-же идѣшь да не по старому?
Повеса да дѣржишь буйну голову,
Потопя-де дѣржишь да очи ясныя?—
«Охъ ты ой еси, средня подсушина!»
105. Кабы еси у мя надъ городомъ незгодушка,
Кабы еси у мя надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты солнышко, батюшко Владимирь-князь!
Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами,
110. Могутъ они тебѣ способствовать.—
А оттуль-де-ка солнышко впередъ пошоль.
Кабы встрѣту ему меньшая подсушина:
«Ужъ ты здраствуй ты, меньшая подсушина!»
— Ужъ ты здраствуй ко, солнышко Владимирь-
князь!
115. Ужъ ты што-же идѣшь не по старому?
Повеса ты идѣшь да буйну голову,
Потопя ты идѣшь да очи ясны.—
«Охъ ты ой еси, меньшая подсушина!
Кабы еси у мя на городомъ незгодушка,
120. Кабы еси у мя надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Охъ ты солнышко, батюшко Владимирь-князь!
Ты поди-ко по городу по Кіеву,
На царевы ты зайди да больши кабаки,
125. На кружала ты зайди да восударевы;
Какъ на той-же на пецкѣ на муравленкѣ,
Тутъ лежитъ-де удалой доброй молодець;

- Не креста у его нѣту, не поеса,
Не рубашоцьки нѣтъ на ёмъ полотненой,
130. Подъ одной онъ лежитъ да рогозиною,
Кабы всё на винѣ у ёго пропито,
Во царевомъ кабаки да всё заложено,
Онъ и спитъ нынѣ тутъ да трои сутоцьки.—
Какъ оттуль-де-ка солнышко впередъ пошоль,
135. Онъ идѣтъ-то по городу по Кіеву,
Онъ заходитъ на царевы да больши кабаки,
На кружала заходитъ восударевы,
Онъ и смотритъ на пецьку да на муравленку,
Онъ увидѣлъ удала да добра-молодца:
140. «Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
Тебѣ полно-ле спать да нынѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ужъ ставай ты Василей сынъ Игнатъевичъ,
145. Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою ты мнѣ, да неизмѣною.
А на то-де Василей да не ослышался,
Кабы клицѣтъ-то солнышко во второй законъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
150. Молодой ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
Тебѣ полно-ле спать, да нынѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ужъ ставай-ко, Василей сынъ Игнатъевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
155. Вѣрой-правдой ты мнѣ, да неизмѣною.»
Какъ на то-де Василей не ослышелся,
Кабы клицѣтъ-то солнышко во третей законъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
160. Тебѣ полно-ле спать, да нонѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпатися,
Ты ставай-ко, Василей сынъ Игнатъевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой правдою,
Вѣрой-правдой ты мнѣ, да не измѣною».
165. А топерѣ Василей разбужантсе,
Отъ великаго хмелю просыпантсе,
Говоритъ-то Василей Игнатъевичъ:

- «Ужь я радъ-бы служить, хоть голову сложить,
Какъ болить-то моя буйна голова.»
170. Наливаётъ князь цяру зелена вина,
Не большую не малу въ полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мѣду сладкова,
На закуску колаць да бѣль-круписьчатой,
Подаваётъ-то солнышко обѣма рукми,
175. А берётъ бы Василей единой рукой,
Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Не оммылось у Васьки да ретиво сердце,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
180. А беретъ-де-ка солнышко во второй наконь,
Наливаетъ-де цяру зелена вина,
Не большую не малу полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колаць да бѣль-круписьчатой,
А беретъ бы Василей единой рукой,
185. Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Не оммылось у Васи ретиво сердце,
Не звеселилась у Васи буйна головушка».
- Наливаётъ Солнышко во третей наконь,
190. Подаваётъ-то Солнышко обѣма рукми,
А беретъ-то Василей единой рукой,
Кабы пьетъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Какъ оммылось у Васьки да ретиво сердце,
195. Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынь служить да вѣрой правдою,—
Не креста-то у меня нѣтъ, не поеса,
Не рубашечки нѣтъ у меня полѣтненой,
Кабы нѣту-то у мня да коня доброго,
200. Кабы нѣту у мня сбруни лошадиной,
Кабы нѣту у мня приправы молодецкой,
Кабы нѣту у мня туга лука,
Кабы нѣтъ у мня стрѣлоцьки каленой,
Ужь и нѣтъ у мня палицы буѣвой,
205. Кабы нѣтъ у мня копейчо бурзомецкое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,

- Во царевомъ кабаки да всё заложено».
Какъ пошолъ тутъ солнышко Владимиръ-князь,
Онъ пошолъ къ чумакамъ, да чѣловальникамъ:
210. «Охъ вы ой есь чумаки, да чѣловальники!
Отдавайте всё Васинькѣ безденежно».
Кабы отдали всё Васиньки безденежно,
Кабы сталь-то Василей снаряжатисе,
Кабы сталь-то Василей сподоблетисе,
215. Какъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго,
Какъ садился Василей да на добра коня,
Какъ тугой-отъ-де лукъ да принатегивалъ,
Калену свою стрѣлку принаправливалъ,
Кабы самъ ко стрѣлы да приговаривалъ:
220. «Полети-ко ты стрѣлоцька калѣная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячаго,
Залети-ко ты стрѣлка во чисто полѣ,
Залети-ко Скурлы ты да глазомъ правынимъ,
225. Ужъ ты выйди-ко стрѣлка ухомъ лѣвынимъ.»
Какъ садился Василей на добра коня,
Погониль-де Василей во чисто полѣ,
Кабы сива-то грива да растилаетсѣ,
Кабы хвостъ-де трубой да завиваетсѣ,
230. Кабы изъ роту коня да пламя мечетсѣ,
Изъ нозрей у коня да искры сыплютсѣ,
Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валить.
Пригониль-то Василей во чисто полѣ,
Какъ приѣхалъ онъ на заставу татарскую,
235. Выбиралъ онъ тотарина самолучшаго,
Какъ получше, побольше, потолще всѣхъ,
А схватилъ онъ тотарина за рѣзвы ноги,
Кабы сталь онъ тотариномъ помахивать,
На праву руку махнѣтъ дакъ чѣла улиця,
240. На лѣву руку махнѣтъ—съ переулками:
«Хоть ты тонокъ на жилахъ—не сорвешсѣ,
Хошь и сухъ на косьи да не изломилсѣ».
Онъ и всю тутъ силушку повыкрошилъ,
Онъ и добрымъ конѣмъ да всѣхъ повиытопталъ,
245. Какъ поѣхалъ онъ ко князю ко Владимиру,
Приѣжжкатъ онъ ко князю ко Владимиру.

- Какъ заходитъ во гриню да во столовую,
Какъ садитъ его Солнышко за дубовой столъ,
Какъ поитъ-то его да зеленымъ виномъ,
250. Какъ поитъ-то его трои сутоцьки.
Собиралисе всѣ бояре толстобрюхіе,
Собиралисе ко князю ко Владимиру,
Какъ по полу Солнышко похаживать,
Тихосмирную рѣчь да выговаривать:
255. «Охъ ты ой еси удалой доброй молодець,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
А цего-же тибѣ да нынѣ надобно?
Ты бери-ко города да съ пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями.»
260. Говорить-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
— Мнѣ не надо города да съ пригородками,
Мнѣ не надо села да со деревнями,
Ты дозвожь-ко-ся мнѣ цего мнѣ надобно:
Я куды-де пойду, да куды побѣду,
265. Мнѣ-бы пити-де вино вездѣ безденежно».—
Говорять на то бояра толстобрюхіе:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
Говорить-то Василей таковы рѣци:
270. — Ужъ ты, Солнышко, батюшка Владимиръ-князь!
А ищѣ-ле я вамъ Васинька понадобитсяъ?—
Говорять-то бояра во второй законъ:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
275. Говорить-то Василей таковы рѣци:
— А ищѣ-ле я вамъ Васинька понадобитсяъ?—
Говорять-то бояра во третей законъ:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано».
280. Какъ скоцилъ-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ схватилъ-то столесенки кедровы,
Онъ убилъ всѣхъ бояръ да толстобрюхихъ.

(6. СЕЛЕНІЯ ПО ПЕЧОРѢ).

V. СЕЛО УСТЬЦЫЛЬМА.

7. Петръ Родіоновичъ Поздѣевъ.

Это низкорослый, коренастый старикъ 65 лѣтъ. Онъ лысъ, лицо его обрамлено серебряной окладистой бородой, а глаза удивительно узкіе и какъ-то косо, по-инородчески, разставленные. Живетъ очень бѣдно, хотя кромѣ рыболовства и пашни въ ничтожныхъ размѣрахъ, какъ и всѣ устьцылемы, занимается еще чеботарствомъ. Но окостенѣлые, намерзшіеся за жизнь пальцы уже плохо его слушаютъ и Поздѣевъ можетъ брать только грубую работу: подбивать подметки и пр. Семья его состоитъ изъ жены, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ давно уже замужемъ и только третья, дѣвица, живетъ при немъ. Два сына, оба холостые, по бѣдности-же не живутъ дома: одинъ служитъ писаремъ въ одномъ изъ сельскихъ обществъ Пустозерской волости, другой работаетъ на шведской лѣсопилкѣ. Весь родъ Поздѣевыхъ старинщики: отецъ Петра былъ, говорятъ, прекраснымъ старинщикомъ, и я не отъ одного изъ пѣвшихъ мнѣ сказителей слышалъ, что это отъ Родіона Поздѣева научились они старинамъ. У Петра есть въ Устьцыльмѣ два брата и, кажется, оба старинщики. Сынъ Петра—Иванъ, сельскій писарь, списалъ мнѣ начало 10-ти старинъ и своихъ собственныхъ, и дяди Семена. Старины знаетъ, но не поетъ, а стихи и поетъ и жена Петра, Аксиныя, отъ которой я списалъ: Егорія и Александру, Алексѣя Человѣка-Божія, смерть Александра I-го и нѣсколько пѣсенъ и сказокъ. Младшая дочь Петра, грамотная Аграфена 22 лѣтъ—будущая начетчица и исправительница требъ: она и теперь ходитъ читать по покойникамъ псалтырь, учится пѣть панихидки и пр. Замужъ вѣроятно она не выйдетъ. Петръ Поздѣевъ спѣлъ мнѣ больше чѣмъ кто нибудь на Печорѣ старинъ; кромѣ напечатанныхъ здѣсь, онъ знаетъ еще: Князя Долгору-

кова, сорокъ каликъ, женитьбу Владимирера, Потяка и др. Правда, старины онъ поеть плоховато, гораздо хуже, чѣмъ Ѡ. Чуркина, Вокуевъ, Марковъ и др. Всѣ старины поеть Поздѣевъ чуть-ли не однимъ „ясакомъ“, чего хорошій старинщикъ никогда не позволить себѣ да и несумѣеть. Все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владиміръ, куда онъ отнесъ и старину про Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ старины вносить однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣйствія и, не помня подлинныхъ, слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Устьцыльмѣ рѣчи. Объ его исключительной памяти уже была рѣчь въ статьѣ. Петръ Поздѣевъ такъ привыкъ ко мнѣ въ два лѣта, такъ заинтересовался моею работою, что не только самъ очень охотно пѣлъ мнѣ все, что зналъ, но и очень любопытствовалъ, какъ это дѣлають другіе: иногда въ будни, а въ праздники всегда приходилъ онъ ко мнѣ послушать чужихъ старинъ.

19.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

- Во томъ во городѣ во Муромѣ,
Во томъ селѣ да Карачаговѣ,
Жилъ тутъ Иванъ сынъ Тимооенчъ.
У того Ивана Тимооенча,
5. Было у него единó чадо,
Единó чадо, да единённое;
Оно хворо было у него, нездоровое,
И жилъ онъ у него въ посторонной хрѣминѣ,—
Онъ тридцать лѣтъ тутъ безъ ногъ сидѣлъ,
10. И не видѣлъ свѣту бѣлого, вольного.
Во тридцатомъ году, да во послѣнни нни,
Среди-то было да ночки темныя,
Приходила ему сиротинушка убогая,
Просила милóстыну его раді Христа.
15. Говоритъ-же ей удалой доброй молодець:

- «Ужъ ты ой еси сиротинушка убогая,
Не могу я стать, милостыни подать,
Не то—тебѣ подать, радъ самъ принять».
Эта сиротинушка убогая,
20. Вынимать ковригу дару божьяго,
Изъ кормана вымать скланной ножичекъ,
И стала эту ковригу порушивать,
Да и стала его мазать да ноги рѣзвые,
Разъ она помазала ноги рѣзвые,
25. Другой разъ помазала ноги рѣзвые.
Затимъ она помазала очи ясныя,
И стать тогда молодець да на рѣзвы ноги.
Ище его мазала да очи ясныя,
И увидѣлъ тогда молодець да вольной бѣлой свѣтъ;
30. И эта сиротина да тутъ потерялася.
Молодець тутъ слезно расплакался:
«Это чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Что же надо мной это сдѣлалось,
Что надо мной состоялосе?
35. Уродь-ле приходиль, меня уродоваль,
Але во снѣ мнѣ-ка это привидѣлось?
Приходиль винно Микола мнѣ светитель».
Учуль онъ въ сибѣ удачу молодецкую,
Учуль силу богатырскую;
40. Сталь онъ тутъ похаживать,
Приходиль ко дверямъ ко широкимъ,
Двери были плотно замкнуты,
Навѣшаны были замки вѣсучіе;
Топнулъ дѣтинушка двери широкіе—
45. Разорвались замки вѣсучіе.
И вышелъ онъ вонъ на улицу
И пошелъ по своему широку двору,
Ко своему къ отцу-къ матушкѣ.
Отца-матушки дома не случилосе,
50. Ушли они чистить поле чистое,
Подъ ту подъ пашню хлѣборонную;
Онъ пошелъ имъ помогать поле чистити.
Съ отцемъ, матушкой дѣтинушка поздоровался,
На него тогда они взрадовался.
55. И сталъ имъ помогать поле чистити,

- И сталъ дубья рвать со коренѣмъ,
Говорить его тогда мать родимая,
Говорить хозяину Ивану Тимоѣичу:
«Винно дитѣ будетъ намъ не кормилицо,
60. Станетъ ѣздить винно по полю по чистому». Немного помогаль имъ молодець поле чистити,
Какъ сталъ у нихъ просить благословеньица,
Да съѣздитъ, сходить да въ стольной Кіевъ градъ:
«Посмотрѣтъ мнѣ князя Владимира,
65. Посмотрѣтъ всѣхъ русскихъ богатырей». И просить ихъ, падать во рѣзвы ноги;
Не давають они ему благословеньица;
И падаютъ имъ дѣтинушка во второй законъ,
Съ буйной главы до сырой земли;
70. Не давають они благословеньица;
Падаютъ имъ дѣтинушка во третей законъ:
«Дадитѣ пойду и не дадите пойду». Тогда дали ему родители благословеньице
Съ буйной главы, до сырой земли,
75. И стали они тогда ему наказывать:
«Когда ты было у насъ хворо-нездоровое,
Много объ тебѣ мы обвѣщалися:
Когда будешь ты у насъ живой-здоровой,
Когда будешь ѣздить по полю по чистому,
80. Не проливай ты напрасно крови человѣческой. Стоять тогда за вѣру за крешшоную,
За ти монастыри за причестныи,
За ти за церкви да за Божіи,
За ти младенцы троедѣнныи». 85. И все это они ему наказывали,
И все это ему наговаривали.
Тогда же его отецъ батюшко,
Тотъ Иванъ сынъ Тимоѣевичъ,
Повель тогда его на конюшенъ дворъ,
90. Отдавать ему коня добраго.
Привель онъ дѣтинушку на конюшенъ дворъ,
Отворилъ двери тамъ широкіи,
Стоить тамъ да право доброй конь;
Конь стоитъ наубѣль-бѣлой,
95. Хвостъ-грива научѣрнъ-черна,

- Научеръ-черна, какъ у чѣрна ворона;
Конь стоялъ на семи цѣпяхъ,
На семи цѣпяхъ, на семи развезяхъ.
Накладываль на него дѣтинушка узду чекмянную,
100. Разорваль онъ всѣ цѣпи желѣзные,
Выводилъ коня вонъ на улицу,
Накинулъ на него руку правую,
Конь засѣлъ въ землю по щѣточекъ.
Не сѣдлалъ онъ коня добраго,
105. А заскочилъ прямо на добра коня,
Побѣждалъ его нончи доброй конь.
Доѣзжать дѣтинушка до рѣки до Медвѣжины,
Напоилъ водой чистою коня добраго
И пріѣхаль назадъ къ своему широку двору.
110. И сталъ онъ тогда заводить всѣ приправы себѣ
молодецкіе,
Сбруню себѣ богатырскую.
Пошелъ онъ сперва къ кузнецу, ко мастеру,
Сковаль сперва палицу буювую,
По вѣсу тянетъ палица девяносто пудъ.
115. Потомъ сковаль себѣ саблю булатную,
По вѣсу тянетъ сабля двадцать пять пудовъ.
Сковаль копейцо буржумецкое,
По вѣсу тянетъ конейцо десять пудовъ.
И завель себѣ лучишко подорожноѣ,
120. Тридцать три стрѣлочки каленыи,
Каленыи, стрѣлочки, перѣныи,
Перѣныя; перышка были орлинскіе,
Не простого орла, Сикамскаго.
Сталъ тогда молодець снаряжатися,
125. Сталъ онъ тогда сподобяйтися,
Сталъ уздать сѣдлатъ коня добраго;
И сталъ онъ сперва на коня класть плотны-плотнички,
На плотнички мякки войлочки,
А затимъ сѣдѣлышко черкальчато;
130. Подетѣгиваль онъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Ище бралъ черезхребетницу
Черезъ степь лошадинную,
Не простого шолку—земли греческой,
И сталъ класть всю приправу молодецкую,
135. На сѣдѣлышко черкальчето;

- И сталъ тогда залогъ закладывать:
«Не слѣзывать чтобы мнѣ со добра коня».
И другой залогъ сталъ закладывать:
«Не кровавить чтобы сабля вострая».
140. Третьей залогъ сталъ закладывать:
«Не вымать изъ нѣлучья тугой лучекъ».
Не видѣли тогда поѣздки молодецкой,
Побѣжки лошадиной,
Только и видѣли какъ молодецъ на коня вскочилъ,
145. Да въ стремяна ступилъ.
Винно въ поли курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валить.
Прѣбжжати молодецъ къ ростанямъ широкимъ,
На ростаняхъ-то лежитъ да сѣрь-горючъ камень,
150. На камешкѣ подписи есть подписаны
И подрѣзи есть подрѣзаны:
«Есть тутъ три дорожечки широкіи въ стольной
Кіевъ-градъ,—
Енно́й дорогой ѣхать три мѣсеча,
Другой дорогой ѣхать два мѣсеча,
155. Есть третья дорога прямоѣжжая,
Ѣхать той дорогой полмѣсеча;
Енно́й дорогой ѣхать—женату быть,
Другой дорогой ѣхать—богату быть,
Третьей дорогой ѣхать—живому не быть».
160. Стоитъ молодецъ да призадумался:
«На что же мнѣ женату быть?
На старость женату—чужа корысть;
На что мнѣ на старость богачество?
Есть у меня богачество;
165. Поѣду я лучше по дорогѣ прямоѣжжой, гдѣ живу не
быть,—
На полѣ старому смерть не писана».
Поѣхалъ молодецъ по той дорогѣ прямоѣжжой,
Есть на ней три заставы великія:
Первая на ней застава великая—
170. Есть на ней болота дыбучіе, грязи черныя.
Росла дорожка та прямоѣжжая ровно тридцать лѣтъ,
Никто по ней не проѣбжживалъ,
Ясный соколъ не пролетывалъ.

- Тогда сталь доброй молодець первой залогъ разру-
шивать,—
175. Слезаваецъ со добра коня,
Лѣвой-то рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ, мосты мостить,
Мосты мостить все калиновы,
Перекладыны кладеть дубовые.
180. Промостиль тогда грязи черныя, болота дыбучіе,
И проѣхаль доброй молодець заставу великую.
Заскочилъ тогда на добра коня
И поѣхаль въ стольной Кіевъ-градъ.
И здраво ѣдетъ поле чистое,
185. Здраво ѣдетъ лѣсы темныя,
И доѣзжаетъ до заставы великія.
Живуть тутъ мужички да Новотокмяны,
Не пропускають они ни коннаго ни пѣшаго,
Не удала добра молодца,
190. Всѣхъ они бьютъ и грабятъ.
Увидѣли они удала добра молодца
И ладятъ его бить и грабити;
За его стали хвататисе;
За его стали иматисе;
195. Онъ сидить на добромъ конѣ не трехнется
И говоритъ имъ таково слово:
«За что вы меня хотите бить и грабить?
Бить вамъ меня не за что,
Взять у меня нечего;
200. Только есть у меня право доброй конь,
Конь стоять у меня восемьсотъ рублей;
Еще есть у меня шуба кунья,
Она стоять у меня семьсотъ рублей;
Ище есть у меня чудень-крестъ серебряной,
205. Крестъ-отъ стоять у меня пятьсотъ рублей».
Тутъ робята стали за него пуще хвататися,
Пуще стали иматися,
По пяти, по десяти и по двадцати пяти со стороны
хватаются.
- Сталь тогда молодець разрушивать другой залогъ:
210. Вымаль изъ за палучья тугой лучекъ,
Изъ кармана вымаль тетивку шелковую,

- Изъ кольчужины вымалъ калену стрѣлу,
Принатегивалъ тогда право тугый лукъ,
Принаправливалъ калену стрѣлу;
215. Хочетъ стрѣлить въ землю матушку,
Самъ онъ стрѣлкѣ приговаривать:
«Лети моя калена стрѣла въ землю матушку,
Рой землю матушку до пояса,
Оборви у робятушокъ ноги резвые».
220. Полетѣла его калена стрѣла въ землю матушку,
Рыла землю матушку до пояса;
Тогда всѣ мужички устрашились,
Какъ овсяны мѣшки повалились.
Поѣхалъ тогда молодець въ стольной Кіевъ-градъ.
225. Здраво онъ ѣдетъ поле чистое, лѣсы темные,
Подѣзжаетъ къ заставѣ великой,
Эта застава великая—заселился тутъ Сболовей Рахматовичъ.
- У той дороженьки широкой,
Свито-вито у него гнѣздо на семи дубахъ
230. И на семи пагубкахъ;
Сидѣлъ Сболовей Рахматовичъ ровно тридцать лѣтъ,
Не пропускалъ не конного, не пѣшого, ни удала добра-
молодца,
- Не пролетный ясны сокола,
Убивалъ своимъ свистомъ за двѣнадцать верстъ.
235. Приѣзжаетъ удалой доброй молодець,
Услыхалъ его Сболовей Рахматовичъ,
Засвистѣлъ Сболовей по соловьиному,
У Старого конь учуль—паль на окарачь;
Бьетъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
240. Самъ коно приговаривать:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Не слыхалъ винно ты въ полѣ волчьяго воя, воронаго
гряня,
- Што падашь на окарачь».
- Сталъ тутъ молодець принатягивать тугой лукъ,
245. Принаправливать калену стрѣлу,
Самъ ко стрѣлкѣ приговаривать:
«Ты лети-же моя калена стрѣла,
Повыше лети лѣсу темнаго,

- Пониже облака ходячаго,
250. Не падай не на воду не на землю,
Пади Сбловью во правой глазъ.
Повалился Соловей со вита гнѣзда,
Тутъ молодець коня подганиваль,
Сбловья на землю не ураниваль,
255. На подлетикѣ его и подхватываль,
Браль себѣ въ сѣдлышко черкальчето
И поѣхаль въ стольной Кіевъ-градъ.
У стараго конь сталъ подпинатися
И сталъ конь подпиратися.
260. Биль онъ коня по крутымъ ребрамъ,
Биль и приговариваль:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Винно чуешь каку-ле невзгодушку
Надъ собой-ле, надъ хозеиномъ?»
265. И сказали ему конь языкомъ руськимъ человѣческимъ:
— Не какую я не чую невзгодушку
Не надъ собой, не надъ хозеиномъ,
Не могу нести васъ—два богатыря.—
Тогда вставаеъ удалой доброй молодець,
270. Сымаеъ Сбловья съ сѣдельца черкальчета,
Приковываль его ко стремени лошадиной,
И поѣхаль впередъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ къ Сбловью къ широку двору,
У Сбловья было три дочери,
275. Поленицы приудалыя.
Увидали сначала Сбловья его дочери:
«Ужъ ты ой еси матушка родимая!
Ѣдетъ у насъ отецъ, мужика везетъ,
Мужикъ у стремени поскакивать».
280. Тогда бросилась жена ко окошечку косящату,
Посмотрѣла изъ трубки подзорныя:
— Охъ вы глупы дочери, неразумны!
Мужикъ-отъ ѣдетъ, отца ведетъ.—
На то были дочери догадливы,
285. Побѣжали скоро вонъ на улицу,
Заскочили на ворота на широкіе,
Затенули подворотничку тяжелую,
Хочутъ спустить ее на удала добра молодца.

- Увидалъ ихъ Соловей Рахматовичъ:
290. «Ужъ вы ой еси дочери родимые!
Не сердите вы удала добра молодца,
Просите меня на выкупку,
Давайте ему золотой казны».
Соскочили дочери родимые,
295. Добра молодцу низко кланяются,
Даваютъ ему золотой казны.
Говоритъ удалой доброй молодецъ:
«Не надо мнѣ ваша золота казна,
Отмыкайте лучше всѣ погреба глубокіе,
300. Отмыкайте подвалы широкіе,
Не сидятъ-ле у васъ удалы добры молодцы».
На то онѣ ему отвѣтъ держать.
Не вѣрять старой, домогается,
Говорятъ ему тогда дочери:
305. — Не можемъ отомкнуть, ключи потеряны.—
На то молодецъ осержается,
Приходитъ къ подваламъ широкимъ, дверямъ желѣз-
нымъ, замкамъ вѣсучимъ,
Стопгаль всѣ двери желѣзные, замки вѣсучіе,
Сидятъ тамъ удалы добры молодцы;
310. Выпускалъ ихъ на вольной бѣлой свѣтъ,
А затимъ схватилъ саблю вострую
И срубилъ у дочерей буйны головы.
Сѣлъ тогда молодецъ на добра коня
И ѣдетъ впередъ въ стольной Кіевъ-градъ,
315. Оставляетъ добро Соловьиное,
Всѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ:
«Живите вы, удалы добры молодцы,
И всѣмъ Соловьинымъ добромъ пользуйтесь».
Ѣдетъ здраво поле чистое,
320. Ѣдетъ здраво лѣсы темные,
Приѣзжаетъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Приѣзжаетъ къ воротамъ городовымъ,
У дверей не спрашивать приворотниковъ,
У воротъ приворотниковъ,
325. Ѣдетъ прямо черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту башню наугольную,
Подѣзжать ко гриднѣ княженевской.

- О ту пору у князя у Владимира,
Завелся почесень пирь.
330. Слѣзавать молодець со добра коня,
Вяжеть коня къ дубову столбу, золоту кольчу,
Заходить во гриню княженевскую,
Княженевскую гриню, во столовую;
Богу въ уголь добрый молодець молится
335. И кланяется во вси стороны,
Князю и княгинѣ на особицу.
Сидятъ на пиру у князя бояры толстобрюхѣ и русь-
кіе богатыри,
- Промежду собой разговариваютъ:
«Надо ѣхать дорога чистити;
340. Заросла дорога прямоѣзжая,
Заселился на ней Соловей Рахматовичь,
Тридцать лѣтъ не пропускать ни коннаго ни пѣшаго,
Ни проѣзжа удала добра молодца». Сидитъ удалой доброй молодець, рѣчи выслушивать
345. И говоритъ имъ таково слово:
— Что вы сидите, толкуете,
Привезенъ у меня Соловей Рахматовичь,
Прикованъ у стремени лошадиной.—
Не вѣрятъ ему гости князеы.
350. Говоритъ имъ удалой доброй молодець:
«Посылайте смотрѣть слугу вѣрную».
Посылалъ князь слугу вѣрную вонъ на улицу;
Побѣжала скоро слуга вѣрная,
Посмотрѣла коня добраго,
355. А у коня лежитъ собачище.
Пришла и сказала слуга вѣрная:
«Лежитъ у коня добра-молодца кака-ле собачища».
Посылалъ князь слугу вѣрную
Звать собачищу въ гриню княженевскую.
360. Зоветь тогда слуга вѣрная:
«Ой еси Соловей Рахматовичь,
Пожалуйте во гриню княженевскую».
Соловей на то ей отвѣтъ держалъ:
— Не ваше я пью и кушаю, не васъ и слушаю,
365. Старого я ѣмъ, пью, кушаю, его и слушаю.—
Посылать тогда князь удала добра молодца;

Зоветь доброй молодець Соловья Рахматовича во
гриню княженевскую,

Говорять ему гости княжески:

«Заставь посвистѣть Соловья Рахматовича,

370. Мы послушаемъ его, потѣшимся».

Спросилъ ихъ удалой доброй молодець:

— Какъ вамъ засвистѣть—во весь свистъ, але въ
полусвиста?—

Отвѣчали ему: «Пусть свиститъ во весь свистъ».

Говорить удалой доброй молодець:

375. — Свисни имъ, Соловей Рахматовичъ, однако въ полу-
свиста.—

Свиснуль Соловей полусвистомъ:

Задрожала гриня княженевская,

Столы распаталися, яства проливались,

Бояре всѣ удрипалися,

380. Князя и княгину старой во рукахъ держитъ.

Вывель тогда Соловья Рахматовича на широкой дворъ.

Стали тогда садить добра молодца за широкой столъ,

Низко кланяться, стали спрашивать:

«Откуль ты, какой, молодешинѣкъ, зеленѣшинѣкъ?»

385. Коего-ле ты отца, да коей матери?

Кабы какъ те молодца именемъ зовутъ?»

Онъ-де сталъ тутъ имъ да все рассказывать:

— А того я села да Карачагова,

Изъ того изъ города изъ Мурома,

390. Какъ имени Ивана сына Тимоѣенча.—

Ужъ какъ тутъ сидятъ всѣ на честномъ пиру:

«Ужъ мы какъ его удала добра-молодца назовемъ
нонь по имени?»

Кабы быть-же Илья, больше Муромецъ».

Эта старина записана съ пересказа, а не съ голоса, только
самый конецъ, отъ словъ: «откуль ты, какой» и пр., быть
спѣтъ.

20.

Илья Муромецъ, голи кабацкіе и Угарище.

- Кабы шла калика перехожая,
Отъ того отъ города отъ Кіѣва,
Ай на стрѣцю-ту калики доброй молодець,
О, сошолса онъ съ каликой, поздоровались,
5. Говоритъ на то удалой доброй молодець:
«Ты ужъ ой еси калика перехожая!
Ты ёткуль-ле нонь идёшь, да куды путь дѣржишь?»
Ужъ на то ему калика нонь отвѣтъ доржитъ:
— Я иду ноньце изъ города изъ Кіѣва,
10. Я пошла ноньце собирать ищѣ милостыню. —
Говоритъ на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
У васъ 'сѣ-ле нонь во городи по старому?
И во Кіѣви у васъ всё-ле нонь по прежному?»
15. Говоритъ на то ему калика, отвѣтъ доржитъ:
— И во городи у насъ да не по старому,
И во Кіѣви у насъ да не по прежному:
Заселилось вѣдь ко Князю ко Владимиру,
Кабы то ищѣ Идолищо поганоё,
20. Какъ не малоё-то Идолищо поганоё—
Вышину-де какъ Идолищо-то трѣхъ сажень,
Онъ-де трѣхъ сажень, да онъ печатныхъ;
Ширину-де Идолищо коса сажень,
И коса-гдѣ (такъ!) сажень да и печатная;
25. Голова то у ёго сильѣй пивной котѣль,
Кабы ушища у его какъ царски блюдища,
Кабы глазища у его какъ сильни чашища,
Кабы ручища у его какъ будто граблища,
Ужъ-бы ножища у его сильни кичинища.
30. Заселилса онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ во ту его во гриню княженевскую,
Межь князёмъ онъ сидитъ, да межъ княгиною,
У княгины-то держитъ да руки въ пазухи,
Онъ понижке опускать руки—околь черева;
35. Кабы князь-отъ тутъ сидитъ нецѣ говоритъ не смѣтъ.—
Ка' сказала ему калика перехожая,

- Ужъ тому-де ка' удаду добру молодцу,
Говорить на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!»
40. Ты ёмменимсе со мной ты платьёмъ чвѣтнымъ.»
Говорить на то калика перехожая:
— Ужъ ты ой еси удалой доброй молодець!
У тебя-де нонь да платьичо хорошоё,
У меня-то-де платьичо калическо,
45. Всё изношено у меня платьё, все изорвано.—
Ужъ на то де молодець не соглашается,
Говориль ёнь калики во второй законъ:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!»
А ёммѣнимся со мной ты платьёмъ чвѣтнымъ».
50. Ужъ на то ёпеть калика вновь отвѣтъ доржить:
— Ужъ ты ой еси удалой доброй молодець!
Ужъ на цѣ ты-ле нонь да обзадорилса?
У мяя платьё на сибѣ да всё изношено.—
Говорить тутъ молодець да во третей законъ:
55. «Ужъ ты ой еси калика перехожая!»
Ужъ оммѣнимсе съ тобой мы платьёмъ чвѣтнымъ».
Ужъ на то ноньце калика соглашаласе,
Скиныватъ она ' себя платьё калическо,
Молодечъ-отъ скидыва́ платьё хорошее,
60. Онъ ростѣгивать у ся всѣ ноньце пánзыри,
Скиныватъ онъ ' себя платьё хорошоё,
Отдаватъ свое платьицо калики-же,
Онъ берѣтъ ю калики платьё калическо,
Надѣвалъ на себя платьё калическо,
65. А калика надѣлъ платьё молодечкоё.
Они тутъ ноньце съ каликой распрострилисе,
И калика оттуль ноньце впередъ пошла,
Молодечъ-отъ-де пошоль да ' стольнѣй Кіѣвъ-градъ.
А идѣтъ молодець да ' стольнѣй Кіѣвъ-градъ,
70. Онъ заходитъ тогда да въ стольнѣй Кіѣвъ-градъ,
Онъ проходитъ ко цареву большу кабаку,
Ко тому-де кружалу восудареву,
Онъ становилса подъ окошечко кабачкоё,
Гдѣ живутъ-же чумаки да чѣловальники;
75. Становилса подъ окошечко касявчато,
Онъ крычалъ-де своимъ да зычнымъ голосомъ:

- «Ужъ вы ой есь чумаки-люди, чѣловальники!
Вы ужъ мѣрейте вина мнѣ на петьсотъ рублей,
Я какъ шоль со той дорожки, я со дальнѣей,
80. Со того устатку со великого,
Кабы выпить я-де хоцю зелена вина,
Ужъ какъ вѣрьте мнѣ вина вы на петьсотъ рублей,
Обзадорюсь молодець—куплю на тысячу». Ужъ глядеть тутъ чумаки да чѣловальники,
85. Какъ сквозь то-де окошечко косявчето,
Дакъ сквозь ту-де околѣнку хрустальнойю,
Говорять де чумаки ему, отвѣтъ держать:
— Ужъ ты ой еси калика перехожа!
На тибѣ-то винно платьницо калическо,
90. Всѣ изношено у тя платьѣ, всѣ изорвано,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петъ денежокъ.—
И оттуль калика ноньце проць пошоль,
Онъ зашоль калика на большой кабаць,
Тутъ сидять 'сѣ-ле, пьютъ голи кабацькя,
95. Онъ зашоль-де, съ имá да поздоровалса:
«Ужъ вы здраствуйте вы голи 'сѣ кабацькя!»
Говорять на то-де голи-то кабацькя:
— Ужъ ты здраствуй удалой доброй-молодець.—
Говорить на то удалой доброй молодець:
100. «Юшъ вы ой еси вы голи всѣ кабацькя!
Вы не можите-ли какъ-ле ноньце сложитьсе,
Э, не можите-ли сложитьсе по гривенкѣ,
Опохмелить меня удала-добра-молодца,
Да съ того мнѣ-ка съ устатку со великого,
105. Э, со той со дорожоцьки со дальнѣей». И на то были-де голи 'сѣ догадливы,
Они сложились какъ 'сѣ-ле тутъ по гривенки,
Они взели кабы тутъ нонъ зелена вина,
И не много не мало—полтара ведра,
110. Подавають тутъ удалу-добра-молодцу,
Онъ берѣтъ ету цару единой рукой,
Онъ де пѣтъ ноньце цару къ едину духу,
Онъ за цярою самъ рѣць выговаривать:
«Окатило у молодца нонъ ретивó серцо,
115. Не звеселило у молодца буйну голову». Онъ растегиваль ю ся нонъ всѣ и панцыри,

- Скинывать онъ съ себя да ноньце чуденъ кресъ,
Ожь-бы чуденъ-отъ кресъ да былъ серебряной,
По вѣсѹ тенѣтъ кресъ его полтара пуда;
120. Отдавать-де тутъ голямъ да 'сѣ кабацкіимъ,
Онъ де самъ говоритъ тутъ таково слово:
«Ужь вы ой еси вы голи 'сѣ кабацкія!
Вы тащыте мой-ле нонь да право чуденъ кресъ,
Ы тащыте кресъ во лавоцкѹ торговую,
125. Вы заложте мой кресъ да во петъсотъ рублей».
Ы на то были-де голи 'сѣ проворныя,
Потащили они-де скоро нонь серебрянъ кресъ,
И заложили нонь кресъ его въ петъсотъ рублей,
Притащили ему денежокъ петъсотъ рублей,
130. Отдавають-де удалу добру молодцу.
Онъ какъ взялъ тутъ денежки петъсотъ рублей,
Онъ какъ сталъ тутъ пить да зелена вина,
Онъ бы сколько самъ пьетъ, вдвое голей поить;
Онъ тутъ пилъ молодець время трои сутоки,
135. Одолила тутъ его тягось тяжолоя,
Забрала его хмелинушка великая,
Заходилъ ёнъ тутъ на пецьку на муравленку,
Онъ какъ заспалъ, захрапѣлъ тутъ доброй молодець;
Онъ тутъ спитъ и тутъ храпитъ, будто порогъ шумить.
140. Какъ на то-ле чумаки-воры чѣловальники,
Они стали молодца ноньце побуживать,
Кабы стали молодца нонь потрясати нонь,
Ужь бы сами говорятъ ему таково слово:
«Тебѣ полно-же нонь спать, пара ставать,
145. А пара-де ставать, пара оправитсѣ».
Его разъ они будили и другой будятъ,
И третей-отъ разъ и шипко потрясають его;
Кабы тутъ молодець да пробужантсе,
Онъ соскакивалъ со печки со муравленки,
150. Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,
Онъ здымалъ его повыше буйной головы,
Опускалъ чумака и о кирпичатъ поль,
Кабы тутъ чумаку и смерть случиласе.
Онъ и самъ говорилъ и таково слово:
155. «Богатырское сердце зло заплывчиво,
И заплывчиво сердчѣ, и неуймчиво,

Какъ бѣду-ту я dospѣлъ дакъ набѣ друга dospѣтъ».
Онъ выскакивалъ-бы скоро вонъ на улицу,
Пробѣгалъ-де ' подвалу-ту кабацькому,

160. Какъ ко тимъ-де ко дверямъ да ко широкѣмъ,
Кабы двери ти да ноньце плотно заперты,
Они заперты-де плотно, нынѣ замкнуты,
И навѣшаны замки де 'сѣ вѣсучія;
Онъ растворилъ 'сѣ тутъ двери 'сѣ подвальнія,
165. Пробѣгалъ-де ко подвалу-ту кабацькому,
Тамъ лежатъ 'сѣ какъ боцьки сороковоцьки,
Ужъ лежатъ ищѣ боцьки ' зеленымъ виномъ.
Онъ какъ бралъ енну 'боцьку подъ праву руку,
Онъ другу-ту-ле берѣтъ боцьку подъ лѣву руку,
170. И третью-ту-ле онъ боцецьку пинкомъ пинать;
Онъ вытаскивалъ на площадь на кабацькую,
Онъ растуливалъ тутъ боцьку сороковоцьку,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацькія!
175. Вы несите свою мѣру—повареноцьку,
Ужъ вы пейте вина у васъ сколько мощъ берѣтъ,
Мы не будѣмъ-же во городи виноваты-же».
Кабы пьютъ кабы голи всё кабацькія.
Кабы послѣ того, да послѣ этого,
180. Ужъ пошолъ тутъ цюмачѣкъ да цѣловальникъ-же,
Онъ пошолъ нонь ко князю ко Владимиру,
Онъ пошолъ къ нему съ объявкой, жалобой ищѣ;
Онъ приходитъ нонь ко князю ко Владимиру,
Онъ какъ князю-ту-бы началъ всё рассказывать,
185. Какъ-бы спѣрва, сначала, какъ нынѣ дѣлосъ,
Говоритъ чумакъ ноньце таковы слова:
«Ужъ ты ей еси солнышко Владимиръ-князь!
У насъ што-же ноньце какъ ищѣ содѣлосъ,
Въ кабаки-то-ле нонь да состоялосе:
190. Приходила намъ калика ко окошечку,
Ко тому-де окошечку кабацькому,
Какъ ревѣтъ у насъ калика подъ окошечкомъ,
И просила у насъ да зелена вина,
И просила вина да на петъсотъ рублей,
195. Говорила калика ищѣ таково слово:
«Ёбзадорюсь я когда—куплю на тысецю!»

- Мы ювидѣли што на ей платѣ калическо,
Мы сказали ей калики перехожкой:
«Што какъ не по цѣ тебѣ дакъ ноньце вѣрити,
200. На тибѣ-то винно платицо калическо,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петъ денежокъ».
Заходила тутъ калика на большой кабакъ,
Тутъ сидятъ ' кабаки голи кабацкія,
Ужъ зашла она съ голѣми поздоровалась,
205. Говорила имъ калика таковы слова:
«Ужъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацкія!
«Вы сложитесь-ко всѣ ноньце по гривенки,
«Вы возьмите-ко-бы нонь да зелена вина,
«Опохмельте меня удала молодца,
210. «И со той меня со дальноей дорожечки,
«Со того миня съ устатку со великого».
Ужъ на то были де голи 'сѣ догадливы,
Они сложились какъ 'сѣ скоро по гривенки,
Они взяли тутъ ему да зелена вина,
215. Ужъ не мало не много полтара ведра,
Подаютъ тутъ удалому добру молодцу,
Онъ берѣтъ эту цяру единой рукой,
Онъ-бы пѣтъ эту цяру къ едину духу,
Ицо самъ тутъ говорить да таково слово:
220. «Окатило у мя молодца да ретиво серцо,
«Не звеселило у мя молодца буйну голову».
Скинывалъ онъ съ себя да ноньце чуденъ кресъ,
Отдавалъ де тутъ голямъ 'сѣ кабацкіимъ:
«Вы заложте мой кресъ да во петъсотъ рублей».
225. Заложили голи кресъ нонь во петъсотъ рублей,
Какъ-де сталъ пить молодець да зелено вино,
Онъ-бы сколько самъ пѣтъ, вдвое голей поитъ;
Онъ тутъ пилъ молодець да трои суточки,
Забрала его хмелинушка великая,
230. Заходилъ онъ тутъ на печку на муравленку,
Онъ какъ заспалъ, захрапѣлъ тутъ доброй молодець.
Ужъ мы стали, чумаки, его побуживать,
Кабы стали молодца нонь потресати-же,
Пробудилсе тутъ удалой доброй молодець;
235. Онъ соскакивалъ со печки со муравленки,
Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,

- Онъ здымалъ его выше буйной головы,
Опускалъ чумака о кирпичетъ полъ,
Кабы тутъ чумаку да смерть случиласе,
240. Онъ зревѣлъ молодець да таково слово:
«Какъ бѣду-ту я dospѣлъ дакъ набъ друга dospѣтъ!»
Онъ выскакивалъ-бы скоро вонъ на улицу,
Подбѣгалъ ко подвалу ко кабачкому,
Онъ топнулъ какъ тутъ двери сѣ подвальнїя,
245. Розломилъ, розорвалъ замки вѣсучїя,
Ростворилъ 'сѣ тутъ двери 'сѣ подвальнїя,
Пробѣгалъ-де ко подвалу ко кабацкому,
Тамъ лежатъ 'сѣ какъ боцки сороковоцки,
Онъ какъ бралъ енну боцку по праву руку,
250. Онъ другу-ту-ле бралъ подъ лѣву руку,
А третью-ту онъ-де боцецку пинкомъ пиналъ,
Онъ витаскивалъ на площадь на кабацкую,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси вы голи всё кабацкїя,
255. «Ужъ вы пейте вино да сколько моцъ берѣтъ,
Мы не будѣмъ-де во городи виноватые».
Кабы князь-отъ говорить тутъ таково слово:
— Ужъ я што-же ноньце могу ищѣ дѣлати?
У миня у самого да на дому бѣда.—
260. Ужъ не много тутъ-де время миновалосе,
Какъ приходитъ тутъ удалой доброй молодець,
Ко тому ищѣ ко князю ко Владимиру,
Онъ заходитъ нонъ во гриню княженевскую,
Онъ какъ Богу-ту-ле тутъ да нынѣ молитсе,
265. Онъ де кресъ-де кладѣтъ да по писанному,
И поклонъ-отъ онъ ведѣтъ да по ученому,
И молитву творить 'сѣ полну Исусову,
На вси стороны онъ нонъ де покланяетсѣ,
И князю-ту сѣ княгиной на особину;
270. Какъ сидитъ тутъ Угарищо поганоѣ,
А тому-де онъ Угарищу челомъ не бѣтъ,
Онъ челомъ ему не бѣтъ, да головы не гнѣтъ.
Какъ Угаринъ-отъ сидитъ на его зглядывать,
Кабы зглядывать сидитъ, на его зворачивать.
275. Молодець-отъ становилса подъ окошечко,
И подъ хорошо, подъ красно, подъ трубно окно;

- Принесли ноньце Угарищу попить-поисъ,
Принесли сперва коврижку дару божьяго,
Онъ на ножъ ей воткнулъ—совсемъ чѣлкомъ пѣхнулъ,
280. 'Щоки на щоку коврижку перемѣтывалъ,
Ужъ енной щокой-де короцьку вываливалъ.
Какъ сидить-ле тамъ удалой доброй молодець,
Какъ подъ хорошимъ, подъ краснымъ, подъ трубнымъ
окномъ,
Говорить-же молодець да таково слово:
285. «Ужъ ты помнишь-ле князь, да паметуешь-ле?
Кабы прежде ю васъ да ищѣ дѣялось:
У попа-то у ѣтца было духовного,
Какъ была у попа корова, волочилосе,
Алавѣной-де корова задавилосе,
290. Кабы этому Угарищу-же тó будѣтъ».
А Угаринъ-отъ сидить, на его зглядывать,
Онъ-бы зглядывать на его сидить, зворачивать.
Принесли ищѣ Югарищу поганому,
Принесли ему лебѣдоцьку не кушену
295. И не кушену лебѣдочку не рушену,
Онъ на ножъ ей воткнулъ, совсѣмъ чѣлкомъ пѣхнулъ,
'Щоки на щоку лебѣдку переметывать,
Ужъ енной щокой косьѣ ищѣ вываливать.
Тамъ сидить-де удалой доброй молодець,
300. Говорить опеть-де ѣнъ да токово слово:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты помнишь-ле, князь, да паметуешь-ле?
Какъ у васъ-то во городи прежде было-же:
Какъ худа-де собака волочилосе,
305. По сметьямъ собака-та шаталосе,
Какъ собака-та и косью задавилосе,
Кабы этому Угарину-же тó будѣтъ».
И Угаринъ нонь сидитъ на его зглядывать,
Кабы зглядывать сидить, на его зворачивать;
310. Онъ и тутъ ноньце Угаринъ осержааетсе,
Онъ схватилъ свой Югаринъ нонь булатенъ ножъ,
Онъ какъ бросилъ нонь въ удала-добра-молодца,
Онъ какъ бросилъ ножъ ему да въ груди бѣлыя;
Молодець-отъ былъ на то да былъ хватчивой:
315. Онъ схватилъ ноньце ножницѣкъ за черешокъ,

- Онъ до ся ноньце ножикъ не допускивалъ,
Говорилъ тутъ молодець да таково слово:
«Ужь ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты велишь мнѣ-ле кровавить свою гриню-же?»
320. Говорить на то солнышко Владимиръ-князь:
— Я не знаю-ле какъ вамъ нонь присовѣтовать.—
Онъ сымаётъ, молодець, ' себя пуховъ колпакъ,
Онъ завёртывалъ колпакъ да на три югла-же,
Онъ какъ бросилъ колпакомъ ноньце въ Угарища,
325. И во ти-де его да груди чёрныя,
Повалилса тутъ Югаринъ вонъ на юлицу
И со всѣмъ-ле съ простѣнкомъ межоконнымъ;
А на то былъ молодець опеть ухватчивой,
Онъ на улицу-де скоро нонь выскакивалъ,
330. Кабы на полъ-де Югарища не уранивалъ,
На подлетикѣ его да нонь подхватывалъ,
На енну его ногу ступилъ, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ его тулово во чысто полѣ,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканьѣ,
335. Онъ сѣрымъ-то волкамъ да на востарзаньѣ,
Тамъ какъ синѣму всему морю на утишаньѣ,
Кабы всимъ намъ молодцамъ да на послуханьѣ,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

21.

Рожденіе Добрыни, первые годы жизни, бой
съ Маринкой.

- А да жилъ-то-ле Микитушка Романовичъ;
Ище жилъ-то-ле Микита девеносто лѣтъ
И не съ кимъ-то, жилъ, Микитушка не спаривалъ,
Онъ съ Новыма-ле городами не говаривалъ,
5. А съ каменной-то жилъ Москвой не перечилса;
Онъ состарился, Микита-ле, приставилса.
А ёсталась у Микиты молода жона,
Молода его жона, нончи люба семья,
Ой осталася она у ёго беременна.
10. Ажь не много-ле прошло да поры-времени,

- И исполнилось-ле тутъ время сорокъ недѣль,
А сорокъ ноньце недѣль, деветъ мѣсецей,
Родила она себѣ да чада милого,
Родила она себѣ сына любимого.
15. Сбирала она поповъ, отцовъ-духовныхъ,
Какъ крестить-де-ка своего чада милого,
Собралися тутъ попы, отцы духовныя,
Какъ крестить его у ей да цяда милого;
А ему-то ноньце имя нарѣкали-же,
20. Какъ еѣ ноньце молитву-ту давали-же,
Ай какъ дали ему-де имя ноньце Добрынюшко,
А Добрыня-де дали ноньце Микитиць блатъ.
А ростѣтъ у ей Добрынюшка Микитиць-же,
Кабы онъ ноньце ростѣтъ кабы-ле годъ поры,
25. А ище онъ нонь растѣтъ два года-же,
Кабы выросъ ей Добрынюшка шести годовъ;
А она стала его учить нонь въ хитру грамоту,—
Ище хто-ли-бо учитци годъ поры,
А Добрыня столь выучитца полгода-же;
30. А-ле хто-бы ноньци учитци два года-же,
А Добрыня столь выучитца въ годъ поры.
Научился 'тутъ Добрыня въ хитру грамоту,
Онъ остро ищѣ читать, не запинаятце,
Научилса онъ писатъ перомъ орлинскимъ,
35. Его варово-ле-де ходитъ рука правая.
Ай кабы тутъ его-ле да родна матушка
Отдавать его-ле князю да нонь Владимиру,
Отдавать его она да во служеньицо.
Ожъ какъ берѣтъ-де его князь да во служеньицо,
40. Онъ-де взялъ его Добрыню себѣ прислугою:
Онъ кабы три года у князя жилъ онъ въ конюхахъ,
Онъ-де три года-же жилъ онъ въ приворотникахъ,
Онъ-бы три года у князя жилъ во стольникахъ,
Онъ три года жилъ у князя въ писаряхъ.
45. Ожъ какъ прошло е'ту-де время нонь двѣнадцать лѣтъ,
Кабы сталъ просить Добрыня у князя у Владимира,
А просить у его сталъ благословеньицо:
«Ужъ ты ой еси ты князь да нонь Владимиръ-же!
Ужъ ты дай мнѣ-ка-ле нонь благословеньицо,
50. Я не хаживать по городу по Кееву,

- Я по тѣмъ ноньце по юлочкамъ широкимъ,
И по тимъ-де по заюлочкамъ Маринкинымъ,
Не видать я ю Маринки нонь высокъ теремъ».
А какъ даль ноньце-ле князь благословеньицо,
55. А какъ даль-де-ка-ле тугой лукъ со стрѣлкою.
Онъ пошолъ ноньце по городу по Кееву,
Онъ по тимъ еще по юлочкамъ широкимъ,
И по тимъ по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ идѣтъ ноньце-ка стрѣлоцку пострѣливатьъ,
60. На подлѣтникѣ ѣнъ стрѣлоцку подхватыватьъ,
Онъ какъ на полъ нонци стрѣлку не уранивалъ;
Онъ идѣтъ нонь по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ увидѣлъ ю Маринишки высокъ теремъ,
Ожъ на теремѣ у ей сидятъ на жолубахъ,
65. А на жолубахъ сидятъ два голуба;
И какъ тугой нончи лукъ онъ принатеивалъ,
Калену-де-ка стрѣлу онъ принаправливалъ,
Онъ какъ хочѣтъ ей стрѣлетъ-де этихъ голубовъ,
Его правая нога да прокатилосе,
70. Ищѣ лѣвая нога да подопнуласе,
У туга лука-де мѣтоцки побилисе,
Полетѣла гдѣ его нонь калена стрѣла,
Полетѣла она Маринки во высокъ теремъ,
А во то-де во окошечко косявчато,
75. Розломала-де околѣнку хрустальнюю,
Пролетѣла-де его нонь калена стрѣла,
А во ту-де-ка во горѣнку Маринкину,
Ожъ спорола она у ей завѣсу камчатую,
Кабы падала его нонь калѣна стрѣла,
80. Какъ къ тому ищѣ къ Маринкину милу другу,
Какъ къ тому ищѣ Змѣю, Змѣю Горыцькому,
Ищѣ пала она да во чѣрны груди,
Какъ порола его да груди чѣрныя,
Ищѣ тутъ-де-ка Змѣю да смерть случилосе.
85. Какъ выскакивала Маринка вонъ на юличу,
На своѣ ноньце она да на круто крыльцо,
Ужъ подходитъ тутъ Добрынюшка Микитичъ-бладъ,
Онъ какъ проситъ у Маринки да калену стрѣлу:
«Ужъ ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
90. Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».

- Ужъ ты ой еси Добрынюшка Микитичъ-блатъ!
Ты застрѣлилъ моего нонци мила друга,
Ты возьми-де меня да за себя замужь,
Я отдамъ тогда тебѣ да калену стрѣлу.—
95. Говоритъ на то Добрынюшка Микитичъ-блатъ:
«Не возьму я тебя да за себя замужь,
Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».
Говоритъ нонци Маринка-та люта гроза:
— Ты возьми меня Добрыня за себя замужь,
100. Я отдамъ тогда тебѣ да калену стрѣлу.—
Говоритъ на то Добрынюшка Микитичъ-блатъ:
«Я возьму когда тебя да за себя замужь,
Ужъ ты стерпишь-ле три поученьица тяжелые,
А которы-ле поученья мужъ жены давать?»
105. Ищѣ перво поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила нонь, обнималасе,—
По-локоть у тебя отсѣку руки бѣлыя;
А друго-то поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила да оплеталасе,—
110. По-колѣнъ у тя отсѣку да ноги рѣзвыя;
И третьѣ-то поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила да цѣловаласе,—
Какъ отрѣзать у тя нонь да губы бѣлыя;
Ты отдай лучше мою ты калену стрѣлу».
115. А ѣтгуль нонци Маринка да не ѣслышалася,
А пошоль нонци Добрынюшка отъ терему.
Кабы эта нонь Маринка была волшебница,
А брала она съ собой книгу волшебную,
А брала она съ собой да складной ножичѣкъ,
120. А спускалася она скоро да съ крута крыльця,
У Добрыни-то читала девети слѣдовъ
И какъ 'сякой слѣдъ ножомъ она перечертила,
Обернула она Добрыню туромъ поганимъ.
125. Какъ побѣжалъ-де этотъ туръ да во чисто полѣ,
Тамъ какъ было у Маринки-то деветъ туровъ,
Кабы этотъ прибѣжалъ ноньце десятой туръ.
Кабы была-то нончи бабушка задворенка,
Какъ были ноньце у бабушки двѣ дѣвушки,
Они были въ лѣсу брали сладки ягоды,
130. Тамъ увидали у Маринки нонь деветъ туровъ,

- Ище ходитъ у Маринки нонь десятой турь,
Ужь десятой-отъ-ле турь, да надъ турами турь,
Околь дѣвушекъ тотъ турь да нонь похаживать,
А какъ катятця у его тура горяци слѣзы.
135. А какъ эти ноньци маленьки двѣ дѣвушки,
Какъ пришли они бабушки задворенки;
Говорять-ле эти маленьки-ле дѣвушки,
Кабы сказываютъ-ле бабушки задворенки;
«Ищѣ прежде у Маринки было деветь туровъ,
140. Кабы нонци у ей да сталъ десятой турь,
Околь насъ-де, околь дѣвушокъ похаживать,
Только катятця у ёго да горяци слѣзы».
Какъ на то была нонь бабушка догадлива,
Надѣвала она шубейку на одно плечо,
145. Кабы брала она съ собой книжку волшебную,
Какъ брала она съ собой клюку подпорную,
Побѣжала она Маринки злой лютой грозы,
Прибѣгала она Маринки да 'высокъ теремъ,
Какъ клюкой у ее да печь нонь поколачивать,
150. Какъ сама она Маринки выговаривать:
«Ужь ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
Ты зачѣмъ у меня овернула да млады-хресничка?
Овернула у мня туромъ его поганыимъ,
Отверни у мня назадъ да млады-хресничка
155. И того у мня Добрынюшку Микитича,
Я-же, не отвернешь ты моего ищѣ хресничка—
Оверну я тя кобылой водовозной
И на весь городъ на тебѣ стануть воду возить».
Э-жъ какъ клюкой ей стала печь поколачивать,
160. Какъ дрожить у ей теремъ да весь высокой-же,
А сама еще какъ тутъ ей приговаривать:
«Не отвернёшь ты моёго ноньце хресничка,
Оверну я тебя сухой волочажной,
За тобой стануть кыцьки нонь волочитгисе».
165. А какъ тутъ ищѣ Маринка зла-люта-гроза
Побоялася старушецьки задворенки,
Отвернула она назадъ ноньце Добрынюшку.

22.

Иванъ Гостиновичъ.

- Во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированьѣ-столованьѣ,
На многихъ на князей, на бояровъ,
5. На многихъ купцей, людей торговыхъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныхъ,
И на тихъ-же хресьянъ да православныхъ,
И на тихъ-же на руськихъ богатырей,
Онъ какъ пиръ-отъ снаредилъ князь, пировать стали
10. И столы-те розоставили, столовать стали;
Ищѣ всѣ тутъ на пиру всѣ напивалисе,
Ищѣ всѣ тутъ на чесномъ да наѣдалисе.
Какъ выходитъ-то солнышко Владимиръ-князь,
Онъ выходитъ-де тутъ да ко столу ищѣ,
15. Онъ подходитъ ко всѣмъ-ли людямъ добрымъ,
Говорить тутъ-ле солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы ой еси хресьяна православные!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородные!
Ажъ вы ой еси купцы люди торговья!
20. Ажъ вы ой еси-де руськи всѣ богатыри!
У васъ есь-ле у кого да кони добрыя?
Кабы битце со мной нонъ ѣ великъ закладъ,
А не во сти рублей, да не во тысяци,
Ѣ своей молодецькой буйной головѣ:
25. Кабы съѣздить отъ города отъ Кіева,
До того нынѣ до городи Чернигова,
Ищѣ съѣздить-бы нонъ да кабы взадъ впередъ,
Межъ ѣнною межъ обѣннѣй межъ заютреннѣй;
Кабы мѣста-ле тутъ да нонъ не много-же,
30. Ищѣ три девеноста ровно мѣрныхъ вѣрствъ».
Кабы всѣ тутъ на пиру сидятъ приюмолкнули,
А какъ всѣ на чесномъ да приюдрогнули,
Кабы меньшей хорониться за среньяго,
Кабы среннѣй хорониться за большого,
35. Какъ отъ большого князю нонъ отвѣту нѣтъ.
Какъ изъ за того изъ за стола переньяго,

- Со хорошей со ловки съ дубовой доски,
И ставаётъ тутъ удалой доброй молодець,
По прозванью-ту Иванъ да сынъ Гостиновичъ;
40. Поблизешинько онъ ко князю придвигаитъсе,
Понижешинько онъ князю покланяитъсе,
Ищѣ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ищѣ ой есь ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволъ мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
45. Не позволъ ты минѣ за слово головы сказнить,
Головы-ли сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать-бы штобы миня въ ссылки дальнїя,—
Я бы бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Я не во сти рублей бьюсь, не во тысеци,
50. О своей молодецькой буйной головы».
Кабы князь-отъ кладетъ да ноньце сто рублей,
Онъ-де сто рублей кладѣтъ отъ ся, со тысяцей;
Какъ ударились они тутъ о великъ закладъ,
О Иванѣ поручились руськи богатыри,
55. О князи-то поручилисе бояра всё.
Какъ ударилсѣ Иванъ тутъ о великъ закладъ,
Онъ пошолъ-де со князя со чесна пира,
Какъ идѣтъ онъ къ своему широку двору,
Повѣся онъ доржить да буйну голову,
60. Потопя-де очи ясны въ мать-сыру-землю;
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ заходитъ къ своему коню доброму,
Онъ заходитъ ко коню да на конюшенъ дворъ,
Онъ де падаѣтъ коню-то во праву ногу,
65. Ищѣ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я ударилсѣ вѣдь съ княземъ ѣ великъ закладъ,
Я не во сти рублей, да не во тысеци,
О своей я молодецькой буйной головы,—
70. Ищѣ съѣздитъ отъ города отъ Кїева,
До того съѣздитъ до города Чернигова,
Межъ онною обѣнней, межъ заютренней,
Ищѣ съѣздитъ-бы нонь да кабы задъ-вперѣдъ,
Ищѣ мѣста-ле тутъ да нони множество,
75. А-бы три девеноста ровно мѣрныхъ вѣрсь».
Говоритъ тутъ его да право доброй конь,

- Ищэ руськіимъ языкомъ чоловѣческимъ:
— Ожъ ты ой есь Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ты проси поди у князя время строцьного,
85. А ты строцьного времицька уроцьного,
А-бы на три-ни, на трои сутоцьки;
Кабы дасъ тибѣ князь да время строцьного,
Ищэ строцьного времицька, уроцьного,
Ищэ на три-де ни, на трои суточки,
90. Ты поставъ тогда на полсти меня на пуховыя,
Ты корми миня пшаной да бѣлюяровой,
Ты корми-де миня да ищэ до сыта,
Ы бы пой миня, бурушка, ты до-пьяна,
Проминай миня, бурушка, по трёмъ зорямъ,
95. Э по трёмъ-ле зорямъ да по вечерніимъ.—
А пошоль тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ просити сталъ у князя время строцьного,
Ищэ строцьного времицька уроцьного,
Кабы на три-де ни, на трои сутоцьки.
100. Какъ даватъ ему князь да время строцьного,
А шэ на три-де ни, на трои сутоцьки.
И пошоль тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
105. Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
Онъ какъ ставитъ нонь коня да своя доброго,
Онъ-де ставитъ на полсти на пуховыя,
Онъ насышалъ-ле пшаны да бѣлюяровой,
Онъ кормилъ ноньце бурушка-ле до сыта,
Онъ поилъ-де-ка бурушка нонь до-пьяна,
110. Проминалъ его бурушка по трёмъ зорямъ,
Э по трёмъ-де зорямъ, да по вечерніимъ.
Ужъ приходитъ ему да время строцьное,
Ищэ строцьное времицько уроцьное,
Кабы сталъ тутъ Иванъ нонь снаряжатисе,
115. Кабы сталъ-де Иванъ нонь сподоблетисе,
Онъ уздалъ-де, сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ накладывалъ на коня узду точмянную,
Онъ-де клалъ на коня да плотны-плотнички,
Ай на плотнички кладётъ мякки войлочки,
120. Э затѣмъ кладётъ сѣдлышко черкальское,
Онъ двѣнадцать подстѣгивалъ подпругъ шолковыхъ,

- Онъ тринадцету берётъ черезхребётницу,
Черезъ сильную степь да лошадинную,
Онъ не ради-то басы, да ради крѣпости,
125. Не ёставилъ штобы доброй конь въ чистомъ полѣ.
Онъ тогда снарядилъ да коня доброго,
Онъ пошолъ-де тогда ко Божьей церкви,
Онъ какъ самъ ноньце идётъ, съ собой коня ведётъ,
Онъ приходитъ тогда да ко Божьей церкви,
130. Онъ заходитъ тогда да во Божью черковь,
Собралисе попы, отцы духовныя,
Какъ служить хотятъ заутреню воскресеньскую;
Э, тогда Иванъ пошолъ скоро изъ божьей церкви,
Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
135. Ожъ какъ видѣли молодца какъ на коня скочилъ,
На коня-де скочилъ, какъ въ стремяна ступилъ,
Ужъ не видѣли побѣжки молодецкой,
Э тяжелой е побѣжки лошадиной,
Только винно тамъ въ поли курева стоитъ,
140. Курева тамъ стоитъ да дымъ столбомъ валить,
Его скацётъ-ле конь, да право доброй конь,
Онъ-де съ горы-де-бы скацётъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-де скацётъ на увалисту,
Онъ-де горы-де, удёлы между ногъ берётъ,
145. По поднебесью летитъ, какъ ясенъ соколъ;
Прібѣжжаётъ ко городу Чернигову,
Прібѣжжаётъ-де ёнъ да ко божьей черкви,
Онъ соскакивалъ-де скоро со добра коня,
Какъ не вяжетъ коня, да не приказывать,
150. Онъ заскакивалъ-де скоро во божью черковь,
Какъ служатъ попы отцы духовныя,
Они служатъ-де заутреню воскресеньскую,
Онъ-де Богу-ту, Иванъ, да онъ не молитесь,
Онъ проходитъ къ попамъ, отцамъ духовнымъ,
155. Говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси попы, отцы духовныя!
Вы пишите мнѣ ерлыкъ, да скору грамоту.»
И на то его попы скоро не ослышелись,
Написали ему ерлыкъ, да скору грамоту.
160. И оттуль-де Иванъ скоро поворотъ даётъ,
Онъ выходитъ-де скоро вонъ на юлицу,

- Онъ приходитъ-де скоро къ коню доброму,
Онъ какъ скачетъ-де скоро на добра коня,
Опеть скачѣтъ его да ноньце доброй конь,
165. Онъ-де съ горъ-де ноньце скачѣтъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-то скачѣтъ на увалисту,
Ыщѣ горы-удолы промежъ ногъ берѣтъ,
По поднебесью летить онъ какъ ясенъ соколъ,
Пріѣжжать-де ко городу ко Кіеву.
170. А ѣжжаетъ онъ тутъ да ко божьей черькви,
Онъ соскакивалъ тутъ скоро со добра коня,
Какъ оставилъ онъ коня да не привязана,
Ищѣ конь-отъ у его стоитъ шатайтсе,
Изъ ноздрей-де у коня да пламѣ огненно,
175. Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валить;
Онъ заходитъ тутъ-бы скоро во божью церковь,
Тутъ ставаютъ-де попы, отцы духовныя,
Какъ служить хотятъ обѣнню воскресеньскую,
Тутъ Иванъ простоялъ нонь у обѣдни-же,
180. У ѣбѣнни простоялъ у воскресеньской;
Отслужили тутъ попы, отцы духовныя,
А-бы тутъ они обѣнню воскресеньскую,
И пошли они тутъ всѣ да изъ божьей черкви,
И Иванъ-отъ пошолъ тутъ изъ божьей черкви.
185. Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
Онъ берѣтъ-де коня да за шолковъ поводъ,
Онъ идѣтъ-де къ своему широку двору,
Онъ заводитъ коня тутъ на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полсти на пуховыя,
190. Онъ насыпалъ ему пшены да бѣлояровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимиру,
И проситъ-де у князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-то денѣжки, нонь выгонны.
Онъ пришолъ ноньце ко князю ко Владимиру,
195. Говоритъ-же тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой есь ты солнышко Владимиръ-князь,
Ты ужъ дай мнѣ-ка нонь да деньги выѣзны,
Ищѣ выѣзны мнѣ денѣжки, нонь выгонны,
Ты ужъ сто рублей мнѣ дай ноньце со тысяцей».
200. Кабы князю-ту-ле тутъ нонь забѣду стало,
За великую досаду показалосе,

- Говорить на то-де солнышко Владимиръ князь:
— Ужь ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я накину на тебя службу тяжолую:
205. Я какъ выпущу на твоего коня доброго,
Я какъ выпущу на его да триста жаребцей,
Ужь какъ пусь у тя бурушка нонь рѣстолочать,
Ище пусь у тя малого нонь рѣзволочать.—
Говорить ищѣ солнышко Владимиръ-князь:
210. — Ты какъ выпусти своего коня доброго,
Ищѣ выпусти его да во чисто полѣ.—
Э, пошолъ тутъ Иванъ нонь запечалилсе,
Запечалилса Иванъ, да закручинилса,
Повѣся-де доржитъ онъ буйну голову,
215. Потопя-де оци ясны въ мать сыру-землю,
Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Онъ приходитъ ко своёму коню доброму,
Онъ-де падаетъ коню да во праву ногу,
А жѣ самъ-же говоритъ тутъ таково слово:
220. «Ужь ты милинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни-жѣ винно съ тобой ноньци прощаюсе:
Выпускаетъ на тебя да князь Владимиръ-же,
Во чисто онъ полѣ да триста жаребьцей,
Ищѣ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
225. «Ищѣ пусть у тебя бурушка тутъ рѣстолочать,
«Ищѣ пусть у тебя бурушка нонь рѣзволочать».
Кабы бурой-отъ-ле конь да говорилъ ищѣ,
Онъ какъ руськинмъ языкомъ челоувѣческимъ:
— Ужь ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
230. Кабы эта мнѣ не служба ноньце—службишко,
Кабы служба-го-ле мнѣ всё впереди будѣтъ.—
Выпускать тогда Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ своего-ле нонь да коня доброго,
Побѣжалъ его нонь да право доброй конь,
235. Побѣжалъ онъ, бѣжитъ конь во чисто полѣ,
Кабы князь-отъ выпускалъ тамъ триста жаребьцей,
Ы ти кони побѣжали во чисто полѣ,
Прибѣгали-ле они да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
240. Они стали ноньце малого полегивать,
Кабы бурой-отъ конь тутъ осержаестьсе,

- Онъ-де бьётъ правой ногой мать-сыру-землю,
Подрожала тутъ-то матушка-сыра-земля,
Кабы въ поли-то-де дубьё распаталисе,
245. И вершинами они вмѣсто соплеталисе,
И въ озерахъ вода-ти сколыбаласе,
Ищэ кони-ти эти вси устрашилисе,
Какъ овсяны-ле мѣшки да повалилисе,
Кабы конюхи у князя одва живы стоятъ.
250. Прибѣгаётъ тогда ноньце доброй конь,
Ко тому-то Ивану широку двору,
Запускатъ Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ-бы ставить на полсти на пуховыя,
Онъ насыпаль опеть пшаны ему бѣлояровой,
255. И тогда Иванъ пошолъ ко князю Владимиру,
И просить опеть у ёго да деньги выѣзны,
Ище выѣзны какъ денѣжки, нонь выгонны.
Онъ приходитъ нонь ко князю ко Владимиру,
Говорить-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
260. «Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка деньги выѣзны,
Ажъ тѣ сто рублей, нонь со тысяцей».
А-бы князю тутъ Владимиру за бѣду стало,
За великую досаду показалосе:
265. — Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я накину на тебя службу тяжолую,
Ищэ выпущу въ чисто полѣ тридцетъ жаребьцей,
Кабы пусь у тя нонь бурушка нонь ростолочать,
Ищэ пусь у тя бурушка нонь розволочать.—
270. А пошолъ опять Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Запечалился Иванъ тутъ закручинилсэ,
Повѣся идѣтъ, дѣржитъ буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
275. Онъ опеть падать бурку во праву ногу:
«Ожъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой:
Ю тя правая нога да по колѣнъ бѣла,
У тя лѣвая нога бѣла по щѣточку,
Я послѣнни-жъ винно съ тобой нонь прощаюсе,
280. Выпускатъ на тя нонь князь тридцетъ жаребьцей,
Ищэ самъ-же говорить да таково слово:

- «Кабы пусть у тя бурушка нонь ростолочать,
Ищэ пусь у тя малого нонь розволачатъ».
Говорить-же его да ноньце доброй конь,
285. Ищэ руськимъ языкомъ человекскимъ:
— Кабы эта мнѣ не служба, ищэ службишко,
Кабы служба-то вся ищэ впереди будѣтъ.—
А бы тутъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ какъ выпустилъ своего коня доброго,
290. Побѣжалъ его конь нонь во чисто полѣ,
Кабы князь-отъ выпускать да тридцеть жаревьцей,
Прибѣгали жаревьци да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
Ищэ стали они бурушка полегивать,
295. Ищэ бурой-отъ конь тутъ осержается,
Онъ какъ бьетъ-де правой ногой мать сыру землю,
Подрожала тутъ какъ матушка сыра земля,
И какъ въ поли-то дубьѣ разшаталисе,
И вершинами какъ вмѣсто соплеталисе,
300. И въ озерахъ-то вода сѣ сколыбаласе,
Кабы кони-ти ети юстрашилисе,
Какъ овсяны-ле мѣшки всѣ повалилисе,
Ищэ конюхи у князя едва живы стоятъ.
Прибѣгаѣтъ у Ивана нынѣ доброй конь,
305. Запускать-ле Иванъ коня на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ опеть на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимиру:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
310. Ужъ ты дай мнѣ денѣжки нынѣ выѣзны,
Кабы выѣзны денѣжки, нонь выгонны,
Ищэ сто рублей ноньце, со тысецей».
Ищэ князю-ту опеть тутъ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
315. Говорить тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я ищэ на тебя наложу службу тяжолую:
Ищэ есь у мя нонь да три жаревьца,
Ищэ выпущу я ихъ на твоего коня.—
320. Какъ пошолъ-де тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Пуще старого Иванъ да закручнилсѣ,

- Пуще старого Иванъ да запечалилса,
Повѣся идѣтъ доржитъ да буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
325. Онъ не видитъ идѣтъ пути дорожочки,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшень дворъ,
Опетъ падатъ-де коню да во праву ногу:
«Ужъ ты малинкой мой бурушко, косматинькой!
330. Я посленни-жъ винно съ тобой прощаюсе,
Выпускать на тя-де князь ноньце три жаребця». —
Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостинович!
Ужъ я знаю этихъ нонъ да какъ три жеребця:
Ужъ одинъ-отъ-ле конь мнѣ-ка названой братъ,
335. И названной-отъ мнѣ братъ ноньце при старости,
А другой-отъ ноньце конь да синѣгривой-же,
А третей-отъ-ле конь да полонёной былъ.—
А какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ его конь да во чисто полѣ;
340. Кабы князь-отъ выпустилъ три жаребця,
Прибѣгали-де ёни да къ коню доброму,
Опетъ стали они бурушка покусывать,
Опетъ стали они малого полѣгивать;
Ноньце бурой-отъ-ле конь да осержантъсе,
345. Онъ какъ бѣтъ-ле правой ногой сыру землю,
Подрожала-де тутъ матушка сыра земля,
Кабы въ поли опеть дубѣ росшаталисѣ,
И вершинами-то вмѣсто соплеталисѣ,
Какъ въ озѣрахъ вода да сколыбаласѣ,
350. Кабы кони-то эти юстрашилисѣ,
Полонёно-ѣтъ-конь въ полонъ убѣжалъ,
Синѣгривого коня бралъ за хребетъничу,
Онъ бросалъ его о матушку сыру землю,
Да-бы тутъ-же коню конечъ случилса-же;
355. А названъ-отъ ему братъ да ноньце бурушко
Покорилсѣ онъ брату ноньце меньшому:
«Ужъ я ноньце какъ, братъ, ищѣ при старости,
Ты какъ ноньци въ самомъ рѣзу, въ самомъ корпусу,
Ужъ я быти надъ тобой да ноньце меньшей братъ,
360. Ищѣ быть ты надо мной да ищѣ старшой братъ».
Прпѣвгать опеть къ Ивану ноньце доброй конь,

- Запускать Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полсти на пуховыя,
И насыпалъ опеть пшаны да бѣлойровой,
365. И пошолъ онъ нынѣ Иванъ да сынъ Гостиновичъ.
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Онъ приходитъ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
370. Ужъ ты дай мнѣ-же деньги выѣзны,
Ищэ выѣзны какъ денѣжки, нонѣ выгонны,
Ищэ сто рублей, да нонѣце со тысецей».
Ёпетъ князю-ту-ле тутъ да за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
375. Говоритъ на то солнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ожъ какой-же у тя нонѣ доброй конѣ,
Посмотрѣтъ мнѣ-ка его надо въ чистомъ поли,
А не можно-ле поймать его въ чистомъ поли.—
380. Говоритъ-же всё солнышко Владимиръ-князь:
— Ты какъ выпусти коня нонѣци въ чисто полѣ,
Соберу-же я удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Какъ имати-де твоѣго коня доброго;
Я направлю нонѣ аркановъ много шолковыхъ.—
385. Какъ пошолъ-де какъ Иванъ да запечалилса,
Запечалилса Иванъ, да закручинилса,
Повѣся идѣтъ доржить да буйну голову,
Потопя-де оци ясны въ мать сыру землю,
Онъ не видитъ идѣтъ пути дорожоцьки,
390. Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Опетъ падать-де коню да во праву ногу,
Говоритъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни-жъ винно съ тобой нонѣ прощаюсе:
395. Кабы князь-отъ хоцетъ имати тебя въ чистомъ поли,
Надъ тобой-де я не знаю чо стануть дѣлати,
Собирать онъ имальниковъ много множество».
Говоритъ нонѣ его да право доброй конѣ,
Ужъ какъ руськѣимъ языкомъ чловѣческѣимъ:
400. — Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ты приди-же нонѣ какъ тутъ да во чисто полѣ,

- Ты надѣнь на себя да шубу куньюю,
Кабы гдѣ миня имати стануть въ чистомъ поли,
Кабы много аркановъ тамъ е шолковыхъ,
405. А возьмутъ меня вокругъ да доброго коня,
Я увижу тогда тебя Иванъ Гостиновицъ,
Мимо ты я побѣжу да ноньце доброй конь,
Затени изъ рукава свою руку правую,
Я схвацю-де у ты ноньце у шубоцьки,
410. Я схвацю-де у тебя да ноньце правой рукавъ,
Оторву-де у ты, у шубы куньей,
И тогда-же какъ князь да устршитце-же:
«И какой-же екой у него доброй конь?
Онъ не знать-де своего нонь хозяина,
415. Онъ какъ оторвалъ у шубы рукавъ правой-же.—
Ужъ какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ ноньце конь его во чисто поле,
Кабы самъ сталъ Иванъ тутъ снарежатисе,
Надѣвалъ на себя онъ шубу куньюю,
420. Кабы князь-отъ тамъ пошолъ да во чисто полѣ,
Онъ со многима народами, съ арканами,
Тамъ увидѣли коня, ходитъ въ чистомъ поли,
Обходить стали вокругъ да коня доброго,
Ищѣ конь тамъ-ле въ поли нонь похаживать,
425. И они ноньце коня стали приганивать,
Кабы бурой-отъ-ле конь да сталъ побѣгивать,
Онъ своёго сталъ хозяина посматривать;
Ювидалъ онъ своего тутъ хозяина,
Онъ схватилъ-де его да ноньце шубоцьку,
430. Да схваталъ-де-ка шубу---ныньце всю стащилъ,
Онъ оторвалъ у шубы-нонь правой рукавъ.
Кабы князь-отъ нонь какъ тутъ да устранился-же:
«Какъ какой-же у его экой право доброй конь!
Онъ не знаётъ-де своего-де хозяина,
435. Онъ одва-ле не убилъ ноньце хозяина,
Ужъ пойдѣте-же народъ, да вся камисея,
Онъ какъ можотъ-ле насъ да всѣхъ убити этта». Кабы всѣ они ушли да изъ чиста поля,
У Ивана прибѣжалъ да ныньце доброй конь,
440. Запускаетъ онъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ коня на полсти на пуховыя,

- Онъ насыпаль пшаны да бѣлояровой,
Тогда пошоль Иванъ ко князю ко Владимиру;
Онъ приходитъ ко князю ко Владимиру,
445. Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ожъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ отдай-же мнѣ ты да деньги выѣзны,
Кабы выѣзны денѣжки, нонь выгонны,
Кабы сто-де рублей, да нонь со тысяцѣй».
450. Э тогда да ноньце князю дѣлать нецего,
Отдавать ему сто рублей со тысяцѣй.
И пошоль ноньце Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ къ своёму идѣтъ да широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшенъ дворъ,
455. Какъ коню-то онъ сталъ да ноньце сказывать,
Онъ-де сказывать коню сталъ, да рассказывать:
«Ужъ ты ой еси-ле мой да право доброй конь!
Тѣ спасибо-же-ле конь, да мой ты бурушко!
Сослужилъ ты какъ бурушко всѣ службы тяжолые,
460. Получилъ я отъ князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-же денѣжки-де, выгонны,
Ужъ я сто рублей всего со тысяцѣй».

23.

Ставеръ Гоудиновичъ.

- Ай во стольномъ-де во городѣ во Кіевѣ,
Какъ у ласкова у князя у Владимира,
Ищѣ было тутъ пированьѣ-столованьѣ
И на многихъ всё на князей, на бѣяровъ,
5. И на многихъ купцей, людей торговыхъ,
И на многихъ мѣщанъ сѣ пригородныхъ,
И на тѣхъ всё руськихъ богатырей,
И на всѣхъ на кресьянъ православныхъ,
А какъ пиръ-отъ снарядилъ, пировать стали,
10. И столы-ты-ле розоставили, столовать стали;
Ай какъ вси они на пиру сядя напиваются,
Ищѣ всѣ тута на чесномъ сядячи наѣдаются,
Эхъ хмѣльнѣшеньки всѣ стали, да веселѣшнньки,

- И какъ всѣ тутъ на пиру сидятъ приросхвастались:
15. Ай какъ иной-отъ кабы хвастать золотой казной,
Ай иной-отъ хвастать удачей молодецкой,
Какъ иной-отъ-де-бы хвастать кони добрыма,
А кабы глупой-отъ сидить, хвастать молодой жоной,
Ищэ умной, сидить, хвастать онъ старымъ отцомъ,
20. Онъ старымъ-де ка' отцемъ, да старой матушкой.
Ай выходитъ тутъ какъ солнышко Владимерь-князь:
Онъ подходитъ-де къ удалу добру молодцу,
Ко тому-де ко Ставрѣ сыну Годинову,
Говоритъ тутъ-ле-то солнышко Владимерь-князь:
25. «Ужъ ты ой еси Ставѣръ да сынъ Годиновичъ!
Ты-же што-же нынѣ сидишь не чимъ не хвастаешь?
Тибѣ пирь-отъ винно былъ мой не по разуму?
Кабы поннощички мои были не вѣжливы?
А не вѣжливы какъ были, не очесливы?»
30. Тебѣ винны винно цяры да не доходили?
Кабы пивны стаканы да не доносили?
Але мѣстицко тибѣ было не по разуму?»
Говоритъ на то Ставѣръ да сынъ Годиновичъ:
— Ужъ ты ой еси, ты солнышко Владимерь-князь!
35. Мнѣ-ка пирь-отъ былъ-ле твой да мнѣ по разуму,
Поднощички твои да были-ле вѣжливы,
А 'ще вѣжливы-ле были, да нонѣ очесливы,
Кабы винныма-ле цярами доходили,
Кабы пивныма стаканами доносили,
40. Ищэ мѣстицко-то было мнѣ по разуму.--
Говоритъ на то-де солнышко Владимерь-князь:
«Ожъ вы ой еси мои да вы поднощички!
Наливайте вы нонѣ царю зелена вина,
Не велику-ле не малу—полтора ведра,
45. Подавайте вы удалу да добру молодцу
И тому ищэ Ставрѣ сыну Годинову».
И на то были поднощички проворныя:
Наливали они нонѣ царю да зелена вина,
Не велику-ле не малу да полтора ведра,
50. Ой подавають тутъ удалу добру молодцу,
А тому ищэ Ставрѣ сыну Годинову;
Онъ берѣтъ ищэ нонѣци царю единой рукой,
Ищэ пѣтъ кабы да царю къ едину духу.

- Онъ какъ сталь тутъ-ле Ставѣрь тутъ на рѣзвы ноги,
55. Ищѣ по полу Ставѣрь да сталь похаживать,
А кабы кунью свою-ле шубу сталь поволачивать,
Ищѣ къ шубоцьки-ле сталь нонь приговаривать:
«Ищѣ шуба-ле ты моя, да шуба кунья!
Ты дарѣна мнѣ отъ князя отъ Владимира,
60. Ты въ любій мнѣ-ка пришла, да я ' чести доржу».
И говоритъ ищѣ Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ:
«Ужъ я радъ ему князю служить еще,
Я за шубоцьку служить—радъ головы сложить:
Ищѣ подруци Богъ на поли тотарина,
65. Ищѣ Кощея царя сына Трипѣтова».
Онъ какъ сталь-ле тутъ Ставѣрь ноньце похвастывать:
«Я живу ноньце Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
У мя золота ищѣ казна, живу, не тощытса,
У мя добры живутъ кони не ѣздытса,
70. Добры молодцы живутъ у мя не старятса,
У мя цвѣтно-то-ле платицѣ не носитце,
Ай на ножечкахъ сапожочки не топчутце;
Ищѣ есь у мя-ле нонь да молода жона,
Ищѣ та-ле да Василиса дочь Микулицьна,
75. Ищѣ нѣтъ ею-ле краше да по всей земли,
Ищѣ нѣтъ ей храбрѣе да по всей вотчины,
Ищѣ кромѣ-де княгини да мать Апраксин».
А о ту ищѣ пору-ле, да о то время,
Погодилисе у князя у Владимира,
80. Ищѣ ты-ге ищѣ бояра да толстобрюхѣ,
Какъ пошли они ко князю да ноньце нажалились,
На того ищѣ Ставра сына Гоудинова;
Говорятъ ищѣ бояра да толстобрюхѣ:
«Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимѣрь-князь!
85. Какъ сидѣль у тя-ле нонь да чесномъ пиру,
Какъ сидѣль у тя Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
Ищѣ тотъ ноньци Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
Онъ какъ сперва-де сидѣль не чимъ не хвасталь-же,
Ищѣ послѣ-де пиру, да нонь послѣ стола,
90. Кабы налили ему да цяру зелена вина,
Не велику-де не малу полтора ведра,
Онъ какъ выпилъ эту цяру да зелена вина,
Онъ ставаль ноньце Ставѣрь да на рѣзвы ноги,

- Онъ какъ по полу Ставѣрь да сталъ похаживать,
95. Онъ какъ кунью свою шубу сталъ поволачивать:
Ищѣ шубоцьки-ле сталъ онъ приговаривать:
«Ужь-ле шуба-ты моя, да шуба куньяя!
«Дарена ты мнѣ отъ князя отъ Владимира,
«Ты въ любви мнѣ-ка пришла, да въ чести доржу—
100. «Подруци мнѣ-ка Богъ на поли тотарина
И того мнѣ-ка князя ищѣ Владимира!
Ищѣ хвастаетъ своей онъ молодой женой:
«Ищѣ есь у меня-ле нонь да молода жона,
«Кабы та-де Василиса да дочь Микулисна,
105. «Кабы нѣтъ еѣ-де краше да нонь по всѣй земли!
«А княгину-ту твою зовѣтъ сиротиною,
«Сиротиною зовѣтъ еѣ, бездомовою.
А кабы тутъ ноньце солнышко Владимиръ-князь,
Призывать ноньце Ставра сына Годинова:
110. «Ужь ты ой еси Ставѣрь да сынъ Годиновичъ!
Ищѣ што-же Ставѣрь да нынѣ хвастаешь?
Говоришь ищѣ нонь да таковы слова:
«Я живу-де ка' Ставѣрь да сынъ Годиновичъ,
«Золота у мя казна живу не тощитса»... *)
115. «Ищѣ какъ у тя нонь коницьки не ѣздяцца?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Хотъ изъѣздяцца у мя да кони добрые,
Я продамъ этихъ мѣщанамъ пригороднымъ,
Я куплю-де кабы коней лучше старыхъ.—
120. Говорить на то солнышко Владимиръ князь:
«Ищѣ какъ у тя золота казна не тощитсе?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Хотъ истощитце у мя-ле золота казна,
Наживу-ле то казны-ле больше старово.—
125. Да говоритъ ищѣ солнышко Владимиръ князь:
«Ищѣ какъ у тя добры молодцы живутъ не старятца?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Хотъ состарятца у мя, живутъ, добры молодцы,
Я найму-де молодцовъ да лучше старыхъ.—
130. Говорить опять на то солнышко Владимиръ-князь:
«Ужь какъ у тебя цвѣтно платьицо не носитца?»

---

*) Повтореніе того, чѣмъ хвасталъ Ставѣрь и что на него наговорили бояре—
выпускается. Н. О.

- Хоть износитца у мя платьѣ чвѣтноѣ,
Я продамъ это нонь мѣщанамъ пригороднымъ,
Заведу я ищѣ платьицо лучше старого.—
Говорить опеть солнышко Владимиръ-князь:
135. «Кабы-ле какъ у тя сапожки не топчутце?»
Да говоритъ на то Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ:
— Хоть истопчутце у мя ѣти сапожоцьки,
Я продамъ ѣти сапожки мѣщанамъ пригороднымъ.—
«Ищѣ какъ это ты хвасташь молодой жоной,
140. А какъ нѣтъ ея, говоришь, краше по всей земли,
А по всей ноньци земли по всей вотчины;
Какъ княгину-ту мою зовѣшь сиротиною,
Сиротиною зовешъ ты ея бездомовою?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ:
145. — Ужъ я ѣки-ти-ле рѣци да не говариваль.—
Говорить на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ищѣ говоришь-ле ты да таково слово:
«Подруци Богъ мнѣ-ка на поли тотарина,
«Какъ того ищѣ князя, князя Владимера».
150. Говорить на то Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ:
— Я какъ эти-ти-ле рѣци да не говариваль.—
Отпирайтце Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
А бы князю-ту-ле тутъ нонь за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
155. Онъ приказываль своимъ людямъ роботшинмъ,
Еще выкопать въ чистомъ полѣ глубокъ погребъ,
Посадить хоцѣтъ Ставра сына Гоудинова.
А на то его скоро люди робочіе,
Какъ пошли они скоро нонь во чисто полѣ,
160. Кабы выкопали они ноньци глубокъ погребъ,
А не великъ не малъ—глубину сорока локоть,
А посадили тутъ Ставра сына Гоудинова,
Накатали на его плиту залѣзную,
Не велику-ле не малу—девеносто пудъ,
165. А засыпали его тутъ хрѣщомъ-каменьѣмъ.
Ай какъ услыхала-ле тамъ какъ Ставрова молода жоная,
Она стала тутъ-ле нонѣ снаряжатисе,
Какъ постригла она свои нонь русы волосы,
Назвала себѣ нонче имя—нонь Василей-же,
170. А Василюмъ звалася да сынъ Ивановиць;

- А берётъ она подароцьки хорошія,
Подарить хоцётъ князю ноньце Владимиру,
Выкупать хоцётъ Ставра сына Годинова;
Какъ брала она ноньце сорокъ ноньце лисичь ищэ,
175. Кабы сорокъ-де куницъ, сорокъ черныхъ соболей,
И брала она сорокъ бѣлыхъ кречетовъ;
Ищэ стала она тутъ да снаряжатисе,
Поѣжжать-де нонь, да ноньце ѣхати,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру.
180. Приѣждяетъ нонь Василей сынъ Ивановичъ,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру,
И ко той ноньце ко гринѣ княженевской,
А какъ ставитъ нонь коня да ' дубову столбу,
А какъ вяжотъ нонь коня да къ золоту кольцу,
185. А заходитъ онъ во гриню княженевскую,
О' де Богу-ту-де нонь да ищэ молитсе,
На вси стороны еѣ нонь покланяйтсе,
Какъ князю-то со княгиной на ёсобицу.
Говоритъ тутъ на то-ле солнышко Владимиръ-князь:
190. «Приходи-же ты удалой доброй молодець!
И не знамъ тебя-де какъ нонь именёмъ зовутъ,
А не знамъ какъ величаютъ по отечеству,
Ты коихъ-же ты родовъ, да коихъ городовъ?
А ты коѣй ищэ земли, коѣй орды?»
195. Говоритъ на то удалой доброй молодець:
— Я какъ посланъ отъ Ставровой молодой жоны,
Выкупати-де Ставра сына Годинова,
А зовутъ меня Василей сынъ Ивановичъ.—
Говоритъ на то солнышко Владимиръ-князь:
200. «Кабы-ле дати мнѣ Ставра—не видать Ставра,
А не дать мнѣ-ка Ставра, дакъ прогнѣвить посла,
Прогнѣвить-ле ка' Василея Ивановича».
Ищэ по полу онъ Василей сынъ Ивановичъ,
Онъ какъ по полу-ле нонь ищэ похаживать,
205. Онъ такія-де рѣци выговаривать:
— Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
Говоритъ ноньци княгина да мать Апраксія:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
210. Ищэ этотъ-ле Василей сынъ Ивановичъ—

- Кабы это-де Ставрова молода жона:
Она по полу, винно, ходитъ частенько ступать,
А на лавоцьку садитця она колѣньча жмётъ,
А колѣньци она жмётъ да куну-куну берегётъ».
215. Говоритъ на то-де сольнышко Владимиръ-князь:
— Ужь ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-де дологъ, умъ коротинькой.
А пошто суда прїѣдтъ Ставрова молода жона?
А коле Ставрова-де жона, можно спровѣдати:
220. Мы накинѣмъ-де-ле ей службу тяжолую.—
А какъ подходитъ опеть Василей Ивановичъ,
Говоритъ опеть Василей сынъ Ивановичъ:
«Ёжь ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты ютдай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
225. Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
— Я накинѣ на тебя службу тяжолую:
Со монма съ игроками поиграть сперва,
Какъ во ти ещэ во пѣшецьки, во шахматы;
Какъ обыграшь ты монхъ-ле игроковъ ище,
230. Я отдамъ тогда тибѣ Ставра, отдамъ безденежно.—
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
«Я бы зналъ-ле вашн замыслы княженецкія,
Я бы бралъ съ собой людей ноньце уцѣньныхъ,
Какъ маленько съ измалѣшка я, Васька, игрывалъ».
235. Принесли ноньци-де пѣшецьки точѣныя,
Принесли-де ка' дощоцьку да подзолочену,
Ой какъ стали они играть въ пѣшки-ле, шахматы,
Говорятъ онѣ игроки нонь княженецкія:
«Ты ходи-же нонь юдалой доброй молодець,
240. Ищэ ты-ле Василей сынъ Ивановичъ».
— Какъ которой накликаць, тотъ наперѣдъ ступать.—
А какъ идутъ нонь игроки нонь княженецкія,
Какъ ступили они во пѣшецьки, во шахматы,
Какъ ступилъ ноньце Василей сынъ Ивановичъ,
245. А другой-де разъ ступилъ, да имъ ходу не даль,
А во третей разъ ступилъ, дакъ ихъ съ доски сгонилъ.
Онъ подходитъ нонь Василей сынъ Ивановичъ,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ тогда Василей сынъ Ивановичъ:
250. «Ужь ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!

- Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Грдинова,
Ищэ дай мнѣ Ставра ноньце безденежно».
А говоритъ на то-ле-то княгина мать Апраксія:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
255. Кабы этоть-ле не Василей сынъ Ивановичъ,
Ищэ надо быти Ставрова да молода жона.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Охъ ты глупая ты баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ де дологъ, умъ коротинькой:
260. А пошто суда приѣдѣтъ Ставрова жона?
Кабы Ставрова-де жона—можно спровѣдати,
Какъ накинуть на еѣ службу тежолую».
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
265. Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты ой еси Василей сынъ Ивановичъ!
Я накину-ле на тебя службу тежолую:
Со моима-ле со борьцами да поборотисе—
270. Кабы-ле бросишь-ле да моихъ да нонь борьцей ищэ,
Я отдамъ тебѣ Ставра тогда безденежно».
Говоритъ на то Василей сынъ Ивановичъ:
— Я-бы зналъ ваши замыслы княженецкія,
Я-бы бралъ такихъ людей, борьцей учёныхъ.
275. Да, пожалуй, съизмалѣшка Васька баривалса.—
Выпускаѣтъ ноньце князь борьцей учёныхъ,
Какъ боротисе съ Василеѣмъ нонь Ивановичѣмъ,
Кабы-ле вышли борьци, ноньци три молодця,
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
280. «Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты какъ велишь съ борьцами да нонь боротисе:
По единому-ле брати, со всима-ле вдругъ?»
Говоритъ на то ёму солнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты самъ-ле знашь, Василей сынъ Ивановичъ;
285. Ужъ ты какъ ты-ле да нонь да ты борись съ има.—
Онъ-бы ходитъ нонь Василей-отъ Ивановичъ,
Онъ ёдного нонь берѣтъ да подъ праву руку,
А другого-то берѣтъ подъ лѣву руку,
А третьёго-то берѣтъ да во серѣдоцьку,
290. Онъ какъ всѣхъ ихъ нонче трѣхъ, да всѣхъ ихъ
бросиль-же.

- Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановиць
Ко тому ищэ ко князю да ко Владимиру,
Онъ какъ по полу Василей-отъ похаживать,
Онъ такіе-ли онъ рѣци выговаривать:
295. «Ожъ ты ой еси ты, солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра ноньце безденежно».
Говоритъ опеть княгина да мать Апраксія:
— Кабы этоть не Василей сынъ Ивановичь,
Кабы-ле надо бы' Ставровой молодой жоны:
300. Кабы по полу она ходитъ ногамъ цяститъ,
А на лавоцьку садитце она колѣнни-ле жмѣть,
А колѣнни-ле жмѣть, куну берегѣть.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ожъ ты глупая-ле баба, не разумная!
305. У тя волосъ-отъ де дологъ, умъ коротинькой,
Коле Ставрова-де жона—можно спровѣдати,
Какъ накинуть-де ' ее службу тежолую».
А приходитъ нонь Василей-отъ Ивановиць,
Говоритъ опеть князю-ле таково слово:
310. — Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нонче безденежно.—
Говоритъ ноньце де солнышко Владимиръ-князь:
«Я наkinу на тебя службу тежолую:
Со мойма-ле стрѣльцами пострѣлетисе.
Отнести нынче во чисто полѣ дубовой столбъ,
315. Закопать-ле столбъ да въ землю матушку,
Тамъ повѣсите кольцожину серебряну,
Какъ стрѣлѣть ноньце сквозь кольцожину серебряну;
Какъ прострѣлишь ты своей нонче каленой стрѣлой,
Я отдамъ тогда Ставра тебѣ безденежно».
320. Ой какъ говоритъ на то Василей-отъ Ивановичь:
— Я бы зналъ-де ваши замыслы княженецкія,
Я бы бралъ такихъ людей да нонь учёныхъ.
А, пожалуй, я съизмалѣшка, Васька, стрѣливалъ.—
Отнесли-ле тамъ-ле скоро да нонь дубовой столбъ,
325. Да положили кольцожину серебряну,
Привели тутъ стрѣльцей да добрыхъ молодцовъ;
Говорятъ на то стрѣльцы да княженецкія:
«Ты стрѣлей-же нонь Василей сынъ Ивановиць!»
Говоритъ на то Василей сынъ Ивановиць:
330. — А которой накликаеть, тотъ напередъ ступать.—

- Какъ его-то-ле стрѣльчи нонь, княженевскіе,
Какъ стрѣлели сквозь кольчужину серебряну,
Ажь которой нонче стрѣлить—онъ не дострѣлить;
А которой-де-ле стрѣлить—онъ перестрѣлить;
335. А пришло ноньци Василью время стрѣлится,
Къ бы стрѣлили нонь Василей каленой стрѣлой,
Пролетѣла его-ле нонь да калена стрѣла,
Ищѣ сквозь-де нонь кольчужину серебряну.
Онъ приходитъ тогда ' князю нонь Владимиру,
340. Ищѣ тотъ ноньце Василей отъ Ивановичь:
«Ищѣ ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужь ты дай мнѣ нонь Ставра сына Годинова,
Ищѣ дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно».
Ожь на то нончи солнышко Владимиръ-князь,
345. Онъ приказывалъ своимъ людямъ робочимъ,
Отвести ему нончи ему глубоку погребъ.
Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановичь,
Какъ къ тому ищѣ глубокому ко погребу,
Размѣталъ ѣнъ, разбросалъ онъ хрущѣ-каменьѣ,
350. Какъ нашолъ онъ ту плиту нончи залѣзную,
Откопалъ онъ своей нончи правой ногой,
Какъ подсунулъ-де свою, свою праву ногу,
Какъ подъ ту-де подъ плиту, плиту залѣзную,
Кабы понялъ-ле плиту своей правой ногой,
355. Кабы пнулъ-ле-то плиту да во чисто полѣ:
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичь:
«Выходи-же ты, Ставѣръ да сынъ Годиновичь!
Изъ того-ле ты глубокого изъ погреба».
Услыхалъ-ле тамъ Ставѣръ да сынъ Годиновичь,
360. Онъ выскакивалъ-ле скоро нонь изъ погреба,
Кабы вылетѣлъ изъ погреба кабы-ле куропать,
Онъ-де сколько-де сидѣлъ нонь во погребу,
Онъ какъ вылетѣлъ-де вдвое выше погреба.
И тогда нонче Василей-отъ Ивановичь,
365. А пошли они ко князю ко Владимиру,
Э тогда они-де съ княземъ и прощались;
Ожь поѣхали они тогда домой ищѣ.
Кабы ѣдутъ нонь Ставѣръ да сынъ Годиновичь,
А какъ съ тимъ ѣдутъ съ Василей сынъ-Ивановицѣмъ
370. Кабы здраво они ѣдутъ по чисту полю,

- Ищэ здраво они ѣдутъ лѣсы темныя,
А какъ прїѣхали они нонь во чисто полѣ,
А какъ ставили шатѣрь бѣль-полотненой,
Говоритъ нончи Василей сынъ Ивановичъ:
375. «Ожъ ты ой еси Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ!
Ужъ ты силой-ту меня сильней ищэ,
Кабы смѣткой-то тебя да я-ле смѣтисте.
Ожъ какъ прежде у насъ съ тобой нонь пригожалосѣ:
У тя есь шалаболка позолочена,
380. У меня-ле есть кольчужина серебряна».

24.

Дюкъ Степановичъ.

- Изъ той изъ Нижной Малой Галицы,
Изъ той Корелочки да изъ богатой,
Выѣзжалъ то на добромъ конѣ на троелѣточкѣ,
Молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ,
5. Выѣзжалъ на горы на высокія,
На ти на шолони окатисты.
Онъ смотрѣлъ, глядѣлъ на вси на дальны стороны
Изъ той изъ трубочки подзорной.
Сперва смотрѣлъ подъ сторону подъ сѣверну,—
10. Видны стоятъ тамъ лѣдяны горы;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону восточную,—
Тамъ видно стоятъ да лѣса темныя;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Тамъ видно стоятъ да поля чистыя,
15. Видно стоитъ тамъ стольной Кіевъ-градъ;
Затимъ смотрѣлъ подъ сторону подъ западну,—
Тамъ видно стоятъ да моря синіе,
Тамъ плавають гуси лебеди,
На тихихъ вѣсныхъ заводяхъ.
20. Оттуль молодой да поворотъ даетъ,
Прїѣзжать назадъ во Нижну Малу Галицу,
Во Корелочку да во богатую,
Ко той ко матушкѣ ко родимой,
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимошеевнѣ.
25. Паль Дюкъ тогда матушкѣ во рѣзвы ноги,

Просить у ней благословленьица съѣздить въ Кіевъ-градъ.

Не давать ему мать благословленьица.
Онъ и падать ей да во второй наконъ,
Говорить самъ таково слово:

30. «Ой еси матушка родимая!
Дай мнѣ-ка благословленьице отъ буйной главы до
сырой земли,

Съѣздить въ Кіевъ-градъ,
Посмотрѣть князя Владимира».

Не даетъ ему матушка благословленьица.

35. Падать Дюкъ да во третей наконъ
И говоритъ ей таково слово:
«Ужъ ты дашъ поѣду и не дашъ поѣду».

Говорить ему Омельфа Тимошеевна:

— Ужъ ты ой еси дитятко родимое,

40. Молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ!
Молодешинѣкъ ты, зеленѣшинѣкъ.—
Но дала ему благословленьицо отъ буйной главы до
сырой земли;

Сталь тутъ молодець снаряжатися,

Сталь сподоблятися ѣхать въ стольной Кіевъ-градъ.

45. Говорить ему матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимошеевна:
«Когда ты пріѣдешь въ стольной Кіевъ-градъ,
И будешь на честномъ пиру—

Княженевски пиры злы омманчивы;

50. Дамъ тебѣ я перстѣночки барановы,
Подари ты старому казаку Ильѣ Муромцу».
Говорить ей молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ:
— Какъ узнаю я Илью Муромца?—

Говорить ему Омельфа Тимошеевна:

55. «Когда пріѣдешь ты въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко той ко гринѣ княженевской,
Всѣ уйдутъ во божью церковь.
Пріѣзжай и ты ко божьей церкви
И заходи во божью церковь,

60. Крестъ клади по писаному,
Поклонъ по ученому,
Поклонись на вси четыре стороны,

- Подойди на право крылосо;
Служать тутъ обенню воскресенскую;
65. Простой ты службу воскресенскую,
Подойди къ дверямъ церковнымъ,
Пойдетъ народъ изъ божьей церкви,
Сперва пойдутъ мѣшшана пригородныи,
Затѣмъ пойдутъ хрестьяна православныи,
70. Затимъ купцы, люди торговые,
И тогда пойдутъ рускіе богатыри,
Позади всѣхъ идетъ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Перстянки эти ему въ любви придутъ;
Тогда, куда онъ поидетъ,
75. Туда тебя за собой поведетъ».
Простился съ матерью родимой
Молодыя Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ здраво поле чистое,
80. Здраво Ѣдетъ лѣсы темныи,
Пріѣзжать тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Пріѣзжать ко гринѣ княженевской.
Князь ушолъ во божью церковь,
А за нимъ всѣ рускіе богатыри.
85. Пріѣзжать Дюкъ ко божьей церкви,
Слѣзавать со добра коня,
Важетъ коня къ дубову столбу,
И заходитъ тогда во божью церкву.
Богу тогда онъ да молится,
90. Поклонъ кладетъ по писаному,
Крестъ по ученому,
На вси стороны покланяется,
Приходитъ на право крылосо,
Слушать обѣдню воскресенскую.
95. Потѣнилъ онъ на правомъ крылосѣ
Чурила млада Пленковича;
Не стерпливой на то Чурило былъ,
Говоритъ тогда Чурило Пленковичъ:
«Что это за такой за балбанъ пришолъ,
100. Со всѣмъ сучьѣмъ необтесанной?»
Говоритъ ему Дюкъ сынъ Степановичъ:
— Не то нынче поютъ, да не то слушаютъ,

Говорить на это Чурило млады Пленковичъ:
— Что это за такой богачъ пришелъ?

145. Надъ тобой надъ княземъ гость ломается,
Надъ божьимъ даромъ изгиляется.
Подходитъ Чурило къ Дюку Степановичу:
— Давай ударимся объ великъ закладъ,
Которой котораго платьемъ цвѣтнымъ перещепать.—
150. Говорить на это Дюкъ Степановичъ:
«У тебя дѣло домашнее,
У меня дѣло заѣзжее,—
Дай сроку на суточки,
Съѣздить по платью цвѣтное».
155. Давать ему Чурило время срочнаго на суточки,
Ударились во великъ закладъ,
Не во сто рублей, не во тысячи,
О своихъ да буйныхъ головахъ.
О Чурилѣ поручаются бояры толстобрюхѣ,
160. О Дюкѣ—старѣ-казакѣ Илья Муромецъ.
Писалъ тутъ Дюкъ Степановичъ
Ярлыкъ скору-грамоту
Къ своей родимой матушкѣ.
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимофѣевнѣ,
165. Чтобы послала матушка родимая
То платью цвѣтное,
Которое оболокаль трижды въ годъ.
И пошолъ Дюкъ на улицу ко добру коню,
Кладеть ярлыкъ въ сѣдлышко черкальчето,
170. И отправляетъ во Нижню Малу Галичу.
Побѣжалъ его добрый конь во Нижню Малу Галичу;
Увидала его Мамельфа Тимофеевна черезъ окошечко
хрустальное,
Прочитывала ярлыкъ скору грамоту,
И вложила платью самоцвѣтное въ сѣдлышко
черкальчето,
175. И отправила коня назадъ въ стольный Кіевъ-градъ.
Наредились тогда оба боярина,
И хочутъ идти во божью церковь,
У обѣихъ платью у нихъ хорошое,—
Провель рукой правой Дюкъ Степановичъ по бѣлымъ
грудямъ,
180. По тѣмъ по пуговкамъ вальяжнимъ

- И заревѣли его пуговки вальжніе,
Всѣми разными голосами,
Какъ во чистомъ полѣ сѣры волки завояли.
Провель и Чурило Пленковичъ по бѣлымъ грудямъ,
185. Но не заревѣли у него пуговки.
Пошли они ко князю Владимиру,
И говоритъ Дюкъ сынъ Степановичъ:
«Ужъ ты ой еси, старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я стану съ Чурилой дѣлати?»
190. Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой вины Богъ проститъ.—
Говоритъ тутъ Чурило Пленковичъ:
«Давай ударимся объ великъ закладъ,
Не во сто рублей, не во тысячу,
195. О своихъ-ле буйныхъ головахъ:
Давай скакать черезъ Нѣпръ-рѣку?»
Ударились объ великъ закладъ,
Садились они на добрыхъ коней,
Говоритъ Чурило млады Пленковичъ:
200. «Скачи ты первой, Дюкъ Степановичъ».
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
— Которой накликашь, тотъ напередъ ступать.—
Погонилъ Чурило и середка рѣки конь его обрюшился.
Разгонился тогда и Дюкъ Степановичъ,
205. Схватилъ Чурило за желты кудри
И вытащилъ на берегъ съ его конемъ.
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
«Ой ты, ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я нынчи надъ Чурилой стану дѣлати?»
210. Говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой то вины его Богъ простилъ,
Во второй вины ты прости.—
Чурило былъ роду заплывчива:
«Давай ударимся еще о великъ закладъ?»
215. Поручилися о Чурилѣ князья и бояры,
А о Дюкѣ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Пошелъ Чурило млады Пленковичъ,
Во тѣ во лавочки торговья,
Купитъ чернилъ на пятьсотъ рублей
220. И бумаги на тысячу,

- Собрали писарей и пошли описывать животы.
Писали, писали, описали бумагу, чернила,
Поѣжжаютъ они во Нижню Малу Галичу
И видятъ, что будто огонь горитъ,
225. А это Дюковъ высокъ теремъ стоитъ, лучи мечеть.
Ходить у крута крыльца работница,
Слѣзаваютъ они со добрыхъ коней
И работницѣ низко кланяются:
«Здравствуй ты, Омельфа Тимофеевна!»
230. Говоритъ имъ работница:
— Я не Омельфа Тимофеевна, я ее служаночка,
Омельфа Тимофеевна во божьей церкви;
Когда она пойдетъ изъ божьей церкви,
Впереди ее идутъ сукно стелѣть,
235. Позади трубу вертятъ,
Подлѣ бокъ идутъ куфарочки,
На ней платѣ не погнется.—
Заходятъ эти писаря въ высокъ теремъ,
Затимъ повелѣ ихъ Дюкъ на конюшенъ дворъ,
240. Писать заводы лошадиные.
Писали они заводы лошадиные,
Идержали бумаги на пятьсотъ рублей, чернилъ на
тысечу;
Заходили они тогда да во высокъ теремъ,
Принесли имъ братынечку позолочену,
245. А у ней, братынечки, семьдесятъ семь рожковъ,
Изъ каждаго рожка бѣжатъ напитки разные.
Не могли ей дать цѣны оцѣнщики.
Говоритъ тогда Омельфа Тимофеевна:
«Заложитъ пуцай солнышко Владимиръ-князь
стольной Кіевъ градъ»
250. И тогда пріѣдетъ животы мои описывать».
Возвратились тогда писаря и оцѣнщики въ стольной
Кіевъ-градъ;
Говоритъ тогда Ильѣ Муромцу Дюкъ Степановичъ:
«Что я буду надъ Чурилою теперъ дѣлати?»
— Ой ты, ой еси Дюкъ Степановичъ!
255. Пусть онъ будетъ меньшей братъ, а ты старшой,
А впредь не хвастаетъ.—

25.

Чурило и невѣрная жена.

- Ай выпадала пороха снѣгу бѣлого,
И не во пору порошиця, не во время,
Ай да среди лѣта о Петрова дни.
А по той порохѣ снѣгу бѣлой,
5. А не бѣлинкой-то заюшко проскакиваль,
А не сѣръ-горносталь ту' пропрядываль,
Ко тому е ко двору, ко Пермятину,
Да проскакиваль тутъ да ко круту крыльчу.
Онъ заскакиваль-ле тутъ да на круто крыльчо,
10. Онъ стучить-де ка' громить да въ золото кольцо.
Ай услыхала Пермятина молода жона,
Во той-ле ка' она да во теплой лѣжни,
Ай выходила-де она да ' занню горничу,
Да изъ занней-то горничи въ новы сѣни,
15. Приходила ко дверямъ нонь ко широкіимъ,
Отворила она ворота, двери на пету,
А брала она Чурило за бѣлы руки,
Чѣловала его въ уста ищѣ сахарныя,
Да вела она Чурило по новымъ сѣнямъ,
20. Ихъ новыхъ-то сѣней да въ занню горничу,
Да изъ занней-то горничи въ теплу лѣжню.
Ай кабы зажилъ тутъ Чурило по домашному:
Онъ рукавоцьки-перстяноцьки кладѣтъ ищѣ,
Онъ кладѣтъ ихъ ищѣ да онъ на грядоцьку,
25. Онъ пуховъ-ле кошацькь вѣситъ на спичку-же,
Онъ зелѣнь кафтанъ вѣшатъ на грядоцьку,
Ай сапожки кладѣтъ ноньце подъ лавоцьку,
Самъ ложилса нонь Чурило на кроватоцьку.
Услыхала у Пермяты нонь служаноцька,
30. Кабы та-де нонь дѣвушка-черनावушка,
Говорить ноньце дѣвушка-черनावушка:
«Я пойду-ле Пермяты сыну Иванову
Какъ ушолъ нонь Пермята да во божью церковь».
Говорить тутъ Чурило блады Пленковичъ:
35. — Ожъ ты ой есь ты дѣвушка-черनावушка!
Ты не сказывай Пермяты сыну Иванову,

- Я куплю тибѣ платоцикѣ на головушку,
Заплачу я за платоцикѣ нонѣ пети рублей.—
Ужѣ на то нонѣце дѣвка не здавайтце:
40. «Эй, я скажу-де Пермьты сыну Иванову».
Говоритѣ на то Чурило млады Пленковичѣ:
— Ёжѣ ты ой еси дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермьты сыну Иванову,
Я куплю тибѣ въ косу да нонѣце лентоцьку,
45. Заплачу нонѣце за лентоцьку десети рублей.—
Какѣ на то нонѣце дѣвка не здавайтце:
«Я пойду-де-бы нонѣ да во Божью церковь,
Я скажу-де Пермьты сыну Иванову».
Говоритѣ на то Чурило млады Пленковичѣ:
50. — Ёжѣ ты ой еси дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Пермьты сыну Иванову,
Я куплю тибѣ нонѣце шубеецьку,
Заплачу я за шубейку двадцетъ пять рублей.—
Ужѣ на то ище дѣвка не здавайтце.
55. Побѣжала она ка' дѣвушка, надѣрнулаась,
Прибѣжала она скоро въ Божью церкву,
Тамѣ какѣ служатъ нонѣ обѣдню воскресеньскую,
Подходила къ Пермьты сыну Иванову,
Говоритѣ тутъ дѣвушка чернавушка:
60. «Ужѣ ты ой еси Пермьта да сынѣ Ивановичѣ!
Заскочилъ-де конь въ твои да въ зелены сады,
Ёнѣ какѣ вытопталъ твои всѣ зелены сады».
Ожѣ на то былѣ Пермьта да былѣ догадливой,
Онѣ какѣ скоро пошолѣ нонѣ изъ Божьей церкви,
65. Онѣ какѣ скоро-бы идѣтъ да къ широку двору,
Онѣ да скоро заходитѣ да на круто крыльцо,
Онѣ и скоро идѣтъ да по новымъ сѣнямъ,
Изъ новыхъ-то-ле сѣней да въ занню горницу,
Какѣ изъ занней-то онѣ горнични во теплу лѣжню,
70. Какѣ увидѣлъ онѣ Чурила млады Пленковича,
Какѣ живѣтъ тутъ у него Чурило по домашному.
Говоритѣ тутъ Пермьта да сынѣ Ивановичѣ:
«Кабы прежде тебѣ да было сказано,
Ужѣ досель тибѣ было ище наказано,
75. Не ходи ты въ мои да въ зелены сады,
Не топчи ты мою да шолкову траву».

- Говорить на то Чурило да блады Пленковичъ:
— Ужъ я эки-ти ли рѣчи не слыхаль у тя.—
Ой какъ тутъ-ле Пермята да сынъ Ивановичъ,
80. Онъ схватилъ ноньце Чурила за черны кудри,
Онъ тащилъ его-бы скоро да вонъ на улицу,
Онъ вытаскивалъ-бы скоро на круто крыльцо,
Да бросалъ онъ Чурила со крута крыльця,
Ужъ какъ тутъ ноньце Чурилъ смерть случилосе.
85. Ёнъ заходитъ Пермята да во теплу лежню,
Говорить его-ле нонъ да молода жона:
«Не зайдѣтъ боле другижды красно солнышко».
Ёнъ схваталъ ей, Пермята, да зачерны кудри,
Онъ вытаскивалъ ей скоро вонъ на улицу,
90. Какъ спускалса-бы онъ да со крута крыльця,
На одну ногу ступилъ ей, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ онъ ей да во чисто полѣ,
Тамъ чернымъ-де воронамъ да на воскурканьѣ
Онъ сфрымъ-де ка' волкамъ да на ростарзаньѣ,
95. Ужъ какъ синему-ле морю на утишеньѣ,
Кабы намъ всѣмъ, молодцамъ, на послыханьѣ,
Кабы старымъ-ле старухамъ на долгой вѣкъ.

26.

„Маево“ побоище.

- А и бѣжала калика перехожая,
А отъ того отъ моря отъ студеного,
Алатыря-камешка, Алатыря.
Она по три дни бѣжитъ, по три ночи,
5. Не пиваючи бѣжитъ, не ѣдаючи.
Прибѣгала ко маткѣ Елесей рѣки,
Захотѣла калика тутъ попить и поисъ,
Она попить-поисъ и тутъ огня добыть,
Огня добыть, платье повысушить.
10. Не юспѣла калика опочиниться,
Накатается вдругъ туча тѣмная,
А бы тѣмна туча, туча грозная—
Навалилося ѣрда невѣрная,

- Прибѣгала собака—Кудреванко-царь;
15. Онъ со тимъ со зетемъ, со Киршикомъ,
Онъ со тимъ со сыномъ со Миршикомъ.
У его, собаки, силы множество,
Прибѣгала ко маткѣ Елесей рѣки.
Онъ мосты мостилъ тутъ калиновы,
20. Перекладыны кладеть все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится,
Черезъ ту-де матушку Елесей рѣку.
Становился на поле Куликово,
Заставливалъ шатры онъ чернобѣрхатны;
25. Ётъ того-де отъ пару лошадиного,
Отъ того, ётъ духу человѣческа,
А и поблѣкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтѣль мѣсець,
А и потерялися-ле тутъ да звѣзды частыя,
30. Звѣзды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле у собаки силы множество,
По праву его руку сорокъ тысячей,
По лѣву-ту руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
35. Позади его да числа-смѣту нѣтъ.
Онъ кабы самъ ёнъ, собака, заговоршыкъ злой,
Ёнъ кабы сталъ по силы поѣзживатьъ,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать:
Не брала чтобы силу сабля вострая,
40. Не ломила бы палица буёвая,
Не кололо-бы конейцо бурзомѣцкое.
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трои суточки,
Онъ какъ бы всю силу заговаривалъ;
Приѣжжати тогда-де ёнъ да во черной шатѣрь,
45. Во черной шатѣрь да чернобѣрхатной;
Онъ садился тогда да на ремещать стуль,
Бралъ чернила тогда да со гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонѣ да въ стольный Кіевъ-градъ,
50. Ко тому ко князю, ко Владимирю;
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написалъ ёнъ ерлыкъ, ой скору грамоту,

- Онъ говоритъ, собака, Кудреванко царь,
55. Говориль онъ своей силы армін:
«Изъ васъ бываль-ли кто на святой Руси?
А по руському кто говариваль,
По нѣмецькому протолмачиваль?»
Приходило тутъ Тугарище поганое,
60. Говорить Тугарище поганое:
— Я бываль-де смала на святой Руси,
А маленько я по руському говариваль,
По нѣмецькому протолмачиваль.—
А кабы это нонѣ Тугарище поганое,
65. Голова Югарища нонь пивной котель,
Кабы юшища да царски блюдища,
Кабы глазища да сильны чашища,
Кабы ручища да сильны граблища,
Кабы ножища да сильны кичинища,
70. Вышину-де самъ какъ трюхъ сажень,
Шириной Югарище—коса сажень,
Коса сажень да нонь печатная.
Кабы это калика все увидѣла,
Она все калика услышала,
75. А её отгуль—опять впередъ пошла;
А идетъ калика въ стольный Кіевъ градъ,
Приходила калика въ стольный Кіевъ градъ,
Ужъ ко той ко гринѣ княженевской;
Какъ становилась подъ окошечко косяцато,
80. Какъ на то на мѣсто на калическо;
Какъ просить тутъ милóстыню ради Христа,
Какъ кричить она зычнымъ голосомъ.
А какъ въ ту пору было, о то время,
У того у князя, у Владимира,
85. Погодился удалой доброй молодець,
Кабы старъ-казакъ, да Илья Муромецъ.
Онъ глядѣль-де старъ да вонъ на юлицу,
Кабы въ ту околнку хрустальную,
Увидаль калику переходую.
90. Говорить тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко, Владимиръ-князь,
Ты пойди скоренько вонъ на юлицу,
Ты на юлицу, да на круто крыльцо,

- Ты зови калику перехожую,
95. Ты зови калику, низко кланейся,
Кабы эта калика да не плоха была». Ужъ и тутъ бы князь скоро не ослышался,
Побѣжалъ онъ скоро вонъ на улицу,
Выбѣгалъ-де скоро на круто крыльцо,
100. Онъ спускался скоро со крута крыльца,
Кабы тутъ каликѣ да низко кланялся,
Говорилъ тутъ князь ей таково слово:
«Ты пожалуй-ко калика перехожая,
Ты ко мнѣ ко князю ко Владимиру,
105. Ужъ во ту во гриню княженевскую,
Ище хлѣба ись, да перевару пить,
А затимъ у меня, у князя, чего Богъ послалъ». Кабы скоро тутъ калика нонь идетъ ище,
Какъ во ту во гриню княженевскую,
110. Заходила тутъ во гриню княженевскую,
Она Богу-ту ноньче молилася,
Кабы крестъ кладеть все по писаному,
А поклонъ кладеть все по ученому,
А молитву творить полну Сусову,
115. На вси стороны калика покланяется,
Какъ князю со княгиной на особицу.
Говорить тутъ старой таково слово:
«Приходи-де ты калика перехожая.
И говоритъ тутъ старой таково слово:
120. «Ужъ ты ой есь солнышко Владимирь-князь!
Ты сади нончи калику за дубовой столъ,
И попить и поишь, нонь покушати». На то ноньче князь да не ослышался.
Какъ становяты бы нонь скоро дубовой столъ,
125. Какъ на столъ бы носятъ всяки кушанья.
И говоритъ тутъ солнышко Владимирь-князь:
«Ты садись-ко калика за дубовой столъ,
Кабы хлѣба ись, да перевару нить,
А затимъ отъ князя чего Богъ послалъ». 130. А и бы тутъ ноньче калика перехожая,
Какъ садится скоро за дубовой столъ,
Попить-поишь, хлѣба покушати.
А бы садилось калика перехожая,

- Кабы пить да ись, хлѣба кушати.
135. А и какъ пила-де, ѣла она до сыта,
А ходила скоро изъ за стола еще,
А изъ стола-де скоро да дубового,
Кабы Богу ту помолилося,
На вси стороны она поклонилосе,
140. И какъ спасибо она нонь дала ище,
А садилосе на лавочку брусчатую.
Ужь какъ подходитъ удалой доброй молодець,
Кабы старь-казакъ, нонь Илья Муромецъ,
Ѣнь бы сталь ю ей нонь все выпрашивать,
145. Ѣнь бы сталь у ей все выпытывать:
«Ты откуль-же калика переходящая,
Ты откуль идешь, куда путь держишь?
Ты чего, дорогой шла, нонь видѣла,
Ты чего, дорогой шла, нонь слышала?»
150. Ужь какъ тутъ ему калика нонь отвѣтъ держитъ:
— Я иду калика переходящая,
Отъ того-ле отъ моря, отъ студеного,
Съ Алатыря-камешка, отъ Латыря;
Я бѣжала калика переходящая,
155. Я бы по три дни бѣжала, по три ночи,
Не пиваючи бѣжала, не ѣдаючи,
Прибѣжала я ко матки Елесея рѣки,
Захотѣла тутъ калика нонь попить-поисъ,
И попить-поисъ, да тутъ огня добыть,
160. Ужь огня добыть, платью повисушить.
Не юспѣла я, калика, опочиниться
Накатилосе вдругъ тутъ туча темная,
А темна туча, туча грозная,
Навалилося бы тутъ орда невѣрная,
165. Прибѣгалъ тутъ собака Кудреванко царь,
Прибѣгалъ ко матки Елесея рѣки;
Онъ какъ чрезъ ту-де Елесея рѣку,
Онъ мосты мостилъ все калиновы,
Перекладыны кладетъ да все дубовыя.
170. Переноситце собака перевозитце,
Черезъ ту-де ноньче матку Елесея рѣку;
Становился на поле Куликово,
Заставливалъ шатры онъ чернобархатны.

У его-ле у собаки силы множество:

175. По праву руку сорокъ тысячей,
По лѣву руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
Позади его да числа-смѣту нѣтъ;
Отъ того-ле отъ пару лошадиного,
180. Ётъ того, ётъ духу человѣческа,
Ой поблѣкло красно солнышко,
Помертвѣль батюшко свѣтель мѣсець.
И какъ сталъ онъ, собака, по силы поѣжживать,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать,
185. Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица бѣвая,
Не кололо-бы копейцо бурзомецкое;
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трои суточки,
Приѣжжжать тогда-де онъ во черной шатерьъ,
190. Во черной шатерьъ, да чернобѣрхатной,
Онъ садился тогда да на ремещать стульъ,
Бралъ чернильницу онъ да съ гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонче въ стольной Кіевъ-градъъ,
195. Ко Владимиру ко князю, ко солнышку,
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщичка.
Написалъ ерлыкъ онъ, скору грамоту,
Говоритъ-де собака Кудреванко-царьъ,
200. Говоритъ онъ своей сплы-армінъ:
«Изъ васъ бываль-ле кто на святой Руси?
А по руському кто говаривальъ,
По нѣмецкому протолмачивальъ?»
Приходило тутъ Тугарице поганое,
205. Говорило Тугарице поганое:
— Я бываль-де смала на святой Руси,
И маленько-де по руському говаривальъ,
По нѣмецкому протолмачивальъ.—
А у этого Тугарища поганого,
210. Голова Тугарища съ пивной котельъ,
А юшища да царски блюдища,
А глазища да сильны чашища,
Какъ ручища да сильны граблища,

- Какъ ножница да сильны кичинища,
215. Вышиной Тугарище, онъ трюхъ сажонъ
Шириной Югарище коса сажень,
Коса сажень да нонъ печатная.
Кабы все ёна имъ рассказала-же,
Кабы все ёно имъ развѣдала,
220. Ище тутъ нонъ калика стала прощатися,
Какъ бы тутъ калика опять впередъ пошла.
А кабы немного время миновалосе,
Ужъ немного время прокатилосе,
Приѣзжаетъ Идолище поганое,
225. Ко тому ко князю, ко Владимиру,
И заходитъ онъ во гриню княженевскую.
Онъ-де Богу тутъ онъ не молитце,
Онъ кладетъ ерлыкъ на дубовой столъ
И оттуль-де онъ поворотъ даетъ.
230. Выходило Идолище вонъ на улицу,
Онъ какъ подпадывалъ своимъ плечомъ правымъ,
Какъ подъ ту подъ гриню княженевскую,
Задрожала гриня княженевская;
Тутъ уѣхалъ онъ, идолище поганое.
235. Кабы послѣ того было, послѣ этого,
Ужъ погодилсе у князя у Владимира
Кабы старъ-казакъ, да Илья Муромецъ.
Говоритъ тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты старъ-казакъ, Илья Муромецъ!
240. Мы какъ, што мы станемъ нонче дѣлати?»
Ой говоритъ тутъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлатъ-то намъ пришло нечего,
Собирать видно всѣхъ русскихъ богатырей.—
Говоритъ тутъ-де солнышко Владимиръ-князь:
245. «Мы кого-же нонъ пошлемъ да за богатырьми?»
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Какъ послать намъ надо за богатырьми,
Какъ того Добрынюшку Микитича:
Ой Добрыня Микитичъ роду вѣжлива,
250. Онъ-де вѣжлива роду, самъ очеслива,
Онъ умѣтъ съ богатырьми и съѣхаться,
Онъ умѣтъ съ има ище разѣхаться.—
Какъ бы тутъ нончи Добрыня скоро снаряжатся,

- Онъ и скоро, Добрыня, сподобяится,
255. Онъ пошелъ бы скоро вонъ на юлицу,
Онъ пошелъ къ своему широку двору,
Онъ уздать-сѣдлатъ своего коня доброго.
Какъ поѣхалъ Добрыня Микитичъ-братъ
Собирать всѣхъ русскихъ богатырей;
260. Онъ какъ ѣздилъ Добрыня трои суточки,
Не пиваючи сѣздилъ, не ѣдаючи,
И здоуху коню не даваючи;
Какъ приѣхалъ тутъ Добрыня въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
265. И какъ собралъ всѣхъ русскихъ богатырей.
Собралися всѣ, да ѣни сѣхались,
Ужъ не много и не мало тутъ было богатырей,
Собралися всѣ ко князю ко Владимиру.
Говорятъ бы всѣ руськи богатыри:
270. «Ужъ ты ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Ужъ мы, что мы станемъ нонъче дѣлати?»
Говорить имъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлатъ-то-ле намъ да пришло нечего,
Надо ѣхать видно во чысто полѣ.—
275. И говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Ужъ вы ой еси руськи богатыри!
Надо намъ итти во Божію церковь,
Во Божью церковь, Богу молитися,
Помолитися Спасу Вседержителю,
280. А затимъ и Миколу-то святителю,
А затимъ присветой Матерь-Богородицѣ,
Ой помолитися, благословитися.—
Кабы тутъ робята нонѣ вонъ пошли,
Приходили всѣ робята ко добрымъ конямъ,
285. Какъ садилися робята на добрыхъ коней,
И не видѣли ихъ поѣздки богатырской,
Какъ тяжелой побѣжки лошадиной,
Только видѣли—робята вскочили,
На кони скочили, въ стремяна ступили,—
290. Только видно въ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ валитъ.
И когда ѣдутъ они по полю по чыстому,
Говорить-бы тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:

- «Ужь вы ой еси руськи богатыри!
295. Намъ поставить надо во чисто поле,
Во чисто поле намъ бѣлой шатеръ».
Кабы они, робята, становилисе,
Ужь поставили нонче во чисто поле,
Кабы бѣль-шатеръ, да бѣлобархатной,
300. Говорить тутъ старой таково слово:
«Мы кого-же нонче оставимъ во бѣломъ шатру,
Берекчи-ле, стерекчи золоту казну,
Золоту ище казну богатырьскую?»
Говорить на то юдалой доброй молодець,
305. Кабы тотъ Олѣшинька Поповичъ братъ,
Говорить Олѣша таково слово;
— Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
Какъ старого казака да Илью Муромца.—
Говорить тутъ старой таково слово:
310. «Не въ умѣ-же ты, Ёлеша, слово вымолвить,—
Когда загромятъ нончи палицы буюевы,
Забренчатъ-ле сабельки булатныя,
Не усидѣть мнѣ старому во бѣломъ шатру.
Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
315. Какъ того Добрынюшку Микитича,—
Онъ какъ ѣздилъ, собиралъ руськихъ богатырей,
Собиралъ, ѣздилъ трои суточки,
Не пиваючи ѣздилъ, не ѣдаючи
И добру коню здоху не даваючи,
320. Какъ себѣ спокою не имѣючи.»
Ой какъ оставили Добрынюшку Микитича,
Какъ выходили они изъ бѣла шатра,
И сядились тогда на добрыхъ коней,
И поѣхали нонь по полю чыстому;
325. А какъ увидѣли тутъ силу нонь невѣрную,
Говорить тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужь вы ой еси руськи богатыри!
Вы иной ѣдьте по праву руку,
Вы иной ѣдьте по лѣву руку,
330. Самъ я ѣду середкой, самой матицей».
Ужь поѣхали на ту на силу на армію,
Не здоровались робята не крестовались,
Они стали палицами помахивать,

- Какъ впередъ махнуть—лежитъ юлица,
335. Поперекъ махнуть—переулками.
Они били тутъ, ломили трои сутоки,
Не пиваючись, да не ѣдаючи,
Какъ себѣ спокою не имѣючи,
Они били тутъ-де ихъ да до одинаго.
340. Тогда собиралися робята ко бѣлу шатру,
Собиралися, да все съѣхались,
Заходили все робята во бѣлой шатерь,
Говорить тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Нонь все-ли пріѣхали богатыри?»
345. — У насъ нѣтъ двухъ брата Долгополые,
Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе.—
Говорить тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Видно нѣту ихъ въ живыхъ нонь на семь свѣтѣ».
А какъ немного время миновалось,
350. Какъ пріѣхали два брата Долгополые,
Какъ пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Взаходили тутъ они во бѣлой шатерь,
Говорить тутъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
355. Не считали мы васъ живыми на семь свѣтѣ».
Говорятъ тутъ два брата Долгополые,
Какъ Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе:
— А бы кто насъ можетъ побѣдить ноньче?
Кабы было золото кольцо въ землѣ,
360. Поворотили бы мы матеръ землю,
Какъ была бы ноньче на небо лѣстница,
Мы пресѣкли бы всю силу небесную.—
Говорить имъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
365. Кабы эти ваши слова богопротивные».
Не юспѣли тутъ братья попить-поисъ,
Кабы эта сила вся возстала-же:
Какъ котораго сѣкли на двое,
Изъ того-де стало ноньче двое-же.
370. А котораго сѣкли на трое,
Изъ того-де стало ноньче трое-же,
Кабы прибыло-же силы множество,
Кабы вдвое, втрое, ноньчи впятеро,

- И кабы эта ноньче сила, нонь невѣрная,
375. Находити имъ стала на бѣлой шатеръ.
Кабы тутъ всѣ робята zvolновалисе,
Выходили кабы они изъ бѣла шатра,
Какъ сажидились они скоро на добрыхъ коней;
Опять они стали по силы нонь поѣзживать,
380. Кабы стали силу нонь помахивать,
Какъ впередъ махнуть—лежитъ улица,
Поворотъ дають—переулками.
Они били, рубили шестеры суточки,
Не пиваючи, да не ѣдаючи,
385. На учась здоху не имѣючи;
Кабы били они ихъ до единого,
Не оставили ихъ не единого.
Тутъ тогда это стало покоище,
Кабы Маево стало побоище.

Конецъ былины былъ мнѣ разсказанъ на словахъ, такъ какъ старинщикъ больше не могъ пѣть. Когда послѣ битвы богатыри собрались въ шатеръ, то увидѣли, что опять нѣтъ двухъ братьевъ Долгополыхъ. Поѣхали искать ихъ и нашли,—они окаменѣли. Увидя это, Илья Муромецъ сказалъ: «Чѣмъ они похвалились, тѣмъ и подавились».

27.

Солóманъ Премудрый и Васька Окуловъ.

- Ай да за моремъ-ле, моремъ нонь за синимъ,
Ай у Васьки царя было Окулова.
И завѣлса у Васиньки почесень пиръ,
И на многихъ-ле князей, сѣ на бояровъ,
5. И на многихъ купцей, людей торговыхъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныхъ,
И на тихъ-же кресьянъ да православныхъ;
Онъ какъ пиръ-отъ снаредилъ, Васька, пировать стали.
И кабы пиръ-отъ нонь идѣтъ ище ко вечеру,
10. Красно солнышко катитцѣ ко западу,
Ищѣ пиръ-отъ идѣтъ да о полупира,
Кнежоневская радость въ полурадости;

- Ужъ выходитъ-ле Васинька прикрасной-царь,
Онъ выходитъ на сѣреду-кирпищатъ-поль,
15. Онъ-же по полу-то Васинька похаживать,
Кабы съ ножиньки на ножку переступывать,
Ёнъ сапогъ-де о сапогъ да поколачивать,
Онъ берщатыми-ти скобками побрякивать,
Онъ бѣлыми-ти руками прирозмахивать,
20. Онъ злачными-ти персями принабрякивать,
Онъ есными-ти оцями прирозглядывать,
Онъ буйной-то головой да принакачивать,
Онъ желтыма-ти кудрями принатряхивать,
Тихо-смирную рѣць самъ выговаривать:
25. «Ужъ вы ой еси какъ всѣ люди православныя!
Ужъ вы ой еси купцы, люди торговыя!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородныя!
Ужъ вы всѣ вы сидите нонѣце споженены,
А за васъ всѣ красны дѣвушки повыданы,
30. Ужъ единъ-то я, Васинька, холостъ хожу,
Я холостъ, Васька, хожу, да не жонать живу,
Вы не знайте-ли хто мнѣ полюбовницу?
И не знайте-ли хто мнѣ супротивницу?
Э не знайте-ли хто мнѣ молоду жону?
35. И така-бы мнѣ была да молода жона:
И статномъ была статна, да полно возрастомъ,
Волосомъ была руса, штѣ-бы лицомъ бѣла,
А бы рѣць у ей, говоря тихо-смирная,
И походяцька у ей штобы упавая,
40. И поглядоцька у ей была умыльная,
Што-бы было кого назвать княгиною,
Што-бы было отъ кого да князю цара пить,
На ей штобы была рубашка тонка бѣлая,
Кабы сквозь еѣ рубашку тѣло видѣти,
45. Ищѣ сквозь-бы-ле тѣло кости видѣти,
И какъ всякія суставы чоловѣчески,
Ужъ изъ кости-ле-бы въ косъ мозгъ переливайтсе,
Какъ скаченой-ле жемчугъ перекатайтсе».
Ище всѣ тутъ на пиру да пріумолкнули,
50. Кабы всѣ на томъ чесномъ да пріудрогнули,
Ищѣ большо-ѣтъ хоронитсе за среньяго,
Ищѣ среньней хоронитсе за меньшого,

- Ужъ отъ меньшого-де князю нонь отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ за стола переньнѣго,
55. Тамъ ставаѣтъ-де удалой доброй молодець,
По прозванью-то Тороканъ да сынъ Заморянинъ,
Онъ поближешенько-то князю придвигаетсе,
Понижешенько онъ князю поклоняйтце,
Говоритъ тутъ Тороканъ да таковы слова:
60. — Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимерь-князь!
Ты позволь-ле мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь-ле миня за слово головы сказнить,
Головы гдѣ сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать миня штобы въ ссылки дальнїя.—
65. Говоритъ на то солнышко Владимерь-князь:
«Говори-же, Тороканъ, ты не юпадывай,
Не одинаго словецька не ютаивай».
Говоритъ-же тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— Я бы съ мала-то бывалъ да ноньце за морѣмъ,
70. Ищѣ за морѣмъ бывалъ да я за синїимъ,
А видалъ-де ка' за морѣмъ за синїимъ,
У Солóмона царя видалъ премудрого,
Кабы есь у его нонь молода жона,
Какъ статномъ-ле та статна, да полна возрастомъ,
75. Волосомъ-де руса, ищѣ личомъ бѣла,
У ей рѣци-де, говоря тихосмирная,
И походецька у ей была упавая,
И погядоцька у ей была умыльная,
Хоть на ей-де рубашка тонка бѣлая,
80. Кабы сквозь ее рубашку тѣло видѣти,
Ищѣ сякія суставы чоловѣчески,
Изъ кости-ле въ кость мозгъ переливайтце,
Какъ скаченной жемцюгъ перекатайтсе;
Ищѣ можно ту назвать да нонь княгиною,
85. Ищѣ можно отъ ей да князю царю пить».
Говоритъ на то Васинька прикрасной царь:
«Ужъ какъ можно у жива мужа жена отнять?»
Говоритъ тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— У жива мужа жена отнять—не твоя печаль,
90. Снареди-ко ты три карабля черленя,
Ужъ со всякими товарами заморскима,
Побѣжу я какъ тогда да за синѣ морѣ.—

- Онъ даватъ-де ему да дозволенъичо.
Нагрузилъ ёнъ три карабля черленя,
95. Онъ со всякими товарами заморскимя,
Побѣгать сталъ Тороканъ да за синё морё;
Кабы сходенки ёни ноньце повыбрали,
Кабы якори заморьски всѣ повызнесли,
Подымали тонки парусы полотнены,
100. Кабы далъ имъ Богъ нонъ тишины пособной,
Ужъ бѣжали они тутъ за синё морё,
Ко тому-де ко царю да ко Солóману.
Прибѣгали ко царю да ко Солóману,
Какъ походить Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
105. Онъ походить ко царю ноньце ко Солóману,
Онъ поносить какъ подароцьки хорошія,
Торговать штобы безденежно, безошплинно.
Какъ Солóмана-то въ домѣ не случилось,
Онъ уѣхалъ Солóманъ къ морю синёму,
110. Онъ на тихіе уѣхалъ онъ на галани,
Онъ стрѣлётъ тамъ гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Побивати сѣрыхъ малинькихъ утянышковъ,
Ужъ крыластыхъ, пернастыхъ, перелётныхъ,
И гонять ищѣ лисичъ, да бѣлыхъ заечей.
115. Тутъ приходитъ Тороканъ къ царю къ Солóману,
Тутъ-де стрѣцаетъ-де Солóмана молода жона,
Говоритъ она-ле тутъ да таково слово:
«Приходи-же ты, пожалуй, небывалой гось!»
Отдавать онъ ей подароцьки хорошія,
120. Ищѣ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
— Торговать што-бы-ле намъ безданно-безошплинно.—
Принимать она подароцьки хорошія,
И садить его за столы да за дубовыя:
«И садись-ле ты удалой доброй молодець,
125. И какъ хлѣба у мянъ ись, да перевару пить,
А затимъ-де у меня да чего Богъ послалъ».
Онъ садился Тороканъ да за дубовой столъ,
Онъ и пилъ тутъ и ѣлъ да цего Богъ послалъ;
Какъ подавать она ему да сяки кушанья,
130. Подавать она ему цяры зелена вина,
Ужъ какъ ему-то подавать, да сама-то пѣтъ:
Они пили, пировали проклаждалися,

- Тутъ какъ сталь онъ походить да на черлѣнъ карабъ,
Онъ какъ тутъ еѣ зовѣтъ ѣнъ на черлѣнъ карабъ:
135. «Я у тя-де погостилъ, дакъ ты ко мнѣ пойдѣмъ,
И заѣмно погости у мня на карабли». Онъ пошоль-де Тороканъ да на черлѣнъ корабъ,
Онъ приходитъ ко своимъ людемъ робочимъ,
Говоритъ имъ Тороканъ да таково слово:
140. «Ужъ вы ой еси мои люди робочія!
Какъ увидите-ле съ черного вы съ карабля,
Какъ идѣтъ-ле Соломана молода жона,
Вы встрѣцайте ее нонь, низко кланяйтесь;
Кабы ступитъ-де ѣна какъ на черлѣнъ карабъ,
145. Подавайте вы ей цару зелена вина,
На другой-же она ступень да ноньце ступитъ-же,
Вы другу ей подавайте ноньце цару-же,
Вы ведите ей тогда да во черлѣнъ карабъ,
Какъ зайдѣтъ она тогда да во черлѣнъ карабъ,
150. Вы здымайте тогда якори заморскія,
Вы вытегивайте сходенки дубовыя,
Подымайте тонки парусы полотнены». Онъ зашоль Тороканъ да во черлѣнъ карабъ,
Какъ увидѣли его люди робочія,
155. И идетъ-де скоро Соломанова молода жона,
И заходитъ-де ѣна да на черлѣнъ карабъ,
Ужъ подавають они цару зелена вина;
На другой разъ ступила на черлѣнъ карабъ,
И другу ей подавають ноньце цару-же,
160. Проводили ей-де ноньце во черлѣнъ карабъ;
Тамъ стрѣцаетъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ садилъ тогда-де ей да за дубовой столъ,
И какъ пити-де ка' ись, да ноньце кушати,
И какъ всяки тутъ питья-ѣствы наставлены,
165. Наливать ей, подавать онъ цару зелена вина,
И самъ подавать, и самъ тутъ пѣтъ;
Тутъ его-то-ле люди нонь робочіе,
Выздымали ѣни якори заморскія,
И затегивали сходенки дубовыя,
170. Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали они какъ тутъ нонь за синѣ морѣ.
Прохватилась тутъ ноньце Соломана молода жона,

- Выходила-де ёна да на черленъ карабъ,
Ожъ карабль-отъ бѣжитъ да среди моря,
175. Она тутъ-же какъ нонь да звыла-сплакала:
«Ужъ ты што-же Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Ты куда-же меня везёшь нонь за синё морё?
За себя-ле ты везешь, ле за пріятеля?»
Говоритъ тутъ Тороканъ да таково слово:
180. — Я везу тебя-ле нонь да за пріятеля,
Я за Ваську царя ноньце Окулова,
У насъ жити-то добро, дакъ служить легко:
У насъ среды-то, пѣтнички не постують,
И велики чатверги у насъ нечѣмъ зовуть.—
185. Прибѣгали они къ Васинькѣ Окулову,
И пошоль тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ ведётъ-де Солóмана молоду жону,
Кабы Васинька-то тутъ да зрадовалса-же,
Веселымъ они пиркомъ да скорой свадебкой.—
190. А пріѣхаль тамъ Соломанъ изъ чиста поля,
Онъ навѣзъ-де гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Нагоняль-де лисичъ, да бѣлыхъ заечей,
Онъ въ уми-то своёмъ да нонци думаетъ:
«Кабы гдѣ-же миня не встрѣцять да молода жона?»
195. Одолило винно ей ноньце богатство,
Забрала винно ей хворось нонь тяжолая).
Выходила тутъ его ноньце служаноцька:
— У тя нѣту ноньце дома молодой жоны,
Прибѣгаль Тороканъ, да онъ изъ за моря,
200. Онъ увѣзъ-де твою да молоду жону.—
Говоритъ на то нонь ищэ Солóманъ чарь:
«Я бы не думаль ноньце ѣхать за синё морё,
По свою-ту-ле нонь да молоду жону,
Кабы 'сякъ миня назовѣтъ да «потеряй-жона».
205. Онъ какъ сталъ тутъ Солóманъ снарежатисе,
Снаредиль 'сѣ три карабля черленныя,
Онъ берётъ ноньце людей ноньце робоцихъ,
Онъ берётъ съ собою дружину всё хоробрую,
Хоробру-де дружину, заговорную,
210. Побѣжалъ тутъ Солóманъ за синё морё;
Прибѣгаль-да ка' за морё за синёе,
Онъ ко Васинькѣ царю ноньце Окулову,

- Какъ походить самъ единъ ноньце со карабля,
Онъ товарищамъ своимъ ноньце наказывать:
215. «Какъ вы слушайте-же нонь да понимайте-же:
Заиграю я когда да нонь во турей рогъ,
Вы тогда, вы робята, снаряжайтесь-же;
Какъ другой разъ заиграю я во турей рогъ,
Вы сходите тогда со черного со карабля;
220. Какъ третей разъ заиграю я во турей рогъ,
И тогда меня заставляйте вы живого-же».
Онъ пошолъ тогда ' царю Васькѣ Окулову,
Онъ заходить ему во гриню кнежоневскую,
Кабы Васьки-царя дома не случилосе,
225. Какъ она сидитъ Солóманова молода жона;
Онъ немного посидѣлъ, да поздоровалсѣ,
Какъ идѣтъ ноньце Васинька прикрасной-царь,
Говоритъ тутъ Солóманъ таково слово:
«Ужъ куда-же нонь отъ него я дѣваюсе?»
230. Говоритъ на то его-же молода жона:
— Ты ложись нонь на кроватоцьку тисовую,
Я накину на тебя ноньце перинушку.—
И сама она садилась на перинушку,
Какъ зашолъ тутъ-то Васинька прикрасной-царь,
235. Говоритъ ему Солóманова молода жона:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Кабы былъ ноньце-де этта нонь Солóманъ-царь,
Ужъ-бы што ноньце надъ имъ да сталъ ты дѣлати?»
— Я бы взялъ-де со спицьки саблю вострую,
240. Я срубилъ-бы ноньце прямо буйну голову.—
Соскоцила она-бы скоро со кроватоцьки,
Ужъ отдѣрнула перинушку пуховую,
Тутъ лежить-де Солóманъ-царь премудрыя;
Ужъ хватаѣтъ Васька со спицьки саблю вострую,
245. Онъ срубить хоцѣтъ-де прямо буйну голову;
Говоритъ-же тутъ Солóманъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ насъ-де царей да не казнятъ ищѣ,
Ужъ какъ насъ-де царей да ноньце вѣшаютъ».
250. Ужъ назадъ-де повѣсилъ Васька саблю вострую,
Онъ приказывать въ полѣ сдѣлатъ релю высокоую.
Кабы скоро его люди-робочіе релю сдѣлали,

- И пришли они, сказали Васьки Окулову,
И вести-де кабы хоцють царя Соломана;
255. А собралось народу много множество.
Повели-де Соломана во чисто полѣ,
Говорить тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ дай мнѣ заиграть ноньце во турей рогъ,
260. Мнѣ проститьце-ле нонь да съ гусьми, съ лебедьми». Говорить ноньце Соломанова молода жона:
— Ужъ Соломанъ-отъ, мотри, дакъ онъ хитѣрь-мудѣрь,
Онъ какъ выйдетъ своей да хитрой мудросью.—
Говорить на то Васинька прикрасной-царь:
265. «Ты играй-же нонь ищѣ Соломанъ-царь,
Ты хоть сколько играй, да сколько мощь берѣтъ». Заигралъ во первой наконъ ноньце въ турей рогъ,
Кабы весь тутъ народъ остановилисе,
Онъ игралъ сколько надомно во турей рогъ,
270. Кабы тутъ опеть впередъ да повели его.
Говорить опеть Солóманова молода жона:
«И какой еси ты Васинька прикрасной-царь!
Ты казни нынѣ Солóмана скоро-наскоро,
Не то Соломанъ выйдѣтъ хитросью и мудросью».
275. Говорить на то Васинька прикрасной царь:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ-де дологъ, умъ коротинькой,
Какъ Соломанъ-отъ-ле ноньце—онъ у насъ въ рукахъ.—
И Соломанъ-отъ говоритъ ноньце таково слово:
280. «Ужъ оно-то колесо да ищѣ катитце,
А друго-то колесо да не останитсе». Говорить на то Васинька таково слово:
— Какъ сказали-де ' Солóмана—«хитѣрь-мудѣрь»,
Не нашолъ я Солóмана дицѣ-де всѣхъ:
285. Да куда-же колесо друго останитсе
И докуль-же какъ ось да не отóтритсе?—
Говорить на то ищѣ ноньце Соломанъ царь:
«Ужъ вы ой еси люди православный!
У кого-ле васъ, у васъ есь отчи-мáтери,
290. У кого-ле у васъ есь дѣти малыя,
Воротитесь вы назадъ да вы домой ищѣ:
У Солóмана-то смерть будѣтъ страховитая».

- А народъ-де на то да не глядятъ ищѣ;
Говоритъ ищѣ Соломанъ таково слово:
295. «Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
Ужъ ты дай мнѣ заиграть ищѣ во турей рогъ,
У меня были во чистомъ поли пріятели,
И съ има-бы мнѣ ка' нонь ищѣ проститисе».
Говоритъ на то Васинька Окуловичъ:
300. — Да ты играй-же Соломанъ царь премудрыя,
Ты играй-же сколько тебѣ хочетца.—
Говоритъ на то Солóмана молода жона:
«Ты скорѣ его казни, скорѣ нонь вѣшай-же,
И Соломанъ-отъ уйдѣтъ хитросью-мудросью».
305. Говоритъ на то Васинька таково слово:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ дологъ—умъ коротинькой,
Онъ куда отъ насъ уйдѣтъ ноньце Соломанъ царь?
А Солóманъ-отъ-ле ноньце у насъ въ рукахъ.—
310. Какъ ведутъ опеть Соломана по чисту полю,
И ведутъ ноньце ко рели ко высокой,
И ко той-де ко плахѣ ко дубовой,
Говоритъ ищѣ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
315. Ты ужъ дай мнѣ-ка заиграть нонь во турей рогъ,
Мнѣ проститсѣ въ послѣннихъ съ людьми добрыма,
Мнѣ простися ищѣ нонь со бѣлымъ-свѣтомъ».
Говоритъ на то-ле Васька таково слово:
— Ты играй-же-ле сколько у тя моць берѣтъ.—
320. Онъ игралъ-де Соломанъ нонь во турей рогъ,
Ожъ накрыли тутъ его да гуси-лебеди:
Набѣжала его дружинишка хоробрая,
Хоробра-де дружина, заговорная
И схватили они Васиньку царя ищѣ,
325. Какъ повѣсили-де Васиньку во петелку,
И какъ въ петелку его нонь во шолковую;
Торокана-то повѣсили нонь во петелку,
И во ту его во петелку пеньковую;
Какъ Соломана-то жону да нонь не вѣшали,
330. Онъ-де бралъ-де бы ей за жолты кудри,
Онъ бросалъ ей о матушку сыру-землю,
Ищѣ тутъ ноньце ей да смерть случилосе.

- А Соломанъ-отъ-де взять ей за праву руку,
На енну ногу ступилъ да другу оторвалъ,
335. Кабы бросилъ-де ей да во чисто полѣ,
Ужъ чернымъ-то воронамъ 'сѣмъ на воскурканьѣ,
Ужъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаньѣ,
Ищѣ синѣму морю на утишеньѣ,
Ищѣ вамъ 'сѣмъ молодцамъ да на послыханьѣ,
340. Кабы старымъ старухамъ нонь на долгой вѣкъ.

28.

Васька Буслаевъ.

- Жилъ-то Васенька Буслаевичъ,
Жилъ во Новомъ славномъ городѣ,
Здумалъ Васинька съѣздить въ Ерусалимъ градъ.
Сталъ онъ просить у матушки благословленьца,
5. Съ буйной главы да до сырой земли.
Какъ не бѣлая береза изгибается,
Не шелковая листьѣя растилается,
Васинька матушкѣ поклоняется,
Подать онъ ей во первой законъ,
10. Говорить ему матушка родимая:
«Ужъ ты ой еси чадо милое!
Негдѣ ты не бывалъ и нечѣ не видалъ».
И не давать ему благословленьца.
Падать ей Васинька во второй законъ:
15. — Ужъ ты ой еси матушка родимая,
Честна вдова Омельфа Тимоѣевна!
Съ молоду у меня, Васьки, было бито-граблено,
На стары нни мнѣ надо душа спасти,
Душá спасти, грѣхи свести.—
20. Говорить ему матушка родимая:
«Много тамъ народу ѣздило,
Да назадъ въ живы не пріѣхало».
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
— Себѣ бы ты спала, себѣ видѣла.—
25. Говорить ему матушка родимая:
«Я себѣ спала, да тибѣ видѣла».
Падать ей Васинька во третій законъ:

- Ужь ты дашь поѣду и не дашь поѣду:
Съ молоду у меня было бито, граблено,
30. На стары нни надо душа спасти, грѣхи свести.—
Даетъ тогда ему благословленьице:
«Поѣдешъ ты по матушкѣ Волховѣ,
Есть тамъ три заставы великія:
Перва застава—живуть мужички да Новотокмяна,
35. Бьютъ, хватаютъ они удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Не пропускаютъ не конныхъ, не пѣшихъ,
Тѣ станичники да коробичники.
Другая застава есть великая—
Субой быстѣрь, да валъ густой.
40. Третья есть застава великая—
На горахъ стоять Кресты Евангельски.
Сталь тутъ Васинька снаряжатися,
Сталь Васинька сподоблятися.
Дѣлатъ онъ сибѣ карабликъ чернинькой,
45. Легкой стружочикъ.
Хорошо стружекъ да изукрашенъ былъ:
Придѣлываль онъ къ карабliku на мѣсто правезу
По сѣру волку рыскучему,
Вмѣсто очей врѣзываль по камешку самоцвѣтному,
50. Вмѣсто рѣсницъ—по сѣду бобру осистому,
Вмѣсто бровей—по той лисицѣ по Почорской;
Хорошо-дobre надцадикъ изукрашиваль,
Весѣлышка были въ надцадикѣ кленовые,
Дерѣвца были кедровые,
55. Дроги-зѣмы были шелковы,
Паруса были тонка полотнены.
Сдѣланъ былъ въ карабликѣ муравленъ чердакъ,
Построена была тамъ кроваточка слоновыхъ костей,
Слоновыхъ костей, зубья рыбьяго,
60. Исподбивана хрущатой камкой,
Исподбивана золотымъ гвоздѣмъ;
На кроваточкѣ перинушка пуховая,
На перинушкѣ подушечки шелковыя,
Наволоки на нихъ хрущатой камки,
65. Одѣяло на кровати черныхъ соболей,
А покрышка его—дорога сукна.
Сталь тутъ Васинька снаряжатися,

- Сталь себѣ брать дружиночку хорóбрую,
Хорóбру дружинну, заговорную.
70. Во первыхъ онѣ бралъ Потаньку Хроминького,
Хроминького, да нездоровинького,
Во другихъ-то бралъ Никитушку высокого,
Во третьихъ бралъ Оому широкого.
И сталъ онѣ походить на черлѣнъ карабѣ.
75. Далъ имъ Богъ тишины пособныя,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по Волховѣ быстрѣ-рѣкѣ.
Прибѣгають ко первой заставѣ,
Живуть тутъ мужички Новотокмены,
80. Хватають удалыхъ добрыхъ молодцевѣ,—
Пробѣжали заставу великую.
Прибѣгають къ другой заставѣ великой,—
Ходить тутъ субой быстерѣ и валъ густой.
Микитушка высокой у руля стояль,
85. Оома широкій околъ паруса,
Потанюшка на носу стояль.
Стало тутъ корабликъ помѣтывать, побрасывать,
Микитушка палъ на черлѣнъ карапъ,
Оома широкій тоже палъ,
90. Потанюшка хроминькій поскакивать.
Пробѣжали ту заставу великую,
Прочухарились Оома и Микитушка.
Подбѣгають къ горамъ высокимъ, Крестамъ
Евангельскимъ,
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
95. «Есть тутъ у меня положеньице положено».
Приворотили его люди робочіе,
Пошелъ Васинька ко Крестамъ Евангельскимъ,
Помолился и исполнилъ свое положеньице,
И пошелъ—поворотъ назадъ.
100. Увидѣлъ-же Васинька: лежитъ голова человѣческа,
Онѣ стросью голову поколачиваль,
Самъ у головы спрашиваль:
«Ой ты, ой еси голова мертвецкая!
Если ты руська глава, я тебя погребу,
105. А невѣрна глава, такъ прокляну».
Говорить голова руськимъ языкомъ, человѣческимъ:

- Я невѣрна глава,—я лежу по лѣву руку крестовъ,
А ты будешь лежать по праву руку.—
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
110. «Ты сибѣ бы спала, да сибѣ видѣла».
Говорить голова человѣческа:
— Я сибѣ спала, да Васькѣ видѣла.—
Плюнулъ Васька ей, да оттуль прочь пошелъ.
Приходитъ онъ на черлѣнъ корабль,
115. Побѣжали впередъ въ Ерусалимъ градъ.
Даль имъ Богъ тишины пособныя,
Прибѣжали въ Ерусалимъ градъ,
Пошелъ Васинька ко гробницѣ Господней,
Положенъе обвѣщано положити.
120. Помолился онъ Господу Богу,
Забрала его жара,
Задумалъ онъ въ Ёрдань-рѣкѣ покупатися.
Говорять тутъ Васинькѣ Буслаеву:
«У насъ въ Ёрдань-рѣки не купаются, обливаются».
125. Не послушалъ онъ, покупался во Ёрдань-рѣки.
Затѣмъ пошолъ Васинька на черлѣнъ корабль,
Убирали тутъ сходеньки дубовыя,
Якоря заморскіе и давали поворотъ назадъ.
Бѣжать по матушки по Волховѣ,
130. Ко горамъ высокимъ, Крестамъ Евангельскимъ,
Видитъ Васинька лежить у крестовъ сѣръ-горючь-
камень.
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Приворотимъ къ горамъ высокимъ,
Посмотримъ, какой лежить тутъ камешекъ».
135. Приворотили его люди рабочіе,
Васинька коло камешка показивать,
Стросью камешекъ поколачивать,
Говорить таково слово:
«Давайте черезъ камешекъ скакать».
140. Стали напередъ глазами скакать его товарищи.
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Не честь-хвала напередъ глазами скакать,
Давайте лучше назадъ глазами скакать».
145. И всѣ они скочили и перескочили.

Сталь и Васинька назадъ глазами скакать,
Скочилъ назадъ глазами
И середка камешка обрюшился.
И тутъ ему смерть случилася.

29.

Пародія.

- Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уѣдено,
Не баско-хорошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
5. Походитъ Васинька на царевъ кабакъ,
Поноситъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнеми онъ принахлapyватъ,
Слѣпыми-те глазами онъ да прироспилькиватъ;
Приходитъ Васинька да на царевъ кабакъ,
10. Отдаватъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Проситъ за шапоцьку петьсотъ рублей,
А давають ему петь копеечекъ.

30.

Стенька Разинъ.

- Ай да во славномъ-то во Казани, ой во Ястрахани,
Проявился тутъ, да просвѣтилса чужъ-незнаемъ-
человѣкъ,
Ай да баско-де, хорошо-де онъ по городу похаживаетъ.
Ай да чернobarхатной на емъ кафтанъ, да на
роснашоцьку доржалъ,
5. Ай да изорванцятъ-то новой кушачекъ да по бѣлымъ
грудямъ да везалъ,
Ай да съ бурзументомъ его черна шляпа на жолтыхъ
его кудряхъ,
Ай да новобраны его перщаточки, ай да на бѣлыхъ
рукахъ держалъ,

- Ай да што зеленъ-то сафьянъ его сапожки, ай да на
рѣзвыхъ его ногахъ.
- Ай да баско-хорошо-де ёнъ по городу спохаживаётъ,
10. Ай да не штофамъ, онъ не ефицерамъ онъ не кланяйтсе,
Онъ гражданскому-то губернатору онъ челомъ ему
не бьетъ.
- Какъ увидѣль его да губернаторъ со своего со крыльця,
Онъ да началъ-почалъ его губернаторъ зычно
спрашивати:
«Ты откуль-же, какой-же ты дѣтинушка, незнаемъ-
человѣкъ?»
15. Ой да ты казанецъ, ты-ле нонъ резаецъ, ты-ле
астраханецъ?
А да отвѣчаетъ ему дѣтинушка, незнаёмъ-человѣкъ:
— Не казанецъ я-то, не резанецъ, я не астраханецъ,
Я со матушки-то я со Камы, Сеньки Разина сынокъ.
Ой да по утру-то ранымъ-ранѣшинько хотѣль батько
спобывать,
20. Ой да ты умѣй тогда гостя встрѣцетъ, умѣй потчовати.—
Ай да какъ за эти-ти его словеса да посадили молодца,
Ай да што во сáди-то, во посади, въ бѣлокаменну
тюрьму.
Ай да што сидить-то молодець да не печалуютсе:
Ай да што по ютру-ту ранымъ раненько плывѣтъ
шлюпоцька сверху,
25. Ай да на кормы-то сидить хозяинъ, ой да Сенька
Разинъ атаманъ.

31.

Донскіе казаки.

- Вдоль по крутинькому по красному бережоцьку,
Што по жолтому сыпучему песочку,
Туды ходили, гуляли добры молодцы,
Добры молодцы, робята—донски ка́заки,
5. Што донскія, да гребенскія, да запорожныя;
Они влели-заклинали славной-тихой Донъ:
«Ты не дай-же Богъ, Микола да на тихомъ Дону,

На тихомъ Дону середь лѣта о Перова дни да пересохнути,
Ты не дай-же Богъ, Никола во крещенскія морозы
перемёрзнути».

10. На тихомъ Дону потонуло да три карабля,
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
А другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
А третей-отъ карабъ да ' скатнымъ жамчюгомъ.
Мнѣ не жалко-то добру-молодцу да три карабля,
15. Только жалко-то мнѣ, молодцу, да три молодца,
Добры-молодцы, робята, да донски казаки,
Что донскіе, гребенскія, да запорожнныя.

32.

Подъ городомъ подъ Архангельскомъ.

- Ай подъ городомъ было подъ Архангельскимъ,
Да тутъ за стѣной было городовоей,
Тутъ стояла изба-ле новая, караульная.
Во этой избѣ новой караульнейей,
5. Восемьсотъ-то сидѣло добрыхъ молодцовъ,
Енна дѣвушка межъ има да замѣшаласе;
Во игры-то играть была она горазная,
Во игры играть, да мелки шахматы.
Она билась-то съ има да о великъ закладъ,
  10. Не сти рублей билась, не о тысящи,
О трѣхъ карабляхъ билась она, о черленныхыхъ.
Обыграла-то она удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Обыграла три карабля черленныи:
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
  15. Другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
Третьей-отъ карабъ да ' скатнымъ жамчюгомъ,
Обыграла она удалыхъ добрыхъ молодцовъ.

33.

Добрый молодецъ и разбойники.

Не путѣмъ шоль доброй-молодецъ не дорогой,
Приворачиваль ко кустышку ко ракитову,

- Што подь кустышкомъ разбойнички сидятъ, дѣль
дѣлятъ,
Они дѣль дѣлятъ, разбойнички, золоту казну,
5. Золоту казну, разбойнички, монастырьскую,
А того они монастыря сѣ селеньского,
Што того ищѣ Миколы всё светителя.
Ужъ прошаль у ихъ доброй-молодецъ—имъ во товарищи,
Не примають доброго молодца во товарищи;
10. Ужъ прошаль у ихъ доброй молодець таковá паю,
Не даютъ добру молодцу таковá паю;
Ужъ пошоль тутъ доброй молодець слѣзно расплакался.

34.

Смерть Александра I-го *).

- Кабы тутъ-же было да на светой Руси,
На светой-то Руси, да въ каменной Москвы,
У Ивана-то было у Великаго,
Ю Миколы-то было у святителя,
5. Во божьей-то церкви было соборной,
Ю обѣни-то было ю Микольской:
Тутъ ударили-же да въ большой колоколь,
Штобы слышно-то было нынь по всей земли,
Нынь по всей-то земли, по всей ярміи,
10. По любезной по нашей коноварди,
А по всимъ городамъ, нынь по всѣмъ селамъ,—
Нашъ приставилса какъ да благовѣрной чарь,
Благовѣрной-отъ чарь Олексанъ Павловичъ,
Онъ приставилса какъ да на синемъ мори,
15. На тёплой-де воды, на лѣтной заводи,
А на лѣтной-то тихой, на чёрномъ карабли.

*) «Старинку» эту слыла Ксенія Поздѣва, жена П. Р. Поздѣва.

8. Егоръ Ивановичъ Рочевъ.

Крѣпкій здоровый человекъ 61 года; очень гладко и складно, стариннымъ ясакомъ поетъ старины. Пѣть согласился неохотно, послѣ долгихъ упрашиваній. Кромѣ напечатанныхъ здѣсь, знаетъ старины: Дюкъ, Соломанъ и Васька Окуловъ, бой Ильи съ сыномъ. Имѣлъ я дѣло съ нимъ очень мало, спѣшно и болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ не имѣю.

35.

Добрыня и Маринка.

- А жила-была старушка тутъ-де старал,
Кабы были у ей ищо двѣ дѣвушки;
А пошли они-де брать да въ лѣсъ какъ ягоды,
А впередъ-отъ-де шли лѣсами тѣмными,
5. А назадъ пошли черезъ чисто-полѣ.
А идутъ-де они черезъ чисто-полѣ,
А увидѣли бѣжать нынѣ гнѣды туры.
А гнѣды-де туры да златорогіе.
Какъ домой тутъ пришли да эти дѣвушки,
10. Они стали старушкѣ какъ рассказывать:
«Охъ ты ой-де старушка нынѣ старая!
Мы ходили-де, брали сладки ягодки,
А назадъ-ту пошли черезъ чисто-полѣ,
А увидѣли бѣжать нонѣ гнѣды туры,
15. А гнѣды-де туры да златорогія;
Прежъ вѣдь бѣгало у Маринки-то деветь туровъ,
Нынѣ бѣжитъ у Маринки-то десеть туровъ,
А десять-отъ намъ туръ да придвигаитце,
А изъ глазъ-то бѣжать да горюци слѣзы».
20. Какъ на то была старушка какъ догадлива,
А хватала свою книгу волховную,
А смотрѣла, волховала въ книги волховной,
Говоритъ-то сама да таково слово:

- «А воровка Маринка-та лиха гроза,
25. Овернула моёго блада-хресника,
А того-де Микитушку Добрынюшку».
А хватала она шубу худящую,
А накирывала она вѣдь на онно плецѣ,
Какъ хватала она ' сабой клюку-посохъ,
30. Побѣжала старушка вдоль по городу,
Съ боку на бокъ старушка раскачалосе,
А у шубы-де клинѣ разлеталисе.
Прибѣжала къ Маринкѣ нонь лихой грозы,
Заходила она да въ избу нижнюю,
35. Забивалась на печьку на муравленку,
А какъ стала въ печь клюкой поколачивать,
А сама изъ рѣчей да выговаривать:
«Охъ воровка ты, Маринка, вѣдь лиха гроза!
Ты зачѣмъ ёвернула моего хресника,
40. Ты того-же Микитушку Добрынюшку?
Отверни-косъ моёго блада-хресника;
Не отвернёшь моёго ище хресника,
Оверну тебя кобылой водовозной,
Какъ вѣдь стануть на весь городъ воду возить».
45. Какъ на то-же Маринка не ослышалась.
Какъ другой-де разъ печь стала поколачивать:
«Отверни-косъ моёго блада-хресника,
Не отвернешь моёго ище хресника,
Оверну те я сукой волочавою,
50. Какъ вѣдь стануть за тобой пси бѣгать завсѣ нынѣ,
Какъ вѣдь тѣ-же вси пси городовыя».
Услыхала тутъ Маринка-та люта гроза,
Выходила она да на середку полѣ,
Какъ вѣдь стала ' старушкой розговаривать:
55. — Я за то овернула твоего хресника,
Онѣ застрѣлилѣ у меня друга любимого.—
Какъ вѣдь призвали Никитушку Романова,
А какъ стали его ище допрашивать:
«Ты за цѣ-де застрѣлилѣ друга любимого?»
60. Отвѣчатъ имъ Микитушка Романовичъ:
— Я вѣдь десять лѣтъ жилѣ ище въ кучерахъ,
Да я тридцетъ я лѣтъ сидѣлъ во писаряхъ,
Мнѣ сижаноцька эта какъ прискуцилась,

- Я какъ брать-де ' сабой да пше тугой лукъ,
65. Я какъ брать-де ' сабой да калену стрѣлу,
Я пошоль-де съ имъ да вдоль по городу,
Я иду-ле нынь да вдоль по городу,
Я увидяль какъ сидять у ей да сизы голубы,
Я какъ сталъ стрѣлетъ да сизыхъ голубовъ,
70. Я какъ стрѣлилъ-де нынь да сизыхъ голубовъ,
А подмѣтоцька у стрѣлочки подбилосе,
Полетѣла какъ стрѣлка ниже жолоба,
Залетѣла во окошечко косявчето,
Какъ въ окошечкѣ сидѣль у ей любимой другъ,
75. Залетѣла-де стрѣлка въ буйну голову,
Какъ вѣдь тутъ-же ему да смерть случиласе.—

36.

Данило Староильевичъ *).

- У ласкова князя у Владимира,
Кабы было пированье-столованье,
А на руськихъ на могущихъ на богатырей,
А на злыхъ паленицъ да преюдалныхъ,
5. А на тихъ на хресьянъ да православныхъ,
А на тихъ на бояръ на толстобрюхихъ;
А какъ пиръ-отъ идѣтъ у ихъ полупира,
А какъ столъ-отъ идѣтъ у ихъ полустола,
Кабы день-отъ идѣтъ у ихъ ко вечеру,
10. А бы солнышко катитсе ко западу;
Кабы всѣ-де сидять да на чесномъ пиру,
Кабы всѣ-де сидять да пьяны веселы,
Кабы всѣ-де сидять да веселѣшиньки,
Кабы солнышко-батюшко ' полухмеля
15. Какъ полу-де-хмеля сталъ, полуразума,
А по свѣтлой гринькѣ сталъ похаживать,
А ясныма-то оцями сталъ поваживать,
Тихо-смирную рѣчь сталъ выговаривать:

*) Эту же старину слылъ еще, а конецъ просто рассказал.—Описанъ Вокуевъ. Изъ его старины, что нѣтъ въ печатаемой, я буду приводить въ примѣчаніяхъ.

- «Вы вѣдь 'сѣ сидите у меня на чесномъ пиру,
20. Вы вѣдь 'сѣ сидите да пьяны-веселы,
Кабы всѣ сидите да веселѣшиньки,
А бы всѣ сидите у меня поженены,
А за всѣхъ за васъ красны дѣвушки повыданы,
Я единъ-то-ле князь изъ васъ холостъ хожу,
25. Я холостъ-де хожу, какъ не жонать живу;
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знатъ супружницу,
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знатъ любовницу,
А статнымъ-бы статну, возрастомъ полну,
Возростомъ-бы полну, кабы личомъ бѣлу,
30. А личомъ-бы бѣлу, кабы волосомъ русу,
Кабы сквозь-де рубашку тѣло видетче,
Кабы всяки-ти суставы чоловѣчески,
Да изъ ихъ-де, изъ ихъ удалыхъ молодцовъ».
А ставаѣтъ удалой доброй-молодечь,
35. А ставаѣтъ-де онъ да на рѣзвы ноги,
Говорить-то-ле самъ да таково слово:
«Ты позволь-ко-се, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ко-ле мнѣ да слово вымолвить,
Не позволь меня сказнить, скоро повѣсити».
40. Говорить-то-ле солнышко Владимиръ-князь:
— Говори-ко, молодець, да не юпадывай,
Не единого словечка не ютанвай — *).
«Я вѣдь знаю тибѣ нынѣ супружницу,
Я вѣдь знаю тибѣ нынѣ любовницу»,
45. Кабы есь-ле Данилка молода жона,
Какъ статнымъ она статна, ище возрастомъ полна,
Возрастомъ она полна, кабы личомъ бѣла,
Кабы сквозь ей рубашку тѣло видетче,
Какъ изъ кости-ле въ кость мозгъ переливантче,
50. Акъ скаченъ-де жомчугъ перекатаитсе,
А вѣдь та-ле тибѣ нынѣ супружница,
А какъ та-же тибѣ да любовничча».
Говорить-то-ле солнышко Владимиръ-князь:
— А можнѣ-ле у жива мужа жону отнетъ?—

*) А. Вокуевъ: Такъ говори, какъ въ трубу труби».
— Есть у насъ въ чистомъ поля шатеръ стоять,
А живеть тутъ Данилко Староньевичъ...

55. Говорить-то Визя да сынъ Лазуревичъ:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Созавемъ-ко мы Данилка да на почесенъ пиръ,
Подъ порогомъ ты-ле стрѣтъ да чарой винной,
Ты подашь-же ему да чару винную,
60. Ты за чарой ему да слово вымолви:
«У меня всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
«А тибѣ-де, Данилушко, надмѣчена:
«Тибѣ съѣздить-сходить да за синё морё,
«Тамъ за славны-ти Буяны, да славны острова,
65. «Тамъ подика-та звѣрища, тамъ по вопрыща,
«Привести-то ка' его ище не ранена,
«А не ранена привести да не кровавлена.
«Какъ оттуль-ли тамъ Данилку не приѣхати,
«Уведёмъ мы тогда его молоду жону».
70. Посылаютъ тутъ нынѣ князь да за Данилушкомъ,
А того-де Визю сына Лазурева *).
Какъ походить тутъ Визя да по Данилушка,
А походить-де онъ да скоро-наскоро,
Какъ завѣтъ-де Данилка на почесенъ пиръ,
75. Говорить ему Данилка какъ отвѣтъ доржить:
«Впереди меня-де не звалъ на почесенъ пиръ,
Дле чего меня заветъ ище послѣ пиру?
Не худо-ле въ уми да ище думаѣтъ?»
Говорить ему вѣдь нынѣ да молода жона:
80. — Ты не ходи-ко-ся, Данилушко, на почесенъ пиръ,
Не на добро тебя зовутъ вѣдь на остѣточкахъ.—
Говорить тутъ Визя да сынъ Лазуревичъ:
«А не велѣлъ тебя оставлять да ище солнышко».
Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сряжатисе,
85. Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сподоблетисе,
Унимать его, Данилка, молода жона **),
Унимать его, Данилка, крѣпко на крѣпко.
Какъ не послушалъ Данилко молоду жону,
А сряжайтце Данилко, сподобляйтце,
90. Поѣзжать-де Данилко на добромъ кони,

*) А. В. пѣлъ: А послали ту Олешинку Поповица.

**) А. В.: «Ты не пейко-ся у князи да зелена вина,
Не пропей-кось ты, Данилко, свой разума,
Поберегись-ко ты Данилко да доброй молодець.

- А поѣхалъ Данилко на почесенъ пирь;
Приѣждять ко князю ко Владимиру,
А слѣзывать-де Данилко со добра коня,
А привязывать Данилко къ дубову столбу,
95. А привязывать Данилко ко мѣдну кольчу,
А заходитъ во гринюшки во столовыи,
А какъ молитча Богу, Господу Богу;
Какъ стрѣчайтъ его князь да съ чесью, съ радосью,
Какъ подтаскивать чару зелена вина,
100. Подавать ему царю зелена вина,
Какъ оговариватця Данилко Староильичъ-блатъ:
«У кого эта цира нынѣ въ рукахъ право,
У кого-де въ рукахъ, да нынѣ тому въ устахъ».
Какъ на то-ле-де князь да былъ лукавъ-вилавъ,
105. Отвѣчаетъ-де князь да таково слово:
— А тебѣ эта цира нынѣ слѣдуетъ.—
Какъ берётъ тогда Данилко царю винную,
А какъ пьетъ-то-ле ей да къ едину духу,
Говоритъ-то-ле князь да таково слово:
110. «У мя всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
А тебѣ-же, Данилушко, надмѣчена:
Кабы съѣздигъ тамъ, сходитъ да на Буянъ островъ,
А по дика тамъ звѣрица ище попрыща,
Привести тебѣ звѣря нынѣ не ранена,
115. А не ранена привести, не кровавлена».
Какъ отгуль-де Данилко поворотъ даётъ,
А пошоль-де Данилко вонъ на улицу,
А отвязывать своего коня доброго,
А садитця на своего коня доброго,
120. Онъ поѣхалъ ' своему нову терему,
А какъ ѣдетъ по дорожкѣ прямоѣздеей,
Какъ повѣся-то доржитъ да буйну голову,
Потупя-де доржитъ да очи ясныя,
А сидитъ его нынѣ да молода жона,
125. Какъ сидитъ она въ окошечки косявчатомъ,
А увидѣла-де ѣдетъ къ ней Данилушко,
А выскакивала на крылечушко косявцато.
А стрѣцать-де Данилка Староильевича,
А сама-де ему да слово молвила:
130. «Оже ой еси Данилушко Староильичъ-бладъ!

- Уже што-же ты ѣдѣшь не по старому,
Оже што-же ты ѣдѣшь не по прежнему,
Повѣся-де доржишь да буйну голову,
Потупя-де доржишь да оци ясныя,
135. Але мѣсто тебѣ было не по разуму,
Але цыры тебѣ да не доходили?»
Отвѣчать тутъ Данишко Староильичъ-бладь:
— Охъ ты ой еси, моя да молода жона!
Миня звалъ-де-ле князь да на почесень пирь,
140. Подъ порогомъ меня встрѣтили царой виннойей,
А какъ молвили мнѣ слово тяжелое,
А накинули мнѣ служебку немалую,
Мнѣ вѣдь съѣздить-сходить да на Буянъ островъ,
Да по дика тамъ звѣрища, тамъ по вопрыща,
145. Привести его велятъ мнѣ-ка неранена,
А неранена велятъ, да некровавлена,
Какъ оттуль-то мнѣ живому не прѣхати.—
Говорить-то ему да молода жона:
«Ты не слушаешь меня ище молоду жону,
150. Ты гледишь на Визю да на Лазурьева».
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко срезкатися,
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко сподоблетисе,
Научать его нынь, Данилка, молода жона:
«Ты поѣдѣшь-ле нынь да на Буянъ островъ,
Ты возьми-ко ' сабой нынѣе шолковъ арканъ,
155. Ты возьми-ко съ собой да нудовой молотъ,
Ты возми-ко съ собой песькѣ безхвостого,
Ты возми-ко ' сабой суцьку тарявую,
Ты попадѣшь, бывать, да на Буянъ островъ,
Ты поѣдѣшь по острову великому,
160. Ты увидишь стоять да звѣря вопрыща,
Ты спусти напередъ песика безхвостого, *)
Ты затѣмъ-же спусти суцьку тарявую,
А какъ пѣсикъ его станеть кругомъ обскакивать,
Какъ вѣдь суцька-то станеть его облаивать,
165. Какъ на то-де-ле звѣрь да тутъ ослышитсе,

---

*) А. В. пѣль: Приказала она взять шолковъ арканъ,
Приказала она взять хлѣбцы подорожныя,
Приказала она взять Бѣлку-собачку.

- Тутъ направь-ко-де нынь да свой шолковъ арканъ,
Подъѣждяй къ ему нынь да ты скорешинько,
Ты накиньвай его своимъ арканомъ-же,
Ты захватывай за шею лошадиную,
170. Ты гони-ко-де тутъ да по чисту полю,
Ты вѣдь хлопай ему молотомъ вѣдь мезъ ушей,
Обуцитьце тогды звѣрь, да онъ смиренъ будетъ,
Ты веди-де тогды его домой право).
Какъ поѣхаль тутъ Данилко ' свою сторону,
175. Какъ повѣль де ' сабой да звѣря вопрыща,
Какъ вѣдь ѣдетъ по дорожкѣ прямоѣжжеей,
Какъ ѣдетъ, какъ гледить да по дорожецкѣ,
А какъ видить: на дороги стоитъ застава,
Какъ стоять-де-ле видить тридцеть три молодца;
180. Кабы взято съ сабой у его тридцеть двѣ стрѣлоцки,
Онъ кладеть эти стрѣлоцки ноньце въ тугой лукъ,
Онъ спускатъ эти стрѣлоцки въ этихъ молодцовъ,
Онъ убилъ вѣдь всѣхъ тридцеть два молодца,
А остался Визя изъ ихъ-де молодець,
185. Онъ на уходъ-де пошоль, отъ его ушоль,
Онъ запряталса край дорожки прямоѣжжеей.
Онъ-де ѣдетъ, Данилко, не опасайтце,
Онъ выскакивать удалой доброй молодець,
Онъ спускатъ ему стрѣлой ище каленоей,
190. Онъ спускатъ ищо ему да въ буйну голову,
Какъ вѣдь тутъ-же Данилку да смерть случилось.
Обирать Визя его ище добра коня,
Онъ поводитъ его со звѣремъ вопрыщемъ,
Пріѣжжкатъ онъ ко князю ко Владимиру,
195. Какъ вѣдь спрашивать у его ноньце Владимиръ-князь:
«Ты откуль-ле, Визя, взялъ нынѣ коня его,
Ты откуль-де ты взялъ да звѣря вопрыща?»
— Я увидѣль, я, стоитъ да ище доброй конь,
На дорогѣ стоитъ да прямоѣжжеей,
200. Онъ стоитъ-де со звѣремъ со всѣмъ съ вопрыщомъ,
Какъ вѣдь нѣту тутъ Данилка у его право.—
Посылать тутъ вѣдь князь да за Авдотьей нынь,
Посылать-то за Авдотьей дочь Микулисной,
Какъ походить-то Визя да сынъ Лазурьевичъ,
205. Какъ пришоль-де Визя да къ его молодой жоны:

- «А зовѣтъ-де тебя нынѣ Владимерь-князь».
Отвѣчатъ ему Авдотья доць Микулисна:
— Охъ ты, охъ есь ты воръ-же, Визя да ты Лазурьевичъ!
Погубилъ-де ты нынѣ Данилушка,
210. Погубилъ зачѣмъ ищѣ тридцать два молодца?
У васъ не то вѣдь въ уми да было думано.
Мы сходились когда да мы съ Данилушкой,
Мы сходились когда со Старонльичомъ,
А больша-де у насъ заповѣдь клажона:
215. А которой-де помрѣтъ, дакъ тутъ другой лягѣтъ.—
Какъ надѣвала платьѣ она худящое,
А хватала себѣ въ руки копейчо какъ,
Побѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Добѣжала до Данилка Старонльича,
220. Какъ вѣдь ткнула тупымъ концѣмъ въ сыру землю,
Говорила она да таково слово:
«Не достанься я вамъ ищѣ нынѣ куркати».
Какъ вѣдь пала она грудью на востро копьѣ,
Какъ вѣдь тутъ ей ищѣ да смерть случилосе.
225. Какъ оттуль-де Визя нынѣ пошолъ ищѣ,
Какъ пошолъ онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ пришолъ онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ вѣдь сталъ его спрашивать Владимерь-князь:
«Ты пошто не привѣлъ Данилкуву молоду жону?»
230. — Она убѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Какъ нашла-де Данилка Старонльича,
А какъ ткнула тупымъ концѣмъ въ сыру землю,
А какъ пала вѣдь грудью на востро копьѣ.—
Говорить-то тутъ солнышко Владимерь-князь:
235. «Охъ ты ой еси Визя да сынъ Лазурьевичъ!
Погубилъ ты у меня тридцать два молодца,
Погубилъ ты у меня ищѣ Данилка-же,
Погубилъ ты его да молоду жону».
Приказаль-де сдѣлать релю высокую,
240. Какъ повѣсить Визю сына Лазурьева,
Какъ разстрѣлилъ его да груди бѣлыя.

Анисимъ Вокуевъ пѣлъ немного, а конецъ разсказалъ такъ:
«Приѣхалъ Данилку ко синему морю, ко тихой заводи и запря-
талъ онъ своего коня доброго. Бѣльку спустилъ, ходитъ Бѣль-
ка колó синя моря и приманивать гусей, лебедей и малыхъ утя-

нышей и носить хозяйну, а Данилко самъ подь скрытіемъ. Тогда завидѣль дикой прыщъ, захотѣль онъ отъ собачки отбить гусей и утянышей, тогда сталъ подходить за собачкой, а Данилко направиль арканъ, подошолъ прыщъ, Данилко изноровился и кинулъ въ него арканомъ; накиннулъ, прихватилъ, привезалъ къ сыру дубу. Скакаль, билса дикой прыщъ, не могъ сорвать шолковъ-арканъ. Тогда подобралса къ нему Данилко, сталъ привязывать ко добру-коню, и ведѣтъ его за своимъ добрымъ конемъ о синѣ-морѣ. А этотъ Вижа снаредилъ свой черленъ карабъ досматривать Данилу и увидалъ Вижа изъ трубы подзорной, что ведѣтъ Данилко дика прыща. Тогда находить корабъ супротивъ его, начали палить, стрѣлять въ Данила, а онъ натенуль свой тугой лукъ и направиль свою калену стрѣлу, стрѣлилъ на черленъ карабъ, убилъ онъ много людей тремя стрѣлками, а больше у его не было. Тогда Данила съ карабля застрѣлили, взяли его добра-коня и дика-прыща, и привели ко князю Владимиру. Послали онетъ Олѣшиньку Поповича по Овдотью дочь Викуличну, Олѣша ей обсказалъ, что ее хотять за князя взять. Она поѣхала и говоритъ Владимиру князю: «покажите мнѣ Данила Староильича, я посмотрю его». Приказалъ князь. Повели ее. Посмотрѣла Овдотья Данилу и всё она усмотрѣла, что не самъ собой померъ, а что побить онъ отъ рукъ человѣческихъ. Схватила остро копье, ткнула она тупымъ концемъ въ землю, на вострой конечъ сама пала бѣлой грудью своей. «Гдѣ лежитъ, говоритъ, бладь-есень-соколъ, тутъ лежи лебедь-бѣлая—не доставайся князю Владимиру».

Присутствовавшій при разказѣ Вокуева Г. Чупровъ сказалъ, что онъ слыхаль, что Владиміръ услыхавъ объ этомъ сказалъ:—«Ладно говорилъ старъ-казакъ: изведите ясна сокола, не поймать бѣла лебедя».

А бывшій тутъ-же И. Булыгинъ добавилъ: «Время тибѣ Важа въ котли кипѣтъ». Стѣдовательно онъ слыхаль, что Вижу въ наказаніе сварили.

Ө. Чуркина говорила, что Вижа было убѣжалъ, но его поймали, посадили на ворота и разстрѣляли кислымъ молокомъ. Она-же сдѣлала предположеніе, что Данило Староильевичъ чуть-ли былъ не сынъ «старого», какъ обычно зовутъ на Печерѣ старъ-казака Илью Муромца. Что-то вродѣ того она слыхала отъ стариковъ.

37.

Димитрей Бранской и племянники короля
Лимбала.

- Кабы было у Лимбала у короля,
А какъ было пированье, столованье,
А про руськихъ могучихъ богатырей,
А про тихъ про хресьянъ да православныхъ.
5. Кабы всѣ-де сидятъ да на чесномъ пиру,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы,
Кабы всѣ-де сидятъ да веселѣшиньки,
А сидятъ-де у его нынѣ два племянника,
А они-де сидятъ да призадумались;
10. А какъ 'сѣ-де сидятъ да приросхвастались:
А иной-отъ-де хвастать золотой казной,
Кабы дикоеть хвастать молодой женой,
Кабы умноеть хвастать старой матерью,
Кабы мудрой-отъ хвастать добрымъ конёмъ,
15. А на то-де-ле Лимбалъ-король сидитъ нынче,
А сидитъ-де на лавкѣ на нихъ поглядывать,
А говоритъ-де-ле самъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси мои ронны племянники!
Вы-де што сидите бытто призадумались?»
20. Вы-де што сидите не чимъ не хвастайте?
У васъ нѣту-ле нынѣ бутто золотой казны?
У васъ нѣту-ле нынѣ ищѣ добрыхъ коней?
Але нѣту-ле нынѣ своей удачушки?»
Отвѣчаютъ ему ронны племянники:
25. — Охъ ты ой еси, ты нашъ родной дядюшка!
Мы вѣдь вотъ чѣ сидимъ да въ уми думаемъ:
Мы вѣдь хоцѣмъ какъ ѣхать нынѣ ко Митрею,
Посмотрѣть-ле какъ хоцѣмъ нынѣце Митрея,
А ужъ дай-ле ты намъ благословеньичо.—
30. Говоритъ-то Лимбалъ король Литовскіи:
«Я не дамъ-ле вѣдь вамъ благословеньичо,
Вамъ вѣдь къ Митрею ѣхать нынѣ да не пошто,
Вамъ у Митрея нынѣ да дѣлать нечего:
Я не хуже васъ былъ да въ молоду пору,
35. Я тегалса со Митреемъ вѣдь тридцетъ лѣтъ,
Я не могъ унести верха у Митрея,—

- Какъ на то вѣтъ Митрей былъ хитѣръ-мудѣръ,
Какъ водою онъ ходилъ да рыбой-щукою,
По-поднебесью леталъ да яснымъ соколомъ,
40. По-подземелью ходилъ бѣлымъ горносталѣмъ,
Какъ вѣтъ черныи грязи чѣрнымъ мядвѣдѣмъ,
А дыбучи болота-ги сѣрымъ волкомъ;
Вамъ у Митрея-то нынѣ да дѣлать нечего,
Вамъ вѣдь взять-де у Митрея да нечего;
45. А больша-де у насъ съ нимъ да заповѣдь клаждона:
А шtbody некоторой не на которого не находить больше,
Мы которой найдѣмъ, дакъ-по колѣнямъ ногъ,
Мы у того-де по колѣнямъ ноги отрѣзати,
Какъ другой-де найдѣтъ, дакъ глаза выкопать».
50. А отвѣчаютъ на то ему племянники:
— Охъ ты ой есь, ронной нашъ нынѣ дядюшка!
Ты вѣдь дашь намъ пойдѣмъ, нынѣ не дашь пойдѣмъ.—
Какъ поѣжжаютъ удалы-добры-молодцы,
Поѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
55. Какъ поѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А поѣхали по дорожкѣ прямоѣжжеей,
Кабы ѣдутъ они да скоро наскоро.
А какъ ѣдутъ удалы-добры-молодцы,
Подѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
60. Какъ прѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А какъ дома-де Митрея не случилось,
Какъ привелася-то-ле дома одна служаноцька,
А случилася у Митрея дома племяннича,
Да случилса у его ище племянничѣкъ,
65. А племяденка была ище шеснатцеть лѣтъ,
А племянничѣкъ былъ да девети годовъ;
Какъ они-же-ле тутъ да испужалися,
Какъ они-же-ле тутъ да перепалисе,
Какъ испужалася его нынѣ служаноцька,
70. А бросилася она да вонъ на улицу,
А запряталася въ конюшну во дворовую.
А они стали бунтовать, всё какъ банкѣтовать,
А получше-ле стали какъ ' сабѣй какъ клась,
Тутъ его-де сидитъ да какъ племяденка,
75. А его-де сидитъ молодой племянничѣкъ,
А сидятъ-де, глядятъ они, поглядываютъ.

- Они склали-де всё да какъ нынѣ обрали,
Запрегли-де коней да ново-Митриевыхъ,
Повезли-де съ сабой да которо лучше,
80. А племяденку какъ эту нынѣ съ сабой берутъ,
А племянничка этого съ сабой берутъ;
Какъ ищѣ была Присвета-Мать-Богородича,
Да топтали ей ' ворота нынѣ, въ грязь право,
Тутъ отправились они да въ свою сторону,
85. Роспустошили тутъ у Митрея, всё розвѣяли,
Разметали всё у Митрея поло-наполо.
А на то было у Митрея у Браньского,
Какъ вѣдь были три ворона кормлѣныи,
Какъ кормлѣныи вороны, приучѣныи,
90. А ддя случаю-де Митрею—вѣсти сказывать;
Какъ увидѣли эти вороны кормлѣныи,
Какъ увидѣли у Митрея всю неладичку,
Полетѣли вороны да во чисто полѣ,
А искать-де-ле нынѣ да право Митрея;
95. Какъ поднелись-де они да высокохонько,
А увидѣли въ чистомъ поли стоитъ бѣль-шатѣрь;
Прилетѣли эти вороны къ бѣлу-шатру,
А садятся эти вороны на бѣль-шатѣрь,
А другой воронъ садитче нынѣ на матушку,
100. Онъ на матушку садитца на сыру-землю,
А третѣй воронъ садитца какъ на сырой дубъ.
Какъ програивать тутъ воронъ на сыромъ дубу,
А какъ сѣроетъ дубъ да раскачайтце,
А вершинами вмѣсто заплетайтце,
105. Какъ-де Митрей-де Бранской не пробудитце,
Богатырской его сонъ не упомѣститце (такъ!);
Какъ програивать-де воронъ нынѣ на матушкѣ,
А на матушкѣ програивать сырой-землѣ,
А какъ тутъ-де-ле Митрей не пробудитце,
110. Богатырской его сонъ не упомѣститце;
Какъ програивать-де воронъ на бѣломъ шатру,
Какъ шатѣрь весь у Митрея росколыбайтце;
Какъ топерече Митрей да пробужайтце,
Какъ выходитъ-де Митрей да изъ бѣла-шатра,
115. Какъ выходитъ-де онъ да вонъ на улицу,
А глядитъ-де онъ, смотритъ на вси стороны,

- А сидятъ его-де вороны кормлёныя,
Розсуждать-де-ле Митрей сталъ промежу собой:
«Винно есь у меня дома неладичка,
120. Принесли миѣ-ка вѣсь винно не малую.
Какъ-де тутъ-де-ле Митрей нынѣ Бранскія
Заревѣль, закрычалъ да тутъ во турей рогъ,
Набѣжалъ-де его да нынѣ доброй конь,
Прибѣжалъ его конь да изъ чиста поля;
125. Какъ ималь-де своѣго коня доброго,
А ималь-де его да скоро-наскоро,
Онъ садилса на его нынѣ скорешинько,
Онъ приправу себѣ бралъ да богатырскую,
Отправлялса скоре да въ свою сторону;
130. То поѣхалъ-де Митрей какъ скорешинько,
Выѣжжалъ со полей да на дороженьку,
Выѣжжалъ на дорогу прямоѣжжую,
Онъ поѣхалъ по дорогѣ прямоѣжжоей,
Замѣчатъ-де-ле сталъ какъ нынѣ ископытъ:
135. «А какъ ѣхали винно миѣ да неприятели.
Подѣѣжжатъ-де ' своему нову терему,
А глядять-де онъ, смотрять какъ на свой-де домъ,
А какъ у дому—глядять—всѣ розвоевано;
А подѣѣхалъ тутъ-де Митрей къ своему дому,
140. Какъ слѣзывать тутъ-ле ѣнъ да со добра коня,
А завязывать къ ограды ко своей право,
Какъ пошолъ онъ по своей да нынѣ улицѣ,
А увидѣль Присвяту-Мать-Богородичу,
А увидѣль-де ей—она въ грезѣ лёжить;
145. А берётъ ей Присвяту-Мать-Богородичу,
Обтирать-де на ей да грезь великую,
А заносить-де ей да нынѣ въ домъ право,
Какъ стояла она нынѣ, какъ въ томъ мѣсти,
Какъ поставилъ-де ей нынѣ попрежнему,
150. А змолилса-де ей да Господу Богу:
«Присвята ты-ле Мать да Богородича!
Ты постой-ко за вѣру за великую!
А кто-ле надо мной этта нагалилса?
А кто-ле надо мной этта накуражилса?
155. Ты не выдай, Присвята-Мать-Богородича!
А вѣдь вѣрной пріѣжжалъ, нонѣ не вѣрной нынѣ?»

- А послѣ того-де Митрей сталъ осматривать,
Обходили-де по своѣму дому доброму,
А затѣмъ-де пошолъ по конюшнямъ дворовымъ,
160. А нашель-де въ лѣсныхъ лежитъ служаноцька.
Вотъ нашолъ онъ свою нынѣ служаноцьку,
А какъ сталъ-де у ей ищѣ выпрашивать:
«А какъ хто-де какъ этга нынѣ былъ-ле здѣсь?»
Отвѣчать ему его нынѣ служаноцька:
165. — А какъ были нынѣ здѣсь ищѣ два молоцца,
Я незнаю ихъ, они да нынѣ откуль право,
А незнаемы они, будто невѣдомы,
Какъ увезли-де твою ' сабой право племяннику,
Какъ увезли-де твоего ' сабой право племянника.—
170. Какъ-ле тутъ сталъ Митрей скоро снаряжатисе,
Какъ-ле тутъ сталъ Митрей сподоблетисе,
Какъ вѣдь за има да нынѣ въ сугонъ право,
А берѣтъ съ собой приправу нынѣ всякую,
Какъ поѣхалъ тутъ-ле Митрей скоро наскоро,
175. А какъ гонитца за има ищѣ скорешинько,
Выѣзжать на поля ищѣ на чистынъ,
А тамъ видно стоитъ ищѣ черной шатѣръ;
Подѣѣзжать-де-ле Митрей какъ близѣшинько,
У шатра-де не хто да не являйтца;
180. Какъ ставаѣтъ-де Митрей на добромъ конѣ,
Какъ спускаѣтъ своего коня доброго,
Какъ овѣртывайтце Митрей чернымъ мѣдвѣдѣмъ,
Онъ какъ сталъ у ихъ гонеть да коней добрыхъ,
Угонилъ у ихъ коней нынѣ какъ бѣзвѣсти;
185. Прибѣгать-де назадъ да скоро наскоро,
Овернулса потомъ Митрей бѣлымъ горносталѣмъ,
Подбѣгать онъ-де къ ихному какъ поклажу,
Какъ вѣдь сталъ у возовъ да всё осматривать,
Онъ какъ всё-ле какъ сталъ у ихъ выематривать,
190. Онъ у ружей сталъ спуски зубами выколупывать,
У копейчей насадочки сталъ отгрызывать,
Какъ вѣдь сабельки всё да въ лѣсъ нынѣ вытаскать;
А потомъ-де-ле Митрей какъ поскакивать,
А подскакивать-ле Митрей какъ ' черну шатру,
195. А потомъ-де-ле Митрей сталъ заглядывать,
Подъ полу сталъ-де Митрей какъ выематривать,

- Какъ вѣтъ што-де въ шатри да ищэ дѣйтцэ, —
А сидятъ-де они да потѣшаютцэ,
Какъ вѣдь въ карты-де сами какъ розыгрываютъ,
200. А его-де-ле племенничка пригорюнилась;
Какъ затѣмъ-де-ле Митрей какъ заскакивать,
А заскакивать-де Митрей нынче въ чѣрнѣ шатѣрь,
По шатру тутъ-де Митрей перескакивать;
Увидаль-де его ронной племянницѣкъ,
205. Говоритъ-то-ле онъ ищэ своей сестры:
«А сестра ты моя нынче родимая!
А не нашъ-ле это дедюшка поскакивать?»
Отвѣчатъ-де она ему таково слово:
— А откуль у насъ будѣтъ нынче дядюшка?—
210. Какъ на то-ле ёни *) да какъ угрогнули,
Какъ они-де съ того стали поглядывать,
Какъ они-де съ того стали досматривать,
Какъ сидятъ-де они ищэ караулятъ нынѣ.
А на то былъ-де Митрей онъ лукавъ-вилавъ,
215. Онъ опеть черезъ шатѣрь опеть проскакивать,
Онъ опеть побѣжалъ да по черну шатру;
Ухватилъ одинъ удалой-доброй-молодецъ,
Ухватилъ-де онъ нынче свою шубу,
А накидывать его, бѣла-горносталя,
220. А какъ падать на свою шубу, захлупывать;
Какъ на то былъ-де Митрей какъ догадливой:
Рукавомъ-де изъ подъ шубы вонъ вычихиваль,
А какъ выскочилъ-де онъ да вонъ на улицу,
Овернулса-де онъ да добрымъ молодцомъ.
225. А выскакивали удалы-добры-молодцы,
Какъ бросаютце ко своимъ нынче приправамъ какъ,
А у ружей какъ спуски росколупаны,
У копейчей насадки переѣжены,
Какъ вѣдь сабельки-те въ лѣсѣ у ихъ упрятаны,
230. Имъ какъ дѣлать-то вѣдь стало да нынче нечего.
Какъ вѣдь тутъ-ле вѣдь Митрей право Бранскіи:
«Васъ вѣдь хто же ѣтправиль ко мнѣ право?
А своимъ-ле умомъ, ле ронной дядюшка?
У насъ больша-де была да заповѣдь клажена,
235. Не находить штобы вашему дядюшкѣ,

*) Племянники Лимбала-короли.

- И штобы мнѣ не находить на вашего дядюшку,—
Вы своимъ-ле умомъ да нынѣ прїѣхали,
Але дядюшка-ле васъ нынѣ ѣтправиль мнѣ?»
Отвѣчаютъ они ему, отвѣтъ доржатъ:
240. — Мы своимъ-де умомъ да нынѣ здумали».
Онъ схватиль-де-ле ихъ да за черны кудри,
Онъ отрѣзывать у онного ноги рѣзвыи,
У другого глаза да живкомъ выкопаль.
«Ты безглазой неси, безногой указывай!
245. Вы вѣтъ потѣте-ко къ дяди да . . . . съ выслутой».

38.

Пародія *).

- А было у Васьки у Захарова,
Не упито было, не ухожено,
Не баско-хорошо было не уношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
5. Кабы Васинька Захаровъ какъ домой пришоль,
А принесъ-де-ле онъ да зелена вина,
А какъ по полу сталь Васька похаживать,
А сухи-де тюни да сталь ростоптывать,
А затѣмъ-де-ле сталь да выговаривать:
10. «Ужъ вы подѣте-ко, сходите нынѣ по Васиньку,
Ужъ по Васиньку-де нынѣ по Ханавова,
Вы затимъ ищѣ сходите по Онику,
По Онисима, сходите, по Захарова,
Вы сходите по Ераку Большебородого,
15. Вы сходите по Панка да ищѣ русого».
Какъ собрались-де удалы добры молодцы,
Какъ сидѣли они, пили чѣлы суточки.

*) Васька Захаровъ и ир. имена - все Устцылемы-пропоицы, на которыхъ и составлена пародія. Н. О.

9. Григорій Ивановичъ Чупровъ.

Низкорослый, плечистый, съ копной густыхъ волосъ и густой окладистой бородой, вѣчно на сторону, вдобавокъ кривой, Григорій Ивановичъ, по уличному — „Калямичъ“, вѣчно весель, никогда не унываетъ, вѣчно шутить и смѣется, несмотря на свои полсотни лѣтъ.

Г. И. собственно сказочникъ и среди нихъ мнѣ придется поставить его на первое мѣсто по мастерству разсказа, но знаетъ онъ и нѣсколько старинъ, которыя всѣ поетъ однимъ скоморошымъ ясакомъ. Онъ много занимается извозомъ, вездѣ бывалъ, слыхалъ много старинъ, всѣ ихъ знаетъ по содержанию, да еще не въ одномъ вариантѣ; пожалуй споетъ по кусочку изъ любой изъ нихъ, но цѣликомъ знаетъ немного. Сказокъ за то знаетъ Г. И. бездну и длинныхъ и короткихъ, и серьезныхъ, и смѣшныхъ, но съ особою любовью разсказываетъ „про поповъ“. Какъ и всѣ, устьцылемы Г. И. старообрядецъ, но очень терпимъ ко всѣмъ и кой-что въ старообрядствѣ кажется ему и дико. Онъ самъ пришолъ ко мнѣ и предложилъ разсказать сказку, а потомъ уже почти каждый день ходилъ, то разсказывать, то слушать другихъ. Я взялъ его ямщикомъ, когда поѣхалъ, по снѣгу еще, на р. Пижму, и Григорій Ивановичъ оказывалъ мнѣ неоцѣнимыя услуги. Всю дорогу онъ безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны разсказывалъ сказки и это должно быть было удовольствіе и ему самому. Когда въ деревняхъ по утрамъ я, бывало, еще сплю, а онъ уже обѣгаетъ деревню, узнаетъ, кто поетъ старины, позоветъ сказателей ко мнѣ, уломаетъ, если нужно; узнаетъ, кто старинщики въ другихъ деревняхъ. Помогалъ онъ мнѣ разыскивать и рукописи и все это съ величайшей услужливостью и охотой. Григорій Ивановичъ хотя и небогатый, но хорошій хозяинъ: маленькій домикъ его стоитъ окнами на Печору и весь въ порядкѣ: крыша осмолена, дверь въ сѣни не болтается, вокругъ чистота, все при-

брано и подметено; домовитость и чистота и въ домѣ: полы и стѣны всегда чисты, кадучки и ведра окрашены, все вымыто и блеститъ. Но былъ и „грѣхъ“ въ жизни Г. И., этого вѣчно смѣющагося, никогда не унывающего человѣка. Въ деревнѣ рассказывали, что онъ „неладно“ жилъ съ женой... Съ новой подругой жизни Г. И. живетъ хорошо, вотъ уже 15 лѣтъ. Водки теперь Г. И. не пьетъ, а потому, вѣрно, и не дерется. Отъ первой жены у него сынъ Иванъ, 17 лѣтъ, грамотный, имѣющій большую склонность къ старообрядчеству и, чуть-ли не будущій начетчикъ. Г. И. извозничаетъ, ловитъ рыбу, возитъ пассажировъ, поторговываетъ немного, не отказывается вообще ни отъ чего. Онъ долго служилъ по выбору въ должности „землемѣра“, такъ какъ имѣетъ особую склонность къ выкладкамъ разнаго рода: никто лучше его не высчитаетъ число квадратныхъ верстъ въ спорномъ, имѣющемъ неправильную форму участкѣ пашни или покоса, а отъ бездѣлья онъ беретъ за разрѣшеніе диковинныхъ задачъ, удивляя этимъ чуть-ли не всю Печору. Такъ, уложивъ въ вершокъ иголки, вплотную одна къ другой, онъ высчиталъ, сколько ихъ уйдетъ въ версту, а потомъ и до любого мѣста. Желая огоршить когонибудь, онъ спрашиваетъ: „А ты знаешь сколько уложится иголокъ до Петербурга?“ Самъ онъ это высчиталъ и назвалъ мнѣ какую-то огромную цифру въ билліардахъ, о которыхъ онъ знаетъ, изъ календаря, хотя и неграмотный.

39.

Михайло Казаринець.

- Матвѣй-го, Лука дѣти Петровици,
Третей-отъ Михайлушко Козаренець.
На родимахъ Михайлушка испортили,
Его отдали къ бабушки задворенки,
5. Да отдали къ бабушкѣ водитисе,
Да водилась съ нимъ бабка до семнадцать лѣтъ.

- Ковда сполнилось Михайлушку семнадцети лѣтъ,
Да можоть Михайлушко конѣмъ владать,
Ищѣ можоть Михайло во сѣдлѣ сидѣть,
10. Какъ просилъ онъ у бабки благословленьицо,
Какъ съѣздить-то онъ да во чисто полю.
Давала ему бабка благословленьицо,
Посылала Михайла къ отцу къ матери,
Пошоль какъ Михайло къ отцу къ матери,
15. Просилъ онъ, Михайло, у отца у матери,
Просилъ онъ, Михайло, благословленьицо,
Съѣздить-то онъ да во чисто полѣ,
Давають отецъ, мать благословленьицо,
Посылають Михайла да на конюшенѣ дворѣ;
20. Вотъ походитъ Михайло на конюшенѣ дворѣ,
Выводитъ зеребчика семи цѣпей,
Семи какъ цѣпей, да семи розвезей.
Овернулъ онъ зеребчика кругомъ себя,
Накинулъ на зеребчика руку правую,
25. Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ѣсѣлъ тутъ зеребчикъ до подбрюхъ въ землю;
Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычаю молодецкому.
Ѣнъ выводитъ зеребчика девети цѣпей,
30. Девети онъ цѣпей, девети розвезей,
Ѣвернулъ онъ зеребчика кругомъ себя,
Какъ накинулъ на жеребчика руку правую,
Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ѣсѣлъ тутъ жеребчикъ до колѣнъ въ землю;
35. Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычью молодецкому.
Да вывелъ жеребчикъ о двѣнадцать цѣпей,
Какъ двѣнадцати цѣпей, двѣнадцати розвезей,
Овернулъ онъ жеребчика кругомъ себя,
40. Да накинулъ на жеребчика руку правую,
Не могъ устоеть конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Осѣлъ тутъ жеребчикъ до щетоцѣкъ;
Ему ётая лошадь какъ по разуму,
По тому какъ обычью молодецкому.
45. Онъ сѣдлалъ-ле, юздалъ да коня доброго,
Онъ двѣнадцать цѣпей да черезъ степь металъ,

- Онъ тринадцать подпругъ да самъ подстегиваль,
Черезъ ту какъ хребетницу лошадинную,
Вотъ не ради басы самъ, ради крѣпости,
50. Не оставилъ штобы доброй конь въ чистомъ поли;
Тутъ не видѣли поѣздки да молодецкой,
Тезолой побѣжки да лошадиной,
Только видѣли саженье молодецкое,
Въ стремяна онъ ступилъ, да на коня скочилъ,
55. Въ стремяна онъ ступилъ—курива стоитъ,
На коня онъ скочилъ, дакъ дымъ столбомъ валить.
Какъ гонитъ молодець по роздольичу,
Только сивая грива ростилаитце,
Какъ хвостъ-отъ трубой да завиваитце;
60. Ъдутъ-ле въ полѣ да три тотарина,
Везутъ какъ дѣвицу да благо-красную,
Да плачѣтъ дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Меня вынеси, Микола, да изъ невѣрной земли!»
65. Какъ первой тотаринъ да уговаривать:
— Не плачь ты, дѣвица, не печалуйся,
У мяя есть, дѣвица, да чадо милое,
Возьму я тебя да за его взамужъ.—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
70. Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, да изъ невѣрной земли».
Какъ другой-отъ тотаринъ да уговаривать:
— Ты не плачь-ко, дѣвица, да не печалуйся,
75. Я возьму какъ тебя да за себя взамужъ».—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, Микола, изъ невѣрной земли».
80. Какъ третей-отъ тотаринъ да наговаривать:
— «Ты не плачь-косъ, дѣвица, да не печалуйсе,
У мяя есь-ле дѣвица да сабля вострая,
Не о цю она шею не кровавлена,
О твою её шею да окровавлю ей.—
85. Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколѣ да Богу молитца:

- «Ты Микола, ты светитель, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, изъ невѣрной земли».
Какъ не вѣтру полоска перепахнула,
90. Нагонилъ тутъ Михайлушко Козаринець,
Онъ одного тотарина конемъ стопталъ,
Ёнъ другого тотарина копѣемъ скололъ,
Да и третьего тотарина саблей смахнулъ,
Онъ-де взялъ-де дѣвицу да блады-красную,
95. Взялъ-то дѣвичу себѣ да на добра коня,
Повѣзь-ле дѣвицу да изъ чиста поля,
Вотъ какъ та нонь дѣвичка да ему сестра,
Да привѣзь онъ къ своему къ отцу, къ матери.

40.

Егорій, Катерина и Мать.

- Ай поѣхалъ Егорей на службу,
Онъ на царскую, на восударску;
Своей матушкѣ да покорился,
Въ рѣзвы ножоньки да поклонился:
5. «Охъ ты матушка моя родима!
Ты напой, накорми мою княгиню,
Молодую жону Катерину».
Его матушка да сожалѣлась,
Парну баенку да истопила,
10. Сѣръ-горюцѣй-ле камень накалила,
Востры ножики да наточила,
Ожъ-бы бѣлыя груди распорола,
Изъ утробы бладея вынимала,
Вотъ во пелены да пеленала,
15. Вотъ во поесы да поесала,
Вотъ во пелены да берщятыя,
Вотъ во поесы да шелковыя,
Вотъ въ синее море бросала;
Вотъ-бы синее морѣ не примаѣтъ,
20. Да ко бережку-ле прижимаѣтъ.
Ай да ѣдетъ Егорей-отъ со службы,
Онъ со царской, со государской,

- Его конь-отъ-ле да задыхатца,
За силименку да запинатца.
25. «У мя есь винно въ доми несчасье,
У мя есь винно въ доми нездоровье».
А прѣхаль Егорей-отъ со службы,
Ёнь со царской, со государской,—
Его матушка лежитъ неможоть,
30. Молодая жена подъ светыма,
Малы дѣточки да сиротують.

41.

Небылица про льдину и карабль.

- Во столнѣмъ во городѣ во тусѣ,
За сильнѣй стѣной было за жорновомъ,
Серьди было моря ище синѣго,
Была тутъ-де льдина нонь великая,
5. На ей былъ городовоеть хозяинъ-отъ,
Нековды эта льдина-га не таела.
Серьди лѣта это было ё Петрова дни,
Тогда эта льдина-га растаела,
Потонуль городовоеть хозяинъ-отъ,
10. Да не стало во городѣ хозяина,
Да не стало во тусѣ' управителя.
Роздралисе невѣски со золовками,
Тима нонь саблями всё лопатами,
Тима-ле щиками все юхватами,
15. Буёвыми палицьми мutowками,
Питья-ти ле ѣства они въ полонъ взяли,
Пирогн, это-ле шаньги во полонъ взяли,
Прѣсно-то молоко ёни проплили,
Прѣсно-то молоко-то на юходъ ушло.
20. Бѣжитъ какъ караблицокъ изъ за моря,
Не чёрнѣной караблицокъ не кочѣрненной,
Хорошо былъ карабликъ изукрашеной,
Да носъ-отъ корма да по звѣрному,
Ищѣ хоботы мецѣть по змѣиному,
25. На носу-ту стоитъ росматривщикъ,

- На кормы-то сидитъ ищѣ росправщицокъ,
Среди какъ караблицька роспорядчицокъ:
Сѣрой-отъ волкъ стоитъ розсматривать,
Да быкъ-отъ сидитъ ищѣ приправливать,
30. Медвѣдь-отъ сидитъ роспоряжайтце,
Да заюшко тутъ бицовой бѣжитъ,
Лисичка изъ за кустика выглядывать,
Какъ-бы зайка укрась, какъ бицеву сорвать.

42.

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

- За Костринскимъ-то было славнымъ городомъ,
За Костринскими было за воротами,
Тамъ стояла-де да темна-тѣмница,
Зла-злодѣюшка да земляна тюрьма
5. И немшоная тюрьма, да непажоная;
Ворота-ти, двери были жалѣзныи,
Ободверенки-ти были укладныи,
Пробойчики были булатные,
Замочикъ-отъ былъ да ровно три-пуда,
10. Ключекъ-отъ былъ да полтора-пуда;
А сидѣлецъ-отъ былъ да тутъ донской казакъ,
Чернышовъ Захаръ да сынъ Григорьевичъ,
Сеньки Разина былъ племянникъ,
Оружейной былъ онъ заговорщикъ,
15. Карабельнѣй былъ онъ постановщикъ.
Во тюрьмы-то сидитъ онъ посиживать,
И во гусельцы самъ возыгрывать,
Таки рѣчи да выговаривать:
«Зла-злодѣйка ты да земляна тюрьма!
20. Ты немшоная, да непажоная,
Надѣлѣ-ле ты мнѣ досталосе?
Але на жеребью ты мнѣ повыпала?
Але изъ роду мнѣ-ка Богъ судья?»
Изъ-за галани тутъ карабъ бѣжалъ,
25. Бѣжалъ карабъ—тутъ Брюнской король,

- Ко тюрмы корабъ приворачиваль,
У тюрмы король стояль выслушиваль:
— Ой еси ты, донской казакъ,
Чернышовъ ты Захаръ Григорьевичъ!
30. Сколь служилъ ты да царю Бѣлому,
Послужи-ко мнѣ другáстольки.
Есле послужишь, дакъ я и выпущу.—
На то сидѣлецъ тутъ отвѣтъ держаль:
«Была кабы у меня да сабля вострая,
35. Послужилъ бы я тебѣ да по бѣлой шеѣ».

43.

Александръ I.

- Отправлялся Олександръ нашъ
Во Кандрокъ войско смотрѣть,
Обѣщался Олександръ нашъ
Къ Рожоству домой прибыть,
5. Всѣ три празднича проходятъ,
Олександра дома нѣтъ.
Его матушка родная
Слѣзно плакала объ ѣмъ,
Молода жона-супруга
10. Сгоревалася съ по ѣмъ:
День горюеть, ночь не спить,
Да всё въ окошечко гледить.

44.

Пожаръ въ Ярославлѣ.

- На крутой горы, да на высокой,
Испостроился да тутъ-де новъ городъ,
Краше Кіева, краше Питера,
Краше матушки славной каменной Москвы,
5. Лучше каменного-то строеньца.

- Что не пыль въ поли воспылуитса,
Не туманъ съ моря подымается,
Еруславъ городъ загораетса,
Ай да енны лавочки да оставаются;
10. Въ этой лавочки молодой купечъ,
Молодой купечъ, доброй молодець
Ёнъ ходилъ-то-ле вдоль по городу,
Ёнъ крычалъ-то-ле громкимъ голосомъ:
— Вы дружья-ле, братья, пріятели!
15. Еруславскія спобыватели!
Памогите мою горюшку,
Пособите отнять эту лавицу:
Въ этой лавицѣ дорогой товаръ,
Дорогой-ле товаръ да скатной замчугъ,
20. Вотъ скатной замчугъ, красное золото.

10. Димитрій Карповичъ Дуркинъ.

Это съ большимъ сомнѣніемъ, рѣдкимъ въ деревнѣ, высокій, ражій бородачъ 40—45 лѣтъ, очень многоглаголивый, все и вся критикующій, а себя превозносящій. Въ мой первый прїездъ на Печору онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ 70 старинъ, которыя нынче превратились уже въ 40, но онъ не знаетъ и столько. Старинъ Д. слыхалъ много и, пожалуй, всѣ начнетъ какъ слѣдуетъ пѣть, а затѣмъ ужъ и пойдетъ отсебятина. Мнѣ показалось, что онъ кой-что присочинялъ во время самого пѣнія: старины онъ старается пѣть какъ можно дольше и ввести какъ можно больше новыхъ эпизодовъ, чтобы его старина была не такая, какъ у всѣхъ. Д. религіозенъ, много разсуждаетъ про „божественное“; на Пасхѣ онъ, напр., не хотѣлъ мнѣ пѣть старины, потому что — грѣхъ, а послѣ Пасхи пѣлъ только по воскресеньямъ.

45.

Дунай Ивановичъ.

- Во городѣ стольномъ Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Завелся у князя почесенъ пирь,
На тѣхъ князей, боярь толстобрюхінхъ,
5. На дальныхъ гостей—купцей торговыхъ,
На честныхъ женъ ихныхъ, на купеческихъ,
На руськихъ могучихъ на богатырей,
На злыхъ паленицъ да преудалыхъ,
На тѣхъ мѣшшанъ да пригородныхъ,
10. Людей посадскінхъ,
На всѣхъ крестьянъ да православныхъ.
Пирь идетъ у князя о полупира,
Столъ идетъ о полустола,
День идетъ ко вечеру,
15. Солнышко катится ко западу,
Князь-отъ сталь да пьянешинекъ,
Пьянешинекъ, да веселешинекъ,
По полу сталь похаживать,
Съ ноги на ногу переступывать,
20. Тихо-смирну рѣчь сталь князь да выговаривать:
«Всѣ молодцы сидятъ у меня да поженены,
Красны дѣвушки всѣ повывданы,
Одинъ я, солнышко, холостъ хожу,
Холостъ хожу, да не женатъ живу,
25. Не знатъ-ли кто мнѣ полюбовницу,
Полюбовницу да супротивницу?
Мнѣ така нужна: станомъ статна,
Да полна возврастомъ,
Лицомъ бѣла, да волосомъ руса,
30. Рѣчь-говоря—тихо-смирная,
Тихо-смирная, да со умылкою».
Всѣ тогда на пиру приумолкнули,
Большой-отъ хоронится за среннего,
А сренней за меньшаго,
35. Отъ меньшаго большому отвѣту нѣтъ.

- Изъ-за того стола сереняго,
Со той со лавки дубовой скамьи,
Вставалъ удалой доброй молодець,
По прозванью Дунай да сынъ Ивановичь;
40. Подходилъ Дунай ко князю Владимиру,
Нижешенько князю покланяется:
— Позволишь-ли мнѣ, князь, слово вымолвить!
Не позволъ за слово казнить-повѣсить,
Але выслать меня да въ ссылки дальныя.—
45. Говоритъ-то солнышко Владимиръ-князь:
«Говори ты, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай —
Не будешь мной казненъ, не будешь вѣшаной,
Не будешь высланъ въ ссылки дальныя».
50. Говоритъ тогда Дунай сынъ Ивановичь:
— Жилъ я за моремъ за синимъ,
У Семена царя Лиховитого,
Жилъ у него цѣлыхъ три-года.
Есть у Семена три дочери:
55. Больша—Авдотья Семеновна,
Учена она въ хитру грамоту,
Училась она ѣздить-гулять и конемъ владать,
И копьемъ шурмовать;
Втора дочь Анастасія Семеновна,
60. Учена она въ хитру грамоту,
Училась она ткать и прясть, и шелкомъ шить;
Третья—Апросинья дочь Семеновна,
Станомъ статна, полна возрастомъ,
Лицемъ бѣла, волосомъ руса,
65. Рѣчь-говоря тихо-смирная,
Тихо-смирная, со умылкою,
По полу идетъ не трехнется,
Цвѣтно платье на ней не ворохнется,
Сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
70. А сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
Изъ кости въ кость мозгъ переливантся,
Какъ каченъ жомчугъ перекаатся,—
Есть кому передъ княземъ стать,
И есть кому честь воздать».
75. Владиміръ князь былъ догадливой,

- Говоритъ князь да таково слово:
«Ой вы гой еси мои стольнички,
Молодцы мои подноснички!
Наливайте-ко чару зелена вина,
80. Не велику не малу—полтора ведра;
Скоро подносчики не замѣшались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Прибавляли чашу пива хмельнаго,
Турій рогъ да меду сладкаго,
85. На закуску колачнкъ бѣль-крупницатой
И поднесъ князь чару Дунаю Ивановичу:
«Ой ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Выпей-выкушай отъ меня князя Владиміра».
Береть Дунай чару во праву руку
90. И пьетъ чару къ ѣдину духу.
Говоритъ тогда солнышко Владимерь-князь:
«Съѣзди, Дунай, посватайся».
Говоритъ ему Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси, солнышко Владимерь-князь!
95. Дай мнѣ-ка двухъ товарищовъ,
Одного Добрынюшку Микитича,
Другого Алѣшиньку Поповича.—
На то Владимерь былъ догадливой:
«Ой вы ой еси, мои стольнички, подноснички!
100. Наливайте-ко вы чару зелена вина въ полтора ведра».
На то стольнички не замѣшались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Подносишь-то князь по чарѣ обонмъ богатырямъ.
«Съѣздите, робята, послушайтесь, посватайтесь».
105. Скоро робята сряжаются,
Скорѣ того да отправляются,
Выходили молодцы да всѣ на улицу,
Спровожали ихъ всѣ да люди добрыи,
Говоритъ-то имъ солнышко Владимерь-князь:
110. «Ужъ вы ой еси, удалы-добры-молодцы!
Поѣжайте-ко вы да всѣ посватайтесь».
Говоритъ тогда Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Добромъ отдадутъ—добромъ возьмемъ,
А добромъ не отдадутъ, дакъ боѣмъ возьмемъ,
115. Великой дракой, кроволитіемъ.—

- Садились молодцы да на добрыхъ коней,
Прощались со всима да людьми добрыми,
Не видно поѣздки молодецкой,
Не видно побѣжки лошадиной.
120. Не много время миновалось,
Не дымъ лишь въ полѣ—курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валить,
Гонятъ богатыри да по чисту полю.
Близко-ле, далеко-ле, скоро-ле, долго-ле,
125. Приѣзжали они въ землю во невѣрную,
Къ Семену царю да Лиховитому,
Слѣзали молодцы да со добрыхъ коней,
Привязали коней къ дубову столбу,
Вошли во гриню во столовую,
130. Отворяли во гринѣ двери на пята,
Запирали двери крѣпко-наплотно—
Подрожжала гриня царская;
Становилися они на середка полъ,
На середка полъ проти матицы;
135. У ихъ-де тамъ Богу не молятся,
На четыре стороны поклонятся.
Встрѣчатъ ихъ Семень да Лиховитый царь,
Говоритъ-то Семень да таково слово:
«Приходи-ко, Дунай да сынъ Ивановичь,
140. И вы удалы-добры-молодцы,
Садитесь-ко на лавочку брусовую,
Какъ васъ суда вѣтры забросили?»
Отвѣчатъ-то Дунай да сынъ Ивановичь:
«Ужъ мы ѣдемъ изъ земли изъ руськоей,
145. Посланы мы отъ князя отъ Владимера,
Свататься на твоей меньшей дочери,
Афросинѣ Семеновнѣ.—
Говоритъ имъ Семень Лиховитый-царь:
«Я теперь вамъ не могу сказать—
150. У меня нѣтъ крыла въ домѣ правого,
Авдотьи дочери Семеновны;
Сами знайте, чего хотите, то и дѣлайте).
Говоритъ ему Дунай сынъ Ивановичь:
— Ты добромъ отдашь, мы добромъ возьмемъ,
155. А добромъ не отдашь, мы боёмъ возьмемъ,

- Великой дракой кроволитіемъ;
Гдѣ у тебя Афросинья дочь Семеновна?—
Говоритъ Семень да Лиховитой царь:
«Сидитъ она да въ занней горницѣ».
160. Говоритъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Лѣзя-ли намъ протги въ занню горницу,
Къ Афросиньѣ свѣтъ-Семеновнѣ?»
Зашли они въ занню горницу,
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
165. «Здравствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Каки тебя сюда вѣтры забросили?»
Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ой ты гой еси, Афросинья дочь Семеновна!
Мы приѣхали къ вамъ отъ того отъ князя отъ Владимира,
170. Отъ Владимира, красна солнышка,
Посланы мы тебя посвататься,
Посвататься, низко поклоняться;
Если добромъ идешь, дакъ добромъ возьмемъ,
А добромъ нейдешь, дакъ и боемъ возьмемъ,
175. Великой дракой кроволитіемъ,
Скроемъ домъ родительской по окошечкамъ.—
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
«Ведите родителя моего батюшка».
Пришоль Семень Лиховитой-царь,
180. Говоритъ она отцу, Семену царю Лиховитому:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой, отецъ батюшко!
Приѣхали сватовшики отъ князя Владимира;
Добромъ пойду, хотятъ добромъ взять,
А добромъ не пойду, боемъ возьмутъ,—
185. Чо станемъ родитель-батюшко съ тобой дѣлати?»
Говоритъ ей родитель, Семень Лиховитой-царь:
«Сряжайся Афросинья Семеновна,
Нѣту у насъ большой сестры, Авдотьи Семеновны».
Сряжалася Афросинья Семеновна въ платьѣ цвѣтное,
190. Совсѣмъ они направились, направились приготавились,
Спровожаютъ отецъ съ матушкой,
Афросинью дочь Семеновну,
Садилы Дунаю на добра коня,
Съ Семеномъ тутъ распрощалися.
195. Ъдутъ молодцы да по чисту полю;

- Говорить Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ужь ты ой еси, Авдотья дочь Семеновна!
Повезу я тебя да въ стольной Кіевъ-градъ;
Мы были у твоего батюшки родителя.
240. Посланы отъ князя отъ Владимира,
Свататься на твоей сестрѣ Афросиньѣ Семеновнѣ;
Сосваталась мы и веземъ ее до князя Владимира». Авдотья тутъ загорюнилась,
Промежь себя она взгоревалася, призадумалася,
245. Что попала она во несчастъицо.
Какъ Авдотья да дѣлать нечего,
Поѣхала она съ Дунаемъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Не могли настичь на полѣ на чистомъ добрыхъ
молодцовъ,
- Пріѣзжали ко граду ко Кіеву,
250. Пріѣхали въ стольный Кіевъ-градъ,
У князя пиръ идетъ да больше стараго.
Заходитъ Дунай во гриню во столовую,
Заводитъ Авдотью дочь Семеновну,
Завидѣлъ солнышко Владимиръ князь,
255. Топеря стали они свадьбу дѣлати:
Стараго казака сталъ князь ставить тысяцкимъ,
Дуная Ивановича сталъ—дружкою,
Добрыню Микитича другою,
Скопина Михайла Ивановича бережателемъ.
260. Собрали поповъ, отцевъ духовныхъ,
Весь чинъ церковной,
Повѣнчали князя Владимира.
Женить стали Дунай сынъ Ивановича:
Князя поставили тысяцкимъ,
265. Старога казака бережателемъ,
Добрыню—большой дружкою,
Олѣшу меньшей дружкою,
Повѣнчали Дуная сынъ Ивановича.
Со той со радости великоюй
270. Завелся пиръ да больше стараго;
Пировали столовали много времени,
Напилися Дунай до пьянешинька,
Во хмелю-то онъ, дѣтина, несуразенъ быть,
Изъ рѣчей дѣтина вышибается,

275. Худыма словами онъ да похваляется:
«Охъ ты бледь, Авдотья дочь Семеновна!»
Говорить Авдотья дочь Семеновна:
— Кабы я была въ домѣ батюшка родителя,
Я бы съѣздила по твоей шеѣ бѣлой саблей вострою,
280. А топерь ты надо мной изгиляишся,
Изгиляишся, да искитаишся,
Надо мной надъ красной дѣвицей ломаншся.—
Туть Дунай да сынъ Ивановичъ,
Схватилъ Авдотью за русы косы.
285. Говорить Авдотья дочь Семеновна:
«Ужъ ты ой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Не хватай меня за русы косы,
Я слышу по себѣ—нынъ беременна,
И засѣяны во моей утробѣ два отрока».
290. Туть взялъ Дунай Авдотью выше буйной главы,
Бросилъ ей да о кирпичать полъ,
Туть Авдотѣ смерть случилось.
Съ той со ярости съ великойей,
Вынималъ онъ чинжалище булатенъ ножъ,
295. Распоролъ у Авдотьи животъ и груди бѣлые,
А когда завидѣлъ во чревѣ двухъ отроковъ,
Не могъ стерпѣть тогда онъ этого,
Разрѣзалъ свои груди былые,
Туть Дунаю и смерть случилася.

46.

Фатенко.

- А во городи было да стольнѣмъ Кіевн,
А у ласкова князя да у Владимера,
Ужъ завелса у князя нонъ почесенъ пирь.
А и пирь-отъ идѣтъ да о полупира,
5. Але столь-отъ идѣтъ да о полустола,
А Владимеръ князь ходитъ нонъ въ полухмеля.
Кабы всѣ туть на пиру да напивалисе,
Кабы всѣ туть на пиру да наѣдалисе,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы;

10. А за тѣмъ-де столомъ да за середнимъ,
А сидѣли-де у князя на чесномъ пиру,
Кабы двѣ-де вдовы право купчѣвыи,
А сидѣли эти вдовы право поблизку,
Але поблизку сидѣли, да право порядку,
15. При веселой они право при публикѣ,
А одна-де съ другой да розговоръ вели,
Говорила-то Овдотья Блудова-вдова:
«Ужь ты ой еси, Марина Чусова-вдова!
У меня-ле какъ есь, да сынъ Фатѣнушко,
20. А у тя-то-ле есь да дочи Аннушка—
Ужь не можно-ле какъ право посвататъсе?
А посвататъсе нонь, низко поклонятъсе?
А не можно-ле какъ да ихъ вмѣстяхъ свести?
А вмѣстяхъ-ле свести, да большой родъ завести?»
25. А Марина-то была да Чусова вдова,
А крута она, рѣна, была спѣсивая,
А сказала Овдотѣ она на то слово:
— У тя мужа-то вѣдь звали да Блунно-Блуннишко,
Але сына-то зовуть да Чунно-Чуннишко,
30. Какъ слѣпая-де кура ходитъ по улици,
Какой день зерно лайдѣтъ, дакъ и сыта живѣтъ.
Але твой-отъ жанихъ, да не жанихъ онъ, намъ,
А моя-то вѣдь дѣвка не невѣста вамъ.—
Оскорбилася Овдотья да Блудова вдова,
35. Ужь на эти какъ слова да на Маринкины,
Оскорбляла-де она на пиру при публики,
Ужь ставала Овдотья на рѣзвы ноги,
А князю она Владимиру низко кланялась:
«Тѣ спасибо-де солнышко Владимиръ-князь!
40. Я довольна твоимъ право чеснымъ пиромъ».
Говорилъ ей князь да таково слѣво:
— Ужь ты ой есь, Овдотья Блудова-вдова!
Ужь ты што-же такъ рано походишь со чесна пиру?»
А ушла какъ Овдотья со чесна пиру,
45. А походить она да къ своему двору,
А заходить на своё да на круто крыльцо,
А стрѣчатъ ей сынъ, да ей Фатѣнушко:
«Ужь ты ой еси матушка родимая!
Ужь ты што-же ты рано приходишь со чесна пиру?»

50. Говорить-то Фатенку родна матушка:
— Ужъ сидѣли мы у князя на чесномъ пиру.... *)
А Фатенушку слова эти не пондравились,
Рѣтиво его сердце да загорѣлося,
Очи ясны его да возмутилисе,
55. Говорить-де Фатенко таково слово:
«Ужъ ты ой еси, моя да родна матушка!
А ты дай мнѣ-ка тако благословеньичо:
Я поѣду-де нонь да на добромъ кони,
Ужъ я вызову у Марины да поединщика;
60. У Марины поединщика не окажется,
А защитника у Марины да не отыщется,—
Сворочу я ей домъ да по окошечки,
Уведу я у ней да дочь Аннушку».
А дала ему-де мати благословеньичо.
65. Кабы скоро Фатенушко сряжайтсе,
Але скоро Фатенко сподобляетсе,
Онъ беретъ съ собою приправу молодецкую,
Але сбруню съ собой да богатырскую,
Але съ матушкой Фатенко да нынь прощайтсе.
70. Ужъ поѣхалъ Фатенко нынь ко городу,
Приѣжжатъ онъ къ Марины да къ Чусовой вдовы,
А скрычалъ-де Фатенко да яримъ голосомъ,
Яримъ голосомъ скрычалъ да во всю голову:
«Ужъ ты ой еси, Марина да Чусова вдова!
75. Ты отдашь-ле за миня да дочь Аннушку?
Какъ добромъ-то ты отдашь, дакъ я добромъ возьму,
А добромъ не отдашь дакъ я боёмъ возьму,
А великой-де дракой, да кроволитіемъ,—
Сворочу я твой домъ да по окошечки,
80. Уведу у тя я да дочь Аннушку».
А Марина-то вѣдь съ тихъ-же словъ спугалосе,
Приходила она да ко окошечку,
Говорила-ле она да таково слово:
— Ужъ ты дай мнѣ-ка строку да на полсучокъ,
85. Я найду-де съ тобой да поединщика.—
А брала она-де въ руки золоты ключи,
Отмыкала свои да кованы ларьчи,

---

*) Подробный рассказ совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ—выпускается.

- А брала-де она да золоту казну,
Ужъ не много не мало да сорокъ тысячей.
90. А пошла она Марина да вдоль по городу,
А зашла она-де нынъ да на царёвъ кабакъ,
Говорила-де Марина да таково слово:
«Ужъ вы ой еси, робята да добры молодцы!
Я зашла-де искать да поединщика,
95. Накликать-де у мня право Фатенушко;
А не одинъ, хоть не два, да хоть петъсотъ-де васъ».
Але голи-ти они право охотники,
А любители таки они на деньги-ти,
Вынимать она много да золотой казны,
100. Подпоила она да добрыхъ молодцовъ,
А взяла-де съ собой она зелена вина,
Откупила-де боцьку да сороковоцьку,
Повезла эту боцьку да на чисто полё;
Кабы много молодцовъ идётъ, много множество,
105. Кабы вывезла сороковку да тамъ вѣдь на полё.
Кабы много они брали да стегн-аншпуки,
А съ Фатенкомъ стоять хотятъ поединщомъ,
Какъ толпой они на Фатенушка да изурѣзались,
Поплѣнить-де, побить хотятъ добра молодца.
110. Ужъ Фатенко сидѣлъ да на добромъ кони,
Але прижалъ онъ своего да коня доброго,
Разгонилсе-де онъ да на добромъ кони,
Онъ машотъ-де паличей буевою,
Але топцётъ-де много да конёмъ добрымъ,
115. Онъ куды-де махнётъ дакъ лежить улица,
Въ другу сторону махнётъ дакъ лежатъ площади;
Онъ прибилъ притопталъ всѣхъ добрыхъ молодцовъ,
А оставилъ едва да такъ на семена.
А поѣхалъ къ Марины да къ нову терему,
120. Закрычалъ кабы онъ да ярымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси, Марина Чусова вдова!
Ты отдай-де мнѣ да поединщика,
А не то уведу я дочь Аннушку».
У Марины-то вѣдь было деветь дочерей,
125. Ужъ сидѣли у Марины да во гостяхъ они,
Говорила Марина своимъ зятевьямъ:
«Ужъ вы ой еси, мои да деветь зятевей!

- Помогите вы нынь да моему горю». Говорять-де Марины да деветь зятевей:
130. -- Ужъ не можомъ мы съ Фатенкомъ стоеть поединщи-
щикомъ,
Отъ Фатенка намъ смерть да будетъ лютая.—
А Маринка-то-ле да осержаласе:
— Ужъ я лучше бы родила да деветь камней,
Але бросила-бы камни во синё морё,
135. Кабы въ мори эти камешки да выросли,
Отросла-бы-де кошка да нынь морска-ле тутъ,
А бѣжали-бы корабельщики по морю,
Набѣжали на эту-бы кошечку,
А розбило-бы этихъ корабельщиковъ,
140. Кабы легче было моёму рѣтиву серчу». Кабы тутъ-ле Марина смоталасе,
Не могла она принскать да поединщика,
Не отыскалосе некого у ей защитника.
Ужъ розѣхалса Фатенко на добромъ кони,
145. Своротить у ей хочеть нонь высокъ теремъ;
А во ту пору было, право во то время,
А сидѣли у Марины деветь зятевей,
Выходили они право на уличу,
Извинялисе Фатенку, да низко кланелись:
150. «Заходи-де, пожалуй, ты да къ намъ въ гости,
Хлѣба-соли-де ись, да перевару пить,
А затѣмъ-то у насъ да чего Богъ послалъ,
Отдадимъ-де за тя да красну дѣвушку,
Красну дѣвушку за тя, да дочерь Аннушку».

47.

Калики переходяя.

- Отъ озера было отъ Мыслева,
Изъ того монастыря Артемьева,
Собирались калики переходяя,
Перехожи калики, добры молодцы,
5. Сорокъ каликъ со каликою;
Выходили на поле на чистое,

- Але на полѣ калики да становилися,
Клюки-посохи они да порастыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали.
10. Собиралось ихъ каликъ, да добрыхъ молодцовъ,
А сорокъ каликъ да со каликою.
Але клали они да тежолъ залогъ,
А тежолъ-де залогъ, да большу заповѣдь великую:
«А пойдемъ собирать мы милóстыню,
15. Ради Христа, Царя Небесного,
А и кто изъ насъ, братцы, заворуется,
Але кто изъ насъ заблудуется,
А и кто изъ насъ пойдетъ за бáбьемъ-прелесью,—
Не княземъ судить насъ Владимиромъ,
20. А своимъ судомъ, судомъ калическимъ:
Закопать молодца по грудей въ землю,
Положить у него-де руки пó пяты,
Говорокъ-езыкъ да вынетъ назадъ теменѣмъ,
Рѣтливое сердцó промежъ два плеча,
25. Очы ясны вынетъ да вонъ косичами».
Положили они залогъ, велику заповѣдь,
Помолилися калики, положили за плечи сумочки,
А оттуль они впередъ пошли и ѣсправились.
А идуть они по полю по чистому,
30. Имъ на встрѣчу ѣдетъ солнышко Владимиръ-князь,
Говоритъ имъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-ле да ясны соколы!
А далеко-ле у васъ нончи путь лежитъ?»
35. Говорятъ князю калики перехожіе:
— Ужъ ты здравствуй, Солнышко Владимиръ-князь!
Мы идемъ нончи отъ озера Мыслева,
Изъ того монастыря Артемьева,
Ужъ пошли мы до града до Кіева,
40. А проходимъ, бывать, мы до Чернигова,
Попросить милóстыню ради Христа, Царя Небеснаго.—
Говоритъ-то имъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы ой еси, калики, добры молодцы!
У меня съ собой да не случилось,
45. Не случилось съ собой, не пригодилось,
А не хлѣбной милóстыни, не денежной;

- Ужъ зайдите вы домой да во высокъ теремъ,
Ужъ къ моей, значить, княгини да мать-Апраксін,
На попу́тье она накормитъ всехъ,
50. А кому понадобится съ собой положить».
Кабы тутъ калики распростилися,
Распростились со княземъ со Владимиромъ,
А поѣхаль-де солнышко Владимиръ-князь,
А пошли-де калики перехожіе.
55. Приходили ко городу ко Кіеву,
А ко власкову ко князю ко Владимиру,
Заходили въ гриню да во столовую,
А молилися они да Восподу-Богу,
Але кресты они кладутъ да по писаному,
60. А поклоны-те ведутъ да по ученому,
А молитву творять полну Сусову;
На вси стороны калики да низко кланялись,
Ужъ княгини они да на ёсобицу.
Говоритъ имъ княгиня да мать-Апраксія:
65. «Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
Приходите-де, пожалуй, да ясны соколы,
Вы откуль-де, каки, да добры молодцы?»
Говорять они, калики да перехожіе:
— Ужъ отъ озера-де мы да отъ Мыслеева,
70. Изъ того мона́стыря Артемьева,
Попросити мы милостыни ради-Христа,
Але ради-Христа, царя Небесного.—
Говоритъ имъ княгиня, мать Апраксія:
«Не видали-ли вы князя Владимира?»
75. Говорять-де калики таково слово:
— Але встрѣтился намъ солнышко Владимиръ-князь,
Але стрѣтился-де князь-отъ намъ на поли,
Ужъ просили мы милостыню ради Христа,
А сказалъ намъ-де князь да таково слово:
80. «У меня съ собой вѣдь здѣсь да не случилосе,
«Не случилосе съ собой, не пригодилосе,
«А не хлѣбной вѣдь нѣтъ, право, не денежной,
«Ужъ вы пойдите-ко ко мнѣ, да въ стольной Кіевъ-
градъ,
«Ужъ зайдите вы ко мнѣ да во высокъ теремъ,
85. «Ужъ къ моей княгинѣ да мать-Апраксін,

- «Напоить она и накормить васъ».
Говорить имъ княгиня мать-Апраксія:
«Ужъ садитесь-ко вы всѣ да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли-де нсь, перевару пить,
90. А затимъ у князя чего Богъ послалъ».
Кабы скоро калики да не ослышались,
Ужъ садились они да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли нсь, да перевару пить,
Они пили да ѣли хлѣба, кушали,
95. Але всякихъ да разныхъ, право, кушаньёвъ,
Напились они, наѣлись, да накушались,
Кабы вышли изъ за стола да дубового,
Помолились они да Господу Богу,
А спасали князя со княгиною.
100. Говорить-то княгиня да мать Апраксія:
«Ужъ вы ой еси, калики, да добры молодцы!
У васъ кто собира́тъ съ собой милостыню?»
Говорили они калики да перехожіе:
— Собрать у насъ удалой доброй молодець,
105. По прозванью красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ.—
Говорить-де княгиня да мать Апраксія:
«Красота-де-Касьянъ да сынъ Степановичъ!
Ужъ пойдемъ-ко ты да въ кладову со мной,
Положу я тебѣ да милостыню».
110. Повела-де княгиня да добра молодца,
Завела молодца да во теплú лежню,
Говорила княгиня да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, да добрый молодець,
Красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ!
115. Я хочу тебѣ сказать да таково слово:
Сотворимъ со мной любовь, право, тѣлесную,
А тѣлесную любовь, да восердечную».
Говорить-то Касьянъ да сынъ Степановичъ:
— Ужъ ты ой еси, княгиня да мать-Апраксія!
120. Кабы какъ я могу такое дѣло сдѣлати?
Переступить-де законъ, заповѣдь Божию?
А я должонъ принять да тогда судъ большой,
Але судъ большой отъ своей братіи?—
А говоритъ ему княгиня да во второй наконъ,
125. А на это-ле Касьянъ не соглашается.

- А на это еще княгина да насмѣлилась,
Говорить Касьяну да во третей наконецъ;
И на это-де Касьянъ не соглашается.
Ужъ княгина-то она да разгорелосе,
130. Разгорелася она, да осержается,
Говорить она Касьяну да таково слово:
«Ужъ давай-ко сюды свою да, право, сумочку,
Положу я тебѣ, право, милóстыню».
Понесла-де она его да, право, сумочку,
135. Положила туда чашу царскую,
Безъ которой онъ не пьетъ, не ѣсть,
А не пьетъ, не ѣсть, хлѣба не кушаетъ;
А Касьянъ-отъ неznать смотрѣть.
Выходила она въ гриню-де во столовую,
140. Але всѣ тутъ калики да становилися,
Становилися они, Богу молилися,
А спасали князя да со княгиною,
А пошли они калики да молодецкіе.
Ужъ идутъ они-де полемъ чыстынимъ,
145. Але долго идутъ, коротко-ле,
А идутъ съ утра день до вечера,
Але смотрятъ назадъ добры молодцы,
Але сзади за имá сугонъ-погóнушка,
А погонушка за нима да нонь великая,
150. Кабы гонить-то богатырь по чисту полю...
А бы послѣ было того. послѣ этого,
Кабы послѣ каликъ да переходжихъ,
А пріѣхаль-бы князь изъ чыста поля,
Захотѣль онъ князь попить, поисъ,
155. А попить, поисъ, хлѣба покушатати;
А княгина на столъ стала ставити,
Она ставити стала, право, кушанье,
А хватилася она чаши чарскія,
Говорила она князю да нонь Владимиру:
160. «Ужъ ты ой еси, Владимиръ князь!
Кабы были здѣсь калики переходжіе,
А поила я, кормила хлѣбомъ-солью ихъ,
Кабы съ тихъ-ле вѣдь поръ, не могу я знать,
Потерялася да чаша чарская,
165. Изъ которой-де ты пьешь, да нынче кушаешь,

- Не могу я найти да негдѣ чашечки).
Говорить тогда-де солнышко Владимиръ князь:
— Некого въ сугонъ послать да за каликами,
Отыскать ихъ всѣхъ каликъ да переходжихъ.—
170. Да послать онъ Олѣшиньку Поповича.
А Олѣша да ле скоро да онъ сряжается,
Кабы скоро Олѣша да сподобляется,
Усадился Олѣша да на добра коня,
Ужъ погонилъ онъ въ сугонъ за каликами,
175. Онъ наѣхалъ ихъ на поли на чистоемъ.
Ужъ Олѣша ѣнъ былъ роду невѣжлива,
Невѣжлива былъ роду, неучеслива,
Онъ не могъ съ людьми сѣхаться,
По хорошему съ людьми разѣхаться,
180. Нагонилъ онъ каликъ да переходжихъ,
Закрычалъ онъ, Олѣша, да ярымъ голосомъ,
Ярымъ голосомъ да во всю голову:
«Ужъ вы воры-ле калики переходжіе!
Ужъ вы гдѣ пьете, ѣдите—туть и серите,
185. Ужъ покрали вы чашу да, право, царскую».
А идуть-де калики да не ѣслышатся,
На Ёлешу-ле ѣни да не ѣгленутся.
Онъ вскрычалъ, Олѣша, да во второй наконъ,
А идуть они калики да не ослышатся;
190. Онъ вскрычалъ, Олѣша, да во третей наконъ,
Онъ заѣхалъ межъ, да во середочку.
Какъ схватили они у Олѣши добра коня,
Какъ добра коня, да за шелковы повода,
Кабы сняли они Олѣшу со добра коня,
195. Кабы сняли у Олѣши нонъ штаны съ гузна,
А давали они Олѣшѣ да всѣ по тѣпышу,
Прибавляли они всѣ да по алабышу,
Кабы подняли Олѣшу назадъ на добра коня;
Ужъ не можетъ онъ сидѣть да на своемъ гузнѣ,
200. На своемъ гузнѣ, да на конѣ въ сѣдлѣ.
Кабы ѣдетъ Олѣша на добромъ конѣ,
Але конь-отъ бѣжитъ да коровою,
Молодецъ-ле сидитъ да вороною.
А завидѣлъ его солнышко Владимиръ-князь:
205. «Молодець, отвѣтилъ, ѣдетъ непостарому,

- Але конь-отъ бѣжитъ да непопрежному».
Выходилъ-то вѣдь ужъ князь да на круто крыльцо,
Говорить-то онъ Олѣшѣ таково слово:
«Ужъ ты чтоже нонь, Олѣшинька поповичъ сынъ!»
210. Але ѣдешь ты нонь да непостарому,
Не постарому-де ѣдешь да непопрежному?»
Говорить ему Олѣша да таково слово:
— Я наѣхалъ каликъ на полѣ на чистыимъ,
Я съ каликами хорошо да не объѣхался,
215. А не объѣхался съ имá, не поздоровался,
Закрычалъ-то-ле я да ярымъ голосомъ:
«Ужъ калики-те не воруютъ»—во первой наконь.
Закричалъ-то вѣдь и я имъ во второй наконь,
А на это-ли калики не ослышаться,
220. Не ослышаться, да не ёглянуться,
Я заѣхалъ-де къ има да во середочку,
Я скрычалъ-то имъ да во третей наконь,
Але тутъ калики воротилися,
Поимáли коня да за шолковы повода,
225. А сымали меня да со добра коня,
А стонули у меня они штаны съ гузна,
Але всё они-де клали мнѣ по тяпышу,
Але всё прибавляли да по алабышу,
Немогу теперь сидѣть я на добромъ конѣ.—
230. Говорить тогда-де солнышко Владимиръ князь:
«Поѣзжай давай, Добрынюшка Микитьевичъ,
Похорошему съ каликами здоравайся».
Але скоро-ле Добрыня нонь срежается,
А скорѣ того Добрыня сподобляется,
235. Ужъ пошелъ-ле Добрыня вонъ на улицу,
А садилъся Добрыня на добра коня,
Поѣзжалъ онъ въ сугонъ да за каликами,
А состигъ онъ да на поли на чистоемъ,
А ёбѣхалъ ихъ Добрыня онъ добрыхъ молодцовъ,
240. Слезывалъ Добрыня со добра коня,
Але снялъ онъ поклонъ со буйной главы,
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-де-ле всё да ясны соколы!»
245. Ужъ я посланной отъ князя отъ Владимера,

Поискать-де у васъ, да поспровѣдати:

Ужъ вы были у князя у Владимира,
Ужъ вы сумками своимя да разбросалися,
Второпяхъ вы, люди дорожны, не ошиблись-ле,

250. Не попала-ле вамъ чашка царская?

Безъ которой-де чашки царь не пьетъ не ѣсть».

Але тутъ они калики да становилися,
Свои посохи въ землю поростыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали,

255. Кабы стали они всѣхъ право обыскивать,
Кабы всѣхъ они обыскали нонѣ сорокъ-ле,
Не могли натти-де чашку да право царскую,
А одинъ ище у нихъ да не обысканъ былъ,
Красота-де Касьянъ да сынъ Степановичъ.

260. Ужъ Касьяна-де стали они нонѣ обыскивать,
Ужъ нашли они чашку да право царскую,
Они отдали Добрынюшкѣ Микитичу.

Говорять они калики перехожіе:

«Ужъ мы что будемъ надъ Касьяномъ да нончи дѣлати?»

265. Говорить имъ Касьянъ да таково слово:

— Ужъ вы ой еси, робята добры молодцы,
Кабы вся наша дружина да заговорная,
Кабы этой я-ле чашки да не причиненъ былъ,
Положила мнѣ княгина, да мать Апраксія,

270. Кабы чо надо мной хочите—дѣлайте.—

Ужъ не вѣрятъ они словамъ да нонѣ Касьяновымъ;
Кабы стали они молодца закапывать,
Положили у его руки подъ пяты,
Закопали-де его да по грудямъ въ землю,

275. Говорокъ-языкъ стали—назадъ теменемъ,

Очи ясные его да вонъ косичами,
Рѣтиво сердце да промежь два плеча;
Надъ Касьяномъ-те они да надругалися,
Не положили они право въ гробницу-ту,

280. Кабы тутъ они его право оставили,
А пошли они впередъ да во Черниговъ градъ.

Они шли кабы времени полсуточекъ,
Але все у нихъ Касьянъ да назади стоитъ,
А пошли они-де нонѣ да въ другу сторону,

285. Але все у нихъ Касьянъ напереди стоитъ;

И промежь они собой да становилнся,
Клюки-посохи они да поростыкали,
Ужь бершаты свои сумочки развѣшали,
Толковать они да стали промежь собой:

290. «Ужь виноваты мы, робята, нынче сдѣлались,
Говорилъ намъ Касьянъ да отъ всего сердца,
Невиновенъ-де я, да не причиненъ здѣсь,
Надругались мы, да не поладили,
Да не положили въ гробницу да бѣлодубову».

Старина досказана словами такъ: калики воротились
назадъ къ тому мѣсту, гдѣ закопали Касьяна и погребли
его по христіанскому обряду. Послѣ этого видѣніе Касьяна
уже не преслѣдовало каликъ.

48.

Василій Буслаевъ.

(Отрывокъ).

- Прежь Резань да слободой была,
А теперь Резань да славной городъ сталъ.
Почему это Резань прославилась?
Потому Резань это прославилась,
5. Что хороша она да изпостоплась.
Хто былъ въ городи строителемъ?
Хто былъ управителемъ?
Управителемъ былъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Построилъ Резань да славнымъ городомъ.
10. Здумалъ Василей черленъ карабъ строити *)...

49.

Иванъ Грозный.

Когда воцарился нашъ-ле грозной царь,
Але грозной-ле царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда синѣ-ле море да приютишилось,

*) Дальше идетъ обычное описаніе поѣздки В. Б. въ Іерусалимъ и потому оно
не приводится.

- Але щука-ле рыба въ глубину ушла.
5. А со той-ле со радости великою,
А завелса у царя да нонь почесенъ пирь.
Але пирь-отъ идётъ во славу Божию,
Але солнышко катится ко западу,
У ихъ пирь-отъ идётъ да о полупира,
10. Але столь-отъ идётъ да о полустола,
Але царь-отъ и ходитъ нонь въ полухмеля;
Выходитъ кабы царь на середка полъ,
Говоритъ кабы царь да таковы слова:
«Ужъ когда я воцарился нынь хозяиномъ,
15. Ужъ я выведу измѣну нынь изъ Кіева,
Але выведу измѣну изъ Питера,
Изъ самой-ле изъ матки каменной Москвы.»
Кабы всѣ тутъ на пирь да приюмолкнули,
Але всѣ на чесномъ да приюдрогнули,
20. А большой-отъ хоронится да среднего,
Але средей хоронитсе да меньшого,
Ужъ отъ меньшого большому отвѣту нѣтъ.
А ставаль-де Ѳедоръ на рѣзвы ноги,
Подходилъ онъ-де къ батюшку родителю:
25. «Ужъ ты ой еси, родитель мой-де батюшко,
Але грозной-царь Иванъ да царь Васильевичъ!
Намъ не вывести измѣнушку изъ Кіева и Питера
Изъ самой-де изъ матки да каменной Москвы».
А на то-ле какъ царь да осержантце,
30. Говоритъ нашъ царь да таковы слова:
— Ужъ вы ой еси, мой-ле строги палачи!
Ужъ берите-ко вы Ѳёдора за бѣлы руки,
А за хороши перстеньки злаченныя,
Ужъ ведите его да во чисто полѣ,
35. А ко той-де нонь плахи ко дубовой,
А ко той-де ко рели ко высокой,
'де-ка веситсе петелка шелковая.—
А во ту-же пору было, во то времѣ,
У грознаго-то царя Ивана Васильевича,
40. По прозванью Малюта былъ строгой палачъ,
А строгой-де палачъ, да онъ немилостивой,
Ужъ ставаль-то-ле Малюта на рѣзвы ноги,
Подводилъ то ' Ѳедору царевичу,

- Говориль-то Малюта да таково слово:
45. «Кабы царски-то слова назадъ не ворочають,
Если царя кабы намъ да не послушати,
А тогда-де своя голова подставити». Кабы бралъ онъ Оёдора за бѣлы руки,
А за хороши-де перстенъки злаченны,
50. Ужъ повѣль-то наслѣдника изъ полаты вонъ;
Не несутъ молодца да ноги рѣзвыя,
Только катется изъ глазъ да гарючи слезы.
Ужъ пошоль-де народъ весь изъ полаты вонъ.
Провожать-ле какъ Оёдора царица;
55. Але Оёдоръ съ народомъ—онъ прощантсе:
«Ужъ простите-ко, прощайте да люди добрыя!
Ужъ прости-ко, прощай да каменна Москва!
Не живать мнѣ-ка будетъ на бѣломъ свѣти,
Не слыхать мнѣ больше будетъ мнѣ четья-пѣтъя,
60. А четья-де пѣтъя мнѣ-ка поповского,
Але красного звону да колокольного». Ужъ ведутъ-де ка' Оёдора нынѣ по полю.
А не близко его да не далеко-ле,
Розстояніе всего да за три попрыща,
65. А идѣтъ за имъ толпа народа великая,
А спрвожаютъ-де Оёдора царица.
Ко его-де ко щасью ко великому,
Кабы ѣздитъ богатырь право по полю,
По прозванью Микита сынъ Романовиць.
70. Ужъ и на поли-де тамъ да народъ стоитъ,
Ужъ народъ-де стоитъ, больша толпа валитъ,
Поворотиль-де Микита коня доброго,
Ужъ промежъ онъ собой да думу думаетъ,
Думу думать Микита, розговоръ ведѣтъ:
75. «Ужъ кого-ли придавають должно быть казни,
Не могу-ле я застать да право живого,
Але живого застать, отъ смерти избавити». Прогониль-то Микита скоро на скоро,
Соскочиль онъ, Микита да со добра коня,
80. На краю у народа не чѣ не спрашивать,
Ужъ не спрашивать, не чѣмъ онъ не докучантсе,
А въ середку Микита да пробираетце,
Могутой своей народъ да онъ розваливать,

- Отъ Микиты народъ весь уклоняйтсе;
85. А пробралса богатырь во середоцьку,
Ужь завидѣль Микита да сынъ Романовиць,
Ужь валятъ кабы Ѡдора царевица,
А на ту-ле какъ бабу на дубовую,
У палаця-де ' саблей да рука поднята,
90. Отрубить-де хотятъ да буйну голову;
А схватилъ-то Микита да строга палаця,
А схватилъ онъ его да за черны кудри:
«Ужь-ты воръ-де, Малюта, нонь строгой палаць!
У кого-то отрубить хошь буйну голову?»
95. Говорить-то Малюта тутъ строгой палаць:
— Ужь я голову рубить хоцю несвоимъ умомъ,
По указу-ле я да восудареву.
По приказу-ле я да ениралову.—
Говорить-то Микита да таково слово:
100. «Ужь на мѣсто насленника-де Ѡдора,
Положить надо пса да на бабу тутъ,
Отрубить-де у пса да буйну голову,
Окровавить-де надо да саблю вострую,
Принести-де саблю да царю грозному,
105. Царю грозному-де ей на посмотреньичо».
Говорить-то Микита да сынъ Романовиць:
— «Ужь вы ой еси, да всѣ да люди добрыя!
Ужь не хто эту измѣну да вы не сказывайте,
А я самъ ему объявлю право Грозну-царю,
110. Але пиръ намъ-ле будетъ больше старого».
Понесли тогда саблю да самому царю,
Самому-же царю да право Грозному,
Ужь приносятъ саблю на посмотреньичо.
Ужь схватилса тогда да нашъ-ле Грозной царь,
115. Кабы тутъ-ле нашъ царь да запечалилса,
Говорилъ нашъ-ле царь да таково слово:
«Ужь вы ой еси мои да всѣ опричники!
А опричники мон да право царскіи,
А садитесь-ко всѣ на свои занятія,
120. А пишите-ко всѣ скоры естафеты,
Розошлемъ кабы пошты нонь по всей земли,
А по всей восударевой по вотчины,
А по всѣмъ-де церквямъ, по всѣмъ молебнамъ-же,

- Поминать штобы моего нынѣ наслѣдника,
125. А наслѣдника моего, право Ѳѣдора».
А пошолъ-то Иванъ да во Божью церковъ,
Кабы собралъ онъ весь чинъ церковной-же,
Кабы пѣть панафиду да за покойного.
А стоитъ-де ка' царь на правомъ крылосѣ,
130. Со слезами поминать онъ, со умыльными,
А приходитъ ему да доброй молодець,
По прозванью-ле Микита сынъ Романовичъ,
Але царь-отъ стоитъ уливайтце,
Уливайтце слезами онъ горючима,
135. А Микита стоитъ, да онъ подлѣ царя,
Онъ подлѣ царя стоитъ да улыляйтце.
Ужъ завидѣлъ Микиту право Грозной-царь,
Говорить-то-де царь да таково слово:
«Ужъ кака-ты пришла да за невѣжа-же?»
140. Передъ светыма иконами улыскайшсе—
Кабы люди слезами да уливаются,
Але ты-де стоишь да усмихайшсе».
Говорить-то Микита да сынъ Романовиць:
— Я надъ чѣмъ кабы буду да право плакати?
145. Але пса вѣдъ ужъ мнѣ да оплакивать?—
Уже звѣлъ тутъ-де очи да право Грозной-царь:
«Але што ты говоришь, да нынѣ каки слова?»
Говоришь-то Микита самому царю:
— Ужъ отрубили мы у пса да буйну голову,
150. Окровавили-де новую саблю вострую,
Принесли-де тебѣ на посмотреньичо,
Ужъ оставили твоего сына Ѳѣдора.—
Говорить-то-де нашъ да право Грозной-царь:
«Те спасибо, Микита сынъ Романовиць!»
155. Награжу я наградой тя великою,
Покажи только моего да сына Ѳедора».
Ужъ пошли они тогда да изъ Божьей церкви,
А назадъ домой въ палаты да право царскіе,
Ужъ приводятъ тогда царскаго наслѣдника,
160. А наслѣдникъ отъ смерти нонѣ избавленной,
Кабы тѣмъ-де Микитушкой Романовымъ.
Кабы завидѣлъ его да нынѣ Грозной-царь,
А бы бралъ молодца да за бѣлы руки,

- А за хороши-де перстеньки злаченни,
165. Прижималь-де его да къ рѣтиву сердчу,
Чѣловаль его въ уста сахарни,
Говориль-то-ле царь да таковы слова:
«А спасибо-же Микита да сынъ Романовицъ!
Ты избавиль моего чада милого,
170. Ты избавиль его отъ смерти напрасной».
А со той кабы радости великой,
Завели они пиръ да больше старого,
Пировать они стали во славу Божію.

50.

Лука Даниловичъ:

- А да жиль-де Данило да сынъ Борисовичъ,
Але жилъ онъ Данило да право о море.
Въ воскресенъе Христова было по утру,
А ставаль-де Данило по утру рано,
5. Онъ омылса Данило ключевой водой,
Утиралса Данило полотенышкомъ,
Розбудиль онъ своихъ людей дворовыхъ,
А дворовыхъ домочадцей онъ робочихъ,
А сказаль имъ Данило таково слово:
10. «Я пойду-де какъ нонъ да въ черковъ Божію,
Я ко утренѣ нынъ да воскресеньской,
Розбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича,—
Онъ придѣтъ пусь къ обѣдни да воскресеньской».
15. А ушоль-де Данило да сынъ Борисовичъ,
А прошло послѣ время какъ три часа,
Розбудили Луку они Даниловича:
— Кабы твой-отъ-де батюшко родитель-де,
А родитель Данило сынъ Борисовичъ,
20. Онъ велѣлъ тебѣ притти да въ черковъ Божію.—
А омылса Лука да онъ свѣжкой водой,
Онъ утѣрса-де бѣлымъ полотенышкомъ,
Онъ срежалса-де въ платъичи хорошой,
А пошоль-де Лука да вонъ на улицу,

25. Онъ придумалъ дѣтина молодымъ умомъ:
«Я схожу кабы въ поли за охотою».
Кабы взялъ онъ Лука да право тугой лукъ,
А бы взялъ онъ тутъ стрѣлочки каленыи,
А пошолъ онъ-де къ лѣтнымъ-де тихимъ заводямъ,
30. Онъ стрѣлялъ-де гусей тамъ бѣлыхъ лебедей.
Ужъ онъ вышолъ Лука на морски луга,
Позадорился Лука да за охотою,
Нагонило-де воду да изъ синя моря,
Поняла-де Луку, право, морьска вода,
35. Кабы бродить онъ, Лука, да до колѣнъ воды,
Пролился кабы всѣ да малы заводи;
Але вытти-де Луки да нынѣ непокуль,
Кабы непокуль-де вытти, право, на землю;
Кабы бродить онъ Лука ' воды до пояса,
40. Поднесло-де Луки гнилу колодину,
А колодину гнилу да водоплавную,
Потянулъ кабы вѣтеръ нынѣ со города,
Понесло нынѣ Луку да во синѣ морѣ,
Подхватилъ-де Луку, право, быстѣрь субой,
45. А быстѣрь-бы субой да, право, валь густой,
А едва-ле такъ Лука да нынѣ спасаетца,
Понесло-де Луку до во синѣ морѣ.
Какъ носило Луку да вногo времени,
Много времени носило его по морю,
50. Поднесло-де его до нынѣ подъ горы,
Какъ подъ щельи-де тѣ непроходимыи,
Але вытти Луки на землю непокуль,
Убивать-де валомъ его, захватывать,
А едва-де Лука да онъ спасаетсе.
55. А увидѣлъ Лука да сынъ Даниловичъ,
А змѣя-де нынѣ тутъ надъ нимъ налетывать,
А летать-де змѣя да, право, лютая,
А къ Луки эта змѣя да приближайтце,
Бутто руськи слова да выговаривать:
60. «А светы отцы писали прописалисе,
Старики-то-де сказали просказалисе:
Бутто мнѣ отъ Луки да право смерть принеть,
А топере Лука да у миня въ рукахъ;
Ужъ я здумаю Луку да въ хобота возьму,

65. Ужь я здумаю Луку да на воды стоплю». Ужь змолился Лука да змѣи лютой: — Ужь ты ой еси, змѣя да скоропейная! Ужь ты вынеси миня да на сыру землю, Кабы вного я принялъ, право, холоду,
70. Але вного я принялъ, право, голоду.— Говорить-то змѣя да, право, лютая: «А возмѣшь-ле миня да ты въ замужество? А возмѣшь-де миня да ты въ замужество Але вынесу тибя я на сыру землю».
75. Ужь Луки-то-де дѣватсе нынѣ некуда, Ужь онъ отдалъ отъ себя рукописаньицо: «А возьму-де тебя я за себя замужъ». Забрала его змѣя да ' свои хоботы, Понесла-де ёна да право на гору,
80. Опустила Луку да она на землю, Говорить-то змѣя да таково слово: «Сотворимъ-ко со мной любовь тѣлесную, А тѣлечню любовь да восердецьную». Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
85. — Я съ тово-де съ устатку со великого Не могу нынѣ творить любовь тѣлесную, Отдохнуть-де хочу да со устаточку.— Какъ легли они-де нынѣ да, право, на землю, Какъ прижарило ихъ да краснымъ солнышкомъ,
90. Бутто заспаль Лука да сынъ Даниловичъ, А змѣя-же легла да потвориласе, А нашла на ей тягость тутъ великая; Прызываль-де Лука да онъ вѣдь всѣхъ светыхъ, Отъ змѣи-де штобы ему избавитце,
95. Але сталь-де Лука да потишешинько, Потишешинько онъ сталь да на рѣзвы ноги, Онъ схватилъ кабы камень да со сырой земли, Онъ ударилъ змѣю да камнемъ въ голову, Онъ росшибъ, розломалъ голову вѣдь до мозга,
100. Какъ исчасъ тутъ-де дьяволь, право, до смерти; А пошоль-де Лука да, право, прочь оттуль. Онъ ужъ близко-ле шоль, нонѣце далеко-ле, Онъ нашоль-то-де нынѣ на скотскихъ пастуховъ, Пастухи-де вѣдь ходять нынѣце валовъ пасуть,

105. Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Уже здравствуйте-де нынъ да, право, пастухи!
Вы какво царя, какво хозяина?»
А одинъ-де изъ ихъ да тутъ толмачъ-же былъ,
Онъ толмачъ-де былъ, да нынъ умѣлъ говорить:
110. — Ужъ мы пастухи-ле нонъ право Салтановы,
А Салтана короля, право, турецково.—
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«А далѣко-ле-де нынъ, право, до города?»
Говорять-де Луки да эти пастухи:
115. — А до города-де только петь нынъ попрощей.—
Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Я могу-ле натти, право, вашъ городъ?»
Говорять пастухи эти салтановы:
— А одна-де дорога нонъ до города.—
120. Говорить-то Лука да таково слово:
«Ужъ я какъ подотти могу къ палатамъ нонъ,
А къ палатамъ подотти нынъце царскимъ?»
Говорять-де эти Луки пастухи:
— Подходить ты какъ станѣшь нынъце къ городу,
125. Ты заткни у себя да полу лѣвую,
А сочтять-де тебя да заблудящимъ;
Ты зайди-де въ сады ихны зеленые,
Ты срывавай-де вѣдь всяки, право, яблоки.—
Вотъ пошолъ, пошолъ Лука отъ ихъ отправилса,
130. Онъ дошолъ-де какъ близко нонъ до городу,
Онъ пошолъ-де въ сады да во зеленыи,
Онъ заткнулъ-де полу да у ся лѣвую,
Ужъ завидѣли его да добра молодца,
Кабы яблоки онъ ѣсъ да наслаждайтсе,
135. Донесли нонъ Салтану нонъ турецкому,
Кабы вывели оттуть да добра молодца,
Завели его ' полаты нынъ во царскіе,
Какъ царя-то вѣдь въ то время не случилосе,
Енна Марьюшка дочи нынъ Салтановна,
140. Але стала она его допрашивать:
«Ты откуль-де какой да доброй молодецъ?»
Говорить-де Лука да таково слово:
— Я изъ той-де земли, право изъ Руськоей,
А изъ Руськоей земли изъ Свѣторуськоей,
145. А зовутъ меня Лука да сынъ Даниловичъ,

- Ужъ носило миня да, право, по морю,
Кабы по морю носило вного времени,
Не пиваючись-де я, да не ѣдаючись.—
Говорить кабы да Марьюшка Салтановна:
150. «А бывать, молодець, да ты покушать хошь?»
Говорить-то Лука да таково слово:
— Не пиваль я, не ѣдаль да нынъ десятой день.—
Говорить-то-де Марьюшка Салтановна:
«Ужъ вы ой еси, мои, право, куфароцьки!
155. Вы несите-ко молодцу, право, покушати,
Кабы разныхъ переваровъ, да нынъ кушаньевъ».
А куфарки-де скоро да не ослышались,
Наносили-де скоро они кушаньевъ.
Але сталь молодець да онъ покушивать,
160. Але пиль онъ, ѣль, да ноньце кушаль-же;
Забрала его вѣдь тягость тутъ великая,
Говорить-то бы Марьюшка Салтановна:
«А со скуки молодець, да отдохнуть не хошь?»
Прилюбилсе-де удалой доброй молодець,
165. Кабы Марьюшки, Лука да сынъ Даниловичъ,
Повалила его, молоцца, на кроватоцьку.
«Они тутъ заѣтели Олешу полувѣренна—Марьюшка была
изъ невѣрныхъ, потому и былъ у нихъ «полувѣренинъ»».

51.

Данило Борисовичъ.

- Выпадали-де снѣги да, право, на горы;
Кабы эти-де снѣги да испотаели,
Протекли, пробѣжали да ручьи грубын,
Але выпали-де ручейки на тихой Донъ.
5. На тихомъ-де Дону да на казачькоемъ,
Але жиль-ле Данило да сынъ Борисовичъ,
А Данило-то, да онъ вѣдь атаманомъ былъ,
Атаманомъ онъ былъ, право, управителѣмъ,
А имѣль онъ-де шайку петъсотъ молодцовъ,

10. Говорить-де ребятамъ *) добрымъ молодцамъ:
«Ужь вы ой есь донски да наши казаки!
Кабы хто изъ васъ есь да, право, мастера,
Але хто мастера изъ васъ есь плотники,—
Намъ большой-де вѣдь стругъ да надо сробити,
15. А такой-де стружокъ, да невеликъ-немаль:
А што-бы понёсъ онъ насъ петсотъ человекъ,
А петсотъ человекъ да донскихъ казаковъ,
А со всей штобы насъ да со орудіей».
А нашлись вѣдь тутъ да вного плотничковъ,
20. Але стали ёни да стругъ вѣдь робити;
Кабы этотъ вѣдь стругъ да ёни сробили,
Онъ ужъ здумаль, Данило, да сынъ Борисовичъ,
На середку-де онъ да срубъ сробити,
Але сробити-де онъ, право, поставити,
25. А поставити-де онъ да муровой-чердакъ,
Отенуть-де чердакъ да чернымъ бархатомъ,
А пробить это чердакъ да золотымъ гвоздёмъ;
Въ чердаки онъ кроватку да здумаль сробити,
А кроваточку-де онъ право тесовую,
30. Але ноги у кроваточки дубовыи,
Не простого кося—зубья рыбьяго;
На кроватку перину-ле нонь пуховую,
На перину взголовычю косявчато (такъ!),
Але мяконьки подушечки чижовыи,
35. А подушки, одеяло да соболіной.
А совсѣмъ этотъ чердакъ, право, построили,
А совсѣмъ этотъ чердакъ да приготовили,
Приказаль Данило притти всѣмъ на легкой стругъ,
А собрались они петсотъ да добрыхъ молодцовъ,
40. А съ луками, со стрѣлами нонь съ каленыма,
А зашли они-де всѣ да добры молодцы,
Говорить тогда Данило сынъ Борисовичъ:
«Ужь вы ой еси, ребята добры молодцы!
Я забыль-де вѣдь дома да тощу мѣнную,
45. Тощу мѣнную-де—палицу буёвую».
Говорять-де его да добры молодцы:

---

*) «Ребятамъ» — исключительно рѣдкій случай произношенія, обыкновенно «ребятамъ». Н. О.

- Ужъ мы сколькоеро пойдемъ да за твоей казной?—
Говорить-то Данило да сынъ Борисовичъ
На отвѣтъ:—«Вы потыте хотъ и петеры».
50. А пошли-де какъ петъ да добрыхъ молодцовъ,
А приходятъ они да 'тощы мѣнной,
Али 'той они палицы буёвой,
За одинъ они конечъ да не могли признеть,
А назадъ они пошли ноньце безъ паличи.
55. А приходятъ назадъ они на лёккой стругъ,
Говорятъ они какъ эти да петъ молодцовъ:
«Ужъ не могли мы поднетъ да за одинъ конечъ».
А други кабы выхвастались десетеро:
«Ужъ мы десетеро принесемъ тощу мѣнную».
60. А приходятъ они къ той да тощи мѣнной,
Кабы этой-ле паличи буёвой,
За одинъ они конечъ едва пошевеливаютъ,
А другого конча да не могли поднетъ,
А назадъ они пришли опеть порозныи,
65. Не могли принести палицу буёвую.
У Данила-то ево сына Борисовича,
Кабы былъ подъ рукой слуга вѣрная,
Онъ ужъ пилъ съ нимъ и ѣлъ да съ одного стола,
Але платъе носилъ да съ онного плеча,
70. А не больше онъ былъ да лѣтъ семнадцети;
Говорить-то Данило да добру молодцу:
«А поди-ко ты по палицу да сбѣгай-же».
Кабы скоро побѣжалъ да доброй молодець,
Онъ схватилъ эту тощу да за одинъ конечъ,
75. Потацилъ эту тощу да на правомъ плечи,
Кабы бросилъ-де онъ тощу на лёккой стругъ;
На тощи вѣдь подписъ есъ подписана,
Але подрѣзъ есъ подрѣзана,
Але какимъ она кузнечёмъ да, право, роблена,
80. Але сколько вѣсу—она описана,
А описана она да шестьдисятъ пудовъ.
А совсѣмъ они собрались да нынѣ направились,
Ужъ и поплыли они да по тиху Дону,
По тиху-де Дону да по казачкому,
85. Ай хотѣли проплыть они весь тихой Донъ,
А къ тому кабы Шаху да Персичкому.

- На усъмориі хватила да ихъ погодушка,
А така-ле ка' шторма да великая,
Але едва, едва они да не погинули,
90. А не смѣли они-де на морѣ выѣхать,
А ' персичкимъ берегамъ они поѣхати,
Воротились они назадъ по тиху Дону,
По тиху Дону, нонѣце въ городъ Ростовъ,
Але къ Митрею царю да право Бранскому;
95. А постигла ихъ тутъ да темна ноченька.
Кабы Митрея царя да право Бранского,
Его въ городѣ какъ дома не случилось,
Только была у его право ронна сестра,
А ронна сестра съ малинькимъ насленникомъ.
100. Розорили-де они да весь Бранской городъ,
А сестра-де съ насленникомъ она выбралась;
Какъ серебро, они вѣдь золото все обрали,
Убрались они да сами вѣдь изъ города,
Изъ города убрались они на лёккой стругъ,
105. Кабы по Дону назадъ они поѣхали.
Кабы послѣ того да послѣ этого,
А приѣхаль-де Митрей царь вѣдь Браницкой,
Але всё розорено его имущество,
Кабы всё розорено да розворовано,
110. Розорено-де всё да надруганось.
Али Митрей-отъ-ле Бранской онъ хитѣрь-мудѣрь,
У его вѣтъ есь науки козачькин,
Ужъ казачькин науки да молодецкин:
Онъ заставиль затопить печьку муравленку,
115. Але взялъ онъ своё да чернокнижычю,
Але сталъ онъ книжку эту прочитывать,
Кабы сталъ онъ слова таки выговаривать:
«Ужъ впередъ штобы ходу да имъ вѣдь не было».
Приказалъ онъ поймать коня доброго,
120. А садилса-де Митрей на добра коня,
Кабы взялъ онъ съ собой да право тугой лукъ,
А тугой-де какъ лукъ со тетивочкой,
Але взялъ онъ стрѣлочку калѣную,
А калѣную стрѣлочку перѣночку,
125. А поѣхалъ онъ ' сугонъ да за разбойникомъ,
Онъ настигъ этотъ стругъ, право, по берегу,

- Але стругъ-отъ стоитъ да не у берегу,—
На субой далеко да онъ поставленной;
Онъ направиль-ле свой да право тугой лукъ.
130. Онъ наладиль-де стрѣлочку калѣную,
Але самъ онъ стрѣлы да приговариваль:
«Полети-де ты моя да калена стрѣла!
Пролети ты-де палубу струговую,
Росшиби ты, пробей да муровой чердакъ,
135. Залети ты Данилу да какъ во правой глазъ».
А спустиль онъ стрѣлу да изъ туга лука,
Заскрыпѣли-де у лука туги маклеки,
Какъ не два сѣры волка завояли,
Полетѣла изъ лука да калена стрѣла,
140. Пролетѣла она у струга палубу,
Ужъ пробила, проломилла муровой чердакъ,
Залетѣла она Данилу нонь во правой глазъ.
Заревѣль-де Данилко ярымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, ребята добры молодцы!
145. А топере-де мнѣ, право, конечъ пришолъ,
Ужъ вы вывезите миня да на сыру землю».
Повезли-де Данила да на сыру землю,
Какъ осталса Данило да сынъ Борисовичъ;
А поѣхали затимъ они по тиху Дону.
150. Они вѣдь ѣхали-де съ утра да день до вечера,
А постигла-де ихъ да нынѣ тѣмна ночь,
Ужъ сварили они ужину, поужинали,
Ужъ хотятъ они легчи да нынѣ на тѣмну ночь.
Какъ потыхла зоря нонѣе вечерняя,
155. Набѣжалъ у нихъ Данило да сынъ Борисовичъ,
Говоритъ-то Данило да таково слово:
«Я васъ всѣхъ-де нынѣ съѣмъ, да право, всѣхъ приѣмъ!»
А на то вѣтъ его слуга вѣрная,
Онъ ухваччивый-де былъ, право увѣрточной,
160. Побѣжалъ онъ-де скоро да на лѣккой стругъ,
Онъ схватилъ эту тощу да право мѣнную,
Какъ билса онъ съ имъ, право, во всю нонь ночь,
А во всю-де онъ ночь, до самого утра,
А не могъ онъ убитъ право разбойника;
165. Зачелась какъ зоря да право утренна,
А одинъ-де присталъ да ѣдва живъ стоитъ,

- А другой-де отъ свѣту да палъ на землю.
Кабы здумали ёни да добры молоуцы,
Кабы въ землю-де яму право выкопать,
170. А въ исподъ его глазами да въ яму бросити;
А зарыли они его жолтымъ пескомъ,
А на верхъ закатили да хрешё-каменьё,
А оттуль-де назадъ домой поѣхали.

52.

Князь Долгоруковъ.

- Во той во матушки каменной Москвы,
Среди было кремля-ле славна города,
Стояла полата бѣлокаменна;
У палаты подѣлоцька бруссёная,
5. Але столбики стоятъ тоцёныя,
У столбовъ головки золочёныи.
Во той полаты бѣлокаменной,
Жиль тутъ, былъ да Долгоруковъ князь;
Въ городи былъ онъ управителёмъ;
10. Не было у него не сына, не дочери,
Только съ малыхъ лѣтъ былъ взять пріёмышокъ.
Живётъ-то пріёмышъ вного времени,
Онъ повырощенной до полна возраста,
Онъ пьётъ-ле, ѣсъ, да съ одного стола,
15. Але платычо носить съ одного плеча,
А всё ему да предовѣрено,
Предовѣрено и довѣрено,
Вся ему да золота казна,
Золоты ключи и кованы ларьчи
20. Вся казна да Долгоруковска *).
А по часту онъ сталъ ходить на царевъ кабакъ,
Онъ по многу носить сталъ золотой казны,
Онъ не вѣдрами берётъ, не полувѣдрами,
Онъ откатывать всё боцькой сороковоцькой;
25. Онъ выкатывать на площадь на широкую,

*) До 20-го стиха былина записана съ пересказа, дальше съ голоса.

- Онъ поить-де голей, да всё кабацкіихъ;
Але дѣпяна дѣтина напиваитце,
Съ чумаками у его нонь зашолъ розговоръ,
А зашолъ розговоръ, нынь-де вышель споръ:
30. «Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы давно-ле живите, да мало знаите—
Я живу-то-ле у князя Долгорукова,
Я живу-то-ле у князя ровно тридцеть лѣтъ,
А на мѣсто-де сына, мѣсто дочери,
35. Але пью то-ле какъ ѣмъ я съ одного стола,
Але платѣ ношу я съ онного плеча,
Але всё кабы мнѣ ноньце довѣрено,
Але всё мнѣ-ка нонь да предоставлено,
Кованы-де ларьци да золоты ключи,
40. Золота-де казна вся долгорукова,
Ужъ не знаю у ей да я не прибыли,
Ужъ не знаю у ей да я не убыли;
А живу-де я времени-де тридцеть лѣтъ,
Але три года живу я со княгиною» *).
45. А на то-ле чумаки да чѣловальники,
Они злы кабы были, какъ смышлѣныи,
Кабы эти они рѣчи да всѣ послушали,
А подслушали эти рѣчи да нынь похвальнія,
А похвальнія слова, да непорядочны,
50. Они здумали донести князю Долгорукову.
Ужъ пришли они ко кремлю да славну городу,
Ужъ зашли они ко князю да Долгорукову:
«Ужъ ты ой еси, князь да Долгоруковъ-же!
Мы пришли-де къ тебѣ да безъ доклада нонь, **)
55. Мы пришли объявить тиѣ про ключника,—
Съ позволенья онъ-де ходитъ ноньце съ вашего,
Але самъ онъ сибѣ да самовольствуётъ?

---

*) П. Поздѣвъ спѣлъ тутъ такъ:

... «Я живу ноньце у князя ровно тридцеть лѣтъ,
Со княгиной я-де знаюсь ровно три года:
А съ княгиной я съ одного стола кушивалъ,
Я не то што-ле кушивалъ—на руки сыпалъ,
А не то што на руки сыпалъ—въ уста чѣловалъ.

**) У П. Поздѣва Долгорукову доносить не чѣловальники, а придворные князя.

- Онъ почасту вѣдь ходитъ на царевъ кабакъ,
Онъ по многу-ле берётъ да зелена вина *)...
60. ... Говоритъ-то на то да Долгоруковъ князь:
— Ужъ вы ой еси мои да слуги вѣрныя!
Слуги вѣрныя мои, да неизмѣнныя!
Ужъ вы подьте-ко не одинъ, двоимъ, хоть петерымъ,
Вы найдите моего да млада ключника,
65. Ужъ ведите-ко его да не оставте нынъ.—
Услыхала-де слова эте Долгорукова,
Выходила за имá да на круто крыльчо,
Говорила-то она имъ таково слово:
«Ужъ вы ой еси, рибята да добры молодцы!
70. Ужъ ведите нонь-ле уличей-де занней,
Але занней-ле уличей, да не передною.
А пошли-де рибята да слуги вѣрныи,
Ужъ искали они ключника по городу,
А нашли они у царева да больша кабака,
75. Але пьянъ онъ ходитъ, да нынъ пьянѣшинѣкъ,
Кабы взяли они молодца за бѣлы руки,
Да за хороши за персни за злачѣныя,
Повели они молодца нынъ по городу,
Але ключникъ-де има да наговаривать:
80. «Ужъ вы ой еси, рибята да добры молодцы!
Не ведите меня уличей перенною,
Вы ведите меня по занней уличи,
А мимо кабы ту княгину ноньце горничу,
Я послѣднюю спою княгины пѣсенку,
85. Але пѣсенку спою да право жалобно». Ужъ ведутъ молодца уличей занней,
Мимо княгину ведутъ да Долгоруковъску,
Онъ запѣлъ вѣдь ключникъ право пѣсенку;
Услыхала-ле княгина право въ горенкѣ,
90. Ётперла-ле она да польокошечка,
Ужъ слезами-ле княгина да уливааете.
Привели кабы ключника на уличу,
Ужъ ко той-ле ко рели ко высокой,
Ужъ приказывать-де князь да изъ окошечка,
95. Але въ петелку-де ключника повѣсити;

*) Повторяется рассказъ ключника—выпущено.

Але ключникъ во петелкѣ лягайтце,
А княгина-де во тереме кончаитсе:
«Куды полетѣлъ бладь-ясень-соколъ,
Туды-же летѣтъ бѣлой лебеди».

II. Игнатій Михайловичъ Дуркинъ.

Маленькій сѣденькій старичокъ свыше 75 лѣтъ. Пѣль у меня всего одинъ день, пѣль Илью и Соловья, Садка, Димитрія Бранскаго и нѣскольکو стиховъ. Очень былъ польщенъ, что я позвалъ его, слушаю пѣніе, и пою чаемъ. Все время пока пѣль—пилъ чай и водку, отпивая маленькими глотками; постоянно останавливался, внося въ пѣніе неидушіе къ дѣлу разговоры.

53.

Илья Муромецъ.

- Какъ во томъ-ле было прежде городѣ Муромѣ,
Кабы жилъ кабы былъ тутъ нонь старъ казакъ,
Кабы старъ, пишуть, казакъ Илья Муромецъ;
Онъ сидѣлъ-то на печинкѣ-то тридцеть лѣтъ,
5. Не имѣлъ при себѣ онъ какъ вѣдь рукъ-ле, ногъ.
Какъ ушли его нонь отецъ-ле, ноньце матушка,
Онъ осталса на пецкѣ на муравленкѣ,
Какъ пришли-ле тутъ двѣ калеки нонь убогея,
Какъ зашли ноньце къ ему, Богу помолилися,
10. Говорятъ они старому Ильѣ Муромцу:
«Охъ ты ой еси, старыя Илья Муромецъ!
Ты ставай-ко ноньце съ печеньки муравленой».
Говоритъ на то старой имъ, ѣтвѣтъ дѣржитъ:
— Охъ вы ой еси, какъ люди нонь хрещоныя!
15. Я сидю ноньце на пеценькѣ земляной право,
Я невного нонь немало, ровно тридцать лѣтъ.—
Говорятъ ему калеки во второй наконъ:
«Ты ѣтвѣдай-ко, ставай ноньце какъ съ пецито-то».
Кабы сталъ ноньце ихъ-ле право слушатъсе,

20. Онъ змахнулъ ноньце своимъ руками бѣлыма,
Шевелить какъ сталъ ногами ноньце рѣзвыма,
Говорятъ ему калеки таковы слова:
«Слезывай-ты ноньце съ пецъки земленой право».
Онъ какъ сталъ ноньце слезывать, право, со пеценьки,
25. Какъ задѣствовали его руки бѣлыя,
Заслужили какъ его нонь ноги рѣзвыя.
Какъ говорятъ ему калеки нонь прохожіе:
«Ты возьми какъ ведро ноньце водяное,
Ты поди-ко нонь сходи какъ за водой право,
30. Ты на ту какъ нонь на рѣценьку Карчагу-ле,
Принеси-ко ты ведромъ воды, право».
Онъ пошоль-ле старой нонь за водой, право,
Онъ принёсъ нонь воды, право, ключевой.
А сидятъ-ле тутъ калеки, говорятъ, право,
35. Говорятъ они старому Ильѣ Мурому:
«Ты повыпей-ко-же ноньче воды сколько хочетсе».
Говорятъ тутъ нонь калеки, его спрашиваютъ:
«Ты учююль-ле нонь въ себѣ, право, цего-сего?»
Говоритъ ноньце старой какъ имъ отвѣтъ дѣржитъ:
40. — Я поцюль ноньце въ себѣ силу великую.—
Говорятъ на то ищѣ калики-то:
«Кабы есь у 'тця, у 'тця-ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у ихъ полѣ посѣяно,
Зашоль ноньце скотъ да кабы топъцеть-ле,
45. Ты поди огорода, огорода какъ ноньце Божей даръ».
Какъ юшли-то калеки нонь убогія,
А пошоль онъ какъ хранить полѣ ѣтцовское.
Онъ завидѣль-ле въ поли ноньца скотъ ходитъ,
Онъ какъ изъ поля скота ноньце выганивалъ,
50. Кабы полѣ-то сырымъ дубьемъ огораживалъ,
Онъ вѣдъ рвалъ тутъ какъ дубьицо съ кореньницомъ,
Онъ оклалъ, огородилъ людемъ на юдивленьицо.
Какъ пришли его отецъ-ле, ронна матушка,
Какъ пришли они, увидѣли свое полѣ,
55. Кабы всё оно какъ дубьями заклажено,
Они тутъ какъ-бы сами удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у насъ сотворилися?»
Зашли они въ комнату свою тёплую,
Какъ ювидѣли старой ихъ сынъ здоровой сталъ,

60. Говорить ноньце старой какъ отцу, матушкѣ:
«Охъ ты ой еси, отецъ-ле нонь родимыя!
Охъ ты ой еси, какъ матушка любимая!
Вы какъ дай ноньце вы мнѣ было благословленьицо,
Я хоцю ноньце ѣхать въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
65. Я хоцю нонь посмотрѣть князя Владимира,
Со его любой со матушкой любимой». Кабы дали тутъ ему благословленьицо,
Кабы ѣхати ему на стольнѣй Кіевъ-градъ,
На своемъ-то конѣ-лѣ право бѣлыѣмъ;
70. Кабы былъ-то ю отца его конь бѣлой весь,
На юбѣлъ весь какъ бѣлыя куропать,
Его хвостъ былъ-ле, грива научеръ-черна.
Кабы сталъ ноньце старой тутъ отправлятисе,
Какъ онъ въ ту-ле дорожку старопрежнюю,
75. Старупрежнюю дорожку прямоѣзжую,
На котору поселился кабы Соловей,
Поселился тутъ вѣдь соловей Рахматовичъ.
Онъ сидитъ вѣдь кабы самъ-отъ на сырыхъ дубахъ,
На тринадцати сидитъ какъ мелкихъ падубкахъ;
80. Кабы были у его вѣдь сильни заставы:
Кабы первая застава станичники,
А другая кабы застава граничники,
Кабы третья была застава турзы-урзы,
Какъ турзы эте урзы ѣне проклятыя.
85. Какъ поѣхалъ нонь старой-ле въ путь дорожиньку,
Какъ пришли вѣдь три ростани, три дорожиньки,
Какъ стоять-ле тутъ ноньце, право дубовой столбъ,
На столбу-тутъ какъ надписи подписаны,
Кабы подрѣзи кому юказаны:
90. «Кабы въ правоѣ дорожку идти-ѣхати,
Какъ во той-ле дорожинькѣ богату быть;
Какъ ' середнюю дорожку, право, ѣхати,
Во середнѣй-то дорожки живому не быть;
Кабы въ третью-ту дорожку кабы ѣхати,
95. Какъ во третей-то дорожки жонату быть». Кабы тутъ стоять старой-ле нонь роздумалса:
«Кабы що ноньце мнѣ ѣхать въ ту дорожоньку,
Во которой мнѣ дорожоньки богату быть?»
А ' середню мнѣ-ка ѣхать какъ жонату быть?

100. Кабы лучше я поѣду въ третью дорожоньку,
Во которой дорожкѣ живому не бытьъ.
Онъ поѣхаль нонь старой-ле въ ту дорожоньку,
Во которой какъ старому живому не бытьъ.
Кабы ѣдѣть ближе къ городу ко Кіеву,
105. Приѣзжаётъ онъ ко первой-ле заставѣ,
Тутъ стоели какъ на заставы станичники.
Они близко тутъ старому приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ они старого испохабити.
110. Говоритъ ноньце старой имъ, какъ ѣтвѣтъ дѣржитъ:
«Охъ вы ой еси, удалые добрые молодцы!
Ужъ вы потѣте ноньце проць отъ старого,
У старого смерть будѣтъ страховитая».
Какъ на то ноньце станичники не врандуютъ,
115. Кабы ближе всѣ ' старому приближаютца.
Кабы браль-ле въ руки палицу жалезную,
Кабы сталь онъ ихъ поганныхъ помахивать,
Какъ туда-то махнѣтъ—лежатъ улицьма,
120. На округъ-то поворотитъ—съ переюлками;
Онъ побилъ ихъ проклятыхъ до единого,
Онъ опеть-же заскакиваль на добра коня,
Онъ ѣпеть-же поѣхаль ноньце къ городу.
Какъ стрѣцяетъ тутъ его другая застава,
125. Тутъ стоятъ-ле на заставы граничники,
Они тоже кабы ближе приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ его стащить-ле со добра коня,
Говоритъ какъ имъ старой нонь таково слово:
130. «Охъ вы ой еси, удалы добрые молодцы!
Вы не бейте какъ меня-ле ноньце старого,
А старого вѣдь нонь бить вамъ незашто,
У старого какъ взять-ле ноньце нечего,
У старого только есь ноньце бѣлой конь,
135. Кабы конь вѣдь наубѣль вѣдь бѣль,
Кабы хвостъ-ле его, грива на ючернь-черна;
Ищѣ есь только при се-ле право чудень кресъ,
Онъ невного ноньце стоитъ—во петсотъ рублей».
Кабы пуще тутъ прокляты ѣсержаютца,
140. Кабы ближе-ле ' старому приближаютца,

- Какъ на то-ле прежь старой-оть былъ догадливой,
Онъ вѣдь бралъ вѣдь въ руки палицу жалѣзную,
Кабы сталь-же ихъ проклятыхъ помахивать,
Онъ впередъ туда махнѣтъ какъ лежать улицьмы,
145. Онъ прибилъ какъ бы всѣхъ тутъ до единого,
А ѣпеть-же заскакивать на добра коня,
А ѣпеть-же какъ ѣдѣтъ какъ ближе къ городу.
Приѣжжаётъ какъ къ послѣдней ноньце заставы,
Тутъ стоели какъ на заставы турзы-урзы,
150. Какъ турзы-ле-урзы Богомъ проклятыя,
Какъ-бы ближе-ле ' старому приближаютца,
А хотять ищѣ старого бити-грабити,
А хотять они стащить его со добра коня.
Говорить-ле имъ старой какъ въ послѣдней разѣ:
155. «Охъ вы ой еси, турзы-урзы проклятыя!
Ужь вы потыте ноньце проць ѣтъ старого,
У кого у васъ какъ есь нонь молоды жоны,
У кого кабы у васъ есь дѣти малыя». .
Какъ на то они проклятыя не врандуютъ,
160. Они ближе-ле къ старому приближаютца,
Какъ старой ноньце вѣдь крѣпце осержаетце,
Онъ какъ бралъ ноньце саблю свою вострую,
Кабы сталь тихъ турзовъ нонь помахивать,
Какъ присѣкъ ихъ всѣхъ нонь до единого.
165. Онъ ѣпеть-же заскоцилъ какъ на добра коня,
Онъ опеть-же ѣдѣтъ въ ту дорожоньку,
А котора какъ идѣтъ-ле ноньце къ Кіеву.
Приѣжжааетъ нонь ко подкопу какъ первому
Какъ глубокой-ле подкопъ тутъ ископанной,
170. Во подкопи-то копыця поставлены,
Какъ завидѣлъ старой тутъ глубокъ подкопъ,
Онъ приправиль своего коня доброго,
Какъ скочить-ле черезъ тотъ глубокъ подкопъ,
Какъ повыскачилъ его-ле ноньце доброй конь.
175. Кабы опеть нонь какъ ѣдѣтъ ближе къ городу,
Ко другому-ле подкопу онъ подѣхалъ нонь,
Онъ приправиль-же своѣго коня доброго,
Онъ стегнулъ какъ его нонь по крутымъ ребрамъ,
Повыскачилъ его-ле, право, доброй конь.
180. Онъ опеть-же ноньце ѣдетъ ближе къ городу,

220. А припаль его какъ конь вѣдь на колѣни-то,
Кабы бѣть его старой вѣдь по тучнымъ ребрамъ:
«Кабы ой еси, ты нонь-ле право доброй конь!
Не слыхалъ будто вороньяго граянья?
Не слыхалъ вѣдь какъ вороньяго курканья?»
225. Какъ скочилъ вѣдь какъ тутъ конь на рѣзвы ноги,
Какъ тутъ ноньце старой-ле осержаетце,
Натенулъ онъ свой-ле, право, тугой лукъ,
Онъ направилъ какъ-бы стрѣлоцьку калѣную,
А калѣную стрѣлоцьку, перѣную,
230. Онъ направилъ кабы ей, самъ приговариваль:
«Охъ ты ой еси, моя стрѣла калѣная!
Охъ ты ой еси, моя стрѣла перѣная!
Полети-ко моя стрѣлоцька туда, право,
Ты туда-ле ка' стрѣлка, куды я велю,
235. Полети-ко нонь ты Соловьёю во правой глазъ».
Полетѣла его нонь калена стрѣла,
Какъ не падала она-ле ноньце на горы,
Какъ не падала она ноньце на землю,
Залетѣла, право, Соловьёю во правой глазъ,
240. Кабы тутэ нонь Соловей свернулса нонь,
Какъ свернулса ноньце Соловей съ сырыхъ дубовъ;
Какъ старой-отъ былъ вѣдь Богомъ онъ ухватчивой,
Подгонилъ ноньце подъ Соловья Рахматова,
Онъ схватилъ кабы Соловья на полети нонь,
245. Привезаль его ко степи лошадиной,
Какъ поѣхаль-то бы ближе то бы ' городу.
Кабы было тутъ у Соловья деветь доцереи,
Какъ на всѣхъ было взято деветь зетевьей,
Кабы близко тутъ старой къ нимъ приближается;
250. Какъ завидѣли старого непріятели,
А хотять-бы его, право, побить, право,
А сидитъ тутъ кабы Соловей на добромъ конѣ,
Онъ сидитъ-ле старымъ какъ тутъ привязаной,
Говоритъ онъ какъ своимъ любимымъ зетевьямъ:
255. «Вы не бейте ноньце руського богатыря,
Не сердите кабы нонь его-ле молодца,
Ужъ вы лучше унижайтесь нонь добрымъ концомъ,
Какъ просите нонь: мня онъ не спуститъ-ле».
Кабы были у его ворота широкія,

260. Кабы были тутъ надворотнички тежолыя,
Кабы кто тутъ заѣдетъ, придавать того,
Говорить ищэ имъ Соловей Рахматовичъ:
«Не сердите вы какъ руського боготыря,
Не спускайте какъ надворотенку тежолую».
265. Какъ опеть-же поѣхалъ ближе къ городу.
Какъ невного поры время миновалосе,
Приѣзжаётъ старой какъ ближе къ городу,
Онъ соскакивалъ ' своего коня доброго,
Привезалъ какъ коня доброго къ дубову столбу,
270. Къ дубову-ле ёнъ столбу, золоту кольчу,
Какъ пошолъ ноньце типеря во свѣтлу гриню,
Во свѣтлу-ле эту гриню княженеческу,
Какъ заходитъ онъ во гриню, Богу молитца,
На всѣ стороны какъ самъ тутъ поклоняйтца,
275. А князю-то, княгини на ёсобичу:
«Ужь ты здравствуешь, нонь солнышко Владимиръ-князь!
Ожь ты здравствуешь, нонь сѣ матушка Опраксія!»
Говорить ноньце какъ солнышко, отвѣтъ держить:
— Охъ ты здравствуешь, удалой доброй молодець!
280. Ты ёткуль ноньце ѣдѣшь, куда прависься?
Ты какого-ле отца, какой матушки?
Ище какъ ты молодца имянѣмъ зовуть?—
«Изъ того ѣду изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ле я села-жила Карчагова».
285. — Ищэ какъ ты молодца нонь именѣмъ зовуть?—
«Именѣмъ меня зовуть-ле-я какъ старъ-казакъ,
Какъ бы старъ-казакъ я, ноньце Илья Муромецъ».
— Уже какъ ты, поколь нонь ѣхалъ, правилса?—
«Я вѣдь ѣхалъ нонь дорожкой старопрежней,
290. Старопрежней дорожкой, прямоѣжжоей,
На котору поселилса кабы Соловей,
Поселилса онъ, сабака, убивалъ вного,
Убивалъ онъ, какъ, грабилъ людей добрыхъ,
Онъ поставилъ тутъ заставы великія.
295. Мнѣ какъ Богъ пособиль—я всѣ проѣхалъ нонь,
Какъ побилъ я тутъ вѣдь Соловья Рахматова,
А стронилъ какъ его я со сырыхъ дубовъ,
Привязалъ я ко степи лошадинной,
Онъ сидитъ ноньце у мня какъ на добромъ конѣ,

300. На добромъ кони сидитъ привязаной». Говоритъ-ле на то солнышко Владимиръ-князь: — Охъ ты ой еси, старь-ле доброй молодець! Ты садись-ко нонь съ дороженьки попить-поись, Ты попить ноньце, поись, хлѣба покушати.—
305. Какъ садилса старой ноньце, попилъ-поѣлъ, Кабы сталъ его вѣдь солнышко тутъ спрашивать, Кабы сталъ онъ вѣдь тутъ съ нимъ розговаривать: «Какъ невозможно-ле нонь Соловья завести суда?» Говоритъ на то старь-ле, какъ отвѣтъ дѣржитъ:
310. — Какъ пошли-тко ты-ле слугъ-ле вѣрныхъ, Кабы вѣрныхъ ты слугъ-ле, неизменныхъ.— Какъ пошли эте вѣдь слуги ноньце вѣрныя, А подходятъ они ближе къ коню доброму, Какъ завидѣли тутъ Соловья привязана,
315. Ужахнулись они Соловья Рахматова, Говорятъ они какъ Соловью Рахматову: «Охъ ты ой еси, нонь Соловей Рахматовичъ! Мы какъ посланы отъ стара-ле казака Ильи Муромца, Мы какъ посланы отвезать тебя нонь, право,
320. Какъ отъ той-ле отъ степи лошадиной». Говоритъ кабы имъ Соловей, отвѣтъ дѣржитъ: — Я не вашима руками нонь привязаной, Я не вашима руками коню приказаной, Кто нонь привязалъ меня къ добру коню,
325. Я того ноньце могу-ле право слушати.— А зашли эти вѣдь слуги нонь, народъ въ гриню, Кабы сказываютъ они князю Владимиру: «Говорилъ вѣдь нонь какъ Соловей Рахматовичъ: «Я не вашима руками снжу привязаной,
330. «Я не вашима словами снжу приказаной, «Кабы хто меня привязалъ, того я слушаю». Говоритъ ищѣ какъ солнышко ' второй законъ: — Охъ ты ой еси, старой-ле Ильи Муромецъ! Заведи-ко ноньце Соловья въ свѣтлу гриню.—
335. Пошоль-ле старой нонь ко добру коню, Кабы сталъ ноньце ѣнъ Соловья ѣтвязывать, Говоритъ самъ какъ Соловью Рахматовичу: «Ты пойдѣмъ ноньце какъ Соловей въ свѣтлу гриню,
340. Ты Владимиру-царю на посмотреньицо,

- А стороннымъ ты людямъ на удивленьицо».
Онъ завѣлъ ноньце какъ Соловья Рахматовича,
Говорить на то какъ солнышко Владимиръ-князь:
— Охъ ты ой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
345. Ты позволъ-ко ноньце Соловью засвистѣть, право,
Засвистѣть кабы ему нонь о полусвиста,
Закричать кабы ему нонь о полукрика.—
Говорить-ле тутъ старъ таково слово:
«Какъ велю я засвистѣть ему о полусвиста,
350. Я возьму-ле нонь тебя князя въ руку правую,
А княгину надо взяти въ руку лѣвую».
Говорить ноньце старой-ле право Соловью:
«Засвисти-ко ноньце Соловей въ полусвиста».
Кабы много тутъ народу собиралося,
355. На юдивленіе какъ въ Кіевъ соѣзжалисе;
Засвистѣлъ онъ ноньце Соловей въ полусвиста,
Подрожала ровно гриня княженеческа,
Кабы князь-отъ, княгина цютъ не юнали тутъ,
Простонародіе тутъ всѣ какъ ровно заспали.

54.

Дмитрій Бранской.

- Кабы былъ-ле прежде Митрей-ле Бранскія,
Онъ какъ былъ, право, Митрей-отъ хитѣрь-мудѣрь,
Онъ какъ могъ-бы ходити рыбой щукою,
Ищэ могъ-бы какъ бѣгати сѣрымъ волкомъ,
5. Кабы могъ ище рыскать бѣлымъ горносталѣмъ.
Какъ-бы былъ-ле прежде дядюшка Имбалъ-король,
Кабы были у ёго-ле два племянницка,
Какъ придумали нонь ѣхать въ Бранской городъ,
Ко тому ёни ко Митрею ко Бранскому,
10. А захотѣли роззорить они Бранской-отъ городъ,
Они просятъ какъ у дядюшки было благословеньица,
Роззорите нынѣ хотятъ славной Бранской городъ;
Они просятъ какъ у дядюшки благословеницо,
Говорить на то имъ дядюшка Имбалъ-король:
15. «Охъ вы ой еси, мои родны племяннички!

- Какъ не дамъ ноньце я вамъ благословленьице;
А какъ билса я прежде ' Митреёмъ ровно тридцеть лѣтъ,
Не могли мы одинъ другого ранити,
Не могли какъ вѣдь мы другъ друга кровавити:
20. Кабы Митреётъ вѣдь нонь право хитѣрь-мудѣрь,
Онъ вѣдь можотъ ходить-ле въ морѣ щукою,
Онъ вѣдь можотъ-ле бѣгати сѣрымъ волкомъ,
Ищѣ можотъ-ле рыскать бѣлымъ горносталѣмъ».
Какъ на то его племянницки не врандуютъ;
25. Кабы стали тутъ два брата снаряжатися,
Кабы стали ѣтправлятися во Бранской городъ,
А поѣхали они ближе ко городу,
А какъ близко-ле ко городу приближаютца,
Заѣжжаютъ нонь они въ славной Бранской городъ,
30. Кабы Митрея въ городи не случилось,
Какъ уѣхаль ноньце Митрей ко Черну морю,
А сгрѣлети тамъ гусей, кабы лебѣдышекъ,
Побивать-ле кабы малынхъ утянышокъ.
Какъ заѣхали они въ славной Бранской городъ,
35. Кабы зажили робята подомашному,
Кабы лучшую вѣдь силу всё повыбили,
Какъ другая тутъ вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божии-те церкви всё повыжгали,
Присвятую Богородицю во грезъ стоптали.
40. Кабы были у Митрея три ворона,
Какъ три ворона-то были тамъ кормлѣныя,
Полетѣли эти вороны ко Черну морю,
А искать-ле своего какъ хозяина;
Прилетѣли они какъ ко Черну морю,
45. А завидѣли какъ Митреёвъ-ле чернъ шатѣрь,
Какъ садилисе ти вороны на сыро дубѣ,
Кабы первоётъ воронъ тутъ возграиваль,—
Кабы спитъ-ле тотъ Митрей не пробудитса;
Какъ другой-отъ-ле воронъ тутъ возграиваль,—
50. Кабы тоже Митрей спитъ нонь не пробудитса;
Кабы третей-отъ воронъ тутъ возграиваль,—
Кабы тутъ-ле ноньце Митрей пробужаитса,
Онъ съ тежолымъ-ле со сномъ какъ роздѣляется,
Онъ какъ вышолъ ноньце Митрей изъ черна шатра,
55. Онъ увидѣлъ своихъ вороновъ кормлѣнныхъ,

- Какъ увидѣлъ еще вороновъ поёныхъ,
Кабы самъ-ле тутъ Митрей розговаривать:
«Охъ вы ой еси, мой какъ черны вороны!
Видно есь у меня надъ городомъ незгодушка?»
60. Видно есь у мня надъ Бранскіимъ великая?»
Онъ какъ скоро заскоцилъ тутъ на добра коня,
Онъ вѣдь скоро погонилъ ближе ко городу,
Приѣжжяётъ ко городу ко Браньскому,
Кабы весь его городъ розвоеваной,
65. Кабы лучшая-ле сила вся повыбита,
А другая-то вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божьи-ле церькви всѣ повыжганы,
Присвятая Богородица въ грезѣ стоптана;
Какъ увидѣлъ ноньце Митрей Богородицу,
70. Онъ скочилъ со своего коня доброго,
Онъ какъ взялъ ей-ле во рѣзвы руки,
Говоритъ кабы-ле ей-ле Богородицѣ:
« Ты пошто ноньце далася кабы поганимъ?
Ты пошто ищѣ далася ноньце проклятымъ,
75. Ты даласе кабы имъ да на поруганьѣ?»
Онъ поставилъ ей куда какъ ноньце хочетса.
Какъ была-ле у его, право, родна сестра,
Какъ уѣхали два брата Долгополыя (такъ),
Увезли они у Митрея родну сестру,
80. Они выѣхали на полѣ на чистое,
А поставили они-ле тутъ, право, чернъ шатерь.
Засвистѣлъ кабы Митрей нонь въ городѣ,
Онъ вѣдь подалъ какъ своей силы нонь голосъ-ле,
Засвистѣлъ кабы Митрей во второй законъ,
85. Кабы стала его сила приближатисе,
Засвистѣлъ ищѣ Митрей въ третей-ле разъ,
Набѣжала его сила нонь великая;
Какъ пошли ноньце въ сугонъ они за братьями,
А настигли кабы ихъ вѣдь на поли,
90. Отдыхаютъ они нонь какъ во черномъ шатрѣ,
Кабы тутъ-же сидитъ его родна сестра,
Какъ сидитъ у одного-ле ноньце вшей ловить.
Кабы Митрява сила приближантца,
Кабы Митреѣтъ-ле былъ, право, хитѣръ-мудѣръ,
95. Онъ заскакивалъ въ шатѣръ бѣлымъ горносталѣмъ,

- Онъ поскакивать-ле Митрей нонь горносталёмъ,
Какъ у тугихъ луковъ онъ струны выкусаль,
У калёныхъ ихъ вѣдь стрѣль-ле уши выкололь.
Какъ сидить тутъ вѣдь Митрея родна сестра,
100. Какъ увидѣла ноньце право горносталя,
Она думать какъ себѣ нонь такову думу:
«Какъ явилса вѣдь нонь, право, какъ родной вѣдь братъ».
Кабы тутъ она сидить нонь зрыдоваласе;
Какъ выскакиваль горносталъ изъ черна шатра,
105. Овернулса какъ горносталъ ноньце Митреёмъ,
Засвистѣль кабы Митрей во первой нонь разъ,
Засвистѣль кабы Митрей-отъ въ другой-ле разъ,
Кабы стала его сила привлижатисе,
Засвистѣль ищѣ Митрей во третей-ле разъ,
110. Какъ успѣла его нонь тутъ сила великая,
Приказаль-ле онъ хватать етихъ двухъ брателковъ.
Какъ схватили етихъ двухъ-ле ноньце брателковъ,
Приказаль онъ какъ своей силы великоей:
«Вы ю одного глаза ноньце ископайте,
115. У другого по колѣнъ ноги отсѣкните».
Какъ сроботала его сила великая,
Какъ ' одного глаза ноньце ископала,
У другого по колѣнъ ноги отсѣкла нонь,
Говорить на то Митрей ноньце Бранскія:
120. «Ужъ вы потѣте какъ назадъ, право, въ свою землю,
Ужъ потѣте нонь ко дядюшкѣ ко Имбалу,
А слѣпой—ты носи, глазатой—указывай».
Какъ пришли ноньце они, право, ко дядюшкѣ,
Говорить на то имъ дядюшка Имбаль-король:
125. «Вы не слушали старого вамъ наказываньё».

55.

Садко.

Кабы было во городи во Кіевѣ.
Какъ у ласкова князя-та Владимира,
Кабы было пированьё, столованьё.
Кабы вногъ тутъ сѣзжалось купцей-людей,

5. Какъ купцей людей право торговыхъ,
А сядили какъ вѣдь тутъ-то ихъ ноньце за столики,
Угощали ихъ ноньце, цего имъ хоцѣтце.
Кабы всѣ они тутъ напивалися,
Кабы всѣ они тутъ стали пьяноватыѣ;
10. Какъ сидѣль-то Садко купецъ за столикомъ,
Онъ за столикомъ сидѣль какъ за переднеемъ,
Онъ выходитъ Садко ноньце изъ за столика,
Онъ на серѣдку вѣдь полу какъ кирпичата,
Онъ самъ близко къ столу нонь приближайтсе,
15. Онъ вѣдь проситъ себѣ право охотничка:
«Я хоцю кабы съ нимъ ноньце бится-ле,
Я хоцю вѣдь нонь въ Новѣ-Градѣ товары всѣ
повыкупить.
Я товары какъ тутъ всѣ повыкуплю,
А на матушку на Волгу всѣ повывожу,
20. Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгружу». .
Тутъ выходитъ нонь попъ, отецъ духовныя,
Онъ вѣдь близко-же къ столу самъ приближайтца,
Говоритъ-ле нонь какъ попъ таковы рѣчи:
— Я вѣдь бьюся-ле съ Садкомъ, купцѣмъ богатьемъ,
25. Кабы бьюся я вѣдь съ нимъ да о великъ залогъ,
Какъ не о стахъ рублей нонь не о тысячахъ,
О своихъ-ле буйныхъ право головушкахъ.—
По Садки-то поручалисе купцы-люди,
По попи-то поручалисе попы, дьяки,
30. Какъ билися они тутъ о великъ залогъ.
Розошлися какъ съ пиру ѣни, розѣхалися,
Какъ Садко-ко забиралъ sibѣ прикатчиковъ,
А купити хоцѣтъ товары во Новѣ-Гради.
Кабы купятъ они-ле, право, день поры.
35. Кабы купятъ они, право, другой поры,
Ище купятъ, право, они недѣлю всю,
Не могли ѣни товары тутъ повыкупить,
У Садка-ле казны нонь мало можетца,
Во Новѣ-Гради товару больше старого;
40. Кабы тутъ ноньце Садко тутъ запечалилса,
Онъ пошолъ нонь Садко какъ во Божью церкву,
Онъ змолилсе тамъ какъ Богородицѣ:
«Охъ ты ой есь, Присвета Мать Богородиця!

Пособи-ко мнѣ въ Новѣ-Гради товары какъ

повыкушить,

45. А на матушку на Волгу всѣ повывозить,
Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузить,
А поставлю я тибѣ нонѣ церковь Божию,
Со всима какъ со иконыма тамъ чудныма».
А пошоль нонѣ Содко какъ изъ Божьей церкви,
50. Они нацѣли купить право товары-ти,
У Садка-ле казны стало вного вножество,
Во Новѣ-Градѣ товару мало можетца.
Какъ повыкупилъ Садко нонѣце товары всѣ,
Какъ на матушку на Волгу всѣ повывозилъ,
55. Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузилъ.

12. Екатерина Ѳедоровна Торопова.

Очень старая и дряхлая старушка—ей 81 годъ—охотно согласилась мнѣ пѣть и пѣла кромѣ Голубинной книги: стихи: Егорья и Александру и про смерть. Въ молодости знала много старинъ, но теперь позабыла.

56.

Голубинная книга.

- А на ту-де на матушку Саворь-гору
Выпадала вѣдь книга голубинная.
Не велика-ле книжица, не малая,
Во долготу она была да какъ цѣла сажень,
5. Какъ цѣла-де сажень была печатная,
Во толщину-то-ле книжица три четверти,
Въ ширину-то-ле книжица сорокъ локоть.
А на ту-де на славу на великую,
Собиралисе тутъ, да сокоплелися,
10. Какъ цитать эту книгу голубинную;

- Во первыхъ, тутъ читаль да какъ Давыдь-пророкъ,
Во вторыхъ, тутъ читаль да какъ Исай-пророкъ,
Во третьихъ, тутъ читаль да какъ Солóманъ-царь.
А хотѣли прочесть да книгу голубинную,
15. А цитать они хотѣли кабы три вѣдь дня,
Прочитать они хотѣли съ доски на доску,
А потомъ процитали да книгу три года,
А цитали они да у ей три листа.
Кабы цѣ объ цѣмъ книга была написана?
20. Отъ цего тутъ зацялся вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего зацялось да сонцо красное?
Отъ цего-де зацялся бладь-мѣсець?
Отъ цего зацялись да звѣзды цястыя?
Отъ цего разлились да моря синія?
25. Отъ цего-де пошли да много множесво,
А потимъ по морямъ да какъ по синнимъ,
Расходились по морямъ да какъ морски звѣри,
Во моряхъ поевились какъ больши киты?
На китахъ да земля была основана.
30. И прошло тутъ-ле время, прокатилося,
Узнавать стали народъ да отъ цего-цего:
Отъ цего-де зацялся вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего-де зацялось красно-солнышко?
Да зацялся бѣлой-свѣтъ отъ Воспода,
35. Красно-солнышко зацялось да изъ оцей Его.
Отъ цего-де зацялся бладь-свѣтель-мѣсець?
Бладь-свѣтѣль-мѣсець зацялся отъ ушей Его.
Звѣзды цясты зацялись да какъ отъ рукъ Его.
Отъ цего зацялась вся поселенная?
40. Какъ отъ Суса Христа да отъ распятого,
Сотвориль-де Господь да Царь Небѣсной-свѣтъ,
Онъ и небо сотвориль, онъ и землю всю,
А вси тутъ моря да большосиниц,
А и вси тутъ карабли, морски звѣри,
45. Кабы всё сотвориль Господь Небѣсной-свѣтъ;
А земля мати основана на трѣхъ китахъ,
Сотвориль ей Господь да Исусъ Христосъ.

13. Алексѣй Васильевичъ Чупровъ.

Алексѣй Чупровъ—старикъ 70 лѣтъ, знаетъ много сказокъ, которыя рассказываетъ очень складно, почти стихами, но безконечно повторяясь, отчего сказки его выходятъ непомѣрно длинны. Знаетъ онъ и былины, но съ тѣхъ поръ какъ его постигло большое несчастье (онъ ослѣпъ), онъ религиозно настроенъ и ничего не поетъ, кромѣ духовнаго, хотя сказки рассказывалъ мнѣ всякія, иногда очень скабресныя. Здѣсь ему принадлежитъ былина про „Потыка“ богатыря и пѣсня. Отъ него-же я записалъ нѣсколько рассказовъ про мѣстную „бывальщину“: про разбойниковъ и пр.

57.

Потыкъ.

- Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя Владимера,
Завелса у князя почесенъ пирь,
На многихъ князей, на бояровъ,
5. На руськихъ могучихъ богатырѣвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыхъ,
На купцей, людей торговыхъ,
На мѣшчанъ пригородныхъ,
Людей посадскихъ,
10. На лучшихъ хресьянъ православныхъ.
Ширь идетъ о полупира,
Столъ стоитъ о полустола,
Княженевская радость—полурадость.
Владимеръ князь сталъ пьянешинекъ и веселешинекъ,
15. Выходилъ на середка кирпичать полть,
Съ ноги на ногу переступивалъ,
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Всѣмъ молодцамъ служба явлена,
Потыку служба надмѣчена:

20. Съѣздить ему въ землю Холщевскую,
Худшую силу въ пень повырубить,
Лучшую силу въ полонъ взять,
Красно-золото въ возы склась,
Скатёнъ жомчугъ гонить телѣгою,
25. Добрыхъ коней табунами гнать,
Молодыхъ дѣвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ пленницами,
Старыхъ старухъ гнать коробицами». Сидитъ Пóтыкъ запечалился,
30. Повѣся сидитъ буйну голову,
Потупя очи ясныя во кирпичатъ полъ.
На то Солнышко догадливъ былъ:
Наливаетъ цару зелена-вина,
Не велику не малу—въ полтора ведра,
35. На закуску колачикъ бѣль-крупичатой,
Подноситъ удалу добру молодцу:
«Ужъ ты, Потыкъ Михайловичъ!
Прими, выкушай цару зелена-вина».
Беретъ Пóтыкъ во праву руку,
40. Пьетъ чару къ едину духу,
За чарой умѣль слово вымолвить:
— Сколько радъ я отъ царя служить,
А вдвое радъ я голову сложить.—
Вставалъ Пóтыкъ на рѣзвы ноги,
45. Выходилъ на середка кирпичатъ полъ,
И всѣмъ челомъ билъ, низко кланялся,
А князю со княгиной на особицу.
Выходилъ тогда онъ на улицу,
Ко своему коню доброму;
50. Невинно побѣзки молодецкоей,
Только слышно побѣзки лошадиноей,
Во чистомъ поли курива стоитъ,
Отъ коня его дымъ столбомъ валить;
Скачетъ его конь съ укатисты на увалистыхъ,
55. Мелкіе рѣпки на ускокъ беретъ,
Черные грѣзи промежъ ногъ держать.
Приганивалъ въ землю Холщевскую,
Не спрашивать у дверей придверниковъ,
У воротъ приворотниковъ,

60. Заѣхалъ въ городъ Холщевской
И сталъ громѣть, шурмовать
И крѣпко воевать.
Худшую силу въ пень повырубилъ,
Лучшую силу во полонъ взялъ,
65. Красно золото въ возы склалъ,
Скатѣнь жѳмчугъ гонить телѳгою,
Добрыхъ коней табунами гналъ,
Молодыхъ дѳвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ пленницами,
70. Старыхъ старухъ коробицами.
Пѳтыкъ Михайло гонить силу по чисту полю,
Пригивать ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сила въ ворота не помѣщается,
75. Пѳтыкъ въ ворота пробивается.
Встрѣчаютъ Потыка сына Михайловича,
Встрѣчать народу много множество,
Встрѣчать его солнышко Владимиръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей.
80. «Ужъ ты здравствуй, Потыкъ Михайловичъ!»
— Ужъ ты здравствуй, солнышко Владимиръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей!—
Со той со радости со великой,
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго,
85. На многихъ на князей, на бояръ,
На руськихъ могучихъ богатырѳвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыхъ,
На купцей людей торговыхъ,
На мѣшчанъ пригородныхъ,
90. Людей посадскихъ,
На лучшихъ хресьянъ православныхъ.
Пиръ идетъ о полупира,
Столъ стоитъ о полустола,
Княженевская радость—полурадость.
95. И тогда Владимиръ сталъ пьянѣшинѣкъ и веселѣшинѣкъ,
Выходилъ онъ на середка кирпичать полъ,
Съ ноги на ногу переступывалъ,
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Ой ты, ой еси Пѳтыкъ сынъ Михайловичъ!

100. Хочешъ-ли ты пожинитися,
Дамъ тебѣ дѣвицу какъ надобно?
Хошъ бери дѣвушку княженевскую,
Хошъ бери боярскую,
Хошъ бери купеческу,
105. Хошъ бери и поповскую,
Хошъ бери и хресъянскую». Ставатъ Потыкъ на рѣзвы ноги,
Выходитъ изъ за стола дубоваго на кирпичатъ полъ,
Тишешинько къ князю подвигается,
110. Нижешенько князю поклоняется:
— Охъ ты, солнышко Владимерь-князь!
Позволь мнѣ слово вымолвить:
Не надо мнѣ дѣвки княженецкія,
Не надо мнѣ дѣвки боярскія,—
115. Боярскія дѣвки злы омманчивы;
Не надо мнѣ дѣвки поповскія,
Не надо мнѣ дѣвки и купеческой,—
Поповскія дѣвки пропируются,
Купечески дѣвки проторгуются,
120. А хресъянскія дѣвки только толчі да молотъ.—
Садится тогда Потыкъ на лавку брусчатую,
Дубовую, за передней столъ.
Пиръ-отъ идетъ у нихъ о полупира,
Столъ идетъ о полустола,
125. Солнышко катится ко западу,
День идетъ ко вечеру.
Бояра толстобрюхіе на Потыка разсердились,
И крѣпко прогнѣвились,
Говорятъ солнышку Владимерь-князь:
130. «Охъ ты, солнышко Владимерь-князь!
Всѣмъ намъ служба явлена.
А Потыку службы долго нѣгъ».
На то солнышко догадливъ былъ:
— Всѣмъ молодцамъ служба явлена!
135. А Потыку службы надмѣчена—
Съѣздитъ Потыку въ землю Копейщату,
Худшую силу повырубить,
Лучшую силу во полонъ взять... (и т. д. до):
...Выходитъ онъ на улицу, къ своему коню,

140. Отвезаль коня отъ дубова столба, золота кольца,
Не видно побѣдки молодецкой... (и т. д.).
...Приганивалъ въ землю Копейщату,
Не спрашивалъ у дверей придверничковъ,
У воротъ приворотничковъ,
145. Зачалъ громѣть, шурмовать и крѣпко воевать.
Худшую силу повырубилъ,
Лучшую... (и т. д. до):
...Старыхъ старухъ гнать коробицами,
Душку-Маринку лебедь бѣлую,
150. Душу полонѣну, красну дѣвицу во полонъ взять,
Посадилъ ей на добра коня, позади себя.
Ѣдетъ съ Маринкой по чисту полю,
Самъ изъ рѣчей выговаривать:
«Ой еси, душка-Маринка, лебедь бѣлая!
155. Душа полонѣна, красна дѣвица,
Идешь-ле ты за меня възамужъ?»
Говорить Маринка таковы рѣчи:
— Положимъ мы съ тобой заповѣдь тяжелую,
нелеккую,
Который, мы съ тобой, напередъ помремъ,
160. Другому лекчи живому во гробъ.—
Ѣдетъ Потыкъ по чисту полю
И видить горить часть ракитовъ кустъ;
Приѣзжать къ этому пламени великому,
Кругомъ пламя люта змѣя извивается,
165. Къ Потыку ближешенько приближается,
Нижешенько Потыку поклоняется,
Говорить таковы рѣчи:
«Ой ты, Потыкъ сынъ Михайлычъ!
Соскакивай скоро со добра коня,
170. Сдергивай сапогъ съ ноги правыя,
Бѣги скоро на Дунай-рѣку,
Зачерпни сапогъ до полна воды
И залей, загаси часть ракитовъ кустъ,—
Выводи моихъ дѣтокъ мыльныхъ,
175. Милыхъ дѣтокъ, глупыхъ,
Сотворю тебѣ добро великое,
Великое, хорошее».
Скоро Потыкъ не ослышался,

- Соскакивалъ съ коня доброго,
180. Привязывалъ коня къ дубову столбу... (и продѣлывалъ
все такъ, какъ просила змѣя).
...Вывелъ у змѣи дѣтей малыхъ.
Тогда змѣя люта ближешенько къ Потыку
приближается,
Нижешинько Потыку поклоняется:
«Спасибо Потыкъ Михаилу сынъ Ивановичъ».
185. Садился Потыкъ на добра коня
И ѣхалъ въ стольной Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру... (пріѣхалъ Пóтыкъ,
его встрѣчаетъ народу множество, князь Владимиръ и пр.,
на пиру Пóтыкъ заявляетъ, что хочетъ жениться):
«Я хочу поженитися,
Я хочу взять красну дѣвушку,
190. Душку-Маринку, лебедь бѣлую,
Душу полонену, красну дѣвицу».
У солнышка князя не пива варить, не вина курить,—
Пиво сварено, вино скурено;
Веселымъ пиркомъ и скорой свадебкой,
195. Поженили Пóтыка съ душкой-Маринкой лебедь бѣлоей.
Со той со радости со великою,
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго.
Всѣ сидятъ пьянешиньки, всѣ веселешиньки,
Сидятъ бояра толстобрюхіе, царски подговорщики
200. И говорятъ они кнезю Владимиру;
«Всѣмъ служба явлена, Пóтыку службы нѣтъ».
На то Солнышко догадливъ былъ... и пр., до:
... «Съѣздитъ ему въ землю Подóбьскую,
Лучшую силу во полонъ взять,
205. Худшую силу повырубить. . . (и пр. Пóтыкъ ѣдетъ въ
землю Подóбьскую и пр., какъ прежде—худшую силу рубить,
лучшую во полонъ беретъ и пр.)
А послѣ того, послѣ этого,
Понеслись бояра на Пóтыка,
Что онъ ихъ оконфуживалъ,
Ихъ красныхъ дѣвушекъ не взялъ за себя възамужъ.
210. Опонли бояра на пиру молоду жену Пóтыка зельемъ
лютымъ,
Приняла его молода жена смерть чажолую.

(Когда Пóтыкъ прїѣхалъ изъ земли Подобьской, его встрѣчаютъ):

Встрѣчаетъ Пóтыка народу множество,
Князя Владимира не случилось,
Молодой его жены не пригудалосе.

215. Спрашивать Пóтыкъ Михаилу:

«Гдѣ-же Солнышко Владимиръ князь,
Не встрѣчатъ меня добра молодца изъ чиста поля?
Гдѣ-же моя молода жена?
Одолело-ле ее богатство

220. Или въ соборъ ўшла Богу молитися?»

Отвѣчатъ народъ Пóтыку Михаилу:
— Не одолело ее богатство великое
И не ушла она въ соборъ Богу молитися,—
Послѣ тебя былъ почесенъ ширь,

225. Опоили ее бояра толстобрюхїе;

А солнышко Владимиръ князь,
Дѣлать твоей молодой женѣ новъ-дубовой гробъ.—
Соскочилъ Пóтыкъ со добра коня,
Побѣжалъ ко князю Владимиру:

230. «Тебѣ Богъ помочь, солнышко Владимиръ-князь!

Дѣлать новъ-дубовой гробъ.
Дѣлай ты солнышко Владимиръ-князь новъ-дубовой-
гробъ,

Чтобы оба вошли мы съ молодой женой.

У насъ положена заповѣдь тяжелая, великая:

235. Которой напередъ помрѣть,

Другому живкомъ въ гробъ лѣчи».
Тогда Пóтыкъ сынъ Михайловичъ
Походитъ къ кузнецу, ко мастеру,
Сковать себѣ три прутика:

240. Желѣзной, мѣнной и оловянной,

Сковать киски (тиски?) желѣзныя.
Приходитъ ко князю Владимиру,
Ко гробу новому дубовому.
Занесли гробъ къ молодой жены,

245. Понесли молодую жену,

Идетъ за ней Пóтыкъ Михайловичъ,
Горечими слезами уливается,
Съ добрыми людьми прощается,

- Со бѣлымъ свѣтомъ разстается,
250. Со княземъ, съ княгиной на особицу.
Ложится Пóтыкъ въ новъ-дубовой-гробъ съ молодой
женой.
Спустили ихъ въ матушку во сыру-землю,
Въ могилу глубокую,
Стали ихъ хоронить во матушку во сыру-землю,
255. Въ могилу глубокую,
Зарыли желтымъ пескомъ.
Лежить Пóтыкъ съ вечера до зари утренной,
Слышитъ—ко гробу кто-то копаются.
Подрылась, подкопалась змѣя лютая,
260. Взялъ Пóтыкъ кисти желѣзныя
И прищемилъ змѣю лютую,
И сталъ стегать ее прутомъ желѣзнымъ;
Желѣзный пруть Пóтыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ!
265. Ухватилъ пруть мѣнной
И сталъ стегать имъ змѣю лютую.
Мѣнной пруть Пóтыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ.
Ухватилъ пруть оловянной,
270. Оловянный пруть гнется, не ломится.
Возмолилася змѣя лютая
Словомъ ласковымъ и покорнымъ:
«Ой еси, удалой доброй молодець,
Пóтыкъ Михайло сынъ Ивановичъ!
275. Не стегай меня за напрасенно,
Выдергивай изъ моей щекки правой
Кисками желѣзными коренной зубъ».
Пóтыкъ Михайло скоро не ослушался,
Выдергивалъ у змѣи коренной зубъ
280. И мазалъ свою молодую жену,
Вставала его молодая жена жива и здрава.
Тогда-же Пóтыкъ сталъ вставать изъ матушки сыру-
земли
И идетъ онъ къ князю Владимиру.
Встрѣчатъ ихъ Владимиръ-князь
285. На своемъ на крутомъ крыльцѣ:
«Ужъ ты здравствуй, Пóтыкъ Михайловичъ!

Слава Богу, судить Господь живыми глазами видатися». Съ этой радости великой Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго.

Старина записана не съ голоса, со многими сокращеніями такихъ мѣстъ, которыя составляютъ дословное повтореніе мѣстъ встрѣчающихся раньше; размѣръ старины уменьшился почти вдвое, при всей полнотѣ сюжета.

58.

Вдова и Разбойники.

- ' Питеръ, въ Москву проѣхжали,
Во деревню заѣхжали,
Ко вдовушки приставали;
Ко вдовушки приставали,
5. Подъ окошкомъ колотились:
«Пусти вдова ночевати,
Пусти вдова постоети,
Ночевати, постоети;
Насъ-то молодцовъ немножко,
10. Полтора пѣшехоновъ,
Полтретьяста всё на коняхъ,
Всё на коняхъ, всё во сѣдлахъ». Вдова вышла на крылецъко,
Прижала руки къ сердцецьку.
15. Воспромолвила словецъко:
— У мя домъ-отъ не стоялой,
Фатерушка небольшая.—
Они силой въ домъ ввалились,
Они всё сѣли по лавкамъ,
20. Всё по лавкамъ, всё порядкомъ.
А стоитъ вдова у печки,
Прижала руки къ сердцецьку;
А большой-гость всёхъ повыше,
А меньшей-отъ всёхъ пониже,
25. А большой-отъ слово молвилъ:
«Подойди 'дова поближе,
Поклонись, 'дова пониже».

- Подошла вдова поближе,
Поклонилась она пониже,
30. Што большой-отъ гость слово молвить:
«Ты давно-ле вдова вдовеешь?
Ты давно-ле сиротуешь?»
Тутъ вдова-то слово молвить:
— Я вдовею лѣтъ семнадцать,
35. Сиротую лѣтъ двѣнадцать.—
«Ты сойми-ко съ главы шляпу,
У шляпоцьки есь платочикъ,
Во платочку юзолочикъ,
Въ узолочку злаченъ перьстень.»
40. Ужъ сымала съ главы шляпу,
Юшъ брала она платочикъ,
Во платоцькѣ юзолочикъ
Въ юзолочкѣ злаченъ перьстень:
«Ужъ мы тимъ перьстнемъ съ тобой вѣнчались,
45. Мы вѣнчались, обручались».

VI. ДЕРЕВНЯ РОЩИНСКІЙ РУЧЕЙ.

13. Игнатій Васильевичъ Тороповъ.

Очень сохранившійся старикъ 69 лѣтъ; волосы на головѣ и бородѣ совершенно безъ сѣдинъ, крѣпкій, здоровый; на видъ ему никакъ не больше 50 лѣтъ. Живетъ въ деревушкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Усть-цыльмы; принадлежитъ къ разряду зажиточныхъ крестьянъ, имѣетъ два дома; очень хорошій хозяинъ грамотенъ, имѣетъ кой-какіе, конечно, богослужебныя книги; почитываетъ и потому рѣчь его довольно близка къ книжной; Пѣль старины довольно охотно; кромѣ спѣтыхъ мнѣ знаетъ: первую поѣздку Ильи М., Сокольника, Бой Добрыни и Дуная, Добрыню и Маринку, Потыка, Дюка, Чурила, Ставра, Ваську Окулова, женитьбу Дуная, Луку Данилова, слыхалъ про Святогора.

59.

Добрыня и Змѣя.

- Ай да прежде Резань да свободой слыла,
Ай да нынче да славной городъ сталъ;
Ай да въ томъ-ле Резани славномъ городи,
А да жилъ-то Микитушка Романовичъ,
5. А да жилъ-то Микитушка не старилса,
Ай среди вѣку Микитушка преставилса;
Вотъ осталасе у его да молода жона,
Вотъ осталасе ёна право беременна,
А невножко прошло да поры времени,
10. Вотъ родила она своё да чадо милое.
Собирали тутъ поповъ, дьяковъ, причетниковъ,
Окрестили её да чадо милоё,
Нарѣкали ему баско новое имецько,
Молодыя Добрынюшка Микитиць-бладь.
15. А растётъ тутъ-ле Добрыня лѣтъ до двѣнадцати,
Ёнъ сталъ хватать приправу богатырскую,
Онъ сперва хватилъ копейцо бурзомецкоё,—
Хорошо владеть удалой доброй молодець;
Онъ еще хватилъ-ле палицу буёвую,—
20. Хорошо владеть удалой доброй молодець;
Онъ еще хватилъ саблю право вѣдь вострую,—
Хорошо владеть удалой доброй молодець;
Онъ вѣдь здумалъ еще ѣхать ко синю морю,
Посмотрѣтъ ему захотѣлось морё синёе,
25. Онъ и сталъ просить у матушки благословленьцо,
Онъ и падалъ ей самъ во рѣзвы ноги,—
Не давать ему благословленьца.
Кабы падалъ Добрыня во второй наконъ,
Ужъ и просить у ей благословеньца;
30. Онъ и падалъ Добрыня во третей наконъ:
«Ужъ ты ой еси, родимая моя матушка!
Ужъ ты дай-же мнѣ-ка благословленьцо,
Я вѣдь съѣжжу, схожу да до синя моря».
А давать она ему благословленьцо,
35. А съ буйной своей главы да до сырой земли,
Кабы стала она ему ноньце наказывать,

- А-бы стала она ему да наговаривать:
«А доѣдешъ ты, дитя, да до синя моря,
Приюстанетца тебѣ, да припотеецца,
40. А захочетца покупатца да во синѣмъ мори;
Во синѣмъ-то мори есть три быстры струи,
А третья-то-ле струя да зла оманчива,
А да вынесётъ тебя да на синѣ морѣ,
А налѣтитъ на тебя да змѣя лютая,
45. Кабы станеть она тебя кругомъ облѣтывать,
А обваживать свои хоботы змѣинныи;
Не боитца она копейца бурзомецкого,
Не боитца она вѣдь палицы буѣвоей,
Не берётъ ее сабелька право вострая,
50. А боитца она вѣдь прутиковъ желѣзныхъ;
Ты сходи-ко наперво въ нову кузницу,
Ужъ ты скуй-ко нынѣ право три прутика,
А первой-отъ прутикъ скуй желѣзной-же,
Да второй-отъ прутикъ нынѣ мѣнной-же,
55. А третьей-отъ прутикъ оловянной-бы».
Онъ пошолъ-ле Добрыня, ' нову кузницу,
Какъ сковаль первой прутикъ онъ желѣзной-же,
А второй-отъ прутикъ нынѣ мѣнной вѣдь,
А третьей-отъ прутикъ оловянной-же;
60. Ёнъ онъ бралъ свою уздичлочку точмянную,
Онъ пошолъ себѣ брать коня доброго,
Онъ заходитъ вѣдь Добрыня во конюшенъ дворъ,
Онъ берётъ себѣ коня право семи цѣней,
А семи цѣней, семи розъвезей,
65. Ёбуздаль-ѣбсѣдлалъ да коня доброго,
Онъ вѣдь сталь тутъ Добрыня снаряжатся,
А де сталь-то Добрыня сподоблетися,
Онъ берётъ 'сю приправу да молодецкую,
А сперва берётъ копейцо да бурзомецкоѣ,
70. А затимъ берётъ-ле палицу буѣвую,
А еще берётъ саблю да право вострую,
А вѣдь взялъ эти съ собой право три прутика;
Вотъ средилса-сподобилса да доброй молодець,
А не видѣли его поѣздки да молодецкоей,
75. А увидѣли въ поли курива стоитъ,
Курива-ле стоитъ да дымъ столбомъ валить.

- Онъ вѣдь здраво прогонишь да полѣ чистое,
Доѣжжаетъ самъ до моря до синяго,
Енъ до тихъ крутыхъ-баскихъ да право бережковъ,
80. До желтыхъ еще песковъ да до макарьевскихъ;
Енъ поставилъ свой шатѣрь да бѣлобархатной,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Захотѣлось ему покупатца во синѣмъ мори,
Скиновалъ съ себя-ле самъ да платьѣ чвѣтнѣе,
85. Онъ побрѣлъ тутъ Добрыня во синѣ морѣ;
Кабы стрѣтилась ему право перва струя,
Онъ вѣдь поплылъ Добрыня черезъ первую струю,
Ой да стрѣтилось ему право друга струя,
О да поплылъ Добрыня черезъ другу струю;
90. Хорошо ему право да приглянулось,
Кабы поплылъ Добрыня черезъ третью струю,
А третья-то-ле струя да зла омманчива,
А да вынесла его да на синѣ морѣ,
Да стала его носить да по синю морю;
95. Налетѣла на его да змѣя лютая,
А да стала она кругомъ его облѣтывать,
А овваживать стала хоботы змѣиныя:
«Я хоцю тебя, Добрыня, нонъ живкомъ зглону,
Я хоцю тебя, Добрыня, на воды стоплю».
100. Побоялся онъ угрозы право змѣинныхъ,
Онъ нырнулъ тутъ, Добрыня, да во синѣ морѣ,
Онъ вынировалъ ко своему платью чвѣтному,
Надевать-ле своё онъ платьѣ чвѣтнѣе,
Онъ заходитъ Добрыня во бѣлой шатѣрь;
105. Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та ѣгна добыть,
Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та котла сварить,
Налетѣла на шатѣрь да змѣя лютая,
Говорить ище ему да змѣя лютая:
«Я хоцю тебя Добрыня, на огни спалю,
110. Я хоцю тебя, Добрыня, во котлѣ сварю».
Ай да эти ему рѣци не по разуму,
За велику ему досаду показалось,
Онъ хватилъ тутъ змѣю да за косы (такъ!) право,
Онъ хватилъ свой право жалѣзной пруть,
115. Онъ вѣдь сталъ тутъ змѣю право постѣгивать,
Да стала тутъ змѣя да извиватисе:

- «Ты не бей-ко, юдалой доброй молодець!
Не стегай ты меня да змѣю лютую».
Онъ пуще сталъ змѣю право похвѣстывать,
120. Говоритъ-де ему да змѣя лютая:
«Ты не бѣй-же меня да змѣю лютую,
Ужь я дамъ-же тебѣ да золоту казну».
Онъ и пуще сталъ змѣю право постегивать,
Изломаль-ле онъ нынѣ право желѣзной пруть,
125. Онъ хватилъ ищѣ право да мѣнной пруть,
Ѣнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
Говоритъ ему змѣя да право лютая:
«Ты не бей меня, удалой доброй молодець!
Я тѣ дамъ нынѣ коня ищѣ доброго».
130. Говоритъ-ле Добрыня змѣи лютоей:
— Ты сулишь-ле змѣя да сѣ оманывашь.—
Изломался у его да право мѣнной пруть,
Онъ хватилъ ище нынѣ право оловянной пруть,
Ѣнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
135. По худому змѣя да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей-же меня да змѣю лютую,
Я тѣ дамъ ище себя да красную дѣвицу».
Онъ вѣдь пуще сталъ змѣю ище постегивать,
140. Оловянной пруть у него не ломитсе,
Говоритъ тутъ удалой доброй молодець:
— Ты сулишь-ле змѣя да сѣ оманывашь.—
Она выблевала сперва ему золоту казну,
Она выблевала затимъ да коня доброго,
145. Ищѣ выблевала ему да красну дѣвицу,
А говоритъ ищѣ змѣя ему конаетца:
«Ты спусти меня, удалой доброй молодець».
Онъ спустилъ тутъ змѣю да право лютую,
Собиратца сталъ юдалой доброй молодець,
150. Онъ сломаль свой шатѣрь да бѣлобархатной,
Обсѣдлалъ онъ коней да право добрыхъ,
А садилса-сподобилса доброй молодець,
Онъ ѣсправалса-поѣхаль съ красной дѣвицей,
Онъ нещадно повѣзъ да золотой казны,
155. Онъ поѣхаль ко родимой своей матушкѣ.
Дождяють-ле они да до своя мѣста,

- До високаго нова да право терема,
Ювидала тутъ его да родна матушка:
«Кабы ѣдѣтъ-ле моё да чадо милое,
160. Позади его ѣдѣтъ да красна дѣвица».
Какъ выходитъ-ле его да родна матушка,
А выходитъ она да на красно крыльцо,
А стрѣцаетъ-ле Добрынюшку Микитиця,
А стрѣцаетъ-ле она да красну дѣвицу.
165. Какъ заходятъ они нонѣце во высокъ теремъ,
Обручились, помѣнелись они злачны персни,
Обвѣнчались, сошлись они въ Божьей церкви;
Кабы собрали они руськихъ богатырей,
Кабы сдѣлали они право почесенъ пиръ,
170. Пировали столовали трои суточки;
Послѣ того было ищѣ послѣ пира,
Выводили, повалили во теплу лежню.

60.

Скопинъ.

- Во стольнѣмъ во городи во Києви,
У ласкова князя у Владимира,
Заводился пиръ, право, почесенъ столъ;
Розоставили столики дубовыя,
5. Настелили тонки новобранны скатерти,
Розоставили питья-ѣства сахарныя;
Собиралися всѣ они, съѣжжались,
Да къ солнышку батюшку на почесенъ пиръ.
Они пьютъ-ле, пируютъ трои суточки,
10. Да всѣ на пиру стали пьянѣшеньки,
Да всѣ на чесномъ стали веселѣшиньки,
Да всѣ на пиру да прирехвастались:
Первой-отъ-ле хвастать золотой казной,
Другой-отъ-ле хвастать чистымъ серебромъ,
15. Юмнотъ-ле хвастать старымъ ѣтцомъ,
Старымъ-ле ѣтцомъ, старой матушкой,
Безумной-ле хвастать молодой жоной
И иной удачей молодецкой,

- А да хвастать Скопинъ да доброй молодець:
20. «Ужь я много, Скопинъ, да по землямъ бываль,
Ужь я много, Скопинъ, да городовъ бираль,
Я не бравши-ле города не пробъжживаль,
А Малюту-короля да во полонъ его взять,
У Малютныхъ дочерей, на грудяхъ лежалъ,
25. Опускаль я руки ниже до пуповья,
А ищэ того понижэ—вѣдь до чѣрева).
Услыхала тутъ вѣдь зла дочка Малютисна,
А эти ей рѣци да не по разуму,
За велику ей досаду показалосе,
30. Какъ выходитъ на гриню на столовую,
Подходитъ ёна ' солнышку Владимиру,
Близешинько она, ' солнышку подвигается
Низешинько она солнышку поклоняется,
Тихо-смирну свою рѣчь она выговаривать:
35. «Ужь ты ой еси, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволъ-же мнѣ-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь-ле меня за слово казнить,
Отсылати-ле миня въ ссылки дальнѣе?»
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимиръ-князь:
40. — Говори-же ты нонь да што те надобно,
Я не буду тебя да за слово казнить,
Отсылать я не стану въ ссылки дальнѣе.—
Говоритъ тутъ Малютисна таково слово:
«Ты позволъ-же мнѣ отмѣрять цару зелена вина,
45. А поздравить надо нынъ да любя кресника».
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимиръ-князь:
— Ты мѣрйяй-же цару зелена вина.—
А брала ёна цашечку серебряну,
А спускаласе во погребы глубокія,
50. Да намѣрила она цару зелена вина,
Невелику, немалу полтара ведра,
Ищэ клала коренья, да зелья лютого;
Загорѣлосе во царѣ да во серебряной,
Среди-то есь цары да есь пламѣ мецѣтъ,
55. По бокамъ-то есь цары да искры сыплотсе;
Выходитъ на гриню да на столовую,
Выносить ёна цару да зелена вина,
Выносить ёна цару правой рукой,

- Во лѣвой рукѣ выноситъ своё цядо милое,
60. Подходить она ко столикамъ дубовымъ,
Подходить ' Скопину сыну Михайлову,
Близешинько ёна ' ему подвигаетца,
Низешинько сама ему поклоняется:
«Ужь ты ой есь, Скопинъ да сынъ Михайловъ!»
65. Поздравить надо намъ любима кресника).
Говорить тутъ Скопинъ да сынъ Михайловичъ:
— А выпить мнѣ та цара — живому не быть,
А не выпить мнѣ цара — виновату быть.—
А глядять-ле, смотрять всеъ руськи богатыри,
70. Среди-то есь цары да то пламё мецётъ,
По бокамъ-то есь цыры некры сыплютсе;
Онъ понадѣялся на силу на могучую,
На свою-ле удачу да богатырскую,
Онъ пѣтъ эту цару да за единой духъ.
75. Сидитъ тутъ Скопинъ скоро нестарому,
Нестарому Скопинъ сидитъ, непопрежнему,
Повеса онъ свою доржитъ буйну голову;
Скакаль-ле со лавки, съ дубовой доски,
Черезъ ти ищѣ столики дубовыя,
80. Онъ падалъ на середу кирпищать польъ:
Да на то были руськи-те богатыри,
Скочилъ ищѣ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Подхватилъ онъ Скопина да за праву руку,
А скочилъ тутъ Добрынюшка Никитичъ-бладъ,
85. А Добрыня-то хватилъ его за лѣву руку,
Поставили они его на рѣзвы ноги,
Надѣвали на его его шубу куньюю,
Они клали его право пуховъ калпакъ,
Выводили Скопина да вонъ на юлицу;
90. Его доброй-отъ конь стоитъ обузданой,
Онъ обузданной конь его, обѣдланной,
Посадили его да на добра коня,
Отправили его да во своё мѣсто.
Поѣхалъ Скопинъ да нестарому,
95. Нестарому ѣдѣтъ, непопрежнему,
Доѣжжаеть до своего висока терема;
Увидала его матушка родимая:
«Да ѣдѣтъ дитѣ моё нестарому.

- Одва-ле онъ винно на кони сидитъ».
100. Мѣталасе она вонъ на улицу,
Стрѣчала она удала добра молодца,
Сымала его да со добра коня,
Ужъ стала у его она вѣдь спрашивать:
«Ужъ ты ой еси, моё дорого дитя!
105. Што-же ты пріѣхалъ непомарому?
Але пиръ-отъ тебѣ бывать непоюму?
Подносчики были бывать невѣжливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стоканы да не доносили?»
110. Говоритъ ей Скопинъ да таково слово:
— Ой еси, родима моя матушка!
Поди-ко за попами, за причетниками,
Да надо мнѣ скорѣ нынче покаетца.—
Да скоро привели поповъ, причетниковъ,
115. Да покался Скопинъ сынъ Михайловичъ,
Повалили его на лавку на брущатую,
Повалили подъ иконы подъ святы его.
Немножко прошло да тутъ времищка,
Приставилса Скопинъ сынъ Михайловичъ,
120. Да сдѣлали ему гробъ да право вѣчной домъ,
Наверхъ обтонули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михайловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.
Брала мати книжоцьку волховную,
125. Посмотрѣла она книгу волховную,
Надѣвала на себя да шубу куньюю,
Отправлялася она ' солнышку Владимиру,
Доѣзжкаетъ она до солнышка Владимира,
Говоритъ ѣна солнышку Владимиру:
130. «Ужъ ты ой есь, солнышко Владимиръ-князь!
Не на пиръ зовѣшь, да не столовать право,
Зовѣшь да ле ты ноньце всё опаивашь,
Опонишь ты у миня да цядо милое,
Какъ того-ле Скопина сына Михайловича».

VII. ДЕРЕВНЯ УЕГЪ.

15. Анисимъ Ѳедоровичъ Вокуевъ.

Слѣпой старикъ изъ Уега, деревни въ 25 верстахъ отъ Устьцыльмы внизъ по Печорѣ. Это въ сущности замѣчательный человѣкъ. Обладая воловьимъ здоровьемъ, розовый какъ дѣвушка, несмотря на свои сѣдые волосы и 70 лѣтъ, Анисимъ громкимъ, какъ труба, голосомъ поетъ свои старины, которыя знаетъ твердо, поетъ складно, прекраснымъ напѣвомъ. Являлся Анисимъ въ мою большую, пустую, отводную квартиру убогимъ человѣкомъ, ведомый какимъ-нибудь малышомъ за палку; но придетъ, сядетъ на полъ, упершись спиной о стѣну, заговоритъ спокойно, несколько не напрягая голоса и стекла зазвенять въ окнахъ, такъ, можно сказать, ужасенъ его голосъ. За свой удивительный голосъ, при участіи на сельскихъ сходкахъ, онъ слыветъ за „горлана“, „горлопана“ своего общества, которое, не смотря на свое убожество, онъ не дастъ ни кому въ обиду. Анисимъ очень уменъ, обладаетъ въ высшей степени здравымъ смысломъ и какой-то невѣроятной памятью: когда-то, много лѣтъ назадъ Анисимъ слышалъ въ чтеніи старообрядческія полемическія книги, впиталъ изъ нихъ существеннѣйшее и вотъ онъ защитникъ старой вѣры. Когда православный миссіонеръ устраиваетъ бесѣду со старообрядцами, Анисимъ, ведомый по улицѣ сынишкой за палку, смѣло является въ отводную избу состязаться въ вѣрѣ и часто своимъ зычнымъ голосомъ и насмѣшками гонитъ противника съ поля словесной битвы. За его умъ и острый языкъ его и уважаютъ, и побаиваются не одни одноподеревенцы, гдѣ онъ положительно задаетъ тонъ; часто многіе устьцылемы обращаются къ нему за совѣтами въ тяжebныхъ дѣлахъ. Однажды, рассказывали мнѣ, мѣстный богачъ посылалъ Анисима въ качествѣ адвоката своего къ зырянамъ на Вашку, за 300 верстъ. Анисимъ хорошій семьянинъ, —

у него чуть-ли не 9 человекъ дѣтей; хорошій хозяинъ и зажиточный человекъ. Слушалъ я его въ Устьцыльмѣ, куда онъ прїѣзжалъ по какому-то таинственному дѣлу въ лодкѣ, тотчасъ послѣ того какъ вскрылась Печора. Кромѣ старинъ знаетъ и прекрасно рассказываетъ сказки, рассказываетъ также артистически, какъ поетъ и былины: безъ единой лишней строчки и слова. Поетъ Анисимъ и пѣсни, да въ большинствѣ такія, что какъ-то не вяжутся онѣ ни съ его дѣловитостью и серьезностью, ни съ тѣмъ, что онъ старообрядецъ и въ такихъ годахъ, когда его ровесники уже думаютъ о „прекрасной матери пустынь“.

61.

Святогоръ.

Ѣхалъ Светогоръ на Светыхъ горахъ; Илья Муромецъ его нагналъ, выдернулъ сырой дубъ и хватилъ по головѣ. «Ахъ, комаръ укусилъ!» сказала Светогоръ, оглянувшись—человекъ. Онъ схватилъ его и вмѣстѣ съ конемъ въ корманъ посадилъ и впередъ поѣхалъ, а самъ и забылъ. Конь поднимъ и проговорилъ: «Какъ я могу нести васъ—два богатыря да и лошадь?» Светогоръ спомнилъ, сунулъ руку въ корманъ, вытащилъ; Илью къ стремени привезалъ, а лошадь сзади пошла. Поѣхали. Подъѣхали — два человекъ гробъ дѣлаютъ, тѣшутъ въ гумажной листь. Тогда спросилъ Светогоръ: «Кому этотъ гробъ дѣлаите?» — Про Светогора.— «А што, этотъ гробъ меня удѣржитъ-ле?» — Ну-ко, отвѣдай, легъ.— Светогоръ и легъ, и вдругъ гробова доска наверхъ наскочила. Светогоръ говоритъ: «Ну-ко, Илья Муромецъ, ударь по одному-ту концу, не розсыплетсе-ле гробъ?» Илья ударилъ,—наскочилъ на одинъ конечъ желѣзной обручъ. И приказалъ по другому кончу ударить—наскочилъ другой. Ударилъ и по серѣдкѣ, и по серѣдкѣ обручъ наскочилъ. Сталъ Светогоръ умирать и говоритъ: «Илья Муромецъ! смотри: изъ меня пойдетъ пѣна жолта, ты не ворошъ; потомъ красна, — тоже не ворошъ; пойдетъ сѣра и ту не

ворошъ; а пойдетъ бѣла, возьми на перстѹ и съѣшь, не-
больно много; тогда сила тибѣ прибудетъ». Илья взялъ и
попало ему вноговато, и стало его помѣтывать, побрасывать
отъ силы; и сталъ Илья темны лѣса съ кореньемъ рвать, и
цѣлу рѣку замѣталъ, ровно мостъ заставилъ. Тогда сила въ
ѣмъ приусѣла; тогда сѣлъ на коня и поѣхалъ.

62.

Илья Муромецъ и голи.

- А изъ далече-далече, изъ чиста поля,
Изъ того-же изъ роздоля изъ широкого,
Наѣжжала 'сѣ калика, всё убогая,
Кабы та-же сиротина да переходящая;
5. Со пути-ле, со дорожки да приусталосѣ,
Захотѣлосѣ калики да опохмелитѣсье,
А пошоль-то-ле калика на царевъ кабакъ,
А на то-же-ле онъ кружало да высударево;
А пришоль-то-ле онъ калика да во царевъ кабакъ,
10. А сидятъ тутъ нонъ какъ голи да всё кабацкія,
Говоритъ-то имъ калика таково слово:
«Ужъ вы ой есь, право, голи да всё кабацкія!
Ужъ вы сложте-ткосъ вы голи да по копеечкѣ,
А возьмите-ткосъ вы, голи, да нонъ косушечку,
15. Опохмелите-ко вы, голи, да добра молодца».
Кабы сложились всѣ голи да по копеечкѣ,
Кабы взяли право голи одну косушочку,
Опохмелили калику да добра молодца;
Кабы началъ тутъ калика, да сталъ похаживать,
20. Кабы крѣпко каблуками да полъ притаптывать:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ-ка на петъсотъ рублей,
Я петъсотъ-то-ле пропью, возьму на тысячу».
А не мѣряютъ ему на одну копеечку,
25. Говоритъ-то имъ калика во второй законъ:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ на петъсотъ рублей,
Я петъсотъ-то-ле пропью, возьму на тысячу».
А не вѣрятъ-то ему на одну копеечку,

30. Кабы снялъ-то онъ съ себя да право чуденъ крестъ,
Кабы стоитъ этотъ крестъ да во петъсотъ рублей,
Въ долину-ту этотъ крестъ право три четверти,
Въ ширину этотъ нонь крестъ право двѣ четверти,
Въ толщину-ту этотъ крестъ право чѣла четверть;
35. Кабы бросилъ имъ за стойку да за кабацкую:
«Вы отмѣрите вина мнѣ-ка на петъсотъ рублей,
Я петъсотъ-то пропью, возьму на тысячу».
Не берутъ-то чумаки его-ле чуденъ крестъ,
А не мѣряютъ вина ему на копеечку;
40. А то взялъ-то назадъ какъ свой чуденъ крестъ,
А схватилъ онъ чумака да за черны кудри.
Кабы выгачилъ изъ за стойки изъ за кабацкоей,
Кабы здынулъ-то его какъ выше головы,
А свиснулъ-то нонь его да о кирпичатъ полъ,
45. Кабы тутъ-ле чумаку да смерть случилосе.
А одна-то бѣда случилася, надо друга доспѣтъ,
Побѣжалъ-то онъ ко дверямъ да ко подвальнѣимъ,
А топнулъ-то онъ-ле двери да какъ подвальнѣя,
А сломилъ ноньце онъ двери-ти подвальнѣя,
50. А берѣтъ онъ сороковку во праву руку,
А другую сороковку да во лѣву руку,
А третью-ту сороковку да онъ пинкомъ пинать;
Кабы выхватилъ на площадь на широкую,
Роздубанилъ сороковки да съ зеленымъ виномъ:
55. «Ужъ вы ой еси, вы голи да всѣ кабацкія!
Кабы пейте вы вина да сколько хочите,
Сколько хочите вы пейте, сколько можите,
Помпнайте вы калику да добра молодца,
А старого-де казака да Илью Муромца».

63.

Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство
Добрыни.

Кабы прежде Резань да слободой слыла,
Кабы ноньче Резань да славенъ городъ сталъ.
А прославилася Резань да добрымъ молодцомъ.
Кабы тѣмъ-же Микитушкой Романовымъ,

5. Кабы тотъ-же Микита сынъ Романовичъ,
Кабы умноеть былъ, право разумной-же,
Кабы тихоеть былъ, да онъ смиренной-же,
Кабы спороеть былъ, да онъ варовой-же,
А досужоеть былъ и проворной-же,
10. А удалоеть былъ, да онъ едрёной-же;
Онъ имѣлъ въ себѣ силу да богатырьскую,
Онъ имѣлъ у ся палицу тяжелую,
Онъ тяжелую палицу, не лёгкую,
Онъ не лёгкую палицу—девеносто пудъ,
15. Онъ имѣлъ у ся, Микита, да молоду жону,
А чесну жону Офимью да Костеньтиновну.
Онъ изжилъ своё да время строчноё,
Кабы строчное время—девеносто лѣтъ,
А состарилса Микитушка—преставилса.
20. Оставалось у Микиты молода жона,
А честна вдова Офимья Костеньтиновна,
Оставалосе она право беременна;
Износила она какъ время строчноё,
Кабы строчноё время нонъ сорокъ нидѣль,
25. А исполнила она какъ деветь мѣсецовъ,
Родила-то она какъ сына отрока.
А со той-же со радости великоей,
Кабы собрали поповъ, дяковъ духовныхъ,
А причетниковъ какъ собрали церковныхъ,
30. Нарѣкали какъ ему да лёкко имнцёко,
Кабы тотъ-же Добрынюшка Микитиць-бладъ.
А со той-же нонъ со радости великоей,
А завелса у ихъ право почесень пиръ,
Пировали столовали трои суточки.
35. А ростётъ-то Добрынюшка Микитиць-бладъ,
Онъ не такъ-де ростётъ какъ у людей растутъ:
У кого-де ростётъ какъ цѣльной мѣсяць-же,
Столь Добрынюшка ростётъ въ одну недѣлюшку;
У ково-де растутъ право полгода,
40. А Добрынюшка ростётъ да въ одинъ мѣсець-оть;
У кого-де растутъ да цѣльной годицокъ,
А Добрынюшка ростётъ столь право въ полгод :
Кабы выросъ Добрынька годовъ петипшта-же,
Кабы началъ Добрынюшка похѣживать,

45. Онъ по улицамъ играть да по широкимъ.
Онъ какъ тихой-отъ родилса да нонь смирёной-же,
Кабы скорой-отъ родилса нонь варовой-же,
Кабы умной онъ родилса, самъ разумной-же,
Отъ отца-то онъ родилса какъ отъ умного,
50. Какъ отъ матушки родилса отъ разумной-же,
А въ кого будетъ дитя оно неумноё?

64.

Алеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ.

- Ай да ѣздили богатыри по чисту полю,
По тому-же раздолью по широкому,
А одинъ-то Олѣшинька Поповиць-бладь,
А другой-отъ Екимъ слуга паропокъ.
5. Доѣзжали до ростаней до широкѣихъ,
А ѣдна это дорога въ славной Кіевъ-градъ,
А другая-та дорога право въ Новой-градъ,
А третьяя-та дорога во Черниговъ-градъ,
Говорить-то нонь Олѣшинька Поповиць-бладь:
10. «У насъ въ Кіевѣ-де градъ было бывано,
Кабы Кіевскому князю было служено,
Во Новѣ-то-ле гради было бывано,
Новгородцькому князю было служено,
А поѣдемъ таваришь во Черниговъ-градъ,—
15. Во Черниговѣ-то гради о насъ не бывано,
Какъ Черниговскому князю у насъ не служивано».
А поѣхали они да во Черниговъ-градъ,
А приѣхали они да во Черниговъ-градъ,
Становили-то коней среди двора,
20. Не привязанныхъ коней, да не приказанныхъ:
«А до нашихъ лошадей да штобы дѣла нѣтъ».
А зашли они во гриню княженевскую,
Кабы молятся они да Восподу Богу,
Кабы крестъ-отъ кладутъ да по писанному,
25. А поклонъ-отъ-де ведутъ да по учѣнному,
А молитву-ту творять да полну Сусову,
На вси стороны чотыре да поклоняются,
На особину князю право Черниговскому;

- А сидитъ за столомъ да за дубовымъ,
30. Онъ сидитъ-то со княгиной, съ молодой женой,
Межь нима сидитъ тотаринъ-отъ поганой-же,
А по имени зовутъ его—Тугаринъ Змѣвъ,
Межь князёмъ-то-ле онъ сидитъ, да межъ княгиною,
Какъ-ле дѣржитъ онъ свои-то руки бѣлыя,
35. У княгины-то онъ дѣржитъ руки въ пазухи,
Онъ пихать-то ей да руки вплоть до черева.
Говорять-то-ле эти два богатыря,
А тому-же князю они Черниговскому:
«У тя нѣту-ле намъ мѣста сѣсть порѳзного?»
40. Говоритъ-то имъ князь право Черниговской:
— У мя нѣту вамъ мѣста нынѣ порѳзного,
Кабы всѣ у меня мѣста право признаны.—
Говорять-то богатыри таково слово:
«Ужъ мы видимъ какъ у тя да есть три мѣста намъ,
45. А одно-то нонѣце мѣсто насюпротивъ тебя,
А другое-то мѣсто возлѣ тя сидѣтъ,
А третье-то мѣсто на печкѣ на муравленкѣ».
Говорилъ-то имъ князь право Черниговской:
— Ужъ вамъ Богъ съ вами съ печкой съ муравленной».
50. А-бы сѣли они на печку на муравленку,
Кабы смотрятъ на князя да со княгиною,
Кабы што-же тутъ ведѣтъ право Тугаринъ Змѣвъ:
Принесли ему коврижку право нерушенную,
Онъ и сунулъ сѣ въ гортань, ее чѣлкомъ зглонулъ,
55. Говоритъ-то тутъ Олѣшинька Поповицъ блаждь:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуго-паропокъ!
Кабы помнишь-ле ты, да помятуешь-ле:
Какъ у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Оедора у попа у Ростовскаго,
60. А была ' его корова право старая,
Кабы старая коровицо, мохнатая,
По загороду корова да волочиласе,
Улавиной корова задавиласе,—
Кабы этому Тугарицу не миновать того».
65. Принесли ему лебедушку нерушану,
А заткнулъ онъ на ножикъ ей—чѣлкомъ зглонулъ;
Говоритъ-то тутъ Олѣша да во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуга-паропокъ!

- Уже помнишь-ле ты, да помятуешь-ле?
70. А у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Федора попа да у Ростовскаго,
Какъ была у его нонь старая собачища,
По-подстолью собака волочилосе,
Кабы косью собака подавилосе,
75. Кабы этому Тугарину не миновать того).
Какъ на то былъ нонь Тугаринъ-отъ догадливой,
Онъ схватилъ себѣ чинжалище булатенъ ножъ.
Кабы бросилъ онъ на печку на муравленку,
А во этихъ-то удалыхъ добрыхъ молодцовъ;
80. А на то были робята-ти увѣрочны,
А схватили-то чинжалище булатенъ ножъ;
Говоритъ-то тутъ Екимко слуга-поропокъ:
«Ужъ ты ой еси, Олѣшинька Поповиць-бладь!
Ужъ ты самъ его разишь, але миѣ-ка велишь?»
85. — Ужъ я самъ-то не ражу и тебѣ не велю,
Ковда выйдѣтъ онъ на полѣ на чистое,
А кому-де Богъ дастъ Божья помочь.—
А на то былъ-де Тугаринъ-отъ догадливой,
Побѣжалъ-то Тугаринъ вонъ на улицу,
90. Кабы вынелъ онъ тутъ крыльѣ тутъ гумажноѣ,
Подвезалъ къ себѣ онъ крыльѣ-то гумажноѣ,
Полетѣль-то онъ, поднялся вверхъ на воздухъ-отъ.
А пошли эти богатыри во Божью церковь,
А змолились они Спасу Вседержителю,
95. Присвятой Мати Божьей Богородицѣ,
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Можекскому,
Штобы дали они право мокра дожджа,
А смочили штобы крыльѣ какъ гумажноѣ,
Штобы палъ-то Тугаринъ на сыру землю.
100. Поднялася-ле тутъ да темень-тѣмная,
Темень-тѣмная тутъ, да туча грозная,
Кабы съ тѣмъ-ле она со мокрымъ дождѣмъ,
Кабы палъ-то Тугаринъ на сыру землю;
А увидѣлъ тутъ Олѣшинька Поповиць-бладь,
105. А садилса-ле скоро да на добра коня,
Погонилъ то-ле скоро да во чисто поле,
Нагонилъ онъ какъ скоро нонь Тугарина,
Кабы самъ онъ ему сталь выговаривать:

- «Кабы ой еси ты право, Тугаринъ Змѣвъ!
110. Кабы што у тя взади-го за шумъ шумитъ?
Кабы што у тя взади-го за громъ гремитъ?»
Кабы сталь Тугаринъ на лѣво да поворачиватсе,
Да смотрѣть у себя што на зади-го есь,
Подгонилъ-го Олѣшинька Поповичъ-бладь,
115. А со правого-то боку подгонилъ къ ему,
Кабы тюкнулъ его да саблей востройей,
А срубилъ у его да буйну голову,
Онъ заткнулъ голову да на востро копьѣ,
А привезъ ее ко князю ко Черниговскому:
120. «Ужъ ты ой еси нонь, князь право Черниговской!
Ужъ вамъ нате голова право тотарская,
Кабы вашего она-то непріятеля».
А скочилъ тогда-де на ноги князь Черниговской:
— Ужъ вы ой еси, удалы да добры молодцы!
125. Кабы руськіе могучіе богатыри,
Заходите-ткось ко мнѣ да на почесенъ ширь,
А садитесе-ко вы да куды хочите,
А одно-го вамъ мѣсто право возли меня,
А друго-го вамъ мѣсто напротивъ меня,
130. А третьѣѣ-то мѣсто—куды здумайте.—
Говорять-го ему какъ добры молодцы:
«Кабы Богъ съ тобой, съ мѣстами да твоима-же,
На прѣздинахъ гостей ты не учествовалъ,
На поѣздинахъ гостей не учествовать».

65.

Василій Казимировичъ.

- А во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
А у ласково у князя у Владимира,
А у той-же княгины да мать Апраксіи,
Кабы было пированьѣ-столованьѣ,
5. А на многи князи, всё на бояра,
А на руськихъ могучихъ сѣ богатырей,
А на тихъ полениць да злыхъ удалыхъ,
А на тѣхъ-же купчей, гостей торговыхъ,

- А на лучшихъ хресьянъ да православной мѣрь.
10. Кабы пирь-отъ идѣтъ нонь о полупира,
Кабы столъ-отъ идѣтъ нонь о полустола,
Кабы день-отъ идѣтъ, братцы, ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
У насъ всѣ-ле на пиру да напивалисе,
  15. У насъ всѣ-ле на чесномъ да наѣдалисе,
Кабы всѣ-ле на пиру стали пьяны веселы,
Кабы всѣ-ле на чесномъ да приросхвастались;
Кабы воры-ти бояра какъ подмолвщыки,
Они злы-ле толстобрюхи подговорщыки,
  20. А подмолвили князя они Владимера:
«У насъ всѣмъ ноньце боярамъ служба явлена,
У насъ всѣмъ богатырямъ служба надмѣчена,
А да Васиньки да службы право долго нѣтъ;
Касмирову нонь служобка надмѣчена:
  25. Кабы съѣздить ему да въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абатюю царю да къ Аботуеву,
А свести ему пошлина великая:
Кабы сорокъ свести да ясныхъ соколовъ,
  30. Кабы сорокъ свести да бѣлыхъ кречетовъ,
Кабы сорокъ свести да ему жеребцовъ,
Кабы тѣхъ-же жеребцовъ синегривыхъ,
Кабы сорокъ свести ему черныхъ соболѣвъ,
Кабы сорокъ свести да добрыхъ молодцовъ,
  35. Кабы сорокъ дѣвиць да блады-красныхъ,
Кабы штуку свести да чиста серебра,
Кабы кшу свети да красна золота,
Кабы мѣсу свести да скатна жамьцюга».
  40. Наливалъ онъ скоро цару зелена вина,
А немалу невелику полтора ведра,
А припалнивалъ чашу пива пьяного,
Кабы турей-ле рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колачикъ бѣль-крупичатой;
  45. А подноситъ Владимеръ передъ золотъ столъ:
«Ужь ты ой еси, удалой доброй молодець!
Кабы руськой нашъ магучей сильней богатырь,
Молодыя Василей Касмировичъ!

- Ужъ ты выпей-ко нынѣ царю да отъ меня князя,
50. Послужи-тко мнѣ князю ты вѣрой-правдою,
Ты вочью-ле, позавѣчью неизмѣнною,
Кабы съѣзди-ткось ты нонѣ въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абатюю царю да Аботуеву,
55. А свези-ко ему пошлина великая . . . *)
А берётъ-то эту царю во праву руку,
Кабы пьётъ-то эту царю къ едину духу,
Запиваетъ-ле Васька пивомъ пьянымъ,
Заѣдаетъ-ле Васька мѣдомъ сладкимъ,
60. А закусывать колачѣмъ бѣль-крупичатымъ.
Кабы самъ-же онъ за чарой выговаривать:
«Кабы сколько-ле я радъ право цары-то пить,
Я вдвоёмъ-де, втроёмъ радъ службы служить,
Я для князя-то служить, хотъ головы сложить».
65. Ужъ ты солнышко батюшко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай-кось ты мнѣ-ка во товарыща,
А того-же нонѣ Никиту Приширокого,
Ты ищѣ-же мнѣ дай-ко во товарыща,
Молодого какъ Потанюшку Вахромого».
70. А на то-ле былъ Владимиръ-князь догадливой,
Наливалъ онъ скоро царю зелена вина,
Онъ немалу невелику—полтора ведра,
А приполнивалъ чашу пива пьяного . . . (и пр.)
«Ужъ вы ой еси, удалы добры молодцы!
75. Ужъ вы руськіе могучіе богатыри,
Ужъ вы выпейте по чарѣ зелена вина,
Послужите-ткось мнѣ князю вѣрой правдою,
Вы вочью-ле позавѣчью неизмѣнною,
Ужъ вы съѣздите съ Васильемъ Касимировымъ,
80. А свезите вы пошлина великая».
А берутъ кабы богатыри во праву руку,
Кабы пьютъ эту царю къ едину духу . . . (и пр.)
Говоритъ-то имъ Василей Касимировичъ:
«Ужъ вы ой еси, дружина моя хоробрая!
85. Ужъ пойдѣмте мы, робята, во Божью церковь,
Мы помолимся, робята, Господу Богу,

---

*) Перечисляется по старому—выпущено.

- А тому-же нонь Спасу Вседержителю,
Присвятой Матери Божьей Богородицѣ.
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Моженскому».
90. Говорить-то тутъ князю онъ Владимиру:
«Приготовте-ко вы намъ право черлень карапъ,
Вы снесите эту пошлину великую,
Вы складите-ко всё это во черлень карапъ.»
Кабы всё-де они склали, приготовили,
95. А пришла эта дружина изъ Божьей церкви,
А ступила какъ она да на черлень карапъ,
Тутъ скомадовалъ Василей Касимировичъ,
Онъ обратъ эти сходенки дубовыя,
Кабы взеть якоря да карабельныя,
100. А подынуть паруса право полотнены;
Кабы далъ имъ Господь тишины пособное,
Кабы скоро перенесло ихъ за спнѣ морѣ.
Забѣжали во гавани во тихія,
Опускали какъ парусы полотнены,
105. А поклали-де сходенки дубовыя,
А пошоль-то тутъ Василей Касимировичъ,
Ко Батую царю да Аботуеву,
А съ докладомъ ему да доложитися:
«Ужъ вы ой еси, вы царско вы величесво!
110. Привезли мы вамъ пошлину великую,
Отъ того-же нонь отъ князя отъ Владимира,
Ужъ мы сорокъ привезли вамъ ясныхъ соколовъ... *)
Привезли мы вамъ пошлину великую,
Вы примите-ко отъ насъ да поскорѣ себѣ».
115. Говорить тутъ нонь царь да Аботуевичъ:
— Я тепере отъ васъ, робята, не приму къ себѣ,
Сослужите-ткъось мнѣ службу каку я велю:
У тя есь-ле молодцы да преучѣныя,
А съ моими борьцами да поборотисе?—
120. Говорить ему Василей Касимировичъ:
«Кабы зналъ я науки ваши царскія,
Я привѣзь-бы молодцовъ тѣхъ преучѣныхъ,
Со твоима борьчами поборотися,—
А надѣюсь какъ на Спаса Вседержителя,

*) Перечисленіе того, что привезли—выпускается.

125. На Присвѣту-ле Матерь Божью Богородицу,
На того-же Миколу на Моженского,
На своего на брата на названого,
Молодого-ле Потанюшку Вахрѳомого!»
Кабы позвалъ дружину да прихоробрую.
130. Со того-же со карабля черленаго:
«Ужь ты ой еси, Потанюшка Вахрѳминькой!
Ты не можешъ-ле съ борьцами да поборотисе?»
Кабы выбралъ царь борьцовъ да до шестидесятъ,
Изъ шестидесятъ борцовъ да до шести-то ихъ,
135. Изъ шести-то ихъ какъ выбрали какъ трѣхъ-то ихъ:
А пошолъ-то нонь Потанюшка Вахрѳминькой,
Говорить-то онъ Василью Касимирову:
«Кабы какъ мнѣ позволишь поборотисе:
Поединкѣ съ има-ле, со всима-ле вдругъ?»
140. Говорить ему Василей Касимировичъ:
— Ужь-де какъ твоя сила нонь берѣтъ съ има,
По одинкѣ съ има, хошь и всѣхъ-ле вдругъ.»
Ево ясны-ти очи помутилисе,
Какъ горячи-ти слезы покатилисе,
145. А могучіе-то плеча расходилисе,
Молодецко ево серцо да розъярилосе,
Онъ одного-то берѣтъ какъ во праву руку,
А другого-то берѣтъ онъ во лѣву руку,
А третього-то берѣтъ сиѳъ мѣжь-руки.
150. Кабы выше своей изъ вызнιάть головы,
Кабы кинуль, свиснуль ихъ о сыру землю,
Кабы тутъ-то-ле имъ да смерть случилосе.
Говорить опеть Василей Касимировичъ
Абатюю царю да Аботуеву:
155. «Вы примите у насъ пошлїны великія».
Говорить ему нонь царь да Аботуевичъ:
— Ты привезъ-ле молодцовъ мнѣ поучѣнныхъ,
А съ мойма-ле стрѣльцями пострѣлетися?—
Говорить ему Василей Касимировичъ:
160. «Кабы зналъ ваши науки право царскія,
Я привезъ-бы молодцовъ да поученныхъ,
Я надѣюсь какъ на Спаса Содержителя...
На своего затимъ брата на названого,
На того-же Микиту Приширокого».

165. Приказалъ царь принести имъ нонь тугой лукъ,
А несутъ его придворны право тугой лукъ,
Подъ однимъ концёмъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ другимъ концомъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ середоцькой несутъ тридцеть тотариновъ,
170. Кабы бросили на матушку сыру-землю,
Подрожала тутъ матушка сыра-земля;
Принесли-то какъ нонь стрѣлочку каленую,
Кабы тоже несутъ тридцеть тотариновъ,
А несутъ-то тетивочку шолковую,
175. А несутъ-то-ле ей тридцеть тотариновъ;
А пришоль-то Микита Приширокой-же,
Кабы взялъ онъ этотъ нонь тугой лучокъ,
Онъ поставилъ конечъ да на сыру землю,
Кабы прижалъ онъ, Микита, ихъ тугой лучокъ,
180. Розломилса тутъ лукъ на мелки дребезги,
Онъ убилъ дребезгами сто тотариновъ;
Кабы самъ-же онъ затѣмъ да выговариваль:
«Какъ у нашего-то князя у Владимира,
Кабы этими луками бабы шерсти бьютъ».
185. Говорить-ле тутъ Василей Казимировичъ
Абатю царю да Аботуеву:
«Ты прими-ко у насъ пошлина великая,
Отпусти-ко-ся ты насъ да добрыхъ молодцовъ».
Говорить-то ему какъ Абатуй нонь царь:
190. — Ты гораздъ-ле играть со мной во шахматы?—
«Я надѣюся на Спаса Вседержителя...
Я надѣюся на ся, на добра молодца,
Поиграти съ тобой какъ въ мелки шахматы».
Они начали играть какъ въ мелки шахматы,
195. Они первой разъ ступили—царь не достигилъ,
Они второй разъ ступили—царь переступилъ,
Кабы третей разъ ступили, дакъ онъ съ доски упаль,
А схватилъ его Василей за черны кудри,
Кабы здынулъ его какъ выше головы,
200. А свиснулъ-то его да о кирпичать поль,
Какъ и тутъ-то царю да смерть случилось.
Говорить-ле тутъ Василей Касимировичъ:
«Ужъ я што-же сижу, да на кого глежу?
Выдаваю своихъ братьевъ я названныхъ».

205. Онъ бросилсе Василей вонъ на улицу,
Кабы взялъ свою палицу буёвую,
Кабы началъ онъ палицей помахивать,
А куды-же онъ махнётъ дакъ лежитъ улица,
Поворотъ куда даётъ дакъ—переулками;
210. А Микита взялъ обломки у туга лука,
Онъ-де началъ обломками помахивать,
А Потанюшка схватилъ тотарина кой больше всѣхъ,
Кабы началъ онъ тотариномъ помахивать;
Они бились тутъ, дрались да чѣлы суточки
215. Не пиваючись они, да не ѣдаючись,
А на малой-де часъ здоху не имѣючись,
А прибили они всѣхъ до единого,
Ради вѣсти какъ оставили единого.
А пошли они тогда на свой черлень карапъ,
220. Кабы далъ Богъ имъ тишины пособной-же,
Возратились они на свою сторону;
А пошли это они да во Божью церкву,
Помолилися они какъ Восподу Богу,
А тогда пошли-ко князю ко Владимиру,
225. А предложили поѣзку молодецкую,
Тогда сдали посылку всю князевскую,
Кабы всю назадъ всю пошлину великую.
А со той-же со радости великой,
Завелса тутъ у князя-то почесень пирь.

66.

Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна.

- Ай да жилъ-то Данило сынъ Игнатъевичъ,
Онъ имѣлъ при себѣ да чадо милого,
Молодого Луку сына Данилова,
Кабы возрастомъ былъ—двенацать лѣтъ.
5. А пошоль-то Данило во Божью церковь,
Во Божьис-ту церковь Богу молитисе,
Разбудилъ онъ своего чада милого,
Молодого Луку сына Данилова;
Онъ ушоль, Данило, во Божью церковь,

10. Оставался Лука, да онъ заснуть впередъ.
Миновалосе время, право, дивно-же
Прохватилса Лука да сынъ Даниловичъ:
Онъ пошолъ за отцомъ да во Божью церковь,
Онъ пришолъ-то ко дверямъ ко церковнымъ.
15. Онъ послушалъ пѣть-четыре церковное,
А послѣдни салмы право читають-же;
Онъ-де думаетъ, Лука, да въ умъ-въ разумъ.
Кабы мыслить онъ во мысляхъ богатырскихъ:
«Ожъ я воръ-ле приду, право, разбойникъ-ле?»
20. Я ночной-ле приду подорожникъ-ле?
Я пойду лучче, Лука, во зелены луга,
Погуляю я то время, до обѣдни-же».
А гуляетъ Лука бо зеленыхъ лугахъ,
Подходила тутъ вода да синеморская,
25. Понимала тутъ вода все зелены луга,
А стоялъ тутъ Лука да поколѣнь воды,
А стоялъ-то Лука да до поясъ воды,
А стоялъ-то Лука да до грудей воды;
Подносило тутъ колоду водоплавную,
30. А заскакивалъ Лука да на колодну,
Относило колоду да во синѣ морѣ,
Перносило колоду да за синѣ морѣ,
Подносило ей подъ горы Сорочинскія.
А завидѣла Луку да змѣя лютая.
35. Надлетѣла надъ Луку сына Данилова,
Забрала его въ свои да она хоботы,
Во свои-ти-ле хоботы змѣинныя,
Подняла его на горы Сарочинскія,
Опускала-то его да на сыру землю,
40. Овернулась она дѣвицей млады-красной:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-косъ мы съ тобой любовь тѣлесную,
А тѣлесну любовь со мной, прилесную,
Кабы вывѣмъ мы съ тобой, право, тепло гнѣздо,
45. Кабы выведѣмъ съ тобой да мы малыхъ дѣтей,
Кабы малыхъ-то дѣтей съ тобой змѣинныхъ.»
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
— Ужъ ты ой еси, проклята змѣя лютая!
Не творю я конь съ тобою любовь тѣлесную,

50. Я тѣлесну любовь съ тобой, прилесную.—
Говоритъ-то змѣя да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, удалой доброй молодець,
Молодыя Лука да сынъ Даниловичъ!
Заберу я нонь тебя во свои хоботы,
55. Отнесу-ле я тебя да во синё морё,
Потоплю-ле я тебя да во синёмъ морѣ».
А схватиль-то Лука на нынче сырой дубъ,
Кабы выдернулъ-ле дубъ онъ со всемъ съ коренёмъ,
Онъ одёрнулъ змѣю да право лютую,
60. Кабы тутъ-то змѣи да смерть случилось.
Онъ пошоль-то Лука да по темнымъ лѣсамъ,
Онъ-де вышоль на дорогу да на трахтовую,
Онъ идётъ-то по дорогѣ да трахтовой,
А завидѣль-то Лука да стоитъ большой градъ,
65. А идётъ-то онъ, Лука, право ко городу,
Кабы стрѣтилось калика перехожая,
А спрашивать Лука да сынъ Даниловичъ:
«Ужъ ты ой еси, калика да перехожая!
Это чѣ-жо стоитъ царсво привеликое?»
70. — Эта царсво всё Салтана да нонь Турецкое,
По прозванью этотъ городъ—Киселиковъ-градъ.—
«Здѣся кормятъ-ле, поятъ-ле людей добрыхъ?
Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящихъ?»
— У насъ кормятъ и поятъ да людей добрыхъ,
75. Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящихъ,
Кабы кормятъ и поятъ, да на дорогу даютъ.—
Онъ пошоль-то Лука да въ Киселиковъ-градъ,
Онъ зашоль-то въ сады право салтановы,
Онъ гуляётъ, Лука, во зеленыхъ садахъ;
80. А завидѣла Луку да дочь Салтановна,
А послала своего слугу вѣрную,
А позвать-то къ себѣ да добра молодца;
А привёлъ-то слуга Луку Данилова,
А ко той-же Настасьи дочь Салтановны;
85. Завела его Настасья въ свои горницы,
Кабы начала его она да спрашивать:
«Ты какой? откуда? дѣтина! чей? незнаемой?
Ты незнаемой, дѣтина! чей? невѣданной?
Кабы какъ тебя, дѣтина, именёмъ зовуть?»

90. Величаютъ-ле тебя да изъ отечества?»
— Я изъ за моря, дѣтина, да изъ за синяго.
Я того же Данила какъ Игнатѣва,
Я попалъ-то сюда право нечаемо,
Иминѣмъ зовуть—Лука да сынъ Даниловичъ,
95. Кабы отроду-то мнѣ-ка—лѣтъ двѣнадцатьи.—
Говорить ему Настасья дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Ужъ мы примемъ-ко съ тобой право законной бракъ,
Ты возьми меня, Лука, да во замужество,
100. А приди-косъ ты къ намъ сыномъ восприемнымъ».
Кабы ему эти рѣчи пригленулисе,
А Настасьины-то рѣчи прилюбилисе,
Онъ сталъ ей братъ да во замужество;
А пошла она къ своему да родну батюшку,
105. Ко тому-же ко Салтану да ко Турецкому:
«Ужъ ты ой есь, мой родимой право батюшко!
Ужъ ты дай-кс-ся мнѣ благословленьца,
Ужъ мнѣ взеть на себѣ да жониха нонѣце:
Принскала я удала да добра молодца,
110. Малодого Луку сына Данилова,
Иностранного его, да заблудящего;
Онъ изъ за моря пришоль сюда, изъ за синѣго,
А того-же Данилы всё Игнатѣва,
Онъ даваице суда намъ въ принеты съ тобой».
115. Говорить-то Салтанъ ей таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Приведи-кс-съ ты его да напоказъ ко мнѣ,
Посмотрю его самъ да я въ лицо къ себѣ.—
Привела его Луку сына Данилова,
120. Кабы та-же Настасья дочь Салтановна;
Посмотрѣлъ его Салтанъ право Турецкiя,
Онъ понравился ему какъ доброй молодець;
Кабы спрашивать удала добра молодца:
«Тебѣ глянецца-ле Настасья дочь Салтановна?
125. Ты идѣшь-ле нонѣце къ намъ да въ принеты на ей?
Мѣсто сына-та къ намъ, да мѣсто родимого?
Кабы станешь-ле насъ ты почитать и слушати?»
Завелась у нихъ названна скоро свадебка,
А поѣхали они да во Божью церковь,

130. Кабы принели они, право, законной бракъ,
А завелса у Султана-та почесенъ пиръ,
Пировали-столовали чѣльной мѣсяць-же.
А прошло это времѣ, чѣльной мѣсець-же,
Говорить-то тутъ Лука да сынъ Даниловичъ:
135. «Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
Кабы та-же нонь Настасья дочь Салтанова!
Ты проси-ко у отца право черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-ле намъ да за синѣ морѣ,
Ко моёму-то сударю свѣту-батюшку,
140. Ко тому-же Данилу да ко Игнатѣву».
А пошла-то Настасья да дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле намъ, право, черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-то-ле намъ да за синѣ морѣ,
145. А ко нашему сударю свѣту-батюшку,
Ко тому-же нонь Данилу ко Игнатѣву,
Показатсе нонче намъ, право, проздравитсе,
Со законнымъ-то нашимъ, право, браки-же».
А позволилъ имъ Салтанъ, право, Турецкіи,
150. Онъ-то даль-же имъ съ собой право черленъ карапъ,
Со прислугою, со всею да, право, съ войскимъ-же,
Говорилъ-то онъ своему, право, войскому:
«Починяйтесь вы Луки сыну Данилову,
Какъ вы слушали миня, также его слушайте;
155. Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Затимъ ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Вы побытьте, право, тамъ, да попируйте-же,
Возратитесе назадъ нонче ко мнѣ суда».
А пошли-то они да на черленъ карапъ,
160. Провожаѣтъ ихъ Салтанъ да со всею съ музыкой,
Со стрѣльбою, со пальбою, со всѣма-же ихъ;
Проводили какъ ихъ съ чесью, право, съ радосью.
Кабы даль имъ Богъ нонь тишины пособной-же,
Кабы поднели-ле парусы полотнены,
165. Кабы бѣжать нонь они да по синю морю.
А бѣжали-то они какъ трои сутоки,
Забѣжали-то во галави во тихія,
Опускали они парусы полотненны,
Помѣтали они якори карабельныя,

170. А поклали они сходенки дубовыя;
Собралися тутъ народъ, право, православной міръ,
Встрѣчаютъ-то его какъ съ чесью, съ радосью,
Молодого-то Луку сына Данилова,
А стрѣчаютъ какъ его да съ молодой женой,
175. А со той-же Настасьей дочь Салтановной.
А услышалъ какъ Данило сынъ Игнатъевичъ,
Онъ про ту-же пріѣзку молодецкую,
А своѣго-то они какъ чада милого,
Молодого Луку сына Данилова,
180. Съ молодой его женой, братцы, съ любой семьѣй,
А стрѣчаютъ-то его какъ съ чесью, съ радосью.
А со той-же какъ со радости великоей,
А завѣлся у Данила-та почесенъ пиръ,
Пировали-столовали чѣлу нидѣлюшку,
185. Говорить-то тутъ Лука да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле мнѣ благословеньичо,
Отъ буйной-то главы до сырой земли,
189. Я ушоль отъ тя къ Салтану вмѣсто сына-же».

Дальше старина передана пересказомъ: «отецъ—Данило Игнатъевичъ сталъ пенять Лукѣ, что тотъ его бросаетъ, а Лука говорить: «у тебя есть другія дѣти и родственники,—помогутъ, поддержать». Отецъ далъ Лукѣ благословленіе и Лука съ женой уѣхалъ обратно въ Киселиковъ-градъ, къ Салтану».

67.

Небылица.

- А во славномъ во городѣ во тусѣ,
А за крѣпкой-ле стѣной было, за жорновомъ,
А стояла тутъ-ле льдина воеводою,
А стояла-то льдина до Петрова дни,
5. О Петровѣ дни эт' лдына-то ростаела;
А не стало-де во городи управителя,
А не стало-де во городи распорядчика.
Роздралисе тутъ невѣски со золовкамп,

- А вострыма-то щиками всё лучинами,
10. Каленыма-ти стрѣлами всё лонатами,
А тутима-ти луками да коромыслами,
А невѣска-то золовку пересплила;
Онѣ скоро-то глядятъ да на синѣ морѣ,
Какъ бѣжитъ-ле карабъ да по синю морю,
15. На носу-ту сидѣль сѣрой волкъ укащикомъ,
На середкѣ медвѣдь сидѣль расправщикомъ,
На кормы-то-ли быкъ сидѣль приправщикомъ,
Кривоногойтъ-де заецъ бичевой тащитъ,
Бичевой-то тащитъ только вода шульчитъ,
20. А вода-де шульчитъ, да бичева трещитъ.

68.

Отрывокъ.

- А да много-де во Києу Божьихъ церквей,
А много-то почесныхъ монастырей,
Кабы нѣту не чудиле, не премудрѣ,
Кабы Свѣтлого Христова Благовѣщенья.
5. А и Волга-то рѣка да подъ Казань ушла,
А и дале-то того да мать подъ Астрахань;
А и долги-то плеса да Чивудельскія,
А глубоки-ти омуты Непровскія,
А широкъ-де перевозъ подъ Новымъ-городомъ...

VIII. ДЕРЕВНЯ ВЕРХНЕЕ БУГАЕВО.

16. **Василій Дорофеевичъ Шишоловъ.**

Лѣтъ 40—45 веселый, разухабистый мужикъ, постоянно почти навеселѣ. Съ женой онъ не живетъ, а имѣеть „подругу“, съ которой также живетъ едва-ли хорошо — всегда жалуется на свою судьбу, говоритъ намеками про какое-то горе, которое его гложетъ. Больше знаетъ сказки, которыя прекрасно разказы-

ваетъ. Старину про Чурило спѣлъ онъ прекрасно, съ большимъ чувствомъ, примѣняя вѣрно содержаніе старины къ своей долѣ; при пѣніи голосъ его дрожалъ и В. Д. нѣсколько разъ всхлипывалъ.

69.

Чурило и невѣрная жена.

- Нападала пороха снѣгу бѣлого,
Невопору пороха, нынѣ нево время,
Да середка-де лѣта: о Петрова дни.
По этой-же порохѣ снѣгу бѣлого,
5. Не бѣлой-де заюшко проскакивалъ,
Не чернохвость горносталя да тутъ пропрядывалъ,
Молоды-душа Чурило да тутъ прохоживалъ,
Да къ тому Пермьтѣ да къ молодой жонѣ.
Да заходитъ-бы онъ да на крылечико,
10. Кабы брякался онъ да во колечико,
Да выходитъ Настасья дочь-Колашничка,
Отпирала она да двери напету,
Да брала молодца за бѣлы руки,
Чѣловала молодца въ уста сахарныи,
15. Проводила его да въ лѣжню-спальню нонѣ.
Кабы зажилъ тутъ Чурило по домашнему:
Да кушакъ-отъ-бы вѣшалъ онъ на спичечку,
А пуховъ-де кошакъ кладѣтъ на полочку,
Да софьянны сапожки кладѣтъ подъ лавочку,
20. Да ложилса на кроватку да на тесовую,
Да съ тою-де Настасьей да со Колашницей,
Да на тѣ-же перины да на пуховыи.
Да была Пермьты ницѣ служаноцька,
Говорила она да таково слово:
25. «Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плѣнковичъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
Да пойду къ Пермьтѣ, да я нажалюсе».
Говорить-то Чурило да блады-Плѣнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка чернавушка!
30. Не ходи къ Пермьтѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тибѣ да въ косу лентацьку,
Заплацю я за ленту двадцать пять рублей.—

- Да на то-де дѣвчонко да не здавайтце,
Говорить-де она да таково слово:
35. «Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плѣнковпчъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
А пойду къ Пермьтѣ, да я нажалюсе».
Говориль-де Чурило да блады-Плѣнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка чернавушка!
40. Не ходи къ Пермьтѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тебѣ да нонь шубеечку,
Заплачу за шубейку да петьдесять рублей.—
Да на то-же дѣвчонко да не здавайтце,
Да пошла-де дѣвчонко да вонъ на улицу,
45. Да пошла-де дѣвчонко да во Божью церковь,
Говорила она да таково слово:
«Ужъ ты ой есь, Пермьта да сынъ Ивановичъ!
Да у насъ-де въ садахъ да непостарому:
Заскоцилъ-де въ сады да какъ чужой-же конь,
50. Да стопталъ-бы траву у насъ шолковую».
А на то Пермьта да былъ догадливой,
А пошоль-же бы онъ да изъ Божьей церкви,
Да заходитъ-бы онъ да въ лѣжну-спальню нонь,
Говорить-же Пермьта да сынъ Ивановичъ:
55. «Ужъ ты ой еси, Настасья да дочь Колашница!
Эта цей какъ вѣсится шолковъ кушакъ?
Эта цей-де лежить да нонь пуховъ колпакъ?
Эта цы-де лежать да нонь сапожоцьки,
Да сапожки лежать да нонь софьянныя?»
60. Да-бы цей-же у насъ да ноньце доброй конь?»
Говорить тутъ Настасья да дочь Колашница:
— Ужъ ты ой есь, Пермьта да сынъ Ивановичъ!
Да ходила я по городу по Кіеву,
Кабы видѣла купцей людей торговыхъ,
65. Они ѣздятъ на коняхъ всё на добрыхъ,
Кабы носятъ-де шапоцьки пуховыя,
Кабы носятъ кушаки да всё шолковыя,
Кабы носятъ сапожки да сафьянныя,
Да купила тебѣ да носить въ праздники,
70. Да купила коня да тебѣ доброго,
Кабы ѣздитъ во церковь да во Божью нонь.—
Да пошоль Пермьта да сынъ Ивановичъ,

- Да ко той ко кроваткѣ ко тесовой,
Розмахнулъ-де бы онъ да новы завѣсы,
75. Да стенулъ одіало да соболиное,
Да лежитъ-де Чурило да безъ почтаниковъ.
Какъ-де браль-де Чурила за жолты кудри,
Да мѣталъ-де его да на кирпицать полѣ,
Да вытаскивалъ его да вонъ на улицу,
80. Да везаль-бы коню да за хвостъ ноньце,
Да спустиль-бы коня да во чисто полѣ.
Да заходитъ назадъ да въ лёжну-спальню нонь,
Говоритъ Пермята да таково слово:
«Ужъ ты гой еси, Настасья да дочь Колашничка!»
85. Уже што-ле тебѣ да ноньце надобно?»
Говорила Настасья да дочь Колашничка:
— Кабы гдѣ же-ле нонь да какъ есенъ соколь,
Кабы тутъ-же-ле быть да бѣлой лебеди!—
Кабы взяль Пермята да молоду жону,
90. На одну-де ногу да онъ ступилъ ноньце,
Какъ другу-де ногу да у ей оторвалъ,
Да служанку-же взяль да за себя замужъ.

70.

Садко *).

- ....Да пошоль-де Сатко да запечалился,
Повѣся-де идѣтъ да буйной головы,
Потупя-держитъ да очи ясныи,
Кабы стрѣтилса старикъ какъ бѣлой куропать,
5. Говорилъ-де старикъ да таково слово:
«Ужъ ты, здраствуй Сатко, купецъ богатый!
Ужъ ты што-же идѣшь да запечалился?
Повѣся-де держишь да буйной голове?
Потупя-де держишь да очи ясныи?»
10. — Ужъ ты ой есь, старикъ какъ бѣлой куропать!
Я ударилса съ попомъ отцомъ духовнымъ,
О великъ закладъ, да не тысяцяхъ,
О своихъ мы ударились буйныхъ головахъ,
Захотѣль-де повыкупить товары всѣ,

---

*). Начало Садка въ лѣтнѣ Шишолова точно такое-же, какъ и у Игнатія Дуркина и потому не приводится.

15. Да казна-же у мя да вся истоцилась,
Да во городи товары всё не убыли.—
Говоритъ-то старикъ какъ бѣлой куропатъ:
«Ужъ ты ой есь, Сатко, купечъ богатый!
Ты змолисъ-ко-се нонь да Господу Богу,
20. Овѣщайся поставить ноньце церковь-же,
А прибудеть у те да золота казна.
Да змолилса Сатко купецъ богатый,
Овѣщаль онъ поставить церковь Божию,
Появилось ' его да золотой казны.
25. Да пошоль-де по лавкамъ по торговымъ
Кабы день торговаль да онъ до вечера,
А другой торговаль да до полуночи,
А третей торговаль да во всю ночиньку;
У Сатка купця денѣгъ не убыло,
30. Да во стольнѣмъ во городи во Кіѣви,
Да во лавкахъ товары тутъ истоцились.
Нагрузилъ-де три карабля черлѣныя,
Побѣжалъ дабы онъ по синю морю,
Да хватила его пурга-пáдера,
35. Да разбило три карабля черлѣныя,
Нарушилса Сатко купечъ богатый.

IX. СЕЛО СРЕДНЕЕ ВУГАЕВО.

15. Марья Кузьмовна Шишолова.

Шишолова двоюродная сестра предъидущаго пѣвца; живая, крѣпкая старушка 63 лѣтъ. Пѣть согласилась послѣ долгихъ упрашиваній, пѣла очень хорошо, не сбиваясь. Спѣла она мнѣ одну старину и рассказала четыре маленькихъ сказки. Сказки рассказывала также хорошо.

71.

Лука Даниловичъ, Змѣя и Настасья Салтановна.

Среди-то, братцы, было синя моря,
Какъ синя-де моря было, на острови,

- Какъ стояло вѣдь царсво привеликое;
Тамъ вѣдь жилъ-то удалой доброй молодець,
5. А Данило вѣдь жилъ да Старонильевичъ, *)
А вѣдь было у его да цядо милое,
Молодой-же Лука да сынъ Даниловичъ.
По утру-то было, братцы, ранымъ-рано,
Какъ на утренной было да ранной зорюшкѣ,
10. На восходѣ-то была красна солнышка,
На зачинѣ-то была свѣтла деничка,
А пошоль-то Данило да во Божью церкву,
Да будиль онъ свое да цядо милое,
Молодого Луку сына Данилова.
15. Ото сну-то Лука да пробужаитца,
Ключевою водой да умывантца,
Полотенышкомъ онъ да утирайтца,
Хорошешинько онъ да снаряжаитца,
Надеваетъ на себя да платьё цвѣтное,
20. Онъ вѣдь цвѣтное платьё, самъ церковное.
Онъ нашоль-то Лука да во Божью церковь,
У церковныхъ вратъ стоитъ послушивать,
А попы-ти поють да вползаутрени,
Говоритъ-то Лука да сынъ Даниловичъ:
25. «Мнѣ не честь вѣдь хвала да молодецкая,
Мнѣ не выслуга, братцы, богатырская,
Я пойду нынѣ Лука да въ зелены луга». Онъ пошоль-де Лука да въ зелены луга,
Онъ вѣдь ходитъ, гулять да въ зеленыхъ лугахъ.
30. По великому его да по несчасъицу,
Набѣжала вода скоро паморская,
А паморска вода, да нонѣ залѣнная;
А стоитъ-то лука да до колѣнъ ' воды,
А стоитъ-то Лука да до пѣсей ' воды,
35. А стоитъ-то Лука да до грудей ' воды,
Ему некуда молодцу стало деватисе;
Тутъ несётъ-то колоду водоплавную,
Онъ бросалса Лука да на колодину,
Съ подколодины выходитъ да змѣя лютая,

*) Прозвище у Даниила сказательница конечно перепутала: всѣмъ сказателямъ известна про Даниила Старонильевича совсѣмъ другая старина. Н. О.

40. Змѣя лютая выходитъ, троеглавая;
А брала-то Луку да въ свои хоботы,
Понесла-то его да за синѣ морѣ,
Подносила подъ горы подъ высокіи,
Подъ пристрашные степи Сарочинскіи.
45. Принесла-то Луку да ко сухой земли;
Выходили-то Лука да на суху землю,
А выпалзывать за нимъ да змѣя лютая,
Овернулася змѣя да красной дѣвицей,
Говорить-то змѣя да руськимъ языкомъ:
50. «Ты удалой дороднѣй доброй молодець!
Ужъ ты руськой могучѣй спльнѣй бѣгатырь,
Молодой ты Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-ко съ тобой любовь тѣлесную,
Мы тѣлесную любовь съ тобой, сердцецную,
55. Мы совѣмъ-ко съ тобой да тѣпло гнѣздышко,
Мы сведѣмъ-ко съ тобой да малыхъ дѣтоцѣкъ».
Кабы тутъ молодцу да за бѣду стало,
Его ясные оци да помутилисе,
А горячіе слѣзы да покатилисе,
60. Богатырское сэрцо да возьярилосе,
Онъ вѣдь сырой-отъ дубъ схватилъ изъ кореня,
Отрехнувшѣ о матушку сыру землю,
Онъ ударилъ змѣю да по буйнымъ главамъ,
А вѣдь тутъ-то змѣи пропасть случилосе.
65. А пошоль-то Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ пошоль-то подъ сторону подъ сѣверну,—
Подхватили его да горы ледены;
Онъ пошоль-то подъ сторону подъ западну,—
Подхватили его да моря синіи;
70. Онъ пошоль-то подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Подхватили его тутъ зелены луга.
Онъ идѣтъ-то Лука по зеленымъ лугамъ,
Тамъ завидялъ онъ царсво превеликое,
А стоятъ тутъ во царсви много на крѣпости,
75. А удалыхъ стоятъ да добрыхъ молодцовъ;
Потишешинько Лука къ имъ подвигаетца,
Пониженшннько онъ имъ да поклоняйтца,
А вѣдь самъ говоритъ да таково слово:
«Ужъ вы здраствуйте, удалы добры молодцы!

80. Это русько-ле царсво или невѣрное?»
Отвѣчаютъ тутъ удалы добры молодцы:
— Это царсво у насъ да здѣсь невѣрное.—
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«Это какъ, ваше царсво по прозванью есь?»
85. — Это царсво-то нашо да Киселиговъ-градъ.—
«Это хто нынѣ у васъ въ царсви набольшины?»
— А Салтанъ нынѣ есь царь да Лукоперенинъ.—
А заходитъ Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ идѣтъ вдоль по царсву по Салтанову,
90. Тамъ стоять вѣдь сады да нонѣ зелены,
Онъ заходитъ Лука да въ зелены сады;
А заводитсе у царя да нынче чесенъ пирь,
Тамъ завидѣла Настасья дочь Салтановна:
«А родитель мой да сударь батюшко!
95. Во моихъ вонѣ садахъ да во настасьиныхъ,
Тамъ вѣдь ходитъ, гуляетъ доброй молодець,
Отъ его-то кудрей да лучи солнычны.
Его надобно позвати да добра молодца.
Привели его во грини да нынѣ во царскіи,
100. У царя у Салтана да гостей множество,
Подносить она гостямъ стала по рюмоцьки,
Сама заритця на удала добра молодца,
Уронила съ руки да свой злаченъ перстень;
А искати вси стали да ей злаченъ перстень,
105. Тутъ согнулса Лука да сынъ Даниловичъ,
Обняла-то Настасья да за бѣлу шею,
А цѣлуетъ въ уста да во сахарныи,
Говорить-то Настасья да дочь Салтановна:
«А какой ты земли да какой родины?»
110. Ты которого отца, да коей матушки?
Какъ тебя, молодца, да именѣмъ зовутъ?
Величаютъ тебя да изъ отечества?»
Отвѣчаетъ Лука да сынъ Даниловичъ:
— Я не помню не отца, да своей матушки,
115. Не села я не знаю и не городу,
Заблудящей я удалой доброй молодець.—
Дальше М. К. непомнила, какъ пѣтъ, а сказала только,
что Лука женился на Настасьѣ и у нихъ родился Олѣша
Полувѣренинъ.

Б. СТАРИНЫ ПУСТОЗЕРСКОЙ ВОЛОСТИ.

Х. СЕЛО ВЕЛИКАЯ ВИСКА.

18. Николай Петровичъ Шальковъ.

Слѣпой старикъ, лѣтъ 80 слишкомъ, высокій, стройный, съ черной полусѣдой бородой. Въ молодости былъ, вѣроятно, очень хорошій старинщикъ, но теперь многое позабылъ, многое перепуталъ, да и давно уже не поетъ, съ тѣхъ поръ какъ ослѣпъ отъ старости. Послу моему, съ предложеніемъ пѣть старины—наотрѣзъ и очень рѣзко отказалъ, но явившись лично я уговорилъ его, и онъ, кромѣ напечатанныхъ здѣсь 8 №№, сиѣлъ еще нѣсколько стиховъ и рассказалъ сказку. Отсюда выводъ: никогда не слѣдуетъ посылать для переговоровъ туда, гдѣ нужно приложить много просьбъ и такта,—неособенно заинтересованные въ дѣлѣ посланные, просьбу пѣть старины передаютъ въ формѣ приказанія, напр.: „иди Шальковъ старины пѣть, баринъ тамъ пріѣхалъ изъ Петербурга, зоветъ тебя“—и, конечно, получаютъ рѣзкій и иногда очень грубый отказъ. И меня Шальковъ принялъ сначала очень немилостиво и долго отнѣкивался пѣть, а когда мы познакомились поближе, мои посѣщенія были ему даже пріятны. Человѣкъ очень бѣдный Шальковъ живетъ въ самомъ концѣ села за рѣчкой, вяжетъ сѣти, а иногда ловить и рыбу.

72.

Потапъ Артамоновичъ.

Изъ того-де изъ города изъ Кіева
Выѣзжалъ-де удалой доброй молодець,

- Молодой-де Потапъ сынъ Артамоновичъ,
Отъ рожденья молодцу семнадцать лѣтъ.
5. Онъ конёмъ-де владѣль, да копѣмъ шурмоваль,
Вывозиль-то-ле боцьки съ зеленымъ виномъ,
Вывозиль-то-ле боцьки пива пьяного,
Вывозиль-то-ле боцьки мѣду сладкого,
Вывозиль-то-ле хлѣба онъ оввозами;
10. Выѣзжалъ-то среди поля онъ чистого,
Становиль-то дѣтина бѣль полот'нъ шатѣръ,
Становиль-то столы да онъ дубовыя,
На столахъ-то-ле ѣствы всё сахарныя,
На столахъ-то питья да разноличныя.
15. Кабы пилъ-то-ле, ѣлъ, да забавлялся онъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ,
Кабы спить-то, храпитъ, да какъ порогъ шумить.
Какъ стоялъ-то его конь, лошадь добрая,
Какъ стоялъ-то его конь у сыра дуба,
20. Да насыпано пшаны было бѣлояровой,
Да поставлена вода была сладка-медовалъ;
Да не ѣсъ-то пшаны конь бѣлояровой,
Да не пьётъ изъ соты воды медовой,
Да повѣся стоитъ конь буйну голову,
25. Потупя-то-ле оци во сыру-землю;
Да бьётъ-де копытомъ во сыру-землю,
Вся дрокитъ-то-ле матушка сыра-земля,
Да сыроѣ-то дубѣ расшаталосе,
Да сухоѣ-то пеньѣ поломалосе.
30. Ото сну-то дѣтина розбужаитсе,
Да выскакивалъ дѣтина вонъ на улицу,
Да въ одной-то рубашечки безъ пояса,
Да въ одныхъ-то цюлочкахъ безъ чеботу,
Да хватилъ свою палицу буѣвую,
35. Какъ и бьётъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Еще волчья, конь, сытъ, да травеной мѣшокъ!
Ищэ што-же стоишь, да ты не пьешь не ѣшь?
Ле пшана-ле моя тибѣ не дѣшлая?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?»
40. Не слыхаль-ле ты граянья вороньяго?
Не слыхаль-ле ты крыку богатырскаго?
Не слыхаль-ле ты свисту соловьиного?»

- Да провѣщылся конь да лошадь добрая
Ищэ русьскимъ языкомъ человѣческимъ:
45. — Ужъ ты ой еси, хозяйинъ, сударь ласковой,
Молодой ты Поталъ сынъ Артамоновичъ!
Подходилъ-де собака зла-де, Скурла царь,
Ищэ Скурла-де царь, да сынъ Смородовичъ,
Ищэ прямо идѣтъ да въ славной Кіевъ-градъ,
50. Ищэ хочеть онъ Кіевъ да во плѣнъ сплѣннить,
Да Божьи-то наши церкви на огни сожечь,
Да чудны наши иконы на полавъ рѣки,
Да почесные монастыри во грезь стоптать,
Самого князя Владымира—голову срубить,
55. А его-де княгину за сибя-то взять.—
Помутились у дѣтины оци ясныя,
Осердилось у его да ретиво сэрцо,
Кабы сталь-то дѣтина снаряжатисе,
Кабы сталь-то дѣтина сподоблятисе,
60. Какъ налаживаль онъ латы рибулатныя,
Какъ накладываль нагруднички укладные,
Да на шею кольчужку позолочену,
На головку колпакъ да земли греческой,
Ищэ латы-ти были двадцеть-пять пудовъ,
65. А нагрудникъ-то былъ да десеть пудовъ,
Да на шею кольчуга была пять пудовъ,
На головку колпакъ да сорока пудовъ;
Да берѣтъ-то съ собой да саблю вострую,
Да берѣтъ-то-ле палицу буѣвую,
70. Да берѣтъ-то-ле лукъ со каленой стрѣлой,
Да берѣтъ-де копейцо бурзаметноѣ;
Да уздаль-де, сѣдлаль онъ коня доброго,
Онъ двѣнадцеть кладѣтъ да подпругъ шолоковыхъ,
Онъ тринадцету кладѣтъ черезъ хребѣтну кось,
75. Да не для ради басы, да ради крѣпости,
Ищэ ради побѣжки лошадиной,
Не оставилъ штобы конь да во чистомъ полѣ,
Ищэ клалъ-то-ле войлоцьки-поджопнички,
Да на войлоцьки сѣдельшко черкацето.
80. Да скочилъ-то дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
Притугаѣтъ своя да коня доброго,

- Кабы въѣхаль-то въ силу, въ прокляту Литву,
Кабы сколько-то силы онъ саблей сѣкѣтъ,
85. Ишэ вдвое-де, втрое онъ конѣмъ топчѣтъ,
Кабы биль-то ломилъ чѣлы суточки,
Приустали его да руки бѣлыя;
Какъ отгуль-то дѣтина поворотъ даѣтъ,
Приѣжжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
90. Да свезаль-то коня онъ ко сыру дубу,
Насыпаль-то пшану онъ бѣлоярову,
Наливаль-то соты-воды медовой,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатеръ,
Да садилса дѣтина за дубовой столъ,
95. Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да тутъ и спать онъ лѣгъ.
Какъ и спить, храпить, да какъ порогъ шумить,
Какъ стоялъ его конь да у сыра дуба,
Не зобаль-то пшену да бѣлоярову,
100. Какъ не пиль-то воду да онъ медовую,
Кабы биль-то копытомъ о сыру землю;
Вся дрожить-то-ле матушка сыра земля,
Какъ сыроѣ-то дубѣ расшаталосе,
Какъ сухоѣ-то пенѣ поломалосе,
105. Да въ озѣрахъ водыця поплескаласе,
У шатра-то тынинки всѣ повыпали;
Ото сну-то дѣтина пробужаитце,
Выходилъ-то скоренько вонъ на улицу,
Да хватилъ свою палицу буѣвую,
110. Да бы бѣѣтъ-то коня онъ по тучнымъ ребрамъ:
«Ишэ волчья ты сытъ, конь, травеной мѣшокъ!
Ишэ што-же стоншь, да не пѣшь, не ѣшь?
.Ле пшена-то моя тибѣ не дошлая?
.Ле вода-те моя тибѣ не сладкая?»
115. А провѣщилса конь да лошадь добрая,
Ишэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой есь, хозинь, сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ-Артамоновичъ!
Да подходитъ-де собака злая, Скурла царь.—
120. Да бросилса дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
Дабы въѣхаль во силу, въ прокляту Литву,

- Ищѣ сколько-то силы онѣ саблей сѣкѣтъ,
Ищѣ вдвое-то силы онѣ конѣмъ топчѣтъ,
125. Онѣ билъ-то, ломилъ да двои сутоки,
Приустали его да руки бѣлыя,
Да оттуль молодецъ да поворотъ держитъ;
Приѣжжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
Привезалъ-то коня онѣ ко сыру дубу,
130. Насыпалъ-то пшениу онѣ бѣлоярову,
Наливалъ-то соты-воды медовой,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатѣръ,
Да садился дѣтина за дубовой столъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
135. Какъ попилъ-то поѣлъ, да тутъ и спать онѣ лѣгъ,
Какъ и спитъ, хранитъ да какъ порогъ шумитъ,
Кабы спалъ-то ле онѣ да двои сутоки.
Какъ стоялъ его конь да у сыра дуба,
Не зобалъ-то пшениу да бѣлоярову,
140. Какъ не пилъ-то воду да онѣ медовую,
Кабы билъ-то копытомъ о сыру землю,
Вся дрожитъ-то-ле матушка сыра земля,
Ото сну-то дѣтина пробужаитце,
Выходилъ онѣ скоренько вонъ на улицу,
145. Да хватилъ свою палицу буѣвую,
Да-бы бѣтъ онѣ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сытъ, травеной мѣшокъ!
Ище што-же стоишь, да не пѣшь, не ѣшь?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?»
150. Ле пшениа-ле моя тибѣ не дошлая?»
И проѣщился конь да лошадь добрая,
Ищѣ руськимъ языкомъ чловѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, хозяйнъ сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ Артамоновичъ!
155. А поѣдешь ты во силу, прокляту Литву,
А поѣдешь ты по силы проклятой Литвы,
Накопали перекопы тамъ глубокія,
Дабы первой перекопъ я перескочу,
Дабы второй перекопъ я перенесу,
160. Дабы въ третьѣмъ перекопѣ обрущсе,
Я паду-то тогда да во глубокъ погребъ;
Да наскачотъ тотаръ да много множество,

- Да намѣцють на тебя да добра молодца,
Ищѣ ти-жо арканы бѣло-шолковы,
165. Поведуть-де къ царю тогда ко Скурлату». Какъ и это дѣтнѣ за бѣду стало,
За немалую досаду показалосе,
Да бросилса дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
170. Кабы вѣхалъ онъ въ силу, въ прокляту Литву,
Кабы сколькѣ-то силы онъ саблей сѣкѣтъ,
Кабы вдвое-де, втрое онъ конѣмъ топчѣтъ,
Кабы первой перекопъ конь перескочилъ,
Кабы втѣрой перекопъ конь перенѣсъ нынъ,
175. Кабы въ третѣмъ перекопы конь обрущылса,
Кабы палъ-то бы конь да во глубокъ погребъ.
Наскакало тотаръ да много множество,
Намѣтали арканы бѣло-шолковы,
Сохватали юдала добра молодца,
180. Повели-то тогда да къ царю Скурлату,
Привели-то тогда да къ царю Скурлату.
Подходилъ-де собака тогда Скурла царь:
«Ужъ ты здраствуй, удалой доброй молодець!
Ты коѣго-жо-ле города? Коѣй земли?»
185. Коѣго ты отца? да коѣй матушки?
Ищѣ какъ тя, дѣтина, именѣмъ зовуть?
Ищѣ какъ величаютъ изъ отечества?
Послужки-ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочѣю-ле, позаво́чью неизмѣнною.
190. Я приду-ле во землю во Литовскую,
Я те дамъ-ле города да съ пригородками». Говоритъ-то дѣтина таковы слова:
— Кабы былъ я молодець да на своей воли,
На своей-де воли да на добромъ конѣ,
195. Я отсѣкъ у тебя-бы поплечь голову.— Говоритъ ему Скурла во второй наконъ:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодець!
Послужки ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да воцѣю-ле, позаво́чью неизмѣнною,
200. Я те дамъ города съ пригородками,
Я те дамъ нынъ села со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны».

- Говоритъ молодець да таковы слова:
— Я бы былъ молодець на своей воли,
205. На своей-де воли да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ у тебя бы поплечь голову.—
Говоритъ-де-бы Скурла во третей наконъ:
«Послужи ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочью-ле, позавочью неизмѣною,
210. Я те дамъ города съ пригородками,
Я де дамъ тибѣ села всё со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны,
У мя есь-то топере единая дочь,
Я бы дамъ-то тибѣ тогда въ супружесво».
215. Говоритъ-то молодець да таковы слова:
— Я бы былъ кабы дѣтина на своей воли,
На своей-то воли, да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ бы у тебя да поплечь голову.—
Волокутъ-де телѣгу троеколюю,
220. Заковали молодца его въ желѣза всё,
Да на шею желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на ноги желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на руки желѣза пятьдесятъ пудовъ;
Потенули телѣгу троеколюю,
225. Да ко той ко казни ко смѣртной,
Да ко-той де ко плахѣ ко кровавой.
Да стоялъ то-ле конь тогда въ перѣкопы,
Розсердилось у его сэрцо лошадиное,
Розмутились его оци тогда ясныя,
230. Кабы выскоцитъ-то конь да изъ перѣкопы,
Побѣжалъ-то по силы, проклятой Литвы,
Прибѣжалъ-то ко казни ко смѣртной,
Да ко той-жо ко плахи ко кровавой,
Испугалисе тотары всё поганья,
235. Какъ вси выломалъ желѣза пригтяжолыя;
Да скоцилъ-то удалой доброй молодець,
Да хватилъ-то телѣгу троеколюю,
Да куды-то махнетъ, да тутъ и улица,
Да назадъ проведѣтъ—съ переулками,
240. Да билъ-де ломилъ да двои суточки,
Не оставилъ онъ нестарого, немалого.
Да садилса дѣтина на добра коня,

- Да поѣхалъ дѣтина ко бѣлу шатру,
Становиль-то коня онъ ко сыру дубу,
245. Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатѣрь,
Кабы ѣлъ-то онъ, пилъ, да позабавилса.

73.

Гремитъ Манойловичъ, Идолъ Жидойловичъ и
Анна, племянница Владиміра-князя.

- Какъ во славной земли было турецкою,
У Гремита короля, сына Манойлова,
Кабы было-де пированье, столованье,
Кабы былъ-то у ихъ, братцы, почесень пирь,
5. Ахъ на многіихъ на князей, всё на бояровъ,
Да на тѣхъ-же турзовъ-мурзовъ удалыхъ,
Какъ на тѣхъ-же паленицъ да преудалыхъ.
А Гремитъ-король по полику погуливать,
Какъ сапогъ-де о сапогъ да поколачивать,
10. Какъ скобоцька о скобоцьку пощолкивать,
Кабы русыма кудрями самъ натряхивать,
Кабы ясныма очями самъ розглядывать,
Да весѣлую рѣчь самъ выговаривать:
«Ой вы ой есь, мои князя-бояра!
15. Ужъ вы сильніе могуты всё богатыри!
Ужъ вы ой есь, купци гости торговые!
Ужъ вы ой есь, кресьяна православные!
Ище кто-же изъ васъ знаетъ сужкону,
А по руськи назвать женой вѣнчальную?
20. По нѣмецки назвать супружницу?
Какъ статнымъ была статна, да полна возрастомъ,
Какъ лицомъ была она да акн бѣлой снѣгъ,
А глаза-ти у нее да ясна сокола,
А какъ брови у нее да чорна соболя,
25. Какъ рѣсничи у ее штобы сиза бобра,
Какъ сиза-бы бобра да всё сибирского,
Какъ походецька у ней была упавная,
Кабы рѣчь-поговоря тихо-смирная.
Кабы меньши хоропятся за среднихъ,

30. Кабы средни хоронятся за большіихъ,
Какъ отъ большіихъ Гремиту всё отвѣту нѣтъ;
Какъ сидѣлъ за столомъ да за передніимъ,
Какъ на томъ-жо на стулѣ всё на золотѣ,
Молодой-де Идолъ да сынъ-Жидойловичъ,
35. Вышину былъ Идолъ да двѣ сажени нынъ,
Ширину былъ Идолъ да какъ коса сажень,
Какъ коса-же сажень да нынъ печатная;
Какъ ставалъ-то Идолъ да на рѣзвы ноги,
Подходилъ-то ко Гремиту поближешенько,
40. Поклонялся онъ Гремиту понижешенько:
«Ужъ ты ой еси, Гремить да сынъ Манойловичъ!
Ты позволъ-ко Гремить да слово вымолвить,
Не позволъ-ко за слово скоро сказнить,
Нескоро ты сказнить, скоро повѣсити».
45. Говорить-то Гремить да сынъ Манойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Говори ты Идолъ да не упадывай,
Не единого слова не затаивай.—
«Я то прежде-то былъ да въ земли Руськоей,
50. Я во томъ-то во городѣ во Кіевѣ,
У того-то у князя у Владиміра,
У того-то бы есь нынѣ племянница,
Кабы та-же-ли Анна княженецька-дочь;
Какъ статнымъ она статна, да полна возрастомъ,
55. Какъ лицомъ-де она да аки бѣлой снѣгъ,
Какъ глаза-то у ея да ясна сокола,
Кабы брови у ея да чорна соболя,
Какъ рѣснички у ея аки сыза бобра,
Какъ походецька у ей будто упавная,
60. Ищѣ рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Наливать-то Гремить сынъ Манойловичъ,
Наливать онъ чару зелена вина,
А немалу, невелику полгара ведра,
Припалнивать чашу пива пьяного,
65. На заѣдку турей рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колачикъ бѣль-круписчатой,
Подавалъ-то Идолу 'сѣ Жидойлову:
«Прими, выкушай ты чару зелена вина,
Послужи ты-ли мнѣ да вѣрой правдою,

70. Ты вочью-де, позавбчью, не измѣною,
Ты-ле съѣзди во стольнѣй во Кіевъ градъ,
Ты посватайся на Аннѣ княженевскоей,
Ужъ ты—чесью даютъ, дакъ бери съ радосью,
Ищ'-ле чество не даютъ, дакъ бери нечесью,
75. Розгроми ихъ полаты бѣлокаменны,
Посади князя въ злодѣйку землю тюрму».
Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Гремить да сынъ Манойловичъ!
Ищэ сколько я радъ да былъ чару пить,
80. Ищэ вдвое я радъ службы служить,
Службы служить, да головы сложить.
Погрузи ты мнѣ черленыхъ тридцетъ караблей,
Ищэ дай мнѣ-ка силы тридцетъ тысяцей.—
Какъ пошолъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
85. Какъ на тѣ-же черлены больши карабли,
Обпращи якоря новы булатныя,
Обпращи все тѣ сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю;
90. Какъ одна-га сторона тамъ знаменулася,
Какъ друга-то сторона да показалася,
Подбѣгали-то во гавань карабельною,
Какъ во ту-жо во пристань во глубокую,
Опускали парусы бѣлы полотнены,
95. Выкатали якоря новы булатныя,
Кабы клали-то сходни кончѣмъ на берегъ.
Какъ пошолъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
Да идѣтъ-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ;
Какъ заходитъ-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ,
100. Какъ идѣтъ-то къ полаты княженевскоей,
Да заходитъ на крылецько на прекрасное,
Какъ подъ имъ-то крылецико кацаетсе,
Косяки-де, перила покосилися,
Да не спрашивалъ у дверей онъ придверниковъ,
105. У широкихъ воротъ да приворотниковъ,
Да заходитъ нынъ въ полаты бѣлокаменны,
Да проходитъ-то въ новы нынѣце горницы,
Кабы руськимъ богамъ Богу не молитця,
Какъ Владыміру-князю онъ челомъ не бѣтъ,

110. Онъ челомъ-де не бѣтъ, да головѹ не гнѣтъ.
Подходилъ ' ему солнышко Владимірь князь:
«Ужъ ты здраствуй, Идолъ да сынъ Жидайловичъ!
Ты куды-же поѣхалъ, куды правншсе,
Ты куды-же, Идолъ, да нынѣ путь держишь?»
115. Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Я бы ѣду отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Я пріѣхалъ къ тебѣ нынѣ посвататьця,
Да на той-же на Анны княженевской;
Кабы чесью отдашь, дакъ возьму съ радостью,
120. Кабы чесью не отдашь, дакъ возьму нечесью,
Розгромлю твои полаты бѣлокаменны,
Засажу тебя въ злодѣйку землю тюрму.—
И весьма-то испужался князь-Владимірь тутъ,
Побѣжалъ Владимірь во второй покой,
125. Какъ ко той-же ко Анны княженевской:
«Ужъ ты ой еси, племянница любимая!
Ужъ пришолъ на тибѣ да женихъ свататьця,
Отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Да пріѣхалъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
130. Кабы чесью идѣшь, дакъ берѣтъ съ радостью,
Ищѣ чесью не идѣшь, дакъ берѣтъ нечесью,
Розгромитъ мои полаты бѣлокаменны,
Засадитъ меня въ злодѣйку землю тюрму».
Говоритъ ему Анна княженевска дочь:
135. — Ужъ ты ой еси, Владимірь славно Кіевской!
Ты не стой-ко за ж... ты за бабію,
Не теряй-ко свою да буйну голову.—
Кабы стала-то Анна снаряжатися,
Ищѣ стала она да сподобляитсе,
140. Надѣвала на ся да платьѣ цвѣтноѣ,
Какъ брала съ собой ящицѣкъ хорошинькѣй.
Какъ отгуль-то Владимірь поворотъ доржитъ,
Подходилъ онъ къ Идолу ко Жидойлову,
Подносилъ ему цару зелена вина,
145. Да немалу, невелику полтара ведра,
Говоритъ-то Владимірь таковы слова:
«Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Прими выкушай ты цару зелена вина,
Ты помѣшкой немножко, всё поправитце».

150. Какъ берётъ-то Идолъ да единой рукой,
Выпиваетъ Идолъ да къ едину духу.
Да поправилась Анна княженевска-доць,
Какъ пошла-то на черлены больши карабли,
Да пошолъ тамъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
155. Да на тѣ-же на черлены больши карабли.
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали они сходни вси дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнецы,
Побѣжали-то по батюшку синю морю.
160. А бѣжали-то по батюшку синю морю,
Тамъ одна-де сторона знаменулася,
А друга-де сторона тамъ показалосе,
Выходила-то Анна вонъ на улицу,
Да подале, на черлены больши карабли,
165. Увидала-то-бы тамъ да видно чадъ великъ,
Ищэ чадъ-бы великъ, да дымъ столбомъ валитъ,
Заходила-то назадъ да въ черной карабель,
Подходила-то къ Идолу ко Жидойлову:
«Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
170. У васъ этамъ-то-ле што-ле будто чадъ великъ?
Ищэ чадъ великъ, да дымъ столбомъ валитъ?»
Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Анна княженевска дочь!
Ужъ варятъ намъ на свадьбу кобылятину,
175. Ищэ жарятъ намъ на свадьбу жеребятину».
Говоритъ ему Анна княженевска дочь:
«Ужъ ты ой есь, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Мнѣ нельзя идти по батюшку синю морю,
Ищэ сѣнни-то мнѣ-ка именинной день».
180. Говоритъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ вы ой еси, мои да слуги вѣрныя!
Опускайте паруса бѣлы полотнены,
Вы мецте якоря новы булатныя,
Намъ нельзя идти по батюшку синю морю.—
185. Какъ пошолъ тогда пиръ у ихъ навеселы,
Пировали-столовали цѣлы сутоцьки;
Изъ ума-то Идолъ тутъ выпиваетця,
Одолила-бы хмелнушка великая,
Кабы заспалъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,

190. Кабы спитъ-то храпитъ, да какъ порогъ шумить.
Какъ брала-то-ли Анна княженевска дочь,
Какъ брала-то свою да саблю вострую,
Какъ отсѣкла у Идола поплечь голову;
Росходилось его тулово поганое,
195. Да поганое тулово, сердитоё,
Понмало мачту карабельною,
А бы вымѣло-то мачту во мелко щепѣ,
Усмиряло это тулово поганое,
Ищѣ пало во черной большой карабель.
200. Какъ скамандовала Анна княженевска дочь,
Какъ собирали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали нынѣ во стольной славной Кіевъ-градъ,
Ко тому нонѣце ко князю ко Владыміру;
205. Прибѣжали-то во стольной славной Кіевъ-градъ,
Опускали паруса бѣлы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Да повыклали сходни кончѣмъ на берегъ;
Да пошла-то-ли Анна княженевска дочь,
210. Какъ во тотъ-же во славной стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому-же ко князю ко Владыміру,
Заходила нынѣ въ полаты бѣлокаменны,
Походила-то подалѣ въ нову горничу,
Къ самому нонѣце ко князю ко Владыміру:
215. «Ужъ ты здраствуй, дядюшка Владыміръ-князь!
Убирай ты черлены больши карабли».

74.

Василій Буслаевъ.

- Кабы жилъ былъ Буславей девеносто лѣтъ,
Состарилса Буславей, самъ преставилса,
Да при смертоцькѣ Буславьюшко наказывалъ,
Онъ своей-де жены да наговаривалъ:
5. «Ужъ ты ой еси, моя да молода жена!
Молода моя жена, да дорога семья!
Чогда будетъ-то моё чадо на возрастѣ,

- Бывъ ясень-то соколь будётъ на возлетѣ,
Ище станеть-то Васильюшко конёмъ владать,
10. Да конёмъ-де владать, копьёмъ шурмовать,
Пусть не дѣржитъ Василей всё сто рублей,
Пусть не дѣржитъ Василей цѣлой тысецы,
Пусть-ко дѣржитъ Василей у ся сто друговъ,
Ищэ сто-же друговъ, да сто пріятелей,
15. Въ Ерусалимъ-градъ ходитъ Богу молитися,
Ко Христовой гробницѣ приложитися,
Да въ Ердань-то рѣки пусть не купаецца,
Не купаецца въ рѣки, пусть омываетце:
Да купалса-крестилсе тамъ Ісусъ Христось;
20. Да свезётъ пусть положеньицо великого,
Да не мало-ле, не много—сорокъ тысецей». Да
покаялса Буславей, тутъ преставилсэ.
Когда сталъ-то нынь Васильюшко навозрастѣ,
Какъ ясень-то соколь сталъ навозлетѣ,
25. Ищэ сталъ-то Васильюшко конёмъ владать,
Да конёмъ сталъ владать, копьёмъ шурмовать,
Онъ пошолъ-то Василей вдоль по городу,
Онъ ходилъ-то по лавоцькамъ торговымъ,
Онъ купилъ сибѣ везиноцьку тяжелую,
30. Онъ пошолъ во царевы большу кабаки,
Откупалъ-то-ле боцьки сороковья,
Сороковья боцьки ' зеленымъ съ виномъ,
Онъ выкатывалъ на площади широкія,
Розсылалъ-то указы нынѣ скорыя,
35. Сбиралъ-то голей да всехъ кабацкіихъ,
Да зовётъ-то Василей на почесенъ пиръ,
Кабы пити имъ вино нонѣ безденежно.
Сбиралосе голей да много множество,
Какъ со всѣхъ-то сторонокъ нынѣ разныхъ,
40. Росполубилъ онъ-то боцьки сороковья,
Онъ спустилъ-то ковши тутъ позолочены;
Кабы пьютъ-то-ле голи вси кабацкія,
Кабы пьютъ-то они всѣ зелено вино,
Какъ и пьютъ-то они, да потѣшаютца,
45. Кабы хвалятъ-то Василья всё Буславьева.
Приносилъ-то Василей свою везиноцьку,
Выбиралъ-то сибѣ да онъ въ товарищи:

- «Ищэ хто-ле пзъ васъ можотъ везинку знять?»
Ихъ и сталь-то везиноцькой помахивать,
50. Какъ по тимъ головамъ молодецкіимъ.
Какъ пошли-то голи, нынь заплакали,
Да платками-то-ле головы повязали,
Говорятъ-то-ле голи всё кабацкія:
«Да у вора у Васьки у Буславьева,
55. Да не ушито-ле было не уѣдено,
Баско хорошо-ле было не ухожено,
Толькѣ на вѣкъ безвѣчыца залезено».
Какъ махнулъ-то удала добра молодца,
Какъ того-ли Потанюшку нынь хромого,
60. Да стоитъ молодець да онъ не трехнетце,
Ищэ платье на нёмъ да не ворохнетце;
Да махнулъ-то-ле Костю Повоторженина,
Какъ стоитъ молодець да не трехнетце;
Да махнулъ-то-ле Васинькю всё малого,
65. Да стоитъ молодець не ворохнетце.
Выбиралъ-то-ле онъ да три товарища,
Ходилъ-то Василей вдоль по городу,
Собиралъ-то Василей сибѣ плотничковъ,
Онъ-то строилъ Василей всё черновъ *) карапъ,
70. Онъ-то въ оци, нынѣ врѣзаль два-то камешка,
Онъ-то ' брови-то-ле врѣзаль два-то соболя,
Онъ соорилъ-то Василей-то черновъ карапъ,
Онъ спускаль-то карапъ да тогда на воду,
Онъ грузиль-то карапъ тогда напитками,
75. Онъ грузиль-то карапъ тогда припасами,
Собиралъ-то Василей-то товарищовъ,
Какъ итти-то ему да во синѣ морѣ.
Онъ приходитъ-то ко матушкѣ родимоей,
Онъ-то падалъ ей тогда да во рѣзвы ногн,
80. Онъ просилъ благословленьца великого.
Да даѣтъ ему матушка благословленьцо,
Да съ буйной-то главы да до сырой земли.
Да пошолъ-то Василей вонъ на улицу,
Онъ пошолъ-то ' черленой большой карабель;
85. Обирали нынѣ сходенки дубовыя,

---

*) Чернь-новъ?

- Подымали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то они да въ Ерусалимъ градъ,
Да бѣжали-то по батюшку синю морю,
90. Подбѣгали-то они да въ Ерусалимъ градъ.
Какъ пошли-то ко гробу ко Христовому,
Какъ Господу Богу помоллише,
Ко Христовой гробницѣ приложилисе,
Да пошли-то нынѣ тогда да на Ердань-рѣку;
95. Кабы вся-то въ рѣки да омываютца,
Да Василей-то Буславьевичъ купантце,
Да пошли-то ѣттуль, да поворотъ держать.
Да пришли-то они да на черновъ карапъ,
Подымали якоря тогда булатныя,
100. Обирали-то-ле сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю,
Подбѣгали-то подъ горы Сарочинскія,
Остоялся тогда да ихъ черной карапъ;
105. Какъ вымецютъ-то щупы долгомѣрныя,
Кабы ищутъ-то-ле кошоцьки подводной,
Не находятъ-то кошки тутъ подводной.
Да впередъ-то-ле шли не чо не видѣли,
Да згленули-то на гору Сарочинскую,
110. Увидали-то они тутъ значенъ-чуденъ-крестъ;
Какъ здумалось имъ тутъ да помолитисе,
А бросали нонѣце шлюпку они на воду,
Да спущалисе они да въ ету шлюпоцьку,
Выѣзжали на гору Сарочинскую,
115. Приходили ко кресту они ко чудному,
Кабы чудному кресту да помоллисе.
Да лежить-то голова тутъ чоловѣческа,
Да лежить-то-ле тутъ да сѣръ-горючь-камень;
Какъ берѣтъ-то Василей свою тростоцьку,
120. Какъ колотить-то голову онъ чоловѣческу:
«Ужъ-ты ой есь, голова—чѣл? чоловѣческа?»
Да провѣщилась глава, косъ чоловѣческа,
Да руськимъ-то языкомъ чоловѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буславьевичъ!
125. Я бы былъ молодець да не тебѣ вѣрста,

- Я лежу-то на горахъ на Сарочинскихъ,
Да лежати-то тебѣ мою по праву руку.—
Кабы плюитце Василей нынѣ, цюрантцэ:
«Ты сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла».
130. Говорить-то-ле кось глава чоловѣческа:
— Я сибѣ-то спала, да тибѣ видѣла.—
Погленули они на сѣрѣ-то камешокъ,
На камню-то-бы есь да всё подписаю,
На камню-то-ли есь тогда подрѣзано:
135. «Хто впередь-то-ле скоцить, назадь скоцить?»
Какъ скоцилъ-то Василей сынъ Буславѣвичъ,
Какъ впередь-отъ скоцилъ, назадъ не отскоцилъ,
Кабы палъ-то Василей о сѣрой камень,
Какъ тогда-то Василью смерть случилося.

75.

Садко.

- Какъ прежде Казань да слободой была,
Ищэ нынѣ Казань да Новымъ-городомъ.
Какъ во той во Казани, въ Новомъ-городѣ,
У Левонтея попа, отца Ростовскаго,
5. Кабы было-ле пированьѣ, столованьѣ,
Кабы былъ у его тогда почесенъ пиръ,
Какъ на многихъ купцей людей торговыхъ,
На почетныхъ поповъ, отцовъ духовныхъ,
Да на всихъ кресьянъ православныхъ.
10. Кабы вси-то на ппру тутъ напивалисе,
Кабы вси-то на чесномъ тутъ наѣдалисе,
Да сидѣль на ппру купечъ богатыхъ,
Да по имени Садко купецъ богатыхъ;
Изъ ума-то Садко выпивантце,
15. Изъ рѣцей-то Садко прошибаетце,
Говорить-то Садко таковы слова:
«Я въ Новомъ-городѣ товары всѣ повикуплю,
Я на черныя на карабли всѣ повигружу,
Я на Волгу-рѣку тогда повиплавлю».
20. И не хто-жо нынѣ-бы къ тѣмъ рѣцямъ не вяжотця,

- Толькѣ вяжотця Левонтей-попъ духовный.
— Въ Новомъ-городѣ товары те не выкупить,
Да на чорныя на карабли не выгрузить,
Да на Волгу-рѣку тибѣ не выплавить.—
25. Да ударились они да о великъ залогъ,
Да не ё ста рублей, не ё тысяцѣ,
О своихъ-то-ле бьютца буйныхъ головахъ.
Да бы началъ Садко купецъ просыпатисе,
Охватился Садко купецъ—дѣло неладноѣ;
30. Да берётъ три слуги съ собой вѣрныя,
Да беретъ-то три ящычка нынѣ съ деньгами,
Да бы день-то купилъ весь до вечера,
Да накладывалъ товары всё на возы нынѣ,
Кабы выдержалъ казну свою изъ ящыковъ,
35. Какъ товару привезли да больше старого.
Какъ-де день-де купилъ, да другой купилъ,
Какъ товару въ городу да худо убыло,
Какъ купилъ-то Садко да ровно три дни нынѣ,
Какъ казны-то у Садка да мало можитце,
40. Какъ товару въ городу да много множитце.
Да змолилса Садко да Господу Богу,
Какъ тому-то нынѣ Миколы нынѣ свѣтителю:
«Я построю тибѣ церковь соборную,
Да на-воимѣ Миколы тутъ светителя».
45. Кабы тутъ у Садка да казны прибыло,
Въ городу-де товару мало можитця;
Розсылалъ онъ указы нынѣ скорыя,
Подводилъ-то черлены больши карабли,
Погрузилъ-то товары вси-то разныя.
50. Онъ пошолъ-то Садко-то да скоро за морѣ,
Онъ повёзъ-то товары вси-ти разныя,
Да ходилъ-то Садко да нынѣ за морѣ,
Торговалъ-то товарами заморскимя,
Да забылъ тогда Миколу онъ светителя.
55. Кабы выпродалъ товары онъ заморскія,
Какъ стгуль-то Садко сталъ поворотъ дѣржать.
Какъ бѣжалъ-то Садко да по синю морю,
Среди моря карабли тутъ остоялися,
Опускали паруса бѣлы полотнены;
60. Да метали они щупы долгомѣрныя,

- Да искали они кошоцьки подводныя.
Не находятъ они кошоцьки подводной,
Кабы ходять по черленнымъ большимъ караблямъ,
Увидали они цюдо право цюдное:
65. Какъ бѣжить-то къ нимъ шлюпоцька-то лёккая,
Кабы лёккая шлюпоцька, тутъ огненна,
Прибѣжала-то къ черленнымъ большимъ караблямъ,
Да сидять-то во шлюпкѣ два гребца-то тутъ,
Какъ третей-то сидить да нынѣ кормщицокъ,
70. Говорить-то имъ кормщикъ таково слово:
«Ужъ вы ой есь, молодцы да карабельщики!
Ужъ вы дайте чоловѣка виноватого».
Ищѣ меньшии хоронятца за средниихъ,
Ищѣ среднии хоронятца за большиихъ;
75. Выходиль-то Садко купецъ богатыя,
Да на тотъ-то черленой большой карабель,
Кабы падало на юмъ да старо прежной:
«Не исполниль я Миколы-то свѣтителю,
Видно будѣтъ мнѣ птти да во синѣ морѣ,
80. Видно я-жо нынѣ топере виноватой быть».
Распростилса со своими да онъ товарищамъ,
Какъ спускался во шлюпоцьку-то лёккую,
Да берѣтъ-то съ собой гусли звончаты;
Какъ вернулася шлюпка тутъ ' обратной,
85. Побѣжала эта шлюпка по синю морю,
Прибѣжала эта шлюпка къ столбу огненну,
Да ввернулася эта шлюпка во синѣ морѣ.
Да очюдились-то двери тутъ хрустальниа,
Какъ зашоль-то во двери онъ хрустальниа,
90. Онъ идѣтъ, Садко, по новой тогда горницы,
Какъ лежитъ-то на лавкѣ царь морской-ле тутъ:
«Южъ ты здраствуѣшь, Садко купецъ богатыя!
Я прошу-то тебя да поиграть со мной,
Да во тѣ-же во пѣшки, нынѣ во шахматы,
95. Ишь-ле можъ-ле звеселить меня, морска царя?»
Кабы ходить-то Садко купецъ богатыя,
По тому ходить по дому по хрустальнѣму,
Заигралъ-то во свои да гусли звончаты,
Кабы сталь-то нынѣ морской царь нынѣ поришкивать
100. Какъ руками-то онъ сталь да пошевеливать.

- Кабы пушке игратъ Садко во свои гусли,
Какъ садилса-то царь да на ж... нынь,
Кабы сталь-то игратъ Садко попуще-же,
Кабы сталь-то морской царь да поплясывать;
105. Сколыбалосе тогда да всё спнё морё,
Заходила-то повальня тогда сильня.
Да подумаль-то Садко купецъ богатыя,
Во своёмъ-то умѣ, да крѣпкомъ разумѣ:
«Я-то много потоплю караблей купеческихъ».
110. Онъ розорвалъ свои да гусли звонцяты,
Говорить ему топере нынь морской-отъ царь:
— Ужъ-ты ой еси, Садко купецъ богатыя!
Ты поцинь-ко свои да гусли звонцяты.—
Говорить ему Садко купецъ богатыя:
115. «Я уцѣлса игратъ да въ гусли звонцяты,
Не уцѣлса я починить гусли звонцяты).
Кабы это царю не полюбилосе,
Онъ хватилъ-то Садка за длинну бороду,
Онъ-то бросилъ Садка да вонъ изъ терему.
120. Да очюдилса Садко купецъ богатыя,
Подъ своимъ-то тогда-ли Новымъ-городомъ,
Какъ лёжить у воды да онъ на берегу.
Да ставаль-то тогда Садко-то на ноги,
Отресаль свою длинну-большу бороду,
125. Приходилъ-то Садко да въ Новой-городъ-отъ;
Да стрѣцяютъ его купци богатыя,
Да стрѣцяютъ нынь попы отцы духовные,
Да стрѣцяютъ хресьяна православные:
«Ужъ ты здраствуешь, Садко купецъ богатыя!
130. Кабы восемь лѣтъ тебя мы не видали нынь».
Да пошоль-то Садко ' своёму терему,
Да бы раньше-то пришли его чѣрны карабли.
Нанималъ-то Садко да тогда плотничковъ,
Какъ стропль соборну Божью церковь нынь,
135. Какъ тому-жо онъ Миколы всё свѣтителю.
-

76.

Данилко Денисьевичъ.

- Кабы Волга-рѣка да розливалосе,
Кабы тихой-де Донъ тогда повыбрызгалъ,
Па Дону-де казаки зволновалисе,
Зволновался-де Данилко-воръ Денисьевичъ:
5. «Ужъ вы милые-де братцы, добры молодцы!
Ужъ вы стройте-ко Данилу новъ черленой стругъ,
Кабы носъ-де корма по звѣриному,
Ищѣ хоботы металъ штобы по змѣиному,
На середоцькю постройте мурамень чердакъ,
10. Во чердакъ ноньце краватку слоновыхъ костей,
Потените краватку дорогимъ сукномъ,
Испробейте краватку золотымъ гвоздѣмъ».
Ищѣ тутъ молодцы всё не отслышелись,
Да построили Данилу новъ черленой стругъ,
15. Ищѣ носъ-де, корма да по-звѣриному,
Ищѣ хоботы-то мѣцѣтъ по-змѣиному,
На середоцькю построили мурамень чердакъ,
Во чердакъ ноньце краватку слоновыхъ костей,
Потенули краватку дорогимъ сукномъ,
20. Испробили-то краватку золотымъ гвоздѣмъ.
Ищѣ стали-то они да снаряжатисе,
Ищѣ стали-то ѣни да сподоблятисе,
А берутъ они веселышка дубовья,
Говорить-то имъ Данилко-воръ Денисьевичъ:
- 25 «Ужъ вы милые-де братцы, добры молодцы!
Вы гребите-ко робята день до вечеру,
Темну ночинькю гребите до бѣла-свѣту,
Не пиваючись гребите, не ѣдаючись,
Да бѣлымъ рукамъ отдоху не даваючись,
30. Вы гребите-ко на усѣ славно тиху Дну,
Заставайте карабли новы купечески».
Да гребутъ нынѣ робята день до вечера,
Темну ночинькю гребутъ да до бѣла свѣту,
Выгребали-то на усѣ славно тиху Дну,
35. Заставали карабли новы купечески,

- Обирали вси товары, вси заморскіе,
Да ётгуль-то нынь Данилко поворотъ держитъ.
Да змолилися купци да Господу Богу,
Подымалась тогда туця тёмна грозная,
40. Кабы выпала изъ туци громова стрѣла,
Пострѣлила-то Данилка всё Денисьева,
Да тогда-то нынь Данилку смерть случилось.
Да пристали-то робята на крутой берегъ,
Да построили гробницу бѣлодубову,
45. Погребли-то Данила во сыру землю.
Кабы ѣдутъ-то робята день до вечера,
Да приходитъ-то тогда да ноцька темная,
Набѣжалъ-то Данилко-воръ Денисьевичъ,
Становилъ-то бы ихъ да среди рѣки,
50. Да крычитъ-то, громитъ, да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
Не утти-то вамъ будѣтъ, не уѣхати».
Какъ стоять-то они да вплоть до утра тутъ.
Кабы сталь-то тогда да нынѣ бѣлой день,
55. Кабы палъ-то Данилко внизъ на землю тутъ,
Подѣжжали-то робята 'круту берегу,
Погребли-то Данилка во сыру землю,
Да отгуль-то робята всё поѣхали.
Кабы ѣдутъ-то-ле день да всё до ноци всё,
60. Какъ приходитъ-то-ле ноцька нынѣ тёмная,
Набѣжалъ-то Данилко воръ Денисьевичъ,
Становилъ-то-бы ихъ да среди рѣки;
Крычитъ-то, громитъ онъ зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
65. Не утти-то вамъ будѣтъ, не уѣхати,
Несухимъ-то путёмъ, да вамъ не водою».
Кабы былъ у его да нынь подруцницѣкъ,
Да подруцницѣкъ былъ его, постельницѣкъ,
Да слыхалъ онъ отъ Данилка таково слово:
70. «Да не дѣржитъ меня да мать сыра земля,
Тольки дѣржитъ меня да нонь осиновь колъ».
Да бы стала-де зоря, да тогда бѣлой день,
Да бы палъ-то Данилко внизъ на землю нынь,
Подѣжжали-то робята добры молодцы,
75. Положили-то Данилку внизъ на землю всё.

Находили-то они тогда осиновь колъ,
Какъ колотятъ-то они да проти серъча тутъ,
Да осталса тутъ Данилко сынъ Денисьевичъ.

77.

Кострюкъ.

- Грозной царь государь Иванъ Васильевичъ
Не успѣлъ воцаритисе, захотѣлъ поженитисе;
Послалъ посла, скоро сватовщыка,
Старого Микиты Романовича
5. Во дальню землю, во орду во невѣрную,
Демрюку на доцери,
Кострюку на родной сестры, на Маріи,
На крыницы на царской,
На вельможѣ на великой.
10. Всѣ не отказываютъ, всѣ приказываютъ.
Собирались во церковь во Божію,
Примали закону Божьёго;
Пирь-отъ пошолъ о полупира,
Столь-отъ пошолъ о полустола,
15. Все на пиру напивались,
Все на чесномъ наѣдалисе,
Одинъ Кострюкъ Демрюковичъ,
Онъ не ѣсъ-ле, не пѣтъ, не кушаѣтъ,
На тебя-ли, на царя думу думаѣтъ,
20. На Марью сестру судинѹ творитъ:
«Я семъ городовъ побывалъ,
Семъ борцовъ поборолъ,
Есъ-ле борцовъ поборотисе?
За любовь попытатисе?»
25. — У насъ есъ нонѣце Васинька маленькѣй,
Потанюшка Хроминькой.—
Говоритъ-то Кострюкъ Демрюковичъ:
«Што это за гадина идѣтъ?
Уже што за перегадина идѣтъ?»
30. На одну долонь посажу, другой придавлю!»
Потанюшка присправилсѣ,

- За черны кудри заграбилсѣ,
Выздымаль выше дерева шарóвова,
Бросиль Кострюка на сыру землю;
35. Не рубашка-ли порскнула,
Не кожа-ли треснула,
Побѣжалъ Кострюкъ, дыру долóнюю захватиль:
«Не дай Богъ на светой Руси бывать,
Въ каменной Москвы,
40. Не дѣтямъ моимъ не внучатамъ».

78.

Голубинная книга.

- Подымалась туця темно-грозная,
Какъ со той страны со восточной,
Да заблѣкъ-де батюшко свѣтѣль мѣсець,
Призатухло-ле вотъ красно солнышко.
5. Да изъ той изъ тучи тѣмно-грозной,
Выпадала книга голубинная,
Да на ту гору-де на Фаргорскую,
Ко тому-де кресту животворящому,
Ко распятыцу да ко Христовому.
10. Въ долину была книга сорока локоть,
Въ толщину была книга дватцети локоть;
Да про ту про книгу голубинную,
Разселилася славушка немалая,
Да по всимъ землямъ, по всѣмъ разнымъ,
15. Да по всимъ городамъ да по уѣзднымъ.
Да на ту на славу на великую,
Собиралосѣ, да соѣжжалосѣ,
Какъ сорокъ царей, сорокъ царицей,
Да сорокъ королей, сорокъ королевичей;
20. Да изъ тихъ царей, изъ тихъ царицей,
Да изъ тихъ королей, да королевичей,
Выбиралосѣ-то равно три царя,
Равно три царя да всѣ премудрые:
Да первой-отъ царь да Волотóмонъ-царь,
25. Волотóмонъ-царь, сынъ Волотóмовичъ,

- Да второй-отъ царь Давыдъ Евсеевичъ,
Да бы трэтей царь—сударь Исай-пророкъ.
Да спроговорилъ, да спромóлвилъ нашъ,
Да спромóлвилъ нашъ да Волотóмонъ-царь,
30. Волотóмонъ-царь, сынъ Волотомóновичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Ты премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ,
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи-ты, на ногахъ стой».
35. Какъ спроговорилъ нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ:
— На рукахъ держать, да мнѣ не сóдержать,
На ногахъ стоять, да мнѣ не прóстоять.—
Да спроговорилъ да нашъ премудрой царь,
40. Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсѣевичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь, сударь Исай-пророкъ!
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи ты, на ногахъ стой,
45. Розмыкай ты книгу голубинную,
Ты читай-ко книгу голубинную,
Ты по старой памети, по грамоты,
Ты скажи-ко намъ, ты повѣдай-жо:
Отчего зачалса нашъ нынъ вольнѣй свѣтъ?
50. Отчего зачалось нашо сонцо красное?
Отчего зачалса нашъ свѣтѣль мѣсецъ?
Отчего зачались зори утренны?
Отчего зачались наши звѣзды частыя?
Отчего зачались наши вѣтры буйныя?
55. Отчего зачались наши дожжи мелкіе?
Да которой Богъ да надъ богами Богъ?
Да которой царь да надъ царями царь?
Да которой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь?
Да котора птица всимъ птицамъ мѣти?
60. Да котора рыба всимъ рыбамъ мати?
Да которо морѣ всимъ морямъ море?
Да которо полѣ всимъ полямъ полѣ?»
Кабы бралъ Исай книгу голубинную,
На рукахъ держалъ, да на ногахъ стоялъ,
65. Розмыкалъ онъ книгу голубинную,

- Онъ сказалъ-то имъ, да поповѣдаль-жо,
Онъ по старой по памяти, по грамоты:
— Оттого зачалса нашъ-то вольнѣй свѣтъ:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
70. Самого Христа да отъ оцѣй его;
Оттого зацялось да сонцо красное:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да ото лба его;
Оттого-то зацялса свѣтѣль мѣсець:
75. Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да отъ тыла его,
Отъ тыла его, да отъ верхѣвишша;
Оттого зацялись да зори утренны:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
80. Самого Христа да отъ косиць его;
Оттого зацялись да звѣзды частыя:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да отъ ушей его;
Оттого зацялись да вѣтры буйныя:
85. Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа-ли отъ здыханьца;
Оттого зацялись да дожжи мелкія:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа-ли отъ слезовъ его;
90. Кабы самъ Богъ-Савовъ да надъ богами Богъ,
Да бѣлой-отъ царь да надъ царями царь,
Дабы вѣруемъ вѣру самого Христа,
Самого Христа Царя Небѣснаго;
Однорогой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь;
95. Естрепѣль-птица да всѣмъ птицамъ птица,
Естрепѣль-птица да вострепешетца,
Акиенъ-морѣ всё расколыблитца;
Кабы титъ-рыба да всѣмъ рыбамъ рыба,
Да за то рыба, да мать земля стоитъ,
100. Да на трѣхъ титахъ была основана,
Да на трѣхъ титахъ, на трѣхъ подтитышахъ;
Да Ондронъ-полѣ да вснмъ полямъ полѣ,
Да за то полѣ, да война первая,
На Ондронъ-полѣ будѣтъ послѣдняя;
105. Да при первой войны было первое:

- Кабы кривда съ правдой тутъ тягалосе,
Дабы кривда-то сѣрымъ заечомъ,
Кабы правда-то бѣлымъ заечомъ,
Кабы кривда правду издоляла-жо,
110. Кабы правда-то да ушла на́ небо,
Кабы кривда-то по темнымъ лѣсамъ,
По темнымъ лѣсамъ, да по добрымъ людямъ,
По добрымъ людямъ, да по людскимъ сердцамъ.

79.

Небылица про щуку изъ Бѣлаго озера.

- Да худому-де горѣ да не привяжетса,
Да тому-то-де горюшко понь привяжитцэ,
Ищо хто-жо горѣ можотъ измыкати,
Послѣ матерн горѣ перемыкати.
5. Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковинне:
Да медвѣдь-отъ летитъ да поподнебесью,
Да короткими лапами помахивать,
10. Да короткимъ хвостикомъ подправливать.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу, да подиковинне:
Да корабль-отъ бѣжитъ да по сырой земли,
15. Да тѣмные лѣсы да бичевой идутъ.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковинне:
Да во славномъ-то было да Бѣлѣ-озерѣ,
20. Заселилася щука да приогромная,
Да робягъ-де хватать, да жоробягъ глотать,
Кабы стали-то думу да они думати:
Ищэ какъ-то бы щуку да нынѣ добыть еѣ?
Да сковали-то уду нынѣ дѣсать пудовъ,
25. Да надѣли жеребѣнка тутъ кобыльяго,
Да бросили-де во славно Бѣло-озеро.

- Да хваталася щука приогромная,
Да немала, невелика девяносто пудъ.
Потенули-го щуку нынь на вѣшной лёдъ,
30. Да бы вѣшной-отъ лёдъ тутъ изгибаице,
Кабы добыли-го щуку на крутой берегъ,
Да отсѣкли у щуки большу голову,
Положили-го голову на больши сани,
Повезли эту голову во-три коня,
35. Повезли-то-ли голову къ самому царю.
Привозили-го голову къ самому царю,
Собиралосе народу да много множество,
Удвиглисе они да большой головы,
А отсѣкли у ей да праву ягодицу,
40. Отдавали царю ей на почесень шпръ,
Провали-столовали тутъ чѣлы суточки,
Кабы вси-го тутъ ягодицей наѣдалисе.

---

18. Дитятевъ Алекѣй Ивановичъ.

Слѣпой старикъ 71 года. Живеть очень бѣдно на самомъ краю зарѣчной стороны Виски, въ маленькой избушкѣ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ. Когда я пришель къ А. И. онъ на берегу рѣчки съ мальчонкомъ, своимъ племянникомъ, пилилъ на дождѣ дрова, а зрячій братъ въ избѣ вязалъ сѣти... Старины знаетъ А. И. прекрасно, поеть твердо и сильно акаетъ при цѣнѣ, между тѣмъ при разговорѣ аканья совсѣмъ незамѣтно, да и неоткуда ему быть. А. И. прекрасный сказочникъ; и сказки онъ знаетъ твердо, рассказываетъ очень хорошо, складно. Кромѣ спѣтыхъ миѣ старинъ знаетъ еще: Добрыня и змѣя, Потыкъ, Васька Окуловъ, Сорокъ каликъ, Агрикъ, Егорій храбрый и нѣсколько духовныхъ стиховъ.

80.

Иванъ Горденовъ.

- Во стольноёмъ во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владыміра,
Было пирóваньё-столóваньё,
Да былъ у него, братцы, почесенъ пирь,
5. Про многихъ князей, да многихъ бояровъ,
Да сильныхъ рускіихъ богатырей;
Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да всё на чесномъ потъшаютца,
Растъшилса солнышко Владымірь-князь.
10. Да пагуливать па гриденкѣ по свѣтлоей,
Па той-же середы кирпищатой,
Рѣзвыма ногами ёнъ поступывать,
Бѣлыми руками ёнъ розмахивать,
Русыма кудрями принатряхивать,
15. Ясныма оцями на всёхъ згледывать;
Ёнъ завидѣлъ юдала добра молодца,
По имени Ивана всё Горденова:
«Ты ой есь, Иванъ да сынъ Горденовичъ!
Ты што-же сидишь ёчунь не весело?
20. Повѣся держишь да буйну голову?
Потупя очи ясны во кирпищать полъ?
Али мѣстомъ тебя мы пріюнизили?
Али цары тибѣ да не доносили?»
— Ажъ ты ой еси, солнышко Владымірь-князь!
25. Вы мѣстомъ меня да не юнизили,
Да цары-ти мнѣ-ко-ва донóсили,—
У тя всё на пиру сидятъ паженены,
У тя красныя дѣвичи повыданы,
Единъ я, Иванъ, да, царь, холóстъ хожу,
30. Я халóстъ-отъ хажу, да не женать живу;
Захотелосе-бы мнѣ да поженитисе,
Да во стольнёмъ городѣ въ Черниговѣ,
У ласкова у князя у Черниговска,
На его-же на любимой на дочери,
35. На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой,

- На той Маривьяны на прекрасной.—
Гаварить-то нашъ солнышко Владиміръ-князь:
«Когда хочешь, Иванъ, дакъ можешь на ей».
— Ажъ ты ой еси, дядошка родимой мой,
40. Ты солнышко батюшко Владиміръ-князь!
Одному-то мнѣ теперь не взять будѣтъ,
Мнѣ надо мнѣ тридцать всё богатырей,
Да спльнѣихъ русскихъ храбрыхъ вонновъ.—
Гаварить-то нашъ солнышко Владиміръ-князь:
45. «Ты ой еси, Добрынюшка Микитицъ бладь!
Садись-кѣ Добрыня за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремещеть стулъ,
Пиши ерлыки да скоропищеты».
На то-де Добрыня не ёслышался,
50. Да скорѣ садитца за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремещеть стулъ,
Писаль ерлыки да скоропищеты;
Срежаитце Добрыня во чисто полѣ,
Уздаётъ, сѣдлаетъ коня доброго,
55. Да скорѣ садитца на добра коня,
Поѣхаль Добрыня во чисто полѣ,
По тимъ по дорогамъ по широкимъ
Металь ерлыки, да скоры грамотки.
Соѣжжались богатыри во Кіевъ-градъ,
60. Да тридцать-де три ровно богатыря,
Да ко ласкову князю на почесенъ пиръ.
Да пиръ-отъ идѣтъ да о полуширу,
Да столъ-отъ идѣтъ да о полу-стола,
Да князь-отъ Владиміръ о полухмеля,
65. Да день отъ идѣтъ у насъ ко вечеру,
Да солнышко катитце ко западу,
Кнеженевская радость въ полурадости,
Гавориль-то Иванъ сударь Гарденовичъ:
«Ты солнышко батюшко Владиміръ-князь.
70. Ты откатывай боцьки сороковоцки,
А сорокъ намъ бочѣкъ зелена вина,
Двадцеть намъ бочѣкъ да пива пьяного
Сорокъ намъ возовъ да харчу хлѣбного,
Давай мнѣ товару на сорокъ тысечей,
75. Заплачу тиѣ сударь деньги полныя».

- На то-же Владыміръ не отслышелсэ,
Откатывалъ боцьки сороковоцьки,
Сорокъ-де боцёкъ да зелена вина,
Двадцеть намъ боцёкъ пива пьяного,
80. Сорокъ намъ воевъ да харчу хлѣбного,
Давалъ-же товару на сорокъ тыщицей.
И стали молодцы да нонь срежатисе,
Скаре того да сподобляютца,
Во первыхъ, старъ-казакъ Илья Муромецъ,
85. Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ,
Во вторыхъ, Самсонъ сынъ-Колыбановичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ,
Во третьихъ, Борисъ сударь Горденовичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ;
90. Уздають, сѣдлають коней добрыхъ,
Да скоро-де скачуть на добрыхъ коней,
Не видали молодцовъ когда на конь сляли,
Да видятъ тамъ во полѣ курива стоитъ,
Скопотили пески мелки сыпучіе.
95. Да скорѣ поѣтца, скорѣ скажитца,
Да много-де времени мнуетца,
Подѣжжають подъ славной подъ Черниговъ-градъ,
Становилисе ёни на зелены луга,
Розоставили шатры бѣлополотнены,
100. Отъ Чернигова-града за двенадцеть вѣрстъ,
Да стали пировать, да столовати-же,
Да стали ёни да думу думати:
«Кому изъ насъ итти во Черниговъ градъ?
Кому-же итти изъ насъ свататцэ?»
105. Послать намъ Алѣшенькю Поповица,
Второго Добрынюшку Микитица,
Умѣють они да право чесь воздать,
Чесь-ту воздать и слово вымолвить».
На то молодцы да не ётслышались,
110. Поѣхалъ Добрынюшка Микитиць-бладъ,
Другія Ёлешинья Поповиць-бладъ,
Да ѣдутъ во славенъ во Черниговъ градъ.
Ка городу ѣдутъ не дорогою,
Они въ городъ заѣжжають не варотами,
115. Скачуть черезъ стѣну городовую,

- Ка тимъ-же полатамъ княженевскімъ,
Ко тому ко крыльцю ко прекрасному,
Да скаютъ-де скоро со добрыхъ коней,
Да вяжутъ своихъ да коней добрыхъ,
120. Ка тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечико серебряно;
Заходятъ они да на красно крыльцо,
Проходятъ они да во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во столовую,
125. А молятце ѣни да Господу Богу,
Ѣни кресъ кладутъ да по писанному,
Паклонъ-отъ ведутъ да по учёному,
Да кланятце на всѣ четыре стороны:
«Здравствуёшь, князь Ѡедоръ Черниговской!»
130. — Приходите, удалы добры молодцы!
И куда идите, да куды правитесь?—
«Идемъ ка' ѣ доброёмъ ѣ дѣлѣ ѣ сватовсвѣ,
На твоей-же на любимой на дочери,
На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлоей,
135. На той Маремьяны на прекрасной,
За того-же за Ивана за Горденова».
Гаварить-то имъ князь-Ѡедоръ Черниговской:
— Не Иванъ-то поставилъ ишко плѣночку,
Не Гордену попапа въ плѣнку уточка,
140. Поставилъ плѣнку Васинька Окуловичъ,
Да Васинькѣ попапа въ плѣнку уточка;
Да Васинька Окуловичъ весьма великѣ:
Промежду-де плецьми его коса сажень,
Промежду-де глазами его цѣлой аршинъ,
145. Да ноги его будто кпчижища,
Да руки его какъ сильни граблища,
Да очи его какъ пивны чашища,
Да уши его какъ царски блюдища,
Голова ю него бутто пивной котѣль,
150. Да тотъ-же котѣль сорока ведеръ.—
Говорилъ-то Добрыня не юподываль:
«Ты ой есь, князь-Ѡедоръ Черниговской!
Ты тѣмъ-то-де насъ нынѣ не юстрашпвай,
Самихъ-же насъ здѣсь трицетъ богатырей,
155. Да сильныхъ русскихъ храбрыхъ воиновъ,

- Ты Chesью намъ дашь, дакъ возьмемъ съ радосью,
Ты Chesью не дашь, мы возьмемъ не Chesью».
Пополь-то-де князь-Оддоръ Черниговской,
Ко своей онъ ко дочери любимой:
160. «Ты душка-Маринка лебедь-блал!
Идешь-ли за Ивана за Горденова?»
— Не Иванъ-де поставилъ ище плёноцкю,
Не Гордену попала въ плёнку уточка,
Да поставилъ плёнку Васинька Окуловичь,
165. Да Васиньки попала въ плёнку уточка.—
А и тутъ-то князь-Оддоръ осержантце,
Хватилъ-то свою да саблю вострую:
«Сѣку я тибѣ да по плечь голову—
Нейдешь за Ивана за Горденова?»
170. — Ажъ ты ой еси, батюшка родимой мой!
Я не фду типерече на ихъ коняхъ,
Суреди-же ты мнѣ да своего коня.—
Суредили-же еѣ да ворона коня,
Выходила Маримьяна дочь прекрасная,
175. Садилась она на ворона коня,
Пофхала она да на зелены луга,
Ко тимъ ко шатрамъ бллополотненнымъ,
Стрѣчатъ-то Иванъ да сынъ Горденовичь,
Береть-то еѣ да за бллы руки,
180. Сымать еѣ да со добра коня,
Чолуетъ еѣ въ уста сахарныѣ,
Заводитъ еѣ да во-блль шатѣрь.
Пировали, столовали трои сутоцки,
Аттуль молодцы да поворотъ дають,
185. Обирали шатры бллополотнены,
Да скорѣ саянца на добрыхъ коней,
Да фдутъ во стольнѣй славной Кіевъ-градъ.
Да фдутъ ѣни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперецная,
190. Поперецна дорожницка, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичь:
«Ты ой еси, Борисъ сударь Горденовичь!
Пофдъ со своимъ да со десяточкѣмъ,
195. Извѣдай дорожечку кровавую».

- На то-де Борисъ не ётслышалсэ,
Поѣхаль со своимъ да со десяточкѣмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперечная,
200. Попережна дорожечька, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилися,
Говорилъ Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, Самсонъ сынъ Калыбановичъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкѣмъ,
205. Извѣдай дорожечкю кровавую».
На то-де Самсонъ да не ётслышалса,
А уѣхаль со своимъ да со десяточкѣмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперечная,
210. Попережна дорожоцька кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, старой да Илья Муромецъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкѣмъ,
215. Извѣдай дорожечкю кровавую».
Говорилъ-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты ой есь, Иванъ сударь Горденовичъ!
Ты оставь сибѣ меньшого слугу паробка.—
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
220. «Поѣжжай со своимъ со всѣмъ десяточкѣмъ».
Говорилъ-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты оставь сибѣ меньшого слугу паробка.—
Скрычалъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Говорять поѣжжай со всѣмъ десяточкѣмъ!»
225. На то-де старой да не ётслышелсэ,
Поѣхаль со всимъ своимъ десяточкѣмъ;
Поѣхаль Иванъ сударь Горденовичъ,
Со душкой-Маринкой лебедь-бѣлою.
Заѣхали они да въ лѣсы тѣмныя,
230. Да тутъ-то они остановилисе,
Раскинули шатѣръ да бѣль-полотненой,
Легли они спать, да опочинъ держать.
Какъ о ту было пору и о то времѣ,
Паѣхаль-де Васинька Окуловичъ,
235. Крычитъ-то Васплей во всю голову:

- «Ты блять-ле, ворона пустопёрая!
Ты та-жо сорока огумснная!
Куда полетѣль по чисту полю?
Да полно те спать, право пора ставать».
240. Ото сну тутъ Иванъ пробужкайтцэ,
Въ одной-де рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одныхъ-де чулочкахъ безъ чоботовъ,
Выскакивалъ скоро вонъ на улицу.
Бѣжить-то ко Васиеньки на стрѣту-же.
245. Да ѣдетъ Василей на добромъ конѣ,
Махнулъ-то Василей саблей острою,
На то-же Иванъ да былъ ювертливой,
Подвернулса подъ гриву лошадинную,
Прوماхнулса-то Васиенька Окуловицъ,
250. Хватилъ-то Иванъ да за русы кудри,
Да сдёрнулъ его да со добра коня.
На ту-же на матушку сыру землю,
Садилса ему да на бѣлы груди,
Растегивалъ пуговики тальячния:
255. «Ай ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Подай-ко синьжалищю булатень-ножь,
Распороть-то бы мнѣ да груди бѣлыя,
Пасматрѣть-то бы мнѣ да ретиво сэрцо».
У него у собаки у проклятой,
260. Да во ртѣ языкъ право ворочатце:
— Да душка-Маринка лебедь-бѣлая!
За нмѣ-то те быть, будѣтъ служанкой слыть,
За мной-то те быть, будѣшь царицой слыть.—
Прибѣжала Маремьяна дочь прекрасная,
265. Попутала Ивана всё Горденова,
Да справилса Васиенька Окуловицъ,
Да скакаль-то Василей на рѣзвы поги,
Прижимали Ивана ко сыру дубу,
Да опутали во путинки шелковыя:
270. «Да тебѣ сырой дубъ да молода жена».
Заходили ёни да нынь во бѣль-шатѣрь,
Да не закинули ю шатра да полу правую,
Легли ёни спать, да ёпочинъ держать.
Во ту было пору и во то времѣ,
275. Прилетѣли изъ чиста поля два голуба,

- Садились ёни да на сыро дубьё,
На самыя ёни да на вершиночки,
Ювидѣль-то Василей ёнъ двухъ голубовъ,
Хватилъ ю Ивана право тугой лукъ,
280. Хваталъ его стрѣлоцьку калѣную,
Натегать-то Васильюшко нонь тугой лукъ,
Стрѣлятъ-то Василей въ этихъ голубовъ,
Не дошедши стрѣла ихъ поворотъ даётъ,
Разлеталася Васинькѣ въ бѣлы груди,
285. Распорола его да груди бѣлыя,
Сомѣшалась его да кровь со печѣню,
Да тутъ-то Василью смерть случиласе.
Выходила Маривьяна изъ бѣла шатра,
Ёна кланяйтца Ивану въ ногу правую:
290. «Прости глупу бабу во первой вшны». —
Сиростай-ко меня да отъ сыра дуба,
Прощаю тебя да во первой вины.—
Роспростала опутинки шелковья,
Спросталса Иванъ сударь Горденовичъ,
295. Одевайтце ' своё да платье чвѣтное,
Да скоре садница на добра коня,
А дупка-Маринка за имъ-же тутъ.
Поѣхали они да лѣсомъ темнымъ,
Доѣхали они да нонь до рѣченьки,
300. Да тутъ-то они остановилисе,
Да слезъ-то Иванъ да со добра коня:
«Ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Захотѣлосе бы мнѣ-ка-ва налитисе,
Ты подай-ко-ся мнѣ воды ключавоюй».
305. Слезоваётъ Маривьяна со добра коня,
Берётъ-то Иванъ да саблю вострую,
Атсѣкъ онъ у ей да поколѣнъ-ноги:
«А эти мни ноги-ти не надобно,
Со поганымъ татаринимъ оплеталисе».
310. Отсѣкъ онъ у ей да полокѣтъ руки:
«Да ёти мнѣ ручишша не надобно,
Со поганымъ тотариномъ обнималисе».
Отсѣкъ онъ у ей да носъ-отъ съ губами:
«Эти мнѣ губишша не надобно,
315. Со поганымъ тотариномъ чѣловалисе».

Умываль-то Иванъ да руки бѣлыя,
Уѣхаль въ пещеры во великія,
Да началъ Иванъ Багу (такъ!) молитисе.

81.

Скопинъ.

- Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владыміра,
Родилось у его да чадо милое.
Со той-же со радости великой,
5. Завѣлся ю князя-то почесенъ пиръ,
Пра многихъ князей да многихъ бояровъ,
Пра тихъ-же мѣщанъ 'ся городовыхъ,
Пра тихъ-же купцей людей торговыхъ,
Да всѣ на пиру пьяны-веселы,
10. Да всѣ на пиру потѣшаютце,
Ростѣшилса солнышко Владыміръ-князь,
Онъ пагуливалъ по гриденки на свѣтлой,
По той-же по середи крпичатой,
А рѣзвыма ногами ѣнъ постунывалъ,
15. Бѣлыма руками прирозмахиваль,
Изъ рѣцей-то Владыміръ выговариваль:
«Ты ой есь, княгиня да мать Апраксія!
Намъ каго-же поставити въ кумушки?»
Говорить-то княгиня мать Апраксія:
20. — Надь-бы съѣздитъ во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позвать удала добра молацца,
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его-же поставити во кумушки.—
25. «Кого-же послати въ Малу Галичу?»
— Послатъ намъ Добрынюшку Микитиця,
А Добрынюшка Микитиць онъ крестовой братъ,
А послушатъ Скопинъ своего крестовушка.—
Говорить-то нашъ солнышко Владыміръ-князь:
30. «Ожъ ты ой есь, Добрынюшка Микитиць бладь!
Ты съѣзди во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,

- Позови-ко юдала добра молоцца,
Ко князю его да всё во кумушки».
35. На то-де доброй молодець не ётслышалсэ,
Да сталь-то Добрынюшка срежатисе,
Скоре-де того онъ сподоблентце,
Уздаеть, сѣдлаеть коня доброго,
Ёнъ скорé садитца на добра коня,
40. Онъ поѣхаль во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Ко тимъ-же ко теремамъ высокіемъ,
Ко тимъ-же окошечкямъ косявчатымъ,
' тому-же крылечушку прекрасному.
45. Да скоро-де слазить доброй молодець,
Да скоро-де слазить со добра коня,
Да вязкотъ своего коня доброго,
' тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечушко серебряно,
50. Заходитъ Добрыня на красно крыльцо,
Проходитъ Добрыня во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во свѣтлую,
Да молитце Добрыня Господу Богу,
Онъ и крестъ-отъ кладётъ да по писанному,
55. Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Ёнъ кланятца на всѣ четыре стороны,
Сидитъ-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопину родна матушка?»
— Я сижу-то его вѣрна служаноцька.—
60. «Да гдѣ-же Скопина родна матушка?»
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню.—
Проходитъ Добрынюшка Микитиць бладь,
А молитца Добрыня Господу Богу,
Ёнъ крестъ-отъ кладётъ по писаному,
65. Поклонъ-отъ ведётъ по учёному,
Ёнъ кланетце на вси четыре стороны,
Сидитъ-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопина родна матушка?»
— Проходи тамъ вперёдъ да во свѣтлу гриню.—
70. Проходитъ Добрынюшка Микитиць бладь,
Да молитца Добрыня Господу Богу,
Да кланятца на всѣ четыре стороны:

- «Да здравствуй, мой названушко крестовой брать!»
— Да здравствуй. Добрынюшка крестовой брать!—
75. Да скоро скочилъ да на рѣзвы ноги,
Берётъ-то его да за бѣлы руки,
Да хочеть онъ дѣлать ниръ великя,
Да ради своего онъ крестовушка.
«Отъ ты ой есь, названой мой крестовушко!
80. Скопннъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ!
Нельзя мнѣ сидѣти на чесномъ нирѣ,
Я посланъ тебѣ да на ускоруо,
Ётъ ласкова князя отъ Владымира,
Зовуть-го тебя ёни во кумушки».
85. Приходитъ юдалой доброй молодець,
Скопннъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ,
Ка сваей ко матушкѣ родимоей,
Ёнъ кланяетца ей да во рѣзвы ноги:
«Ой моя, маменька родимая!
90. Чесная вдова благочестивая,
Спусти мя во стольнѣй славной Кіевъ-градъ,
А мнѣ дай благословенье великое».
— Не дамъ благословенье великое,
Итти тибѣ, ѣхать въ стольнѣй Кіевъ-градъ.
95. А ты-же во хмелю да не сурядншвой,
Тамъ злыя бояришка подмолвщики,
Касабрюхѣ воры, подговорщики.—
Однако-же кланяетца въ рѣзвы ноги:
«Ты ой моя, матушка родимая!
100. Чесная вдова благочестивая!
Ожъ не дашъ благословенья великого,
Поѣду-же, поѣду въ стольнѣй Кіевъ-градъ».
Ёднако-же дала благословленьцо,
Съ буйной-де главы и до сырой земли,
105. Да стали молодцы да нынъ срежатисе,
Скорей-же того да сподобляютце,
Уздаётъ, сѣдлаётъ коня доброго,
Онъ и скоре саница на добра коня,
Да ѣдутъ во стольнѣй славной Кіевъ-градъ,
110. Ко ласкову князю на почесенъ ниръ.
Окрестили, молитвили бладенеця,
Ставалъ-то Скопннъ да ёнъ во кумушки,

- Со той-же Скурлатой со Малютиной,
Выходили ёни да изъ Божьей церкви,
115. Ко ласкову князю на почесенъ пирь,
Да всѣ на пиру напивалисе,
Да всѣ на чесномъ да похваляютце,
Изъ ума-де Скопинъ да выпиваитце,
Во хмелю-де Скопинъ да похваляитце:
120. «Да много Скопинъ да по землямъ бываль,
Да много Скопинъ да городовъ бираль,
Не боялса Скопинъ да сорока полковъ,
Сорока-де полковъ, да сорокъ тысяцныхъ,
Я Малюту-царя да во полонъ бираль,
125. Я Малютину дочь держаль парукою,
Парукою держаль я, полюбовницей,
На остаткахъ даль князю во служеньицо».
И та-же Скурлата дочь Малютична,
Спускаетца она да во глубокъ погребъ,
130. Выносила-ле цару зелья лютого,
По краямъ-то-ле цары какъ ключи кипятъ,
На середка-де цары да огонь горитъ.
Онъ и пьеть, Скопинъ, цару за единой духъ,
Скатилося съ плечъ голова какъ пуговица,
135. Сидить-то Скопинъ да не по прежнему.
Подхватили Скопина сына Михайловича,
Да садили его да на добра коня,
Да везли-бы его къ матушкѣ родимой;
Да встрѣчала его матушка, горько плакала,
140. Похоронила она сына своево любимого.
Да та его матушка родимая,
Да зла паленица преудалая,
Выходила ёна да вонъ на улицу,
Суредила ёна да коня доброго,
145. Да скоре садница на добра коня,
Да ѣдѣтъ во стольнѣй славной Киевъ-градъ,
Ко тимъ же полатамъ княженевскимъ,
Крычитъ подъ окошечкомъ косявчатымъ:
«Подайте-тка мнѣ да виноватого!»
150. Отвѣчаютъ тамъ-де слуги вѣрныя:
— Виноватого въ домъ не лучшосе,
Отлучилса виноватой во чисто полѣ.—

- Ажъ тутъ Маривьяна поворотъ даётъ,
А ѣдетъ она да во чисто полѣ,
155. Выѣхала на горы на высокія,
Да зрять-то, смотрять да во вси стороны,
Завидѣла во полѣ шатѣрь стоитъ,
Стоить-то шатѣрь да чернobarхатной,
Она ѣдетъ ко шатру какъ чернobarхатну,
160. А берѣтъ-то-ле стрѣлочкю каленую,
Откинѣтъ у шатра да полу правую,
Да спить тутъ Скурлата дочь Малютична:
«Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
Да полно те спать, право пора ставать».
165. Ото сну-то Скурлата просыпанца,
Выходитъ ёна да вонъ на улицу,
Берѣтъ Маревьяна нынь востро копьѣ,
Втыкаѣтъ тупымъ концемъ въ сыру землю,
Берѣтъ-то Скурлату дочь Малютичну,
170. Посадила ей ж. . ѣй на востро копьѣ,
Да тутъ-то Скурлаты смерть случилосе,
А оттуль Маривьяна поворотъ даётъ.

20. Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.

Черный, низкорослый, плечистый, истый типъ пустозера; ему 53 года, живетъ бѣдно, кромѣ промысла рыбы занимается еще чеботарствомъ, былъ въ солдатахъ. Знаетъ онъ, по его словамъ: Дуная, бой Добрыни и Дуная, женитьбу Алеши на добрыниной женѣ, Ваську Окулова, но мнѣ согласился пѣть только горе и то послѣ долгихъ упрашиваній; былъ сильно навеселѣ, почему старина и спѣта не особенно гладко.

82.

Горе.

Ужъ ты зла лиха свекровоцька неласкова,
Не давала снохи она не жить, не быть,
Не давала снохи она не есь, не пить;
Какъ случилось молоцу да ' полѣ ѣхати,

5. Какъ во ту во дорожку во дальнюю,
Да во дальнюю дорожку незнакому;
Какъ во то-де времѣ, во ту пору,
А какъ зла лиха свекровушка неласкова,
Овернула ей сноху теперь березонькѣй,
10. Прутья-лисъя у березки серебряныя,
А вершинка у березки позолочена.
Какъ послѣ того было, послѣ этого,
Случилось молодцу да туды ѣхати:
«Какъ не горюшко-де мнѣ да показалося,
15. А несчасьицо-ли мнѣ да повстрѣчалосе».
А во ту было пору, во то времичкѣ,
Какъ задумалъ молодець ѣхать къ березонькѣ,
Обнажилъ онъ свою да саблю вострую,
Во своемъ умѣ теперь парень раздумывать:
20. «Какъ несчасье видно мнѣ да пострѣчалосе,
Какъ великое горѣ привязалосе,
Отсѣку я у березоньки вершиночкю».
Не успѣлъ молодець да слово вымолвить,
Какъ-де свиснула его да могуча рука,
25. Какъ отсѣкъ онъ со березоньки вершиночкю,
Во своемъ умѣ дѣтинушка раздумывать:
«Какъ несчасье видно мнѣ да повстрѣчалося,
Видно горюшко велико привязалося».
Поворачивалъ конѣмъ да какъ лютымъ звѣрѣмъ,
30. Полетѣлъ на конѣ въ чисто въ раздольицо,
Ка ' своѣму-де прекрасному широку двору,
Не доѣхавши ' крылечкю ко прекрасному,
Крычитъ-ли, зычитъ да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, нянюшки, всѣ мамушки!
35. Всѣ придворные мои да вы служаночки!
Выходите-ко теперь да на красно крыльцо».
Услыхали-де мои няньки, мамушки,
Какъ придворные мои да всѣ служаночки,
Выбѣгали-де скоро на красно крыльцо,
40. И стрѣчали удаля добра молодца,
Какъ сидитъ-то удалой на добромъ конѣ,
Говоритъ очунь смѣлы строговы (такъ!) слова:
«Ужъ вы всѣ-то теперь мои нянюшки
Ужъ-вы всѣ мои придворные служаночки!

45. Какъ-же всё-то теперь меня встрѣчаютъ,
Уже гдѣ-же нынѣ тепере дорога семья?
Дорога моя семья, да дорога жена?
Не встрѣчаетъ меня да добра молодца,
Какъ трудна-ли, больня, да во постель легла?
50. Или отошла она во ѳробы (такъ!)?»
Выходила родимая моя маменька,
Говорила она да таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моё чадо милое!
А да зла твоя жена да змѣя лютая,
55. Отошла она злодѣйка во чисто полѣ,
Овернулася она да тамъ березонькѣй,
Штобы прутьѣ-де, лисѣ серебреноѣ,
А вершинка у берѣзки позолочена,
Овернулася она да тамъ березонькой,
60. Какъ безъ вѣтру-то ее штобы шататися,
Прутьѣмъ, лисѣмъ по земли да растилатися.—
Говорить на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси, маминька родимая!
Зла лиха волшебница неласкова!
65. Не сама вѣдь овернулася березонькѣй,
Обернула ты-де зла лиха волшебница,
Ты родимая моя да родна матушка,
Ужъ ты бляти вѣдьма стольнѣ-Кіевска!
Я отсѣкъ на дорожечки березоньку,
70. Отсѣку я у тебя да буйну голову».
Какъ соскакивалъ удалой доброй молодець,
Со своего коня да онъ со добраго,
Забѣгаѣтъ удалой въ нову горницу,
Онъ садился на крутой да нынѣ ремещать стуль,
75. Онъ-де смотритъ въ окошечкѣ косявчато,
Какъ во ту-же околѣнку стеклянную,
Во своемъ умѣ дѣтина прироздумалса:
«Какъ-де матушку я кончилъ саблей вострою,
Ажъ отсѣкъ я у березоньки вершиночку,
80. Хоша взялъ-бы я теперь сибѣ другу жену,
Не натти и не купитъ мнѣ родной матери.—
А несчасѣ видно мнѣ-ка повстрѣчалосе,
А великое видно горе привязалосе.
А умѣлъ молодець да горѣ мыкати,

90. Какъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
А садилса молодецъ да на добра коня,
Полетѣлъ молодецъ да по чисту полю,
А какъ горюшко его да переди бѣжитъ,
Какъ де-лютымъ звѣришкомъ какъ-де львовишкомъ;
95. А хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
А хотѣлъ люта-звѣря онъ конёмъ стоптать,
Онъ хотѣлъ люта-звѣря онъ копьёмъ сколотъ,
А не могъ люта-звѣря всё избѣгнуть.
Овернулса молодецъ да яснымъ соколомъ,
100. Полетѣлъ молодецъ да по поднебесью,
Какъ-де горюшко лѣтитъ да переди его,
Какъ немудрою птицою сорокою;
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
Онъ хотѣлъ-де молодецъ ее настигнути,
105. Онъ хотѣлъ-де молодецъ схватить въ свой когти,
Да не могъ его, горюшка, избегнути;
Овернулса-де соколъ да рыбой щукою,
Онъ спустился молодецъ да во синё морѣ,
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
110. Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Какъ немудрою рыбинкой сорогою,
Онъ хотѣлъ эту рыбинку настигнути,
И хотѣла эта щука всё сглонуть её,
Не могла-де эта щука поймать её,
115. А не могъ молодецъ горя избѣгнуть.
Выходилъ молодецъ да во чисто полѣ,
Выходилъ онъ на прекрасенъ крутой бережокъ,
Овернулса молодецъ да сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ молодецъ да по чисту полю,
120. Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Не добрымъ зверкѣмъ да зачкѣмъ;
Овернулса молодецъ да горносталячкомъ,
Побѣжалъ молодецъ да по подзѣмелью,
Какъ-де горюшко его да переди бѣжитъ,
125. Какъ немудрыми звѣрькѣмъ бѣжитъ гнусною,
Какъ не могъ молодецъ горя избѣгнуть.
Выходилъ молодецъ да изъ подзѣмелья,
Какъ-де горюшко идѣтъ да переди его,
Оно тонко, жидко, да пережимисто,

130. Лыкомъ-де горё подпоясалось,
А идётъ надомной да колыхантце,
Надомною-де надъ молодцомъ подсмѣхантце,
И велигъ молодцу да бити-грабити,
Штобы за то молодца штобы повѣсили.
135. Во ту было пору и во то время,
Случилась молодцу да скоро смерточка,
А да горюшко-го взяло топорёнышко,
Да взяло нынь-де горюшко гробёнушко,
Хоронило молодца да во сыру землю,
140. Стало горюшко молодника оплакивать:
«Какъ худому-де горе не привяжитце,
Вѣрно умѣлъ молодець да горё мыкати».

21. Дитятева Парасковья Ивановна.

Сестра Алескѣя Ивановича Дитятева, также слѣпая, знаетъ старины: первую поѣздку Ильи Муромца, Фатенко, Потыкъ, Чурило и невѣрная жена, Васька Казиміровъ, 40 каликъ. Поетъ пріятнымъ голосомъ, но не твердо.

83.

Небылица.

- Старину я спою да стародавносью,
Старика я свежу и со старухою;
Ищэ это-ли вамъ братцы, не чудишшо,
Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
5. Юже я-то-ле вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу и подиковисьне:
Какъ медвѣдь-отъ летѣлъ да по поднебесью,
Онъ вѣдь ниже летѣлъ облаковъ ходячихъ;
Ищэ это вамъ, братцы не чудницо,
10. Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Уже я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковисьне:
Какъ завидѣли щуку въ Бѣломъ озерѣ,
Вотъ задумали щуку ей ловити-жо,

15. Вотъ вѣдь вытенили щуку ей на вѣшну льдину,
Какъ-де вѣшна-то льдина отъ ей ломается,
Вся осѣнна вода да сколыбалася,
Со краю-то на край да соравнялася,
Да немала-невелика щука—девеносто пудъ;
20. Ищэ это-де вамъ, братцы, не чуднищо,
Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Ищэ я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковисьне:
Какъ телятъ она хвататъ, да жеребягъ глотатъ,
25. Ищэ мелкихъ робятъ мечетъ за щеку.

ХІ. ДЕРЕВНЯ БѢДОВАЯ.

22. Марковъ Павелъ Григорьевичъ.

Это худенькій, маленькій, тщедушный старичокъ 76 лѣтъ, типичный пустозерь: говоритъ теноркомъ, сладкимъ пѣвучимъ голосомъ. Онъ сирота, т. е. бѣденъ, а также и вдовъ, родомъ изъ деревни Бѣдовой, гдѣ и прожилъ всю жизнь, но я его встрѣтилъ и старины у него списалъ въ селѣ Оксинѣ, гдѣ онъ домовничалъ у родной дочери, которая со своимъ мужемъ отправилась „промышлять“ въ Печорскую губу. Зять такой-же бѣднякъ, и вотъ П. Г. живетъ на краю села въ маленькой избушкѣ, возится съ двумя внучатами, присматриваетъ за коровой, которую и кормить и доить самъ; за это онъ получаетъ бесплатную квартиру съ дровами и, кажется, хлѣбъ отъ зятя, а на приварокъ зарабатываетъ тѣмъ, что пускаетъ и въ безъ того маленькую хибарку, гдѣ живетъ, еще квартирантовъ, плотниковъ-зырянъ, строящихъ что-то въ Оксинѣ и варить имъ пищу. Павелъ Григорьевичъ очень религіозенъ и яро настроенный старообрядецъ, Бѣдовая—единственная деревня въ Пустозерской волости, гдѣ расколъ держится открыто и извѣстенъ оффиціально; потому-то эту, единственную большую овцу въ „православномъ“ пустозерскомъ стадѣ усердно навѣщаетъ миссіонеръ, и потому-то, можетъ быть,

Пав. Григ. такъ яро настроенъ: онъ положительно не можетъ говорить равнодушно о Никонѣ, объ Аввакумѣ; послѣдняго онъ прекрасно знаетъ и называетъ ненначе какъ „Аввакумъ Петровичъ“, и много, подробно и съ жаромъ о немъ рассказываетъ. Старины П. Г. знаетъ прекрасно, и довольно легко и охотно согласился пѣть миѣ ихъ, совершенно неожиданно найдя въ этой нетрудной для него работѣ кой какой заработокъ. Какъ и многіе изъ моихъ сказителей П. Г. во время пѣнія старинъ, что нибудь дѣлалъ, обыкновенно или ткалъ нитки для сѣти, или вязалъ эту самую сѣть.

П. Г. знаетъ слѣдующія старины: Дунай и женьитба Владиміра; Алена Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугарище; Иванъ Горденовъ; Василій Игнатъевъ; Василій Казиміровъ; Василій Турецкій (Окуловъ) и Соломанъ; Василій Буславъ—двѣ старины; Садко; Иванъ Грозный и сынъ Ѳедоръ; Кострюкъ; знаетъ П. Г. и стихи: Алексѣй челоуѣкъ Божій, Агрикъ, про Святителя Николу, распятіе Христа и др. прекрасно знаетъ кромѣ того пѣсни всяческія, начиная отъ хороходныхъ, до величальныхъ (Виноградъе) и дѣтскихъ (Коляда).

84.

Вольга Всеславъевичъ.

- Когда на небѣ родилса свѣтѣль-мѣсець,
Тогда на Руси родилса могучь-богатырь,
Молоды Вольга Всеславъевичъ;
Рыба отступила во морску глубину,
5. Всѣ слышамши на Руси багатыря
Молодого-бы Вольгу Всеславъевича;
Птиця солеталасъ по поднебесью,
Всѣ слышачи на Руси багатыря
Молодого Вольга Всеславъевича;
10. Тонки горносталя—во сыру землю,
Всѣ слышачи на Руси багатыря,

- Молодого Волью Всеславьевича;
Да буры лесицы по тёмнымъ лѣсамъ,
Всѣ слышачи на Руси багатыря,
15. Молодого Волью Всеславьевича.
Да втопоры Вольина матушка,
Ходила она по всимъ церквямъ,
Служила молебны почесныя,
Въ первыхъ просила нынь у Господа:
20. «Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Вольи Всеславьевичу,
Да тулово ему-бы Светогорого»;
Въ другихъ-бы просила нынь у Господа:
«Да сила Самсона Колыбановиця;
25. Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Вольи Всеславьевичу,
Да конь-бы Ильи, да Ильи Муромца;
Да' Богъ моему-де чаду милому,
Молодому Вольи Всеславьевичу
30. Кафтаны-бы ему Дюка Стѣпановиця;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Сапожки Чурила-бы Плѣнковича;
Да' Богъ моему да чаду милому,
35. Молодому-бы Вольиѣ Всеславьевичу,
Шапка Кузѣнка Сибирчаженна;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Рукавичи Казарина Петровиця;
40. Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Смѣтка Олѣши нынь Поповича;
Да' Богъ моему да цяду милому,
Молодому-бы Вольиѣ Всеславьевичу,
45. Вѣшво Добрынюшки Микитиця.
Да втопоры Волья Всеславьевичъ,
Училса-бы въ вольнѣмъ морѣ шукой ходить,
Училса-бы по поднебесью птицею летать,
Училса-бы по полю лютымъ звѣремъ рыскати.

85.

Олеша Поповичъ, Екимъ паробокъ и Тугаринъ.

Изъ далече-далече, изъ чиста поля,
Тутъ ѣдутъ удалы два молодца,
Ѣдутъ конь-о-конь, да сѣдло-о-сѣдло,
Узду-о-узду да тосмянную,

- 5 Да сами межъ собой разговариваютъ:
«Куды намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ ѣхать будѣтъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Суздаль-градъ?
Да въ Суздаль-градѣ питья много,
Да будѣтъ добрымъ молодцамъ испропитисе,
- 10 Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая;
Да ѣхать, не ѣхать въ Черниговъ-градъ?
Въ Черниговѣ градѣ дѣвки хороши,
Съ хорошими дѣвками спознатца будѣтъ,
Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая;
- 15 Намъ ѣхать, не ѣхать во Кіевъ-градъ?
Да Кіеву городу на оборону,
Да намъ добрымъ молодцамъ на выхвальбу».
Пріѣзжаютъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому-жо ко князю ко Владимиру,
20. Ко той-жо ко гриденки ко свѣтлоей,
Ставаютъ молодцы да со добрыхъ коней,
Да мецють коней своихъ невязаныхъ,
Некому-то коней да неприказанныхъ,
Некому-то до коней да право дѣла нѣтъ,
25. Да лязятъ во гриденку во свѣтлую,
Да крестъ-отъ кладутъ-де по-писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по-учёному,
Молитву творятъ да всё Ісусову,
Они бють челомъ на вси чотыри стороны,
30. А князю съ княгиней на особинку:
«Ты здраствуй, Владимиръ стольнокиевской!
Ты здраствуй, княгина мать Апраксія!
Говоритъ-то Владимиръ стольнокиевской:
— Вы здраствуй, удалы добры молодцы!
35. Вы какой-жо земли, какого города,
Какого отца, да какой матушки?»

- Какъ васъ молодцовъ да именёмъ зовутъ?—
Говорить тутъ удалой доброй молодець:
«Миня зовутъ Олѣшой нынѣ Поповицёмъ,
40. Попа-бы Левонтя сынъ Ростовскаго,
Да другой-отъ Екимъ Олѣшинъ паробокъ».
Говорить тутъ Владимиръ стольнокиевской:
— Давно про тя вѣсточка прохаживала,
Случилосе Олѣшу въ очи видѣти;
45. Да пѣрво те мѣсто да подлѣ меня,
Друго тибѣ мѣсто супротивъ меня,
Третье тибѣ мѣсто—куды самъ ты хошь.—
Говорить-то Олѣшинька Поповицъ-отъ:
«Не сѣду я въ мѣсто подлѣ тибя,
50. Не сѣду я въ мѣсто супротивъ тибя,
Да сѣду я въ мѣсто куды самъ хоцю,
Да сѣду на пецьку на муравленку,
Подъ красно хорóшо подъ трубно окно».
Немножко поры-де миновалосе,
55. Да на пету гриня отпиралосе,
Да лазать-то цюдо поганое,
Собака Тугаринъ былъ змѣвичъ-отъ;
Да Богу собака не молитче,
Да князю съ княгиной онъ не кланетче,
60. Князьямъ и боярамъ онъ челомъ не бѣтъ;
Вышина у собаки видъ ужъ трѣхъ сажонъ,
Ширина у собаки видъ двухъ охватъ,
Промежу ему глаза да калена стрѣла,
Промежу ему ушей да пядь бумажная;
65. Садилса собака онъ за дубовъ столъ,
По праву руку князя онъ Владымира,
По лѣву руку княгины онъ Апраксіи;
Олѣшка на запечѣ не утерпѣлъ:
«Ты ой есь, Владимиръ стольнокиевской!
70. Али ты съ княгиной не въ любѣ живешъ?
Промежу вами чудо сидитъ поганое,
Собака Тугаринъ-отъ Змѣвичъ-отъ».
Принесли-то на столъ да какъ бѣлу лебедь,
Вынималь-то собака свой булатенъ ножъ,
75. Поддѣлъ-то собака онъ бѣлу лебедь,
Онъ кинулъ собака ей себѣ въ гортань,

- Со щекы-то на щекы перемётывать.
Лебёжьё косё да вонъ выплюивать,
Олёша на запечёть не ўтерёть:
80. «У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Быль старо собачишишо дворовоё,
По-подстолью собака волочиласе,
Лебежею косью задавилосе,
85. Собаки Тугарину не минуть того,
Лежать ему во далечё въ чистомъ полѣ».
Принесли-то на столъ да пирогъ столовоёй,
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Поддѣль-то пирогъ да на булатенъ ножъ,
90. Онъ кинулъ, собака, себѣ въ гортань,
Олёшка на запечёть ўтерёть:
«У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Было старо коровишишо дворовое,
95. По двору-то корова волочиласе,
Дробиноу корова задавиласе,
Собаки Тугарину не минуть того,
Лежать ему во далечемъ чистомъ полѣ».
Говоритъ-то собака нынѣ Тугаринъ-отъ:
100. «Да што у ты на запечёть за смердъ сидитъ,
За смердъ-отъ сидитъ, да за засельщина?»
Говоритъ-то Владиміръ стольнокиевскоу:
— Не смердъ-отъ сидитъ, да не засельщина,
Сидитъ руськёй могучёй да бѣгатырь,
105. А по имени Олёшинькя Поповичъ-отъ.—
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Да кинулъ собака ножъ на запечёть,
Да кинулъ въ Олёшиньку Поповиця;
У Олёши Екимушко подхвадчивъ быль,
110. Подхватилъ онъ вѣдъ ножицёкъ за черешокъ.
У ножа были припои нынѣ серебряны,
По вѣсу-то припои были двѣнадцеть пудъ.
Да сами они-де похваляютца:
«Здѣсь у насъ дѣло заѣзжое,
115. А хлѣбы у насъ здѣся завозныя,
На вишѣ-то пропѣмъ, хотъ на калачѣ проѣдимъ».

- Пошоль-то собака изъ за столъя вонъ,
Да самъ говори-ль-де такovy рѣчи:
«Ты будь-кѣ, Олѣша, со мной на полѣ».
120. Говоритъ-то Олѣша Поповиць-отъ:
—Да я съ тобой съ собакой хотъ топере готовъ.—
Говоритъ-то Екимушко да парубокъ:
«Ты ой есь, Олѣшинья названой братъ!
Да самъ-ли пойдѣшь, али миня пошлѣшь?»
125. Говоритъ-то Олѣша нынъ Поповиць-отъ:
—Да самъ я пойду, да не тибя пошлю,
Да силы у тя дакъ есь вѣдь съ два миня.—
Пошоль-то Олѣша пѣшь дорогою,
Настрѣту ему идѣтъ названой братъ,
130. Названой-отъ братъ идетъ Гурьюшко,
На ногахъ несѣтъ поршни кабанъ-звѣря,
На главы несѣтъ шелонъ, земли греческой,
Во рукахъ несѣтъ шолыгу подорожную,
По вѣсу была шолыга девеносто пудъ,
135. Да той-же шолыгой подпиратца,
Говоритъ-то Олѣшинья Поповиць-отъ:
«Ты здравствуй, ты мой ты названой братъ!
Названой ты братъ да вѣдь ужъ Гурьюшко!
Ты дай мнѣ-ка поршни кабанъ звѣря,
140. Ты дай мнѣ шолонъ земли греческой,
Ты дай мнѣ шолыгу подорожную».
Наложилъ Олѣша поршни кабанъ звѣря,
Наложилъ Олѣша шолонъ земли греческой,
Въ руки взялъ шолыгу подорожную,
145. Пошоль-то Олѣша пѣшь дорогою,
Да этой шолыгай подпиратце,
Онъ смотрѣлъ собаку во чистомъ полѣ,
Летаѣтъ собака по-поднебесью,
Да крылья у коня нонѣце бумажной.
150. Онъ вталоры Олѣша сынъ Поповиць-отъ,
Онъ молитця Спасу Вседержителю,
Чудной Мати Божей Богородици:
«Ужъ ты ой еси, Спасъ да Вседержитель нашъ!
Чудная есть Мать да Богородиця!
155. Пошли Господъ съ неба крупна дожджа,
Подмочи Господъ крыльѣ бумажной,

- Опусти Господь Тугарина на сыру землю.
Олёшина мольба Богу доходна была,
Послалъ Господь съ неба крупна дожджа,
160. Подмочилось у Тугарина крыльё бумажноё,
Опустилъ Господь собаку на сыру землю;
Да ѣдѣтъ Тугаринъ по чисту полю,
Крычитъ онъ, зычитъ да во всю голову:
«Да хошь-ли Олёша я конѣмъ стопчу?»
165. Да хошь-ли Олёша я копьемъ сколю?
Да хошь-ли Олёша я живкомъ зглону?»
Нато-де Олёшинькя вѣдь вѣртокъ былъ,
Подвернулса подъ гриву лошадиную,
Да смотритъ собака по чисту полю,
170. Да гдѣ-де Олёша нынѣ стопгаль лежитъ;
Да втапоры Олёшинька Поповиць-отъ
Выскакивалъ изъ подъ гривы лошадиной,
Онъ машотъ шолыгой подорожною
По Тугариновой-де по буйной головы,
175. Покатилася голова да ' плецъ какъ пуговиця,
Свалилось трупѣ да на сыру землю.
Да втапоры Олёша сынъ Поповиць-отъ,
Имаѣтъ Тугаринова добра коня,
Лѣвой-то рукой да онъ коня дѣржитъ,
180. Правой-то рукой да онъ трупѣ сѣкѣтъ,
Росѣкъ-то трупѣ да по мелку часью:
Розметаль-то трупѣ да по чисту полю,
Поддѣль-то Тугаринову буйну голову,
Поддѣль-то Олёша на востро копьѣ,
185. Повѣзь-то ко князю ко Владимиру,
Привѣзь-то ко гриденкѣ ко свѣтлоей,
Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Ты ой есь, Владиміръ стольнѣ-Кіевской!
Буди нѣтъ у тя нынѣ пивна котла,
190. Да вотъ-те Тугаринова буйна голова;
Буди нѣтъ у тя дакъ пивныхъ большихъ чашъ,
Дакъ вотъ те Тугариновы есны оци,
Буди нѣтъ у тя да большихъ блюдишшовъ,
Дакъ вотъ те Тугариновы больши ушишша».

86.

Дунай *)

- ...Выходили удалы добры молодцы,
Выходили молодцы да вонъ на улицу,
Сѣдлали, уздали-бы добрыхъ коней,
Во ту-же узду да во тосмянную,
5. Во то-же сѣдѣлышко тоцѣное,
Двенадцеть кладуть-то подпругъ шолковыхъ,
Тринадцету кладуть черезхребѣтную,
Не ради басы, всё ради крѣпости,
Ради прытости лошадиной,
10. Не оставилъ-бы доброй конь въ чистомъ полѣ;
Не видѣли поѣзки богатырской,
Только видѣли ихъ, какъ въ стремена ступили,
Скопѣтили желты пески сыпучія:
Не видно ходеча красна солнышка.
15. Они долго-ли ѣхали, коротко-ли,
Не дошодъ было города Леховитского,
Становились молодцы да во чпсто полѣ,
Говорить-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ты ой еси, Добрынюшка Микитиць-бладъ!
20. Останся ты этта во чпстомъ полѣ,
Оставляю я те да нынь промѣтоцкю:
Поставлю копя я вверхъ тупымъ кончѣмъ,
Положу на копейчо я копеечку,
Да ту-же копеечку серебряну;
25. Когда это копейчо да зашатаице,
Потемнитъ-бы копеечка серебряна,—
Я буду у казни у смертной,
Гони ты Добрыня скоро-наскоро,
Заставай меня живого добра молодца».
30. Да поѣхалъ Дунай въ городъ Леховицкія,
Ко тому-же Семѣну Леховитскому,

---

*) Былина записана не съ начала: описаніе пира Владиміра со всіми рѣ-
чани его и его богатырей о холостой жизни вынущево: тоже самое читатель
можетъ найти въ «Дунаѣ» сѣбтомъ мѣ Д. К. Дуркиннмъ.

- Приѣзжаетъ ко городу Леховитскому,
Ко той-же ко гриденки ко свѣтлоей,
Ставаётъ Дунай да со добра коня,
35. Онъ лазитъ во гриденку во свѣтлую,
Да Богу молитце у ихъ некому,
Только бѣтъ челомъ на все чотыри стороны,
Самому-то Семёну на особинку:
«Ты здраствуй, Семёнъ да Леховитскія!»
40. — Ты здраствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Куды-то ты ѣдѣшь, куды путь держишь?
Кабы мнѣ-ка ты приѣхалъ въ услуженьцо?—
Говоритъ-то Дунай-да сынъ Ивановицъ:
«Не тебѣ я приѣхалъ въ услуженьцо,
45. Приѣхалъ я къ те да нынъ посвататце,
На той Опросенн дочь Семёновны,
За того-же-ли князя за Владымира».
Говоритъ-то Семёнъ да Леховитскія:
— Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановицъ!
50. Не стара заслуга твоя прежняя,
Отсѣкъ-бы у тя я по плечь голову.—
Говоритъ-то Дунай и во второй наконъ,
Говоритъ-то Дунай да не съ упадкою,
Онъ топнулъ-то правой ногой во кирпицать полъ,
55. Подрожали полаты кнеженевскія,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣчи:
«Отдашь буди чесью, возьму съ радосью,
Не отдашь буди чесью, возьму нѣчесью:
Мы всё твоё царсво подъ мець выклонимъ,
60. Заморимъ мы тя въ злодѣйкѣ земляной тюръмы».
Да тутъ-бы Семёнъ да осержаитце,
Скакаль-бы Семёнъ да на рѣзвы ноги,
Выбѣгалъ-бы Семёнъ да вонъ на улечу,
Играль-бы Семёнъ да онъ во турей рогъ,
65. Нагонилъ силы многимъ множество,
Сохватали удала добра молодца,
Свезали во пугенки шелковья,
Садилы на телѣжку двоеколочкю,
Повезли-то ко казни ко смертной,
70. Ко смертной казни къ позорной,
Рѣчистой езыкъ да вынетъ теменёмъ,

- Да ясны-ти оци-ти косичами,
Ретивое сáрцо промежу плецьми;
По праву руку идѣтъ силы сорокъ тысецей,
75. По лѣву руку идѣтъ сорокъ тысецей,
Передѣ-то его да числа смѣту нѣтъ,
Позадѣ-то его да числа смѣту нѣтъ,
Кабы плацѣтъ Дунай да какъ рѣка тецѣтъ.
Немножко поры-де миновалосе,
80. Наѣжжаеть Добрынюшка Микитиць-бладь,
У ясна сокола да крыльѣ ѳтросло,
У добра молодца вдвоѣ силы прибыло,
Разрываль-то онъ путинки шелковыя,
Скакаль-то Дунай да на рѣзвы ноги,
85. Ухватиль-то телѣжку двоеколочку,
Да впередѣ-де махнѣтъ, дакъ лежитъ улича,
Назатъ отмахнѣтъ—съ переулками,
Добирайтче Дунай-де до добра коня,
Добралса Дунай-де до добра коня,
90. Садилса Дунай-де на добра коня,
Они сѣкли, рубили до единого.
Выходилъ Семѣнъ да вонъ на уличу,
Кланетця имъ да понижешенькю:
Вы ой есь, удалы добры молодцы!
95. Вы сильни могуци руськи багатыри,
Умирите-тко серчо своё ретивоѣ,
Оставьте хотъ малого, либо старого».
Умириlise удалы добры молодцы,
Приѣжжають ко гриденки ко свѣтлоей,
100. Срежатча Опросенья дочь Семѣновна,
Да плацѣтъ Опросенья какъ рѣка тецѣтъ:
«Кабы мал да нынъ родна сѣстра,
Кабы та-же Настасья дочь Семѣновна,
Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичи!
105. Кабы она-бы съ тобой да поотвѣдалась».
Средиллсь удалы добры молодцы,
Посадилъ Дунай да позади себя,
Посадилъ Опросинью дочь Семѣновну,
Поѣхали удалы добры молодцы,
110. Поѣхали они да въ стольнѣ-Кіевъ-градъ.
Они долги-ли ѣхали, коротко-ли,

- Нашли они ископытъ конинную,
Говоритъ-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиць-бладь!
115. Посажу я те Опросинью нынь назадъ въ сѣдло,
Ты поѣдь-то Добрыня въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
А назадъ то суда да не ворочайся,
Я поѣду по ископоти конинной».
- Онъ поѣхалъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
120. Онъ долго-ли ѣхалъ, нынь коротко-ли,
Заздрилъ на чистомъ поли стоитъ чѣрнъ-шатѣръ,
Приѣхалъ ко шатру да нынь ко чѣрному,
Онъ откинулъ полу іе лѣвую,
Заходитъ Дунай да нынь во чѣрнъ-шатѣръ,
125. Да спитъ-то Настасья не пробудитце,
Лежилса Дунай ей на праву руку.
Разбужатча Настасья дочь Семёновна,
Схватила Настасья нынь востру саблю,
Здымала Настасья выше головы,
130. Остоялось рука, да рука правая,
Какъ будитъ Настасья дочь Семёновна,
Разбужатця Дунай да сынъ Ивановичъ.
Выходили они да вонъ на улечу,
Схватила Дунай да со Настасьюшкой,
135. Они долго-ли водилисе, коротко-ли,
Сыполнилось время трои сутоцьки,
Какъ мецѣтъ Настасьюшка Дунаюшка,
Какъ метала Настасья на сыру землю,
Садилась ему дакъ на бѣлы груди.
140. Немного поры дакъ миновалосе,
Паѣжжаеть Добрынюшка Микитиць бладь,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣци:
«Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Намъ не чесь-то, хвала да молодецкая,
145. Не выслуга будѣтъ богатырская:
Лѣжать-де подъ гузномъ нынь подъ бабынмъ тимъ;
Да баба-то право нынь задомъ пухла,
Тресн ей за пельки, пинай подъ гузно».
- Дунай трясъ ей за пельки, пиналъ подъ гузно,
150. Слетѣла Настасья со Дунаюшка;
Скочилъ-то Дунай да на рѣзвы ноги,

- Садилса Дунай ей на бѣлы груди,
Да хоцѣтъ поротъ-де груди бѣлыя,
Да хоцѣтъ смотрѣтъ да ретиво серцо;
155. Да плацѣтъ Настасья, какъ рѣка тецѣтъ,
Сама говоритъ таковы рѣци:
«Ты возьми мнѣя, Дунай, да во супружесво,
Принесу я те два угодыя, два великія,
Два-ти-жо, два сына, два любимыя:
160. Поколѣнъ-то ноги да будутъ въ золотѣ,
Полокотъ-то вѣдь будутъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то вѣдь будѣтъ красно солнышко,
Въ тылу-то вѣдь будѣтъ бладъ-свѣтѣль-мѣсець,
По косичамъ-то будутъ тутъ есны зори,
165. По верховишшу будутъ часты звѣздочки».
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитиць бладъ:
— Прости еѣ бабу во первой вины.—
Ставаецъ Дунай дакъ на рѣзвы ноги,
Берѣтъ-то Дунай дакъ за бѣлы руки,
170. Чѣлуѣтъ Настасью въ сахарны уста,
Поѣхали они вси въ стольнѣй Кіевъ-градъ.
Приѣхали они да въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
Стрѣцяють-то ихъ да кнези-бѣяра,
Да сильны могучія багатыри,
175. Стрецяѣтъ Владиміръ стольно-кіевской,
Берѣтъ Опросинью за бѣлы руки,
Чѣлуѣтъ Опросинью въ сахарны уста.
Крещона Опросинья—миромъ не мазана,
Заводили во церквю во Божью тутъ,
180. Мазали вить миромъ православнымъ,
Ставаль-то Владиміръ на подножекъ-отъ,
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
Спринималъ-то Владиміръ золоты винчи,
Со той Опросиньей дочь Семёновной,
185. Выпиваль-то Владиміръ чару заздравную,
Со той Опросиньей дочь Семёновной;
Пошоль-то Владиміръ онъ изъ церкви вонъ,
Заходили во полаты бѣлокаменны,
Да пиръ-отъ пошоль, пиръ навѣсело.
190. Обвѣнчалса Дунай да сынъ Ивановиць,
Обвѣнчалса Дунай да со Настасьюшкой,

- Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да вси на пиру да прирасхвастались,
Какъ хвастать Дунай да сынъ Ивановичь,
195. «Я гораздъ-де Дунай да во примѣтъ стрѣлеть».
Говорить-то Настасья дочь Семёновна:
— Ты не хвастай, Дунай да сынъ Ивановичь!
Сама я, Настасья, не хилé тебя
Да стрѣлеть во примѣтоцьки примѣтныя.—
200. Кабы тутъ-то Дунай да осержантце,
Выходила-то Дунай да вонъ на улицу,
Да самъ говоритъ да таковы рѣчи:
«Выходитко, Настасья дочь Семеновна».
Выходила Настасья вонъ на улицу,
205. Относила примѣтоцьку въ чисто полё,
Да ту-же примѣтоцьку—злаченъ перстень;
Натегивала Настасья свой вѣдь тугой лукъ,
Кабы стрѣлила Настасья во чисто полё,
Да въ ту-же примѣтоцьку злаченъ перстень,
210. Прострѣлила Настасья свой злаченъ перстень.
Осержантце Дунай да сынъ Ивановичь,
Поводить Настасью во чисто полё,
Уговаривать Солнышко Владымеръ-князь,
Уговаривать Опросинья дочь Семеновна:
215. «Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичь!
Умири свое сарцо нынь ретивое,
Прости её бабу во первой вины».
Богатырское серцо-то заплывчиво,
Не миритче Дунай да сынъ Ивановичь,
220. Какъ плацётъ Настасья какъ рѣка течётъ,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Прости меня, Дунай, да во первой вины,
Не стрѣляй меня, Дунай да сынъ Ивановичь:
Да есь два угодыя во мнѣ великя,
225. Два чада-жо, два чада, нынь два милыя,
Два чада-жо, два сына, два любимыя,
Поколѣнъ-то у ихъ ноги въ золотѣ,
Полокотъ-то у ихъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
230. Въ тылу-то у ихъ свѣтѣль мѣсець,
По косичамъ у ихъ есны зори,

- По верховишшу частыя звѣздочки».
 Неслушаётъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
 Онъ клалъ ей вѣдь на голову золото кольцо,
 235. Онъ ей стрѣлилъ Дунай въ золото кольцо,
 Прострѣлилъ Дунай ей груди бѣлыя,
 Розломилъ-то у ей да грудь онъ бѣлую,
 Розрубилъ-то у ей да ретиво сарцо,
 Смѣшалъ-то ей да кровь со печенью,
 240. Онъ увидѣлъ у ей два угодыча,
 Два-ти жо, два чада, нынѣ два млыя,
 Два-ти жо, два сына, два любимыя:
 Поколѣнь-то у ихъ ноги въ золотѣ,
 Полокотъ-то у ихъ руки въ серебри,
 245. Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
 Въ тылу-то у ихъ светѣль мѣсечъ,
 По косичамъ у ихъ есны зори,
 По верховишшамъ частыя звѣздочки.
 Богатырско серцо нынѣ заплывчиво:
 250. Изуставилъ Дунай своё остро копьѣ,
 Изуставилъ Дунай да 'сѣ во бѣлу грудь,
 Кабы ткнулъ копьёмъ sibѣ въ бѣлу грудь,
 Ищѣ поворотитця у Дуная езыкъ въ головы:
 «Гдѣ пала-то нынѣце бѣла лебедь,
 260. Да пади-ко-сѣ тутъ да и есенъ соколъ».

87.

Василій Игнатъевъ.

(Отрывокъ).

- ...«Вы ой-ли, мои да два гнѣды тура,
 Два гнѣды тура, да два млы чада,
 Вы гдѣ были, туры, да цего видѣли?»
 Говорятъ-то туры да златорогіе:
 5. — Ты, свѣтъ государына наша матушка!
 Гнѣдая туриця златорогая!
 Мы были туры и во Чаховѣ,
 Во чаховѣ были мы, во Ляховѣ,
 Идѣмъ нынѣ изъ города изъ Кіева,

10. Да Кіевъ-отъ городъ полночь прошли,
Да такого чуда не видѣли,
Да такого дива мы не слышали:
Среди было города, середь Кіева,
Туть столбъ-де стоялъ, да столбъ-бы огненной,
15. Отъ сырой-де земли, столбъ-бы до неба;
Шли мимо церквѣвъ, мимо Божью туть,
Отворились ворота нынѣ церкѣвныя,
Выходила дѣвица душа-красная,
Во рукахъ выносила книгу божественну,
20. Божественну книгу евангельё,
Она столбки не чититъ—сама вдвоѣ плачѣтъ.—
Говоритъ-то турица злоторога:
«Вы глупы, туры, да дѣти малыя,
Не столбъ-де стоялъ, да столбъ не огненной,
25. Отъ сырой земли да столбъ-бы до неба:
Подымайтце светыня нынѣ изъ Кіева,
Подымайтце светыня нынѣ на небо,
Всѣ цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Всѣ цюетъ надъ Кіевомъ великую:
30. Подымайтца сабака злодѣй Скурла-царь,
Со зѣтемъ собака онъ со кыршакомъ,
Да съ сыномъ собака со кончальничкѣмъ,
Ихъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Ихъ сорокъ королей, сорокъ королевичей,
35. На всякого царя да силы по три тьмы,
На царевичей да по три тысяччи,
На всякого короля да у ихъ по три тьмы,
На всякого королевича по три тысяччи,
Да всей у ихъ силы нынѣ невѣрной,
40. Да всей у ихъ силы числа смѣту нѣтъ,
Да великимъ-то днѣмъ да нынѣ межоннымъ,
Да горному ворону не облетати,
Осѣнною ночью нынѣ тѣмною,
Осѣнною ночью нынѣ межонною,
45. Да сѣрому волку не обрыскати;
Да глупы туры да дѣти малыя,
Не дѣвица-та ищѣ да душа-красная,
Туть шла Прпсвятя Мать Богородица,
Во рукахъ несетъ книгу божественну,

50. Она чуётъ надъ городомъ незгодушку,
Она чуётъ надъ Кіевомъ великую:
Какъ Кіевъ-отъ городъ хотять въ полонъ-бы взять,
Да церкви-ти Божіи на дымъ спустить,
Иконы-ти Божьи на полавъ рѣки,
55. Православную вѣру облагынить всю,
Да князя Владыміра во грезъ втоптать,
Княгиню Апраксію за Кончальничка взять».
Да втáропы собака злодей Скурлатъ-царь,
Садилса собака на ремещать стуль,
60. Писаль-бы ерлыкъ да скору грамоту,
Ко тому-то князю ко Владыміру,
Выбираль онъ, собака, триста пословъ,
Изъ триста пословъ да онъ тридцеть пословъ,
Изъ тридцеть пословъ да онъ вѣдь трѣхъ пословъ,
65. Изъ трѣхъ-бы пословъ да одного посла,
Онъ выбралъ тотарина немилослива,
Да самъ онъ послу своему наказывать:
«Ты ой, мой посолъ, да скорыи гонечь!
Ты полѣмъ-то ѣдь, да не дорогою,
70. Да во городъ-отъ лазь-ко не воротами,
Скачи черезъ стѣну городовую,
У дверей не спрашивой придверничкѣвъ,
У воротъ не спрашивой приворотничковъ».

88.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. *)

- .... Сидѣль Василей сынъ Буслаевичъ,
Они пили-де, ѣли потѣшались,
О полу-де пира да приразспорили;
Ударилса Василей сынъ Буслаевичъ,
5. Ударилса Василей о великъ закладъ,
Битцэ-бы, драгця съ Новымъ-городомъ,
Опричь Онтоньева монастыря,

---

*) Начала старины П. Г. М. не вспомнилъ.

- Задоръ возьмётъ дакъ и съ Онтоньевымъ.
Говоритъ ему матушка родимая:
10. «Ты ой, моё цядо нынче милое,
Ты бладой Василей сынъ Буслаевичъ!
Да жилъ-де Буславъ да девеносто лѣтъ,
Не имѣлъ-де Буславъ девети друговъ,
Имѣлъ Буславъ дакъ онъ три друга,
  15. Да три-то друга, да три названья,
У тя, моё цядо, не единого».
Втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Устроишь-то щанъ да среди двора,
Спустишь онъ вѣдь чашу полтора ведра;
  20. Да втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Садилса Василей на ремещать стулъ,
Писалъ ерлыки, да скоры грамотки,
Металъ по дорогамъ прямоѣжжѣимъ:
Да шли-бы, брели-бы къ Васькѣ на дворъ,
  25. Къ молодому Васькѣ Буслаевичу,
Братчину пить-бы медовую,
Деньги платить-бы единому мнѣ-ка-ва,
Ножки доржать-то перемѣнныя. (Такъ!)
Изъ того изъ Нова-города,
  30. Изъ того бою кулачного,
Идутъ-то шильники, мыльники, игольники,
Всякія люди недобрыя,
На пиръ они шли, дакъ ужъ радовались,
Съ ширу пошли, дакъ нынъ заплакали:
  35. «Да у вора у Васьки Буслаева,
Не упито было, не уѣдено,
Красно-хорошо было не ухожено,
Только на вѣкъ увѣчьа залезено».
Изъ того изъ Нова-города,
  40. Изъ того бою кулацъного,
Идѣтъ-то вѣдь Костя Новоторженинъ,
Да будѣтъ-то Костя среди двора,
Говоритъ Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не признеть тибѣ чаша единой рукой,
  45. Не выпить тѣ медъ да единымъ духомъ,
Не снести тибѣ удару богатырскаго».
Берѣтъ-то вѣдь Костя единой рукой,

- Выпиваетъ-то мѣдъ да единымъ духомъ;
Машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
50. По его по буйной по головы;
Стоитъ молодець да не ворохнетче,
На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, да вѣдь вонъ пошоль:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, назвоной братъ».
55. Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного,
Да будётъ тутъ нынъ какъ Ома толстой,
60. Ома-то толстой, самъ ремесленной,
Да будётъ Ома и среди двора,
Берётъ-то вѣдь чашу единой рукой,
Выпиваетъ-то мѣда единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черленымъ везомъ,
65. Да по его по буйной по головы;
Стоитъ молодець не ворохнетче,
На головы его кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, самъ и вонъ пошоль:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, названой братъ».
70. Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата мнѣ родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного
Идётъ-то Потанюшка хроминькѣй,
75. На одну ножку Потанюшка припадываетъ,
На другу ножку Потанюшка прихрамываетъ,
Костылёмъ-бы Потаня подпираетца,
Ко двору-то Потаня приближантца,
Да будётъ Потаня среди двора,
80. Берётъ-то Потаня чашу единой рукой,
Выпиваетъ-то мѣдъ да единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
По его по буйной по головы;
Стоитъ молодець не ворохнетче,
85. На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ да и вонъ пошоль:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, названой братъ».

Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:

— Да паче ты брата мнѣ родимого.—

90. На томъ-бы пошли да вотъ во Новгородъ,
Пришли-то ко стѣны городской,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Ищѣ хто изъ насъ, братцы, на ножку лежокъ?»
Да Потанюшка у насъ на ножку лежокъ,
95. Скакаль черезъ стѣну городовую,
Роздергиваль рѣшеточки желѣзныя,
Отворилъ ворота да городовыя;
Запустили свою дружинишку хоробрую,
Да Костя прошолъ да тысяцю убилъ,
100. Ома-то прошолъ, дакъ нынѣ другу-ту убилъ,
А Василей сынъ Буслаевичъ
Вперѣдъ-де махнѣтъ, дакъ лежитъ улича,
А назадъ отмахнѣтъ—съ переулками.
Кабы видятъ мужики да новгороджана,
105. Они видятъ sibѣ да неминучую,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофѣевна!
Уйми своя чада нонѣ любимого,
110. Оставь бы въ Новѣ-городѣ хотъ-бы малого,
Хотъ-бы малого, да хотъ-бы старого».
Пошла-то васильева матушка,
Пошла-то она да на побоищо,
Брала-то Василья за бѣлыя руки,
115. Поводила Василья въ тѣплу ложню-ту,
Привела-то Василья въ ложню тѣплую,
Сковала въ желѣза нынѣ тяжолыя,
Въ ножны и въ руцѣны, нынѣ въ заплечныя;
Да спить-то Василей не пробудитце.
120. Да втапоры дѣвушка чернавушка,
Пошла-то-де по воду на Волхову-рѣку,
Воротила къ Василею Буслаевичу,
Какъ замкнуть Василей нынѣце въ три замка,
Какъ въ три-ти замка да нынѣце крѣпкія;
125. Втапоры дѣвушка чернавушка,
Она пнула-то двери правой ногой,
Отлетѣли-то двери съ ободверинками,

- Заходила-то дѣвка въ ложню тѣплую,
Сама говорила таковы рѣци:
130. «Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты спишь-то Василей, не пробудилсе,
Какъ вся твоя дружиннушка въ крови ходить,
Кушаками у ей головы приверчены».
Пробудилса Василей сынъ Буслаевичъ,
135. Скакаль-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ выломалъ желѣза нынѣ тяжолыи,
Ножны и ручны, нынѣ заплечныи,
Побѣжалъ-то Василей на побойцо,
На сильнѣ, грозно, на кровавоѣ;
140. На стрѣту старикъ идѣтъ Антоній-отъ,
На главы несѣтъ колоколъ девеносто пудъ,
Езыкъ въ колоколѣ петьдисятъ пудовъ,
Самъ говоритъ да таковы рѣци:
«Ты ой, Василей сынъ Буслаевичъ!
145. Да мѡлодо курѣ—не попархивай,
Не выпить те воды да изъ Волховой-рѣки,
Не выбить те людей да изъ Нова-города.
Сызмалешинья въ единомъ училищѣ училися,
Тогда мы съ тобой боролисе,
150. Тогда я тебя частенькѣ побрасывалъ,
А ты меня—тогда-сегды».
То Васьки слово за бѣду стало,
За велику досаду показалосе,
Побѣжалъ-то Васька нынѣ за Волхову-рѣку,
155. Вырывалъ-то дубину онъ изъ корени,
Онъ машотъ дубиной нынѣ съ кокурою,
По его по буйной по головы,
Покатилась голова съ плечъ какъ пуговица.
Поворотитце у старика еще языкъ въ головы:
160. «Топерь нѣту, Василей, тиѡбъ старого вожака».
Прибѣжалъ-то Василей на побойцо,
На сильнѣ, грозно на кроволитіе,
Впередъ-то махнулъ, дакъ лежитъ улича,
Назадъ отмахнѣтъ—съ переулками.
165. Дакъ вѣдѣ видятъ мужики новгороджана,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, Васильева матушка,

- Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уйми своя чада любимого».
170. Говорить-то Васильева матушка:
— Вы ой есь, мужики новгорожана!
Да што вы надъ чадомъ насмѣхаетесь:
У мя спить-то Василей крѣпко-накрѣпко,
Онъ скованъ въ желѣза во тежолыи,
175. Во ножны, во ручны, во заплечныи.—
Пошла-то Васильева нынѣ матушка,
Пошла-то она да въ ложню тёплую,
Какъ нѣту Василья Буслаевича;
Побѣжала она да на побоищо,
180. На сильно, грозно, на кроволитіе,
Пришла она да на побоищо,
На сильнѣ, грозно на кроволитіе;
Не можоть унѣть цядо родимое,
Схватила его за праву ногу,
185. Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Да што за трепича за ногой волочитче?
Да што за онуча привязаласе?»
Говорять мужики новгорожана:
— Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
190. Уйми свое сѣрце ретивое:
Не трепича за тобой да волочитче,
Не онуча къ тебѣ да привязаласе,
Какъ волочитче матушка родимал,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна.—
195. Умирилсѣ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣчи:
«Ужъ вы ой есь, мужики да Новгорожана!
На то у насъ былъ да право уговоръ:
Обсыпать-бы мой да нынѣ черленой вязъ,
200. Обсыпать-бы мнѣ да краснымъ золотомъ».

89.

Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ѣздилъ.

Не бѣла березонька къ земли клонитце,
Не бумажноѣ листьѣ ростплается,

- Кабы кланялся Василей своей матушки,
Онъ-бы кланялся іе да во рѣзвы ноги,
5. Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
« Ты свѣтъ, государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Мнѣ велико благословенье, вѣковѣцное,
10. Со буйной-то главы, да до сырой земли:
Мнѣ ѣхать Василью въ Ерасалимъ градъ,
Свести положеньичо немалое,
Мнѣ немало положеньё—сорокъ тысячей».
Говоритъ государына его матушка,
15. Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
— Ты, свѣтъ моё цядо ноньце милоё,
Ты бладой Василей сынъ Буслаевичъ!
Ерусалимъ-градъ дорожинькя не ближное:
Кривой ѣздой ѣхать ровно три-годы,
20. Прямой ѣздой ѣхать нынѣ три мѣсяца,
На прямоѣзжой дорожкѣ есть субой быстѣръ,
Субой-отъ быстѣръ, дакъ есь розбой великъ,
Говоритъ государына его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
25. — Кому думно спасатця, дакъ можно здѣсь спастись,
Туда много добрыхъ молодцовъ вѣдь ужъ хаживало.
Назадъ молодцы не ворочались.—
Онъ кланелса, Василей, ей во второй разъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
30. Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Великое благословеньичо, вѣковѣцное,
Съ буйной главы, да до сырой земли,
Мнѣ ѣхать, Василью, въ Ерасалимъ градъ,
35. Святой святыни помолитисе,
Ко Господней гробнички приложитисе;
У мя съ молоду было бито-граблено,
Подъ старость-ту надо душа спасти;
Насъ тридесять удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
40. Субой-отъ быстѣръ дакъ мы перегребѣмъ,
Розбой-отъ великъ дакъ мы поклонимсе».
Говоритъ-то Васильева матушка,

Чесна вдова Омельфа Тимошеевна:

— Кому думно спастися, можно здѣсь спастись.—

45. Онъ кланелся Василей во третей законъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимошеевна!
Ужъ ты дашь, я поѣду, и не дашь, я поѣду,
Не отстать мнѣ-ка ' дружинушки хорóброей,
50. Мнѣ ' тридесять удалыхъ добрыхъ молодцовъ».
Говорить государыня его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимошеевна:
— Какъ будь благословеньё великоё,
На бладомъ на чадѣ на Василиѣ,
55. Тебѣ ѣхать Василью въ Еросáлимъ градъ,
Святой святыни помолитисе,
Ко Господней гробницы приложитисе,
Свести положенье не малое,
Не мало положенье—сорокъ тысячей.—
60. Да сталь-то Василей снаряжатисе,
Сынъ Буслаевичъ сталь да сподоблетисе,
Испостроилъ Василей новъ черлѣнь карапъ,
Да носъ-де корма да по звѣриному,
Да хоботы мѣцѣтъ по змѣиному,
65. Дерѣва были у карабля кипарисныя,
Оснасточья у карабля бѣла-шóлкова,
Не здѣшняго шолку шемашинского,
Паруса были у карабля бѣлополóтнены,
Какъ флюгароцька была на карабли позолочена,
70. Какъ чѣна этой флюгароцькѣ петъдесять рублей,
Якоря были у карабля булатныя,
Мѣсто оцей было у карабля положено
По тому-жо по камешку самоцвѣтному,
Мѣсто бровей было у карабля положено
75. По тому-жо по соболю по чѣрному,
Не по здѣшнему соболю, по сибирскому,
Мѣсто рѣсницъ было у карабля положено
По тому по бобру да нынѣ по сизому,
Не по здѣшнему бобру, по закаменьскому.
80. Пошоль-то Василей на черлѣнь карапъ,
Со всѣй своей дружинишкой хорóброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,

- Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Вынимали то якоря булатныя,
85. Подымали тонки парусы полотнены;
Ома-то толстой тотъ на кормы стоитъ,
А Костя Микитицъ на носу стоитъ,
А Потанюшкя маленькѣй околъ парусовъ,
Потому-де Потаня околъ парусовъ,
90. Гораздъ былъ Потаня по снастямъ ходить.
Они долго-ли бѣжали, нынъ коротко-ли,
Подбѣжали подъ гору Сорочинскую,
Выходилъ-то Василей на черленъ карапъ,
Онъ здрилъ-смотрѣлъ, Вася, на круту гору,
95. Увѣдалъ Василей нынъ чуденъ кресъ,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ,
Говорить-то Василей таковы рѣци:
«Вы ой есь, дружинушка храбрая,
Вы тридесять удалыхъ добрыхъ молодецвъ!»
100. Опускайте вы парусы полотнены,
Помеците-тко вы якори булатныя,
Кладите-тко сходни коньцѣмъ на берегъ,
Мы выйдемъ-ко, братцы, на круту гору,
Мы чудному кресту Богу помолимся».
105. Кабы вся его дружина не отслышалась,
Опускали-то парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концемъ на берегъ;
Кабы вышолъ Василей на крутъ-бережокъ,
110. Пошелъ-то Василей по крутой горы
Не нашелъ-то Василей нынъ чудна креста,
Нашелъ Василей только сухую кость,
Суху голову, косъ человѣческу,
Онъ пнулъ ей Василей правою ногой,
115. Говорить голова, косъ человѣческа:
«Не попинывай, Василей, меня, сухую косъ,
Суху голову, косъ человѣческу:
Да былъ молодець я не въ твою пору,
Не въ твою пору, да не въ твою ровню,
120. Какъ убила Сорочина долгополая,
Какъ та-жо-ли Чудъ да двоѣглазая;
Не бывать тибѣ, Василью, на светой Руси,

- Не видать тибѣ Василей, своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны».
125. Онъ вѣдь плюнуль-то Василей, самъ чураетца:
— Сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла.—
Онъ пнулъ ей Василей во второй разъ:
«Ужли голова въ тибѣ врагъ мутить?
'тибѣ врагъ-отъ мутить, да въ тибѣ бѣсъ говорить?»
130. Говорить голова-то человѣческа:
— Не врагъ-отъ мутить, мнѣ не бѣсъ говорить,
Я сибѣ-то спала да тибѣ видѣла:
Лежать тибѣ, Василью, со мной въ единомъ гробу,
Во единомъ гробу, да по праву руку.—
135. Пошоль-то Василей на черлѣнь карапъ
Пришоль-то Василей на черленъ карапъ,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали-то парусы полотнены,
140. Побѣжали они да въ Еросалимъ-градъ.
Заходили-то въ галанъ карабельною,
Опушшали тонки парусы полотнены,
Пометали-то якори булатныя,
Поклали-то сходни концемъ на землю,
145. Пошли-то они да въ Еросалимъ-градъ,
Заходили они во церковь Божію,
Да Господу Богу по молисе,
Ко Господней гробничи приложилисе;
Положилъ Василей положеньичо,
150. Немало положеньѣ—сорокъ тысячей,
Пошоль-то Василей ко Ёрданъ-рѣки,
Скинывалъ-то Василей чвѣтно платъичо,
Спускался Василей во Ёрданъ-рѣку;
Приходитъ жона да староматера,
155. Говорила сама да таковы рѣчи:
«Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
У насъ во Ёрданъ-рѣки не купаютче,
Какъ толькѣ въ Ёрданъ-рѣки помоятче,
Купалса въ Ёрданъ-рѣки Самъ вѣдь Сусъ Христось.
160. Не бывать тибѣ, Василей, на светой Руси,
Не видать тибѣ родимой своей матушки,
Чесной вдовы Омельфы Тимофеевны».

- Онъ вѣдь плюитче, Василей, самъ чураитче:
— Сибѣ-же ты спала, да сибѣ видѣла. —
165. Говорить-то жона да староматера:
«Сибѣ я спала, тибѣ видѣла».
Выходили-то Василей изъ Ёрдань-рѣки,
Надѣваль-то Василей чвѣтно платычю,
Пошоль-то Василей на черленъ карапъ,
170. Зашоль-то Василей на черленъ карапъ,
Со всѣй своей дружинишкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Выздымали-то якори булатныя,
175. Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали-то они да во своё царсво.
Они долго-ли бѣжали, нынь коротко-ли,
Подбѣгали подъ гору Сорочинскую,
Выходили-то Василей на черленъ карапъ,
180. Онъ здритъ, смотритъ на вси стороны,
Какъ увидѣлъ Василей нынь чуденъ крестъ,
Говорить-то Василей таковы рѣци:
«Вы ой есь, дружинишка хоробрая!
Ужъ мы выйдёмъ-ко, братцы, на круту гору,
185. Ужъ мы чудному кресту Богу помолимся».
Кабы вся его дружина не ослушалась,
Опускали тонки парусы полотнены,
Метали якоря они булатныя,
Они вышли нынь, братцы, на круту гору;
190. Пошли-то они да по крутой горы,
Подошли-то они да ко крутой горы,
Не нашли-то они да чудна креста,
Нашли-то они да сѣръ-горючь камень,
Въ ширину-то камень тридцеть локоть,
195. Въ долину-то камень да сорокъ локоть,
Вышина его у камешка вѣдь трѣхъ локоть,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ;
«Вы ой, моя дружинишка хоробрая!
Мы станемъ скакать черезъ камешокъ,
200. Впередъ-отъ мы скочимъ, назадъ ѳтскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшка есь маленькѣй,
Кабы маленькѣй Потанюшка, хроменькѣй,

- Вперёдъ ему скочить, назадъ не ѳтскочить».
Скакали они-де черезъ камешокъ,
205. Вперёдъ-то скочили, назадъ ѳтскочили,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не чёсъ-то хвала да молодецкая,
Не выслуга будётъ богатырская,
Мы станёмъ скакать да вдоль по камешку,
210. Мы вперёдъ-то скочимъ, назадъ ѳтскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшка есъ Хроминькёй,
Вперёдъ ему скочить, назадъ не ѳтскочить».
Скакали они да вдоль по камешку,
Вперёдъ-отъ скочили, назадъ ѳтскочили;
215. Скочилъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да палъ-то Василей грудью бѣлюю,
Да палъ, розломилъ-то да грудь свою бѣлую,
Поворотитце у Василья ищэ языкъ въ головѣ:
Вы ой, моя дружинюшка хороброя!
220. Ужъ вы сдѣлайте гробъ да бѣлодубовой,
Найдите суху кось человѣческу,
Положите-тко кось со мной въ единой гробъ,
Въ единой-отъ гробъ, да по праву руку».
Они сдѣлали гробъ да бѣлодубовой,
225. Нашли кось-голову человѣческу,
Завертѣли во камоцьку бѣлу-хрущату,
Положили ихъ да во бѣлой гробъ,
Закрыли-то ихъ да гробовой доской,
Копали могилу имъ глубокую,
230. Спускали въ могилу во глубокую,
Засыпали желтымъ пескомъ сыпучимъ,
Поставили во рѣзвы ноги имъ чуденъ крестъ,
На крестѣ подписали подпись книжную:
«Лежать два удаля добра молодца,
235. Два сильни могуци руськи богатыря,
Да одинъ-отъ Василей сынъ Игнатьевичъ,
Другой-отъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Ихъ убила Сарочина долгополая
Да-та-же-ли Чудъ да двоеглазая».
240. Пошли-то дружина на черленъ карапъ,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходни вдоль по караблю,

- Вынимали-то якори булатныя,
Они снели со дерева флюгароцьку,
245. Какъ вынели изъ карабля есны оци,
Какъ взели они да черны брови:
Не стало на караблѣ хозяина.
Того-же Василья Буслаевича;
Подымали тонки парусы полотнены,
250. Побѣжали они да во своё царство,
Да втаропы Васильева матушка,
Честа вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Да ждѣтъ-то Василея Буслаевича,
Какъ смотреть она въ трубоцьку подзорную;
255. Какъ бежить изъ зámоря черленъ караль,
Непопрежному карабликъ непостарому,
Да нѣту на караблѣ флюгароцьки,
Какъ нѣту на караблѣ есныхъ оцей,
Какъ нѣту на коробля черныхъ бровей;
260. Какъ плацѣтъ Омельфа Тимоѳеевна,
Она плацѣтъ да горюцьми слезми:
«Видно нѣту на карабликъ хозяина,
Да блада-то Василея Буслаевича».
Пошла она Васильева матушка,
265. Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Пошла-то она да во Божью церковь,
Служить панафиды нынѣ почесныя,
По бладомъ Васильѣ по Буслаевичѣ.

90.

Садкó.

- Во славномъ-то было во Новѣ-городѣ,
У того-то у Садка купца богатого,
Да было пирóваньѣ, почесенъ пиръ.
Да пиръ-отъ идѣтъ-де о полупиру,
5. Да день-отъ идѣтъ да день ко вечеру,
Да сончѣ катитча ко западу;
Учалъ Садко купецъ богатя,

- Онъ учать по середи пола похаживать,
Онъ бѣлыми руками прирозмахивать,
10. Изъ рѣчей-бы Садко да выговаривать:
«Ужъ кто у насъ товары изъ Нова-города,
Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары во черлены карабли?»
Не хто-то бы тѣмъ рѣчамъ не вяжотча,
15. Говоритъ-то вѣдь попъ отецъ духовныя:
— Ты не хвастай Садко, купецъ богатыя,
Я быюся съ тобой объ великъ закладъ,
Не купить товары те изъ Нова-города,
Не вывозить товары на край быстрой рѣки.
20. Не выгрузить товары въ черлены карабли,
За синѣе морѣ торговать не утти. —
Ударились они съ нимъ о великъ закладъ,
Не о сто рублей, не о тысячѣ,
О своихъ о буйныя о головы.
25. Пошоль-то Садко купецъ богатыя,
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садко да другой поры,
Да купить Садко да недѣлю всю,
Да купить Садко да мѣсець поры.
30. Да втапоры попъ, отецъ духовныя,
Садилса-бы попъ да на ремещать стуль,
Писаль ерлыки, да скоры грамотки,
Металь по дорогамъ прямоѣжжнмъ —
Везли-бы товары во Новъ-городъ,
35. На ту-жо на зѳву на великую,
Того-жо товару право шолкова.
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садко на другой поры,
Да купить Садко всю недѣлошку,
40. Да купить Садко и мѣсець поры;
Въ города товару прибыло,
Пошоль-то Садко въ полату денежну
У Садка-бы казны да мало можотца.
Туть-бы Садко да закручинилса,
45. Весьма-то Садко да запечалилса,
Пошоль-то Садко да во Божью церковь,
Онъ милитцѣ Миколы Всеможойскому:

- «Ты ой есь, Микола Всеможойскія!
Пособи миѣ выкупить товары изъ Нова-города,
50. Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары въ черлены карабли,
За синёе морё торговать идти,
Я построю те церковь обыдѣнную,
Кресты-маковичи да золоченыя».
55. Пошоль-то Садко въ полату денежну,
У Садка-де казны да боле старого;
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садкой да другой поры,
Да купить Садко да и нидѣлю всю,
60. Да купить Садко да и мѣсечь поры.
Повыкупилъ товаръ весь изъ Нова-города,
Повывозилъ товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузилъ товары въ черлены карабли,
Пошоль-то Садко да на черлены карабли,
65. Со всѣй своей дружинишкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
За синёе морё торговать пошли.
70. Они долго-ли бѣжали, коротко-ли
Середь было моря, середь синёго,
Остоѣлись у Садка купца богатого,
Остоѣлись у его черлены карабли,
Выходилъ-то Садко да на черленъ карапъ,
75. Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
Берите шшупы да долгомѣрныя,
Мечите шшупы да во синё морё,
Да нѣтъ-ли луды, да нѣтъ-ли каменя?»
80. Да нѣтъ-ли кошки-злодѣйки ей подводной,
На чѣмъ мои карабли остоелися?»
Туть его слуги не отслышались,
Да брали шшупы да долгомѣрныя,
Метали шшупы да во синё морё,
85. Не нашли-то луды, нынѣ не каменя,
Не кошки-злодѣйки, ей подводной.
Удумалъ Садко да думу крѣпкую:

- «Вы ой, мои слуги нынче вѣрныя!
Мы сдѣлаемъ жеребьи таволжены,
90. Кому намъ итти да во синѣ морѣ».
Они дѣлали жеребьи таволжены,
Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Вси жеребьи лишь по верхю плывутъ,
Садковъ жеребей—тотъ каменѣмъ ко дну,
95. Поверхъ жеребью лишь ключи кипятъ;
Говоритъ Садко купецъ богатыя:
«Я этому жеребью не вѣрую,
Мы сдѣлаемъ жеребьи берестены».
Они дѣлали жеребьи берестены,
100. Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Да вси-то жеребьи поверхю плывутъ
Садковъ жеребей—тотъ каменѣмъ ко дну;
Говоритъ Садко купецъ богатыя:
«Я этому жеребью не вѣрую,
105. Мы сдѣлаемъ жеребьи нынѣ хлѣбныя».
Они дѣлали жеребьи нынѣ хлѣбныя,
Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Вси жеребьи по верхю плывутъ,
Садковъ жеребей—каменѣмъ ко дну.
110. Тутъ-бы Садко да закручинилса,
Весьма-то Садко да запечалилса,
Заплакалса Садко да горючми слезми,
Самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
115. Посадите меня да на нашѣсточькю,
Вы дайте-ко мнѣ въ руки весѣлышко,
Не столь-бы мнѣ страшно итти въ синѣ морѣ».
Тутъ его слуги не отслышались,
Садили Садка да на нашѣсточькю,
120. Да дали Садку въ руки весѣлышко;
Пришла ко Садку да и перва волна,
Розлучила Садка да со нашѣсточькѣй,
Пришла ко Садку да и втора волна,
Розлучила Садка да со весѣлышкомъ,
125. Пришла ко Садку да и третья волна,
Розлучила Садка да со бѣлымъ свѣтомъ.
Подхватываютъ Садка царишшо-Поддонишшо,

- Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
«Ты ой есь, Садко купецъ богатя!»
130. Ты вѣки, Садко, по морю хаживаль,
А мнѣ-то царю да дань не плачиваль,
Да хошѣ-ли, Садко, я живкомъ зглону?
Да хошѣ-ли, Садко, тибя огнѣмъ сожгу?
Да хошѣ-ли, Садко, да я тибя жаню?»
135. Положилъ-то Садка купца богатого,
На ту-жо кроватку на тисовую,
Да спить-то Садко купецъ богатя,
Привидѣлось Садку во сновидѣнници—
Приходила жона да староматера,
140. Сама говоритъ-де таковы рѣци:
«Приведѣтъ тибѣ царь да перву толпу,
Перву-то толпу да красныхъ дѣвушокъ,
Да въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Говори-ты Садко купецъ богатя:
145. «Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Приведѣтъ-то тибѣ и втору толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Гавори ты Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
150. Приведѣтъ-то тибѣ и третью толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Позади идѣтъ дѣвушка чернавушка,
Говори ты Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ»,
155. «Позади идѣтъ дѣвушка чернавушка,
«Вотъ эта моя да богосужона».
Ты легешъ Садко да съ молодой женой,
На ту-то кроватку на тисовую
Не двинся Садко да къ молодой жоны».
160. Пробудилса Садко купецъ богатя,
Привѣлъ ему царь и перву толпу,
Говорить Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и втору толпу:
165. И во этой толпы мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и третью толпу,
Третью-ту толпу красныхъ дѣвушокъ,

- Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Позаде идѣтъ дѣвушка чернавушка,
170. Говоритъ-то Садко купецъ богатяя:
«Вотъ эта моя да Богосужона!»
Уложили Садко на кроватоцьку тисовую,
Со той-же его да съ молодой женой,
Не двинетце Садко да къ молодой жоны.
175. Пробудилса Садко купецъ богатяя,
Лежить-то Садко да на крутомъ бережку,
Лежить-то Садко на край быстрой рѣки,
Пошоль-то Садко во Новъ-городъ,
Исполнилъ онъ заповѣдь великую,
180. Построилъ-бы церковь обыдѣнную,
Тому-же Миколѣ Всеможойськѣму,
Кресты маковичи да золоченыя.
Туть его слуги нынѣ вѣрныя,
Воротилисе слуги во обратну путь;
185. Тогды-то Садко купецъ богатяя
Пошоль-бы Садко да на черлены карабли,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
190. Побѣжалъ-то Садко да за синѣ морѣ.

91.

Кострюкъ.

- Поизволилъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Поизволилъ онъ женитисе,
Не у насъ на светой на Руси,
5. Не у насъ въ каменной Москвы,
У короля въ проклятой Литвы,
Онъ на Марьѣ Темрюковны;
Онъ немного съ собою поѣзду берѣтъ,
Полтора ста татариновъ берѣтъ,
10. Полтретья ста боярскихъ дѣтей,
Петьсотъ стреманныхъ стрѣльчей,

- Собиралосе поѣзду,
Околь цѣлоей тысеци.
Покатилсэ нашъ царь государь,
15. Царь Иванъ сударь Васильевичь,
Покатилса въ прокляту Литву,
Онъ по Марью Темрюковну,
Прикатилса въ прокляту Литву,
Здраво сталь онъ въ проклятой Литвы,
20. Бралъ онъ Марью Темрюковну.
Какъ втапоры отецъ Темрюкъ,
Онъ немного проважатыхъ кладётъ,
Полтараста татариновъ кладётъ,
Полтараста татарскихъ дѣтей,
25. Петъсотъ стреманныхъ стрѣльцовъ,
Собиралось проважатыихъ гостей
Околь цѣлоей тысеци;
Да ищэ онъ проважатога кладётъ,
Кострюка сына Темрюковиця.
30. Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичь,
Покатилса на светую Русь,
На свету Русь, каменну Русь,
Онъ со Марьей Темрюковной.
35. Прикатилса въ каменну Москву,
Заходилъ онъ во божью черкѣвъ,
Да ставаль на подножокъ-отъ,
Онъ прималь золотые вѣнчи
Да со Марьей Темрюковной.
40. Покатилса нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичь,
Покатилса изъ божьей церкви
Да со Марьей Темрюковной,
Онъ пошолъ въ ложню тёплую,
45. Онъ ложилса во теплу ложню.
Дакъ втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичь,
Онъ и ўцяль столы становить,
Онъ вѣдь ўцяль гостей погчивати;
50. Дакъ и хлѣбъ-отъ у царя на столѣ,
Да ѣствы-то у царя на столѣ,

- Да питья-то у царя на столѣ,
Да и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаютче,
55. За царя Богу молятче,
За Иванъ сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
Онъ не пьётъ, не ѣсъ, не тешитсе,
60. За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Онъ вѣдь проситъ борца-молодца,
Поучена добра молодца,
65. Скажотъ: «семь городовъ испрошоль,
Тридцеть борцовъ поборолъ,
Не нашоль по сибѣ борца,
Поучена добра молодца».
Кабы втапоры дядушка царевъ
70. Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ да къ ложни тёплой,
Онъ колотитця съ молитвою,
Говоритъ таковы рѣци:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
75. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Дакъ и хлѣбъ-отъ у миня на столѣ,
Да ѣствы-те у миня на столѣ,
Да питья-те у миня на столѣ,
Дакъ и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
80. Пьютъ-ѣдятъ потѣшаютце,
За царя Богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастаютъ;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
85. Онъ не пьётъ, не ѣсъ, не хвастаетъ,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевича,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюкъ сынъ Темрюковичъ;
90. Онъ вѣдь проситъ борца молодца,
Поучена добра молодца,

- Скажотъ: «семь городовъ испрошоль»,
Скажотъ: «тридцеть борцовъ побороль»,
«Не нашоль по сибѣ борца,
95. «Поучена добра молодца.
Говорить Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты ой еси, дядюшка царевъ!
Старъ Микита Романовичъ!
Выходи на крыльцо красное,
100. На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всѣй Москвы,
Какъ по всѣй Москвы, по Замосквы,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
105. Съ Темрюкомъ поотвѣдатце. —
Собиралися богатыри,
Къ государеву ко двору,
Ко прекраснинькѣму ко крыльцу,
Кабы втапоры дядюшка царевъ,
110. Выходилъ на крыльчо-красное,
На прекрасно государево,
Онъ крычалъ-зычалъ во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по Замосквы:
115. Собиралисe богатыри,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
Съ Темрюкомъ поотвѣдатце.
Какъ изъ нижняго изъ конца,
Какъ изъ маленькѣго изъ дворца
120. Выходили два богатыря:
Кабы Васинья маленькѣй,
Да Потанюшка хроминькѣй,
Кабы Вася на царевъ кабакъ пошоль,
А Потаня ко дворцу государевому,
125. Ко крылечюшку прекраснинькѣму,
Па одну ножку прихрамываётъ,
На другу ножку припадываётъ
Костылѣмъ подпиратце,
Ко дворцу приближайтце.
130. Кабы втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,

- Говориль таковы рѣчи:
«Ужъ ты ой еси, Потанюшка хроминькѣй,
Ужъ ты можошь-ли Кострюка побороть?»
135. Побороть, обезвѣчитъ его?»
Говорить Потаня хроминькѣй:
— Ужъ вѣдь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвѣчу его,
Кабы я-то вчера хмелѣнь былъ,
140. Кабы нынѣ голова-то болить,
Кабы мнѣ-то приоправитце.—
Кабы втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ цару зелена вина,
145. Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подносить Потанюшкѣ хроменькѣму;
Какъ берѣтъ Потаня единой рукой,
Выпивать единымъ духомъ,
Самъ за чарой покланяйтца:
150. «Да ищѣ-то я Потаня не оправилсѣ,
Какъ болить у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ-то чару зелена вина,
155. Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подносить Потанѣ хроминькѣму;
Какъ берѣтъ Потаня цару единой рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ,
Самъ за чарой покланяйтца:
160. «Да ищѣ Потаня не оправилса».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ еще подносить зелена вина;
Какъ берѣтъ Потаня цару единой рукой,
165. Выпиваетъ единымъ духомъ,
Кабы самъ за царой покланяйтца:
«Какъ топерь я могу Кострюка побороть,
Побороть обезвѣчитъ его».
Какъ втапоры дядюшка царевъ,
170. Заходилъ во гриню свѣтлую,
Онъ вѣдь подчоватъ провожатыхъ гостей:

- «Какъ и хлѣбъ-отъ у меня на столѣ,
Да и ѣства у меня на столѣ,
Да и питья-то у меня на столѣ,
175. Да борцы-ти у меня на дворѣ».
Да и втапоры Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Онъ скочилъ черезъ дубовы столы,
Онъ одной ногой за скамью задѣлъ,
Полтора ста татариновъ убилъ,
180. Полтретья ста татарскихъ дѣтей,
Петьсотъ стременныхъ стрѣльцей,
Онъ убилъ-пригубилъ всѣхъ провожатыхъ гостей,
Выходилъ онъ вонъ на улечу.
Да и втапоры дядюшка царевъ,
185. Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ онъ къ ложни теплой,
Колотилса съ молитвою,
Онъ будилъ-то Ивана Васильевича:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
190. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Выходи на крыльцо красное,
Какъ смотрѣть борьбу богатырскую».
Дакъ и вышолъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
195. Да со Марьей Темрюковной,
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говорить Потаня хроминькѣй:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
200. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Ужъ мы кой коего поборѣмъ,
Съ виноватого штобы платье снетъ,
Да спустить его нага, да какъ мать родила».
Говорить Иванъ Васильевичъ:
205. — Да лишь-бы тибѣ Богъ пособилъ.—
Говорить Марья Темрюковна:
«Кабы прежъ борцы боролисе,
Кабы прежъ стрѣльчи стрѣлелисе,
Съ виноватого платье не сымывали».
210. Какъ не двѣ горы скаталисе,
Два богатыря сходилисе,

- Да впервы-ти Кострюкъ поборольт,
Да въ други-ти Кострюкъ поборольт;
Дакъ и втапоры дядюшка царѣвъ
215. Старь Микита Романовичъ,
Онъ вѣдь рвѣтъ сѣдую голову,
Да и щыплеть сѣдую бороду:
«Ужъ ты горькля бѣлая голова!
Ты безчасная сѣдая борода!
220. Доставалась на поруганьѣ,
Злу татарину проклятому;
Самому будѣтъ отвѣдатце,
Съ Кострюкомъ поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
225. За рубашенькю сграбилса,
Выздымалъ выше головы,
Опускалъ о сыру землю,
О гумѣнецкѣ мѣдвенно,
Не сорочинькя спархивала,
230. На Кострюкѣ кожа треснула,
Онъ спустилъ его нага, да какъ мать родила;
Поволокся Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Поволокся подъ крылечушко,
Онъ долонью прикрываитце.
235. Дакъ и втапоры царь государь,
Царь сударь Иванъ Васильевичъ,
Онъ пошолъ во ложню теплую,
Онъ со Марьей Темрюковной,
Онъ ложилса въ ложню теплую,
240. На кроватоцькю тисовую.

Павель Марковъ разсказалъ, послѣ того, какъ спѣлъ старину, слѣдующую легенду: Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поединщикомъ на полѣ, битця-боротце». При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской, такъ-же какъ царь лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго средили въ царское платье и послали драться съ ней. «Бѣльской выѣхалъ, разѣхалисъ, Бѣльской царицу копьѣмъ шшипъ, она съ лошади пала, а Бѣльской сѣлъ

ей на бѣлы груди, да и распоролъ груди бѣлыя, а царица говоритъ: — Не быть то Ивану Васильевичу, быть собакѣ Бѣльскому».

92.

Царь Иванъ Васильевичъ *).

«Быль въ Москвѣ челоуѣкъ-волшебникъ, писалъ руками и ногами; написалъ грамоту-письмо и положилъ въ церковь за икону, передъ которой государь прикатитца, дакъ стоитъ у службы. Царь Иванъ Васильевичъ прикатилса въ церковь, увидѣлъ письмо, взялъ и положилъ въ корманъ. Прочиталъ послѣ — Новгородъ отказыватца прочь отъ его, и дѣти всѣ прочь отъ его. Царь разсердилса и сталъ казнить людей занапрасно. Когда царь казнилъ въ Москвѣ, Ѳедоръ царевичъ пожалѣлъ народъ и сказалъ: «Бѣжите въ уличи громлѣныя, туды царь не воротитце». Старшій братъ это услышелъ, да за столомъ на пиру и сказалъ на Ѳедора, что Ѳедоръ измѣтникъ. Когда царь ходилъ по городу и казнилъ, зашелъ въ келью ко старцу, ись попросилъ. Старецъ принёсъ царю голову шшучью, а царю оказалась голова кобылья: «Што ты, старецъ-головузь! Не подобаеть хрестіанну кобылятину ись, я вѣдь царь». Старецъ крестомъ оградилъ, евилася голова шшучья, и говоритъ:—лучше-бы тибѣ кобылятины найстисе, нечѣмъ неповинную кровь лить.—Изъ Москвы, изъ Нова-города въ то время много бѣжало народу, тогда и на Печору засѣлишь изъ Нова-города, наша деревня Бѣдовая, Голубкова тоже и другіе».

Прикатилса нашъ царь государь,
Во свои палаты бѣлокаменны,
И dospѣлъ онъ ипръ,
Сталъ онъ ходить по полу кирпичету,

*) П. Г. Марковъ плохо зналъ эту старину и совѣмъ отказавшись сѣть ее, согласился передать словами. Началъ онъ простымъ рассказомъ, а затѣмъ перешелъ на стихи. Я счелъ за лучшее сохранить буквально ту именно форму, въ какой „Иванъ Васильевичъ“ вылился у П. Г. Маркова. Н. О.

5. Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Я ходилъ по матушкѣ каменной-Москвы,
Выводилъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Вывелъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы».
Сидитъ сынъ и говоритъ:
10. — Хоть ходилъ ты по матушки каменной-Москвы,
Выводилъ измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Не могъ ты вывести измѣну изъ матушки каменной-
Москвы,
Измѣнщикъ у тебя за столомъ сидитъ.—
Строго приступилъ царь къ нему:
15. «Скажи кто, а не то я казню тебя?»
— Онъ измѣнщикъ*), онъ объ измѣнщикахъ плакался,
Онъ измѣнщикамъ сноровилъ.—
Втапору грозной царь Иванъ Васильевичъ
Выскакивалъ вонъ на улицу,
20. На прекрасно на крылечушко,
Крычалъ громкимъ голосомъ во всю голову.
Чтобы чуть было по всей Москвѣ:
«Ужъ вы ой еси, палачи немилостивы!
Вы идите ко дворцу государеву».
25. Все палачи приразобѣгались,
Собака Малютка Скурлатовъ сынъ,
Тотъ собака на дворъ идѣтъ,
Бралъ Ѳедора за бѣлы руки,
За его перси за злачѣныи,
30. Повѣлъ на полѣ Куликово,
Ко той ко плахѣ ко липовой,
Казнить Ѳедора смертной казенью,
Смертной казенью позорною,
Рѣчистой языкъ вынетъ теменѣмъ.
35. Ретивоѣ сэрцо промежѣ плечьми.
Скоро-то вѣска перепадывала
Ко дядюшки Роману Никитевичу.
Бралъ-то дядюшка любимого копоха,
Бѣдѣтъ по полю по чистому,
40. Крычитъ, зычитъ во всю голову:
«Ты ой есь, собака Скурлатовъ сынъ!

---

*) При этомъ старшій царевичъ показалъ на младшаго—Ѳедора.

- Не поступаѣ на роды на царскія,
Не казни ты Ѳедора царевича,
Ѳедора царевича Ивановича,
45. Отдамъ я тибѣ любимого конюха,
Казни ты любимого конюха).
Малюта взялъ любимого конюха,
Казнилъ смертной казенью, позорною,
Рѣчистой езыкь вынелъ теменѣмъ,
50. Ясныя очи вонъ косичами,
Ретиво сэрцо промежду плечми.
Втопоры дядюшка царѣвъ
Старъ Микита Романовичъ,
Прѣхалъ съ любимъ племенникомъ,
55. Во свои полаты бѣлокаменны,
У дядюшки Микиты Романова,
Пошолъ топере пиръ навесело;
Пошолъ-то нашъ грозной Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ во Божью церковъ,
60. Пѣтъ панифиды упокойныя,
По своему по сынѣ любимому,
По Ѳедорѣ Ивановичѣ,
Случилосе итти мимо дядюшки Романова,
Пиръ идѣтъ у дядюшки на весело,
65. Остоялся нашъ грозной царъ Иванъ Васильевичъ.
«Што у тебя идѣтъ пиръ навесело?
Смѣшалася вѣра—каменна Москва,
Потухла свѣця, свѣця мѣная,
Подпала звѣзда поднебесная,
70. Не стало у насъ на царствѣ царевича,
Царевича Ѳедора Ивановича!»
Говоритъ старъ Микита Романовичъ:
— Живой нашъ царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ:
Я оддалъ своего любимого конюха,
75. Казнить смертною казнью позорною.—
Воротилса нашъ царъ Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ у царя пиръ навесело.
Топере пошолъ дядюшка царѣвъ въ Божью церковъ,
Старъ Микита Романовичъ,
80. Пѣтъ по конюхѣ панафиды упокойныя.

ХІІ. ДЕРЕВІЯ ПЫЛЕМЕЦЪ.

23. Хабаровъ Степанъ Ѳедоровичъ.

Хабаровъ небольшой, коренастый, здоровый старикъ 69 лѣтъ. Обѣ старины, снѣтыя имъ, записаны на рыболовной тони, въ 6—7 верстахъ ниже родной его деревушки Пылемца; записывались старины въ невозможныхъ условіяхъ: на берегу рѣки, на пескѣ, между двумя лодками, у костра; съ Печоры дулъ сильный вѣтеръ и руки коченели отъ холода, а когда я садился у костра дымъ невыносимо ѣлъ глаза. Кругомъ сидѣли рыболовы и своими замѣчаніями все время мѣшали и мнѣ и сказателю; кромѣ того дѣло осложнялось еще тѣмъ, что староста рыболовной ватаги, родной братъ С. Ѳ. жадный мужикъ, все время ворчалъ, что С. Ѳ. не работаетъ, а занятъ пустяками; не совсѣмъ нормалень былъ и самъ С. Ѳ. пѣть онъ сталъ послѣ того только, какъ вышилъ водки, а выпилъ онъ лишнее и потому пѣлъ не такъ твердо, какъ бы могъ. С. Ѳ. единственный сказитель въ Пылемцѣ, но слава объ немъ въ Пустозерской волости также велика, какъ о Горенкѣ въ Устьцылемской. С. Ѳ. знаетъ: Первую поѣздку Ильи Муромца, бой Добрыни и Дуная, Ставра-боярина, Дюка, Потыка, Ваську Игнатѣева, Добрыню и Маринку, Фатенка, Ивана Горденова, Чурила, двѣ старины про Василя Буслаева, Ваську Окулова, Дуная, Кострюка, Луку Игнатѣева, слыхалъ про Святогора. Къ большому сожаленію, его ни за что не хотѣли отпустить въ деревню пѣть мнѣ старины, и я списалъ у С. Ѳ. только двѣ; во всякомъ случаѣ для меня была большая потеря, что я его не засталъ дома, въ деревнѣ.

93.

Михайло Карамышевъ.

- Ай во славномъ во городѣ Карамышовѣ,
У того-то было Петра купца богатого,
У того-то была молода жона.
Да во ту-то было пору, да во то время,
5. Ай во то-то было время нонь беременна,
Родила-то, принисла да чада милого,
Ай любимого-бы сына да одинакого;
Созывали-бы отцовъ-поповъ, причятниковъ,
А крестити-бы его, сына, молитвити,
10. Приходили-бы ношы, отцы духовныи,
Нарѣкли-бы свето имѣ ему Михайлушкой.
Заводилса у Петра тогда почесѣнь пирь,
Какъ на тихъ-бы на радощахъ великинхъ,
Пирь-отъ у нихъ шолъ да о полупира,
15. Кабы столъ-отъ вѣлса о полустола,
А и всѣ-бы на пиру были пьяны-веселы,
Да весьма-то бы нонь вси да веселѣшиньки,
Говорить-то бы Петръ купецъ богатяя:
«Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
20. У насъ хто будѣтъ теперь тѣшитъ-нѣжити?
Отдадимъ-ко мы вѣдь бабушки задворенки,
А кормити-то поить да чадо милое,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
Посылали-то за бабушкой скоро посла,
25. Приходила тутъ-бы бабушка задворенка,
А примають тутъ старушку съ чесью, съ радосью,
Говорить тутъ его молода жона:
«Ужъ ты ой еси, бабушка задворенка!
Ты возьми-тко у насъ да чада милого,
30. Да любимого-бы сына одинакого,
Да кормити-бы, поить его до возраста,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
А на то бы тутъ старушка да соглашантца,
Да берѣтъ-то кормить-поить до возраста,
35. До того-бы ума, до крѣпка разума.
Какъ-бы отдали старушки этой, бабушки,

- Понесла въ свою-бы келью нонь во малую,
Да кормити-бы, поить да добра молодца,
Принесла-бы его да дитя малого,
40. Она кормить кусочками всё сборныма,
Да поить молочькѣмъ сладкимъ козловынимъ.
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ пяти-шести,
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ семи-восьми,
Приучать-то стала въ грамоту всё руськую,
45. Кабы въ ти-жо науки протчи мудрыи,
А Михайлу грамота давалосе,
Хитры-мудрыя науки открывалисе;
Кабы сталъ Михайло тогда на возрастѣ,
Да во томъ-бы умѣ, во крѣикомъ разумѣ,
50. Онъ-бы сталъ-бы Михайло лѣтъ двѣнадцети,
Говорить-то Михайло своей бабушки:
«Ужъ ты ой еси, нонь бабушка задворенка!
А не та видно мать, кой спородила
А та видно мать, кой воскормила,
55. Ужъ ты ой еси, нынѣ бабушка задворенка!—
Онъ-бы падалъ-то ей да во рѣзвы ноги—
Ужъ ты дай благословеньца мнѣ сходить, ступать
Посмотрѣть-то охвота людей добрынихъ,
Показать себя удала добра молодца,
60. Ты не знашь-ле гдѣ коня какъ лошадь добрую?
По чисту мнѣ-ка-ли полю прогулятисе».
Говорить-то тогда бабушка задворенка:
— Ужъ ты глуно ты дитя, да малолѣтної,
Ты поѣдешь-то топерь да во чисто полѣ,
65. А бывать, найдешь удала добра молодца,
Ай бы сильняго могучаго богатыря,
Потеряешь ты свою да буйну голову,
Заневидѣ ты потеряешь, не за денежку.—
«Ужъ ты ой, еси нонь бабушка родимая!
70. Ты спусти-тко меня да прогулятися,
Да не знашь-ле ты мнѣ-ка лошадь добрую,
Посмотрѣть мнѣ-ка охвота людей добрынихъ,
Показать себя удала добра молодца».
Говорить-то ему бабушка родимая:
75. — Я бы знаю-то далѣко въ полѣ чистаѣмъ,
У сыра-то бы дуба да есь глубоокъ погребъ,

- А во погребѣ стоитъ-бы доброй конь,
А закрыть-бы доской-плитой желѣзной,
Да засыпанъ-бы пескомъ-хрещомъ сыпучимъ,
80. Да закладенъ-бы онъ плитѣмъ-каменѣмъ.—
А тогда-де Михайло осержаитце,
А размѣтывать-бы всё да плитѣ-каменѣ,
А розрыть-бы хрящи-пески сыпучи,
Да была-то бы плита да тутъ желѣзная,
85. Да тонула-бы плита нонь да сорокъ пудовъ,
Онъ пиналь-бы доску-плиту своей ногой,
Улетѣла-бы доска-плита во чисто поле;
Услыхаль-то бы тогда да типерь доброй конь,
Обрываль-то-бы чѣпи вси желѣзныи,
90. Онъ выскакиваль-то конь теперь изъ погреба,
Схватилъ тогда Михайло во бѣлы руки:
«Ужъ ты конь-ле мой, конь, да лошадь добрая!
Ужъ ты какъ-ле служилъ прежнему хозяину,
Ужъ ты также послужи мнѣ вѣрой-правдою,
95. Ужъ-бы правдой-ле, вѣрой, не измѣною,
Также сноси меня по чисту полю,
Да удалого дородня добра молодца».
Становилса-бы конь у добра молодца,
Онъ пошоль-бы молодець да ко сыру дубу,
100. На дубу-ту-бы было всё написано,
Глубоко-то-бы было всё подрѣзано:
«Есь-то-бы тутъ да ю сыра дуба,
Тутъ положено-бы есь у добра молодца,
Да у сильняго могучаго-бы богатыря,
105. Положена-бы тутъ сбруя лошадиная,
Тутъ-бы вся-то есь приправа богатырская».
Разрывать тогда матушку сыру землю,
Да нашоль-бы нонь сбрую лошадиную,
Какъ-бы всю нонь приправу богатырскую,
110. Надѣваль-бы узду на коня тосмянную,
Послѣ того-то бы клалъ да мякки войлочки,
А подъ войлочки клалъ подефдѣльничѣкъ,
А на верхъ-то клалъ сѣдлышко черкасское,
Ай двенадцеть-то-бы подпругъ шолковыхъ,
115. А тринадцету кладѣтъ черезъ хребтну степь,
А не ради-бы басы, да ради крѣпости,

- Кабы ради-то поѣзки молодецкой;
Онъ берётъ съ собой матёръ бѣлой-полотъ-шатёръ,
Онъ берётъ съ собой лукъ тугой разрывчатой,
120. Ищэ три берётъ стрѣлы съ собой калёныи,
Ай калёныи-бы стрѣлоцки, перёныи,
Не простымъ-то бы перьяцомъ, орловымъ,
Не того-то бы орла, што россійского,
Дорогого-бы орла славна камчужского;
125. А берётъ-бы съ собой да саблю вострую,
Да берётъ съ собой палицу буёвую,
Да берётъ-то копьё востроё проперомъ,
Да берётъ-то бы ножнищо нонь кинжалищо,
А берётъ съ собой арканъ да бѣлошолковой,
130. Да берётъ съ собой латы всё булатныи,
Какъ которы-бы были съ крѣпкимъ панцырёмъ,
Онъ берётъ съ собой шапоцьку булатную,
Какъ котора-бы была да съ крѣпкимъ панцырёмъ,
Не брала-то-ее бы сабля вострая,
135. Не ломила-бы ей палица буёвая;
Ищэ бралъ съ собой скатерку-хлѣбосолочку,
Какъ-бы бралъ съ собой шатёръ бѣлополотненой,
Кабы падалъ-то бабушки въ рѣзвы ноги:
«Ты прости-то бы бабушка родимая!
140. Да не та-то-ли нонь мать, кой спородила,
Да та винно мать, кой воскормила».
Да тогды-то бы старушка приросплакалась;
А скочилъ молодець да на добра коня,
Толькѣ видѣла старушка какъ ' коня посѣлъ,
145. Не видала у его поѣзки молодецкой,
Прижималь-то бы коня во стропы булатныи,
Заходилъ-то подъ нимъ коницѣкъ какъ лютой звѣрь;
Онъ-бы скацётъ-то на кони да съ горы на горы,
Онъ-бы скацётъ-то съ шѣломя на мѣлема окатисты,
150. Отъ его-то поѣзки молодецкой,
Молодецкой поѣзки богатырской,
Да камышъ-то бы трава да растилаетца
А сыро-то дубьё всё шатаетсэ.
Выѣжжалъ тогда Миханло на круту гору,
155. Вынималь-то трубоцьку подзорную,
А смотрѣлъ-то, гледѣлъ да во вси стороны,

- А во перву-то згленуль во сторону во сѣверну,
А во сѣверной сторонушкѣ есь сини моря,
Да сини-то-бы моря тутъ ледовитыя;
160. Во вторыхъ, згленуль ' стороночку во лѣтнюю,
Да во лѣтней стороны тѣмны лѣса,
А темны-то бы лѣса весьма дремучія;
Да згленуль-то бы въ стороночку во вѣсточную,
Да во вѣсточной сторонкѣ есь круты горы,
165. Да круты-то-бы горы, да превысоки;
А гленуль бы ' сторонку тутъ во западну,
Да подъ позанадной сторонки, подъ крутой горы,
А стояль-то-бы въ полѣ тутъ-бы чѣрнъ шатѣръ,
Кругъ шатра-то бы ходять три добрыхъ коня,
170. А тогда то-бы Михайло нынѣ раздумалса:
«А нельзя-то бы шатра протти-проѣхати,
А надъ во шатрѣ людей провѣдати,
Мнѣ не честь будѣтъ, хвала да молодецкая,
Да не выслуга будѣтъ богатырская».
175. Поворачиваль коня тутъ ко черну шатру,
Ищѣ самъ-то въ уми тутъ прироздумалса:
«Я слыхаль отъ своей бабушки родимой,
Што-бы чѣрнъ-отъ шатѣръ будѣтъ невѣрныи,
А-бы бѣлой-отъ шатѣръ да нашъ русскіи,
180. Кабы нецѣ молодцу страшитця-боятнсе».
Поворачиваль коня да ко черну шатру,
Онъ-бы гналъ кабы круто по чисту полю,
Приѣжжалъ тогда Михайлушко ко черну шатру,
Во шатрѣ-то бы Михайло самъ послушивать,
185. Кабы злы-то разговоры ихъ татарскіи,
Кабы есь тутъ три тотарина поганыи,
А поганыи собаки, нечестивыи,
А четверта-то съ нма сидитъ красна дѣвушка;
А ограбили-они-то золоту казну,
190. Огроміли они церкви вси соборныи,
Розорили-бы монастыри причесныи.
Да между-то-бы собой собаки дѣль дѣлятъ,
На одинъ-отъ-бы пай кладуть собаки сорокъ тысецей,
На другой-отъ-бы пай кладуть собаки сорокъ тысецей,
195. На третей-отъ пай нонь кладуть красну дѣвицу.
Тутъ-бы плацѣтъ-то дѣвица, какъ рѣка текѣтъ,

- Она ронитъ-бы слезы всё горючѣи,
А трепитъ-то-бы, щиплётъ трубчату косу:
«Ужь ты ой еси, моя трубчата коса!
200. Ты досталася не кнезю, не боярину,
Не удалому дородню добру молодцу,
А не сильному могуцю храбру воину,
А досталася тотарамъ на поруганьё».
Акъ одинъ-отъ говоритъ да таково слово:
205. — Ты не плачь-ко, дѣвица, душа красная!
Если ты-то въ моёмъ пою достанишсе,
Я возьму-то вѣдь тебя да за себя въ жены,
Я те дамъ поученьё нонь великоё:
Да на каждой день по раны по кровавоей.—
210. А другой-отъ говоритъ да таково слово:
— Ты не плачь-кѣ дѣвица да душа красная!
У меня-то бы есь теперь любимой сынъ,
Да любимое-бы сынъ, да одинокой былъ,
А возьму я нонь тибя за его въ жены,
215. Ужь ты будешъ у меня въ домѣ хозяйкою,
Онъ бы, будётъ-же, дѣвица, нонь строжити те:
А на каждой день бить будётъ, стегать будётъ,
А по три раны давать тибѣ кровавыя.—
А третей-отъ говоритъ да таково слово:
220. — Ты не плачь-кѣ, дѣвица душа красная!
Ужь въ моёмъ ты пою если достанешсе,
Про тибя-то у меня есь сабля вострая,
Кабы востра, нова, некрововлена,
Я сеѣку у тя, срублю да по плечъ голову.—
225. Ай бы плацётъ-то дѣвица пуще старого,
Да не видитъ она свѣту бѣлого.
А тогда-то-бы Михайлу за бѣду стало,
За большу ему досаду показалося,
Онъ скакаль-бы тогда да со добра коня,
230. Оставляль-бы коня да не привязана,
Какъ-бы шоль-то тотарамъ во чернъ-шатёръ,
Онъ не спрашивалъ не роду ихъ, не племени,
А хватилъ-то ихъ, тотаръ, тогда за черны кудри,
Да тащилъ-то ихъ, собакъ, да вонъ на улицу,
235. Какъ одного-то-бы бралъ онъ подъ праву руку,
А другого-то бы бралъ самъ подъ лѣву руку,

- А третьёго прижималъ на груди бѣлой,
Выдымалъ-то-бы выше буйной головы,
Да хвосталь-мѣталъ о матушку сыру землю,
240. А тогда-то-бы тотарамъ смерть случилася,
Розрывалъ-то бы татаръ ихъ по мелку чесью,
Розметалъ-бы собакъ да по чисту полю.
Заходилъ тогда Михайло во чёрнь-шатёръ:
«Ужъ ты, здраствуёшь дѣвица душа-красная!
245. Во первыхъ, ты мнѣ невѣста обручѣнная,
Во вторыхъ, мнѣ княгина первобрачная,
А по руськѣму назвать—жена вѣнчанная».
Не спрашивалъ у ей не роду онъ, не племени,
А ложилса съ ей бы спать да ' едино мѣсто,
250. Онъ бы спалъ съ ею-же времени трои сутоки,
На четвертый сутки разбужантце:
«Ужъ ты ой еси, дѣвица душа-красная!
Ты коёго теперь города, коей земли?
Коего видъ ты отца, да родной матушки?»
255. Ищэ какъ ты назвать будётъ по имени?
Ищэ какъ звеличать по отечеству?»
Отвѣчатъ ему дѣвица да душа красная:
— Я изъ славного города Карамышова,
Я того вѣдь нонь Петра купца богатого,
260. Я ему-то вѣдь буду всё любима дочь.—
А тогда-бы говорилъ Михайло таково слово:
«Ужъ ты ой есь, дѣвица да душа красная!
Ищэ ты мнѣ не невѣста обручѣнная,
Ищэ ты мнѣ не княгина первобрачная,
265. Ищэ ты мнѣ не жена будёшь вѣнчанная,
Ище будёшь ты мнѣ, дѣвушка, родна сестра».
А тогда они съ ею да думу думали:
Роздѣлили пополамъ съ имъ золоту казну,
Какъ удумали они съ имъ Богу молитисе,
270. За свои-ти грѣхи тежки прощатисе,
Какъ пошли они въ монастыри пречесныи;
Роспроститисе тогда да со родной сестрой,
Онъ-бы бралъ половину золотой казны,
Онъ поѣхалъ къ своей бабушки родимой,
275. Да на вѣки-то проститсе съ родной бабушкой,

Онъ-бы отдалъ ей двадцеть тысяць золотой казны,
А остатекъ-то-бы взялъ онъ съ собой тогда.

94.

Василій Буслаевъ.

- ...А во томъ-то было во Новѣ-городѣ,
Кабы былъ, заводилса тутъ почесень пирь,
А тогда-то бы вси весьма придумали,
Какъ позвать-то дородня добра молодца,
5. А сильнѣго могуця храбра воина,
Какъ по имени Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружинишкой хороброей;
Какъ послали они тогда скоро посла,
А просить его со матушкой съ родимоей,
10. А просить-то во Новѣ-городѣ на почесень пирь.]
Кабы скоро послы теперь поѣхали,
Попросили Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружиной со хороброю;
А на то-бы Василей не ѣтслышенъ былъ,
15. Со матушкой Василей снаряжаетца,
Со своей-бы дружиной сподоблянтце,
А поѣхалъ Василей въ славной Новгородѣ,
Кабы въ той-бы каретѣ золоченоей,
Кучеровъ молодцовъ очунь хорошихъ,
20. Какъ стрѣцяють-то ихъ да съ чесью, съ радосью,
Какъ проводятъ-то ихъ да въ грини свѣтлыя;
Они всѣ на пиру да напивалисе,
Они всѣ на чесномъ да пьяны-веселы,
На пиру-бы молодцы да приросхвастались,
25. А одинъ-отъ бы хвастать золотой казной,
А иной-отъ-бы удачей молодецкоей,
А иной-отъ-бы силой богатырскоей,
А иной-отъ-бы несчатымъ скатымъ жемчугомъ,
Кабы умной-бы хвастать старой матерью,
30. А безумной похвалятца молодой женой,

- А тогды-то Василей не ётступчивъ былъ:
«Ужъ вы ой, молодцы новгороджаны!
Ищѣ хто со мной бѣтца о великъ закладъ:
Я возьму-бы, побью да славной Новгородъ,
35. Не кому со мной во городѣ не выстоять».
Мужики новгородчана не отступцивы;
Унимала-то дружина его хоробрая:
«Ужъ ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Не серди ты удалыхъ добрыхъ молодецовъ,
40. Намъ не чесь-то, хвала будѣтъ молодецкая,
На пиру сидѣть—спорить, теперь, здѣрптя».
Унимала его матушка родимая:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Полно-те спорить, полно здѣрпiti.—
45. А Василей не па чѣ да не здаваитце,
Не уступать имъ удалой доброй молодець;
Они бились тогды да о великъ закладъ,
Они сдѣлали условьѣ промежу собой,
Ай когды открытъ войну да на чистомъ поли,
50. А въ коѣ-бы-то времѣ, въ кой часы,
Кабы вся его дружина подписалася,
Какъ подъ ту бы бумагу, подъ условьѣ всё.
Отходиль-бы крутѣнько тутъ почесенъ пиръ,
Со пиру-то бы всё да расходилсе,
55. По домамъ-то бы всё да разбѣжалисе;
Поѣжжаты-бы Василей сынъ Буслаевичъ,
Со своей-то со матушкой родимоей,
Со своей-бы дружинишкой хороброей,
Приѣжжалъ-бы въ полаты бѣлокаменны.
60. Она тутъ-то тогды да думу думала,
Какъ-бы какъ-то скротить да сына много?
Она удумала-бы сдѣлать почесенъ пиръ,
Напоила-бы его тутъ зеленымъ виномъ;
Онъ-бы пьетъ, гоститъ со матушкой родимоей,
65. А то матери-то самъ не оберегаитца,
Не берегаитце-бы матери, не опасантце;
Онъ напилса до пьяна зелена вина,
Кабы гдѣ-ка-бы палъ, да тутъ-бы спать-бы лёгъ.
То-то думала матушка родимая,
70. Созвала-бы кузнечей да крѣпкихъ мастеровъ,

- Заковала-бы вокругъ окошечка косявчаты,
Заковала у его да руки бѣлыи,
Заковала у его да ноги рѣзвыи,
Занаплецны желѣза сдѣлала десить пудъ,
75. Кабы на руки желѣза были пять пудовъ,
Повалила на кроватоцьку тисовую,
А на ту-бы перинушку пуховую,
Одевальницей закрыла чѣрныхъ соболей,
Ясны очи закрыла камкой хрущатой,
80. Какъ замкнула она тогда за три замка,
Ай за три-бы замка, крѣпки вѣсучии,
Тутъ поставило сторожовъ да караульниихъ.
Онъ-бы спить молодець, да просыпантце,
Ото сну время дѣтинѣ разбужатисе.
85. Какъ во ту-то бы пору, да во то время,
Тогда шла-то дѣвушка изъ Нова города,
Подбѣгали ко его высокому терему,
Ко тому-бы ко окошечкю косявцету,
Ко его-то бы нонь да ложни тѣплойей,
90. Говоритъ-бы дѣвушка таково слово:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты хорошъ былъ во славномъ Новѣ-городѣ,
Ты удалъ былъ, боѣкъ битце, ратитце,
Съ мужиками новгородскими о великъ закладъ,
95. А тепере ты, Василей, самъ запряталса.
Да твоей-то дружины мало можетца,
Не можетъ стоять да со Новымъ городомъ,
А у ихъ-то вси головы приломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
100. Ото сну тогда Василей пробужантце,
Отъ великой хмелины просыпантце,
Онъ учуюлъ на сѣ желѣзы злы-тежолые,
Его ясны-ти очи помутилисе,
Какъ горечи его слезы прокатилисе,
105. А могучии плечи расходилисе:
Онъ срывалъ тогда желѣзы да со бѣлыхъ рукъ,
А спихаль-то желѣзы да со рѣзвыхъ ногъ,
Они лопнули желѣзы, разлетѣлися,
Потенулса-то онъ да могучьми плецьми,
110. Кабы сорвалъ желѣза занаплецныи,

- Тогда сталь молодець на своей воли,
Кабы сталь со кроватоцьки тисовой.
Онъ бѣлешинькѣ Василей умываитце,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утираитце,
115. А накладывалъ на ся тогда кунью шубу,
Надевалъ сапоги тогда сафьянныи,
Опояску опоясывалъ онъ шолкову,
Не того видно шолку, што россійскаго,
Дорогого славна шолку шематинскаго,
120. Приходилъ ко дверямъ нонъ ко желѣзнымъ:
«Ужъ вы ой еси, стражи каравульныя!
Отмыкайте замки скоро вѣсучія,
Выпускайте меня удала добра молодца,
Мнѣ не времѣ-то жить теперъ во комнаты,
125. Мнѣ-ка времѣ-то итти на свою волю,
Какъ итти-то бѣжать во славной Новъ-городъ».
Отъ стражей-то Василью нынъ отвѣту нѣтъ;
Какъ тогда-то Василью за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
130. Его ясныи оци помутнилсе,
Какъ могучи-то плечи расхотилсе,
Богатырско его сэрцо разъярилосе,
Онъ пиналъ-то бы двери всё желѣзныя,
Розлетелися двери на середь двора,
135. Кабы сорвалъ замки всё вѣсучія,
А стражи-то бы всё усторонилсе;
Выходилъ-то бы Василей вонъ изъ комнаты,
Да не хто-бы не смѣтъ слова вымолвить,
Говорилъ-то дѣвицѣ душѣ красной:
140. «Когда буду я, Василей, на своей воли,
Надѣлю-то тебя я золотой казной,
Я обсыплю тебя скатнымъ жемчугомъ».
Не берётъ-то Василей золотой казны,
А берётъ толькѣ Василей свой черленой вязъ,
145. По вѣсу коя палица буёвая,
По вѣсу она-бы тенётъ—девеносто пудъ;
Побѣжалъ-то Василей ' славной Новъ-городъ,
Ко своей-то дружинишкѣ хороброей,
Онъ бѣжалъ-то Василей по чисту полю,
150. Ай не есенъ-то соколь перелётъ легѣль,

- Ай то бѣль-то-бы кречеть перенурхъ пустиль,
Ой не много поры да миновалосе,
Туть-бы стрѣтилась имъ женщина снарядная,
Говорить-то она да таково слово:
155. «Ужь ты ой еси, Василей сынь Буслаевичъ!
Ты гораздъ былъ гостить да во Новѣ-городѣ,
А гораздъ ты былъ битца о великъ закладъ,
А теперь-то молодець да приопрыталсе,
Ужь ты выдать дружиниушку хороброю;
160. Какъ твоей-то дружинѣ мало можетца,
А не можетъ стоять да съ Новымъ городомъ,
У ихъ вси-го бы головы испроломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
Ай Василью это слово за бѣду стало.
165. За великую досаду показалосе,
Онъ срывають-то-бы съ женщины платѣ цвѣтное,
Обнажить-то женщину всю дѣнага,
Отдавать-го-бы платѣ дѣвицѣ душѣ-красной:
— Ты прими-тко дѣвица душа красная!
170. Когда буду-то я да на своей волн,
Награжу я тебя да золотой казной,—
Онъ бѣжитъ-го бы Васька по чисту полю,
Ай не есенъ-го соколъ перелѣтъ летить,
Акъ бѣлой-го-бы кречеть перенурхъ пустиль,
175. Онъ-бы столь скоро бѣжитъ по чисту полю;
Повстрѣчалса ему калыба перехожая
Кабы тотъ старичице Перепримице,
Ай несѣтъ-бы колоколь да девеносто пудъ,
На своей-го несѣтъ да буйной головы:
180. «Ужь ты молодо курѣ не попархивай,
Молодыя Василей не похвастьявай:
Я вѣдь былъ богатырь да не въ твою пору,
Не въ твою-то-бы пору, не тибѣ ровни:
Ужь ты выдать всю дружиниу хороброю,
185. А твоей-го-бы дружинны мало можотца,
Всѣ у ихъ головы проломаны,
Кушаками ихъ головы поверчены».
А Василью тогда да за бѣду стало,
За большу ему досаду показалосе,
190. Его ясны-ти очи помутнишсе,

- Какъ горяци его слёзы покатилисе,
Онъ выхватываль-бы скоро свой червеной вязъ,
Онъ махнулъ старику по буйной головы,
По тому колоколу всё великому;
200. А и стоитъ старичонко не ворохнетце,
Какъ на головы-то кудри всё не тряхнутця;
А тогды-то Василью за бѣду стало,
За большу-бы досаду показалоса,
Побѣжалъ-то-бы Васька къ рѣчки Волховой,
205. А стоялъ подъ горой тутъ да сырой дубъ,
О двенатцети онъ сажень былъ печатныхъ,
Вырываль-то-бы сырой дубъ изъ кореню,
Онъ хвосталь-бы о матушку сыру землю,
Розлетелси-бы дубъ да на три жеребья;
210. Онъ схватилъ-бы-то жеребей съ кокорюю,
Онъ бѣжалъ-бы тогда да на круту гору,
Онъ махнулъ старика Перегримища,
Какъ изъ той-бы изъ силы богатырской,
Розломилъ колоколь да на три жеребья,
215. Онъ-бы сорваль-же голову съ могущихъ плечь.
А ищэ у старика языкъ воротитцэ:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ай не будётъ тибѣ да поединщика».
А тогды шоль-бы Васинька во Новъ-городъ.
220. Прибѣжалъ-то Василей въ славной Новъ-городъ,
А дружинны-то стало да мало можитця,
Ищэ всё ихъ-бы головы проломаны,
Кушаками ихъ головы всё поверчены,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
225. «Ужъ вы ой, моя дружинишка хоробрая!
Вы отдальтесь-ко прочь да во чисто полѣ,
Ужъ вы дайте-ко мнѣ-ка розгулятисе,
Съ новгородцами мнѣ-ка поотвѣдатца,
Поотвѣдатця нонь, да поправитце».
230. Отшанула вся дружинишка хоробрая,
Онъ-бы взялъ-то-бы круто свой червеной вязъ,
Онъ-бы сталъ вязомъ Васька помахивать,
Какъ не хто-то не можотъ битця-ратитця;
Ай леталь онъ по силы, силы арминъ,
235. Кабы бѣгатъ Василей какъ-бы лютой звѣрь;

- Ай увидѣли во городи какъ стрась такую,
Они думали-бы думу промежду собой:
«Не стоять видно съ удалымъ добрымъ молодцомъ».
Посылали они теперь скоро посла,
240. Ко его-то-бы матушки родимой,
Уняла штобы своего чада милого.
Кабы скоро-де послы тогда поѣхали,
Пріѣжжали они тогда къ Омельфѣ Тимоеевны,
Кабы просятъ они тогда нижающе,
245. Какъ нижающе просятъ, со покорносью,
Уняла штобы своего чада милого,
Ай-бы милого-бы сына, всё любимого;
Отвѣчатъ-то нмъ она да таково слово:
«Ужъ вы ой, нонь еси да люди добрыя!
250. Ужъ вы што надо мной да посмѣхаетесь?
У мя спитъ-то бы чадо не пробудитце,
Въ крѣпкихъ-то желѣзахъ, во тежолыныхъ».
— Ужъ ты ой еси, Омельфа Тимоеевна!
Ты подлегчи, сходи да въ гриню свѣтлую.—
255. Ай пошла-бы она да въ гриню свѣтлую,
Его нѣту во гринѣ, не случилосе,
Ай во гринѣ лежитъ всё приломоно,
Ай назадъ-бы тогда да поворотъ даѣтъ.
Отъ стражей, караульщиковъ она спрашивать:
260. «Ай куды у мя ушолъ да любимой сынъ?»
Отъ стражей-то тогда да отвѣту нѣтъ,
А слезами-то стражи да уливаютце,
А не хто-то-бы не смѣтъ да слово вымолвить;
Ай пошла тогда Омельфа Тимоеевна,
265. Какъ пошла-то въ свои да новы комнаты,
Призывала своихъ да добрыхъ молодцовъ,
Ищэ тѣхъ-бы нонь слугъ да придворныхъ,
Приказала запречь тогда добра коня,
Ищэ въ ту-бы карету золочѣную,
270. Ай провѣдать своего чада милого,
Ай любимого-бы сына одинакого;
А на это слуги не отслышились,
Запрегали-бы въ карету золоченую,
Повезли-то іе да въ славной Новъ-городъ,
275. Привозили-то её да въ славной Новъ-городъ,

- Какъ на то-бы побойщо великое,
Какъ на то-бы кроволитьё непомѣрное,
Какъ крычить она, зычить да громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты ой есь, ты мой ясёнъ соколъ!»
280. Ужъ ты ой еси, моё ты чадо милое!
Ай любимое дитя ты одинокое!
Умири ты свое да ретиво сэрцо,
Опусти ты свои да руки бѣлыя:
А крычить вся дружинишка хоробрая,
285. Какъ ревуть всё, зычать да громкимъ голосомъ,
Не чому-то-бы Василей тутъ не бардуётъ;
Побѣжала она къ ему добру молодцу,
Захватилася ему да за праву ногу,
Волочилась-бы она да по чисту полю,
290. Какъ крычить-то, зычить дружинишка хоробрая:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодець!
Умири свое сэрцо багатырское.
Опусти ты свои да руки бѣлыя».
295. — Ицѣ што это да онуча привязалоси?—
Говорить-то дружина всё хоробрая:
«Привязалася-то къ те да родна матушка».
Какъ тогда-то бы удалой доброй молодець,
Опустилъ свои да руки бѣлыя,
300. А поставилъ-то-бы онъ свой черленой вязъ,
Какъ во славну во матушку сыру землю.
А на то-бы мушники были догадливы,
Да таскали тогда золото со всёхъ сторонъ,
А осыпали-бы вязъ-отъ золотой казной,
305. Нонь не видно стало палицы боёвой;
Покорилса-то весь да славный Новъ-городъ,
Выдавали, отдавали золоты ключи.

ХШ. СЕЛО КУЯ.

24. Шевелева Парасковья Ивановна.

Шевелева, известная подъ прозвищемъ Пойловчанки (родомъ изъ д. Пойловой), мать той замѣчатель-

ной стариницы-дѣвицы 21 года, которая поеть по словамъ матери 22 старини. П. И. совѣтъ не поеть старини и спѣла мнѣ женитьбу Олени послѣ усиленной моей просьбы, спѣла, кажется, въ первый разъ въ жизни, и потому очень плохо. Но прекрасно знаетъ старини ея дочь Аксинья, выучившаяся пѣть отъ деверя матери и своего дяди, еще въ то время, когда они жили въ деревнѣ Пойловой, теперь уже не существующей. Деревня стояла въ 7 верстахъ ниже Куи по Печорѣ, но каждый годъ полая вода рвала берегъ деревни такъ, что въ коннѣ концовъ жители должны были выселиться изъ Пойловой. П. И. Говорила мнѣ, что знаетъ старини и сынъ ея Яковъ, 13 лѣтъ! Сама Пойловчанка съ Мезени родомъ, но съ 17 лѣтъ живетъ на Печорѣ.

95.

Алеша Поповичъ женится.

- Отправлялся Добрыня во чисто полѣ,
Не на много вѣдь поры, да на двадцеть-два года,
Оставляѣтъ онъ свою да любиму симью,
Любиму свою симью, да молоду жону:
5. «Если сполнится мнѣ да двадцеть-два года,
Не сиди-то ты моя да молода жона,
Не сиди-то ты вдовой горькою,
Ты поди-ко-ся да за пнѣ замужь,
Хошь за барина поди, хошь за буйрина.
10. Не ходи только за Олѣшненьку Поповица,
Олѣшненька мнѣ будѣтъ престовой братъ». Заводилося у князя пированьѣ-столованьѣ,
Сидѣли они да на чесномъ пиру,
Какъ запала-то вѣдь мысль въ ретиво серчо,
15. Какъ задумаль-ыть Олѣшненька женится,
Какъ на той-то вдовы да на добрыниной:
«Ужь ты, батюшко Владиміръ стольнокіевской!
Ты позволь мнѣ-ка женится на добрыниной вдовы». Отвѣчатъ ему Владиміръ стольнѣкіевской!

20. — Можоть быть Добрыня еще самъ живой.—
Говорить Олешинько Поповиць-блатъ:
«Я давно вить-то ѣздилъ во чисто полѣ,
Сквозь Добрынюшка трава растѣтъ,
Сквозь Микитица цвѣты цвѣтутъ;
25. Ты позволъ мнѣ на ней жениться,
Ты-же самъ будѣшь мнѣ-ка батюшкоомъ,
А княгина-то Апраксія мѣсто матушки,
Какъ ты, старой да Илья Муромецъ!
Ты-же мнѣ быть ты тысецкимъ;
30. Какъ Цюрило Голошапишко,
Ты будѣшь мнѣ ходить да мѣсто дружки-то». Срежалисе они да со князѣмъ-то,
Какъ пошли-то вѣдь да со княземъ поѣздомъ,
Ише къ той-то вѣдь добрыниной родной матушкѣ;
35. Шли-то вѣдь они да ночьюмъ временѣмъ,
Какъ колотятся они у добрыниной у матушки,
Какъ у тѣхъ-же вѣдь воротъ да у крылецныхъ;
Выходила-то добрынина родна матушка:
«Ише хто-же тутъ колотитце ночьюмъ временѣмъ?
40. Ише воры-то или разбойники?»
Отвѣчать на то Владиміръ стольнѣкіевской:
— Запускай насъ, добрынина родна матушка,
Мы идѣмъ вѣдь къ Добрыни на почесенъ пиръ.—
Запускала ихъ добрынина родна матушка,
45. Не воротятъ они въ ложню теплую,
Ищѣ прямо всё идутъ да въ лѣжню спальную,
Гдѣ-то спить его да молода жона;
Заходилъ Владиміръ стольнѣкіевской,
Какъ со тѣмъ-же вѣдь Олешинькой Поповицкомъ,
50. Какъ со тѣмъ-же вѣдь стары да Илья Муромцомъ,
Говорятъ они добрыниной молодой жоны:
«Ты ставай-ко-се, вдова со кроватоцьки,
Ты ставайко-се съ постелюшки пуховой,
Со кроватоцьки ставай-ко со тисовой,
55. Надѣвайся ты во платицо во цвѣтное,
Ты поди-ко-се съ Олѣшой ко Божьей церкви,
Принимай-ко-ся съ Олѣшой золоты винчи». Тутъ не бѣлая лебедушка восклыкала,
У Добрыни молода вдова заплакала,

60. Какъ ставала вѣдь она да со кроватицки,
Какъ брала она въ руки да золоты ключи,
Отмыкала она ящички окованны,
Вынимала она умываньицо румянное,
Вынимала она своё да платье цвѣтноѳ,
65. Надѣвала она своё да платье цвѣтноѳ;
Еще бралъ-то ей Олѣша да праву руку,
Какъ повѣлъ-то ей Олѣша во Божью церкву,
Принимали они винчи да золотые съ имъ.
Были у Добрыни три утѣхи,
70. Были три ворона кормлёныи,
Полетѣли эти вороны кормлёныи,
Гдѣ вѣдь спить-то вѣдь Добрыня во чистомъ поли,
Ище спить-то вѣдь Добрыня во бѣломъ шатрѣ;
Какъ одинъ-отъ вѣдь садилса на сырой дубъ,
75. Какъ другой-отъ вѣдь садилса на бѣль-шатёръ,
Какъ третей-отъ вѣдь садилса на сыру-землю,
Какъ первой-отъ воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ удрогла вѣдь матушка сыра земля;
Какъ второй-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
80. Какъ сухое-то пенъе поломалося;
Ищѣ третей-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ нашъ-то вѣдь доброй молодець пробужаитце,
Отъ великою хмелинки просышаитце:
«Видно есь у насъ надъ городомъ незгодушка».
85. Какъ сряжалса вѣдь Добрынюшка Микитѣевичъ,
Какъ собиралъ-то вѣдь Добрыня свой бѣлой шатёръ,
Поворотъ дѣржитъ Добрынюшка во свой городъ.
Приѣжжалъ-то Добрынюшка ноцнымъ временѣмъ,
Какъ колотитце Добрыня у своихъ воротъ,
90. Выходила вѣдь Добрынюшкина родна матушка:
«Ищѣ хто-же тутъ колотитце ноцнымъ временѣмъ,
Ищѣ воры-ли вы ходите, розбойники?»
— Ётпирай-ко-ся ты матушка родимая!
Запусти-ко ты меня удада добра молодца.—
95. Какъ заходитъ вѣдь Добрыня да въ гриню свѣтлую,
Какъ заходитъ вѣдь Добрыня въ спальну ложную,
Какъ вѣдь нѣтъ-то его да молодой жоны,
Ищѣ спрашивать свою да родну матушку:
«Ищѣ гдѣ моя да любима жена?»

- «Те подай Боже, Олѣша, во совѣтѣ жить!»
140. Наливаётъ-то вѣдь чару молода жона,
Ищэ пьеть-то вѣдь Добрыня съ одина духу:
«Те подай Боже, молодушка, согласно жить!»
Какъ сымаётъ-то Добрынюшка съ правой руки,
Какъ съ правой-то руки да злачёной перетень,
145. Роздвигала-то вѣдь она дубовы столы,
Да падала ему да во рѣзвы ноги:
— Ты прости меня, Добрыня, во первой вины:
Какъ мое-то вѣдь дѣло подневольнѣе.—
Какъ онъ бралъ свою жену да за праву руку:
150. «Проздравляю тебя Олѣша съ молодой женой!
Благодарю тебя вѣдь князь да стольнокиевской!
Ты нашто надѣлса Ильѣ Муромецъ?
Вы ужъ взяли жену да отъ жива мужа».

XIV. ДЕРЕВНЯ НАРЫГА.

25. Никоновъ Василій Артамоновичъ,

Никоновъ пустозерскій старшина, родомъ изъ Нарыги, а двѣ Нарыги большая и малая славятся на Печорѣ обилиемъ старинъ и мастерствомъ пѣть ихъ. Въ Нарыгахъ я, по случаю наступленія времени промысла, не былъ, но В. А. какъ волостного старшину встрѣтилъ въ Пустозерскѣ, гдѣ онъ въ волостномъ правленѣ и рассказалъ мнѣ, что зналъ. Это тоже типичный пустозерь: маленькій, толстенькій, съ тихими, немного льстивыми рѣчами. Старины свои сообщалъ мнѣ какъ-то таинственно, послѣ усиленныхъ просьбъ, точно рассказывалъ какую-то тайну, которая только-что случилась у него въ сосѣдяхъ.

96.

Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ.

- Подходилъ Шкурлакъ царь подъ Новгородъ,
Хоцѣтъ Шкурлакъ царь взять Новгородъ,
Самолучшую-то силу повыгонить,
Худолучшую силу-то подъ пень склонить.
5. Богатырей во городѣ не лучилосе,
Быль одинъ Потапъ сынъ Ивановичъ,
Отъ роду Потапъ двѣнадцать лѣтъ;
Приходилъ Потапъ къ отцу, къ матерѣ,
Падаетъ Потапъ въ ноги рѣзвые:
10. «Благослови меня отецъ, да нынѣ матушка,
Выѣхать мнѣ да на чисто полѣ».
Не спускаетъ его да отецъ, съ матерью:
— Ты не ѣзди ты чадо малолѣтної.—
«Дантѣ благословеньицо поѣду я,
15. Не дантѣ благословеньицо поѣду-жо».
Сталь-то Потапъ да снаряжатися,
Онъ уздалъ-то, сѣдлалъ да коня доброго,
Заскакивалъ Потапъ да на добра коня,
И не видѣли его посадку молодецкую,
20. Тольки видятъ-то ' поли курива стоитъ.
Наѣхаль-то Потапъ на рать великую,
На ту-жо Литву, да на поганую:
Праву руку махнѣтъ, дакъ лежитъ улица,
Во лѣву отведѣтъ, дакъ переулками.
25. Отѣѣхаль тутъ Потапъ да во чисто полѣ,
Роскинулъ-то Потапъ да бѣль полотненъ шатѣръ,
Заснулъ Потапъ съ тяжкой работы.
Розоспалса Потапъ да тяжкимъ сномъ,
Взели собаки во полонъ Потапа,
30. Сковали Потапа въ чѣпи-оковы,
Повалили Потапа на телѣгу двоекольщету,
Потенули Потапа ' царю Шкурлаку;
Притенули Потапа ' царю Шкурлаку,
Говоритъ-то Потапу Шкурлакъ царь:
35. «Склонься мнѣ, Потапъ сынъ Ивановичъ!
Дамъ-то я тибѣ да золотой казны».

- Отвѣчатъ Потапъ сынъ Ивановичъ:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ-бы у тебя да поплець голову.—
40. Говорить-то Потапу Шкурлакъ царь:
Молодой ты, дѣтина, серцомъ заплываишься,
Мнѣ царю да въ рѣчи не давайше,
Склонься мнѣ, Потапъ да сынъ Ивановичъ,
Дамъ тебѣ дощеръ я въ супружесво».
45. Говорить-то Потапъ да сынъ Ивановичъ:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ бы у тебя голову со дочерью.—
Отвѣчатъ ему нынѣ да Шкурлакъ царь:
«Молодой ты, серцѣмъ заплываишся,
50. Мнѣ царю да въ рѣчи не вдавайшся».
- Потенули Потапа во чисто полѣ,
Ко той ко плахѣ кровавоей,
Отрубить у Потапа поплець голову;
Тутъ Потапъ и расплакался,
55. Въ умѣ-то Потапъ тутъ и взмолился:
«О, присвята мать Богородица!
Я стоялъ-то за Спаса Вседержителя,
Я стоялъ за Присвяту Мать Богородицу,
Я сталъ за чесны монастыри,
60. Я стоялъ за отца, за матеръ свою,
Я стоялъ за вѣру православную».
- Бѣжитъ по чисту полю калика перехожая,
Крычитъ калика громкимъ голосомъ:
«Не бейте Потапа Ивановича,
65. Дайте съ Потапомъ проститисе».
- Съ рукъ-то, съ ногъ у Потапа жалѣза обвалилисе,
Съ шеи оковы да окатилисе,
Соскочиль-то Потапъ тутъ на рѣзвы ноги;
Нечѣмъ у Потапа боронитисе,
70. Отъ рукъ отъ татарскихъ да нечестивыхъ,
Схватиль-то Потапъ телѣгу двоеколычету,
Биль-то, ломилъ Потапъ многочисленно;
Побѣжалъ тутъ Потапъ ко добру коню,
Заскочиль-то Потапъ тутъ на добра коня,
75. Бросилса Потапъ къ царю Шкурлаку:
«Ужъ ты здравствуй, шкурлакъ нечестивой царь!

- Не ты-ли мнѣ давалъ, царь, золотой казны?
Не ты-ли-то давалъ царь супружесво?»
Себѣкъ онъ у сабаки по плечь голову,
80. Себѣкъ онъ голову и у дощери.

97.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ.

(Отрывокъ).

- Быль жилъ Буславей девеносто лѣтъ,
Не съ кѣмъ Буславей не ссаривалса,
Не съ кѣмъ-то Буславей не здаривалса,
Ноньце Буславей преставилса;
5. Оставайтце его да чадо милое,
По имени Василей сынъ Буслаевичъ,
Поступки, попишанка не отцовскія:
Выйдетъ съ малыма робятами играть на улицу,
Коего за руку схватить, рука вырвитса,
10. Коего за ногу схватить, нога изъюмитце,
По середочки хватить—жизни кончантце,
Стали къ матушки ходить, жалобу творить:
«Своё чадо уйми, либо насъ удали».
Тутъ-то Васиньки за бѣду стало,
15. За великую досаду показалося.
По городу онъ да погуливать.
На колѣнѣхъ ерлыцьки-грамоты росписывать,
По дороженькамъ грамоты размѣтывать:
«Хто хочѣтъ нѣс-нить готового,
20. Носить хто хочѣтъ припасѣного
Идите ко Васиньки ко Буслаеву».
Тѣ-же находятъ нѣтъ не нить, не нѣс.
Идутъ-то, грѣдутъ ко Васинькѣ Буслаеву,
25. Васинькя Буслаевичъ того вязомъ,
Кой ударъ унесѣтъ, того къ себѣ берѣтъ,
Кой ударъ не унесѣтъ того процъ пошлѣтъ.
У вора у Васьки у Буславьева,
Не упито было не уфдено,
30. Васко-хорошо было не ухожено,

- Великого увѣчья получено,
Собираль-то Буславьевъ на почесень пиръ,
Во первыхъ, на обѣдѣ былъ Оома толстой,
Оома толстой самъ ремесленной,
35. Во вторыхъ-то, былъ Кости повоторженникъ,
Во третьихъ-то, былъ Потаня хроменькѣй.

98.

Кострюкъ.

- Задумаль грозной царь Иванъ Васильевичъ пиръ
собрать,
Собираль онъ многихъ князей,
Собираль онъ многихъ купцевъ,
Собираль многихъ бояръ къ себѣ,
5. Изъумыльную рѣчь выговаривать:
«Я задумаль, братцы, женитисе,
Не у насъ на Москвѣ, въ проклятой Литвѣ». .
До петисотъ побъжжанъ наметалосе,
До трехсотъ провожатыхъ собиралосе;
10. Всѣ на пирѣ да напивалисе,
Всѣ на чесномъ да наѣдалисе,
Только одинъ провакатой не пѣтъ, не ѣтъ,
Не пѣтъ онъ, не ѣтъ, печѣмъ не тѣшитсѣ,
Именѣмъ его зовуть нынѣ Кострюкъ-Мострюкъ
Степановичъ.
15. Подходилъ-то дядошка Микита Романовичъ:
«Што-же ты, Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ,
Што-же ты не пѣшь, не ѣшь, не тѣшишсе?
Съ хорошимя людьми ты не нежишсе?»
Отвѣчать-то ему да Кострюкъ-Мострюкъ:
20. — Я прошоль-то семь городовъ.
Побороль я семь борцовъ,
Пострѣлилъ-то я семь стрѣльцовъ,
Посрамилъ я всѣхъ стрѣльцовъ,
Я желаю-бы со рускима борцами поборотисе.—
25. Выходилъ-то дядошка Микита Романовичъ,
На то крыльцѣ на прекрасное,
На то кружало государево.

- Зычить-то кричить громкимъ голосомъ:
«Нѣтъ-ли у насъ въ городѣ боротисе?»
30. Зычить-то дядюшка во второй разъ,
Самъ-то рвѣтъ свою сѣду броду,
Самъ-то брады приговаривать:
«Ужъ ты, сѣда моя брада!
Ты достанешся рвать видно рукамъ тотарскимъ,
35. Видно будѣтъ пріотвѣдатца самому старику».
Крычить-то, зычить Никитушка во третьей разъ.
Съ того-же славна царева кабака,
Идутъ-то два названные два брателка,
Одного именѣмъ зовутъ Васинькя маленькѣй,
40. Другого зовутъ Потанюшка хроменькѣй,
Костылѣмъ-то Потаня подпираетця,
Впередъ-то Потаня подаваетця,
Васинькя маленькѣй мастеръ стрѣлетисе,
Потанюшка хроминькѣй мастеръ боротисе.
45. Приходятъ 'ны къ тому-же кружалу государеву:
«Ужъ ты здравствуйшь, дядюшка Микита Романовичъ!
Для чѣ-то тебѣ да люди скоро надобны?»
— Желать-то провожатой съ рускими борцями
поборотисе,
Желать-то съ рускими стрѣльцами пострѣлетися,
50. Тотъ-же Кострюкъ-Мастрюкъ Степановичъ;
Онъ вѣдь по полу идѣтъ, колѣнки жмѣтъ,
На лавицу садицца куну берегѣтъ,
Это не быть, братцы, мущина, быть женщина.—
«Ужъ ты ой еси, дядюшка Микита Романовичъ!
55. Доложся-косъ Ивану Васильевичу,
Ивану Васильевичу царю грозному:
Велить-ли онъ мнѣ да побороть Кострюка,
Побороть его, съ его платьѣ снетъ,
Платье снетъ, нагого спустить».
60. Отвѣтилъ тутъ имъ Иванъ Васильевичъ,
Иванъ Васильевичъ, самъ грозной царь:
— Лишь-бы Богъ помогъ.—
Подходилъ нынѣ дядюшка къ дубову столу,
Говорить-то нынѣ дядюшка таково слово:
65. «Што братцы, бояра, господа!
Што братцы, господа, провожатыи!

Што-же Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ!

Не пѣшь, ты не ѣшь, не тѣшишся?

Ты съ почётныма людьми ты не нежишся?

70. А питья-то и ѣствы у насъ на столѣ,
А борцы у насъ на дворѣ». Соскочилъ тутъ Кострюкъ-Мострюковичъ на рѣзвы ноги
У Кострюка тутъ сэрцо зрадоваласе,
Скоцилъ-то Кострюкъ черезъ дубовой столъ,
75. Стопталъ-то онъ трѣхъ Степановыхъ, трѣхъ, Юлановыхъ.
Выходили они да вонъ на улицу,
А хватилисе съ Потанюшкой боротисе;
Во первыхъ-то Потанюшку бросили,
Во вторыхъ-то Потанюшку бросили,
80. Во третыхъ-то Потанюшка справилса,
За рубашаньку Потанюшка зграбилса,
Металь Кострюка-Мострюка сына Степановича,
Металь его выше народа стоечего,
Бросилъ его о сыру землю,
85. Платье снялъ, да нагого спустилъ.
Соскочилъ-то Кострюкъ на рѣзвы ноги,
За углы Кострюкъ забирайтца,
Долонью пирогъ прикрываётъ;
Туть-то Потаня пострамилъ её.
90. Выговаривалъ имъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Пойте удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Зеленымъ виномъ да базденежно,
Богъ пособилъ да пострамити имъ».
Понесла-то гнѣвъ царица на царя Грозного
95. Руку накинётъ, дакъ пышитъ одва,
Ногу накинётъ, дакъ дышитъ одва;
Выходилъ Грозной царь за ворота вонъ,
Переложилъ-то платье его дядюшка Микитушка,
Снялъ онъ съ ней роту—дубьемъ отодралъ.

Кострюкъ рассказанный Василиемъ Арт. Никоновымъ оканчивается такъ: царица Марья хотѣла задушить Ивана Васильевича за то, что тотъ позволилъ Потанѣ осрамить ея родную сестру. Узнавъ о покушеніи, дядя царя Никита Романовичъ «снялъ съ ней роту—дубьемъ отодралъ».

Князь Гогаринъ.

- Милъ сидишь возлѣ меня,
Гледишь радость на меня,
Чѣлуешь и милуешь,
Крѣпко къ сѣрцу прижимаешь,
5. Разлапушкой называешь:
Разлапушка дѣвушка.
Бѣлая лебѣдушка.
Твоя русая коса
До шолкова пояса,
10. До шолкова пояса
Твои кудрявы волоса.
Понизъ воды плывутъ стружки,
На стружкахъ сидятъ дружки,
Они играютъ въ тварожки, (такъ!)
15. Хорошо дружки играютъ, выговариваютъ,
Выговариваютъ, сами Гогарина бранятъ:
«Заѣдаетъ воръ Гогаринъ наше жалованье,
Харчево и годово, наше денежно».
На эти воръ на деньги онъ полаты становилъ,
20. Полаты становилъ да бѣлокаменные,
Онъ и своды-те сводилъ, своды серебряные,
Онъ вѣдь трубы-те трубилъ, трубы мѣденны,
Какъ не хуже и не лучше государѣва дворца,
Только тѣмъ однимъ похуже—золотого ерба нѣтъ.
25. «Еруславъ-бы городъ спобывать,
Да царя-бы увидать,
Золотой-бы ерлыкъ кушить
Да верхъ-ѣтъ вызолотить».
За тѣ-же словеса опредѣлили молодца:
30. Его на лёгку работку—на каторгу,
На вѣчно житье-бытье—на вѣселцу.

100.

14-е декабря 1825 г.

Молодой солдатъ да на часахъ стоять,
Стоячись-то солдатъ да расплакался,
Зинуль ружьёмъ солдатъ въ сыру землю:
«Ты роздвинся, раздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробова доска,
Розорвись-кѣ, рѣзорвися рущата камка,
Ты возстань-кѣ, возстань нашъ благовѣрной царь,
Благовѣрной царь Алексанть Павловичъ!

25. У насъ всё-то нынче не попречному,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
«Кому, братцы, изъ насъ да государёмъ быть?
«Государёмъ быть, да акитантомъ слыть?
«Государёмъ-то быть князю Вильянскому,
30. «Акитантомъ слыть князю Волхонскому».
Воспрошлышело его да ухо правое,
Разсадили ихъ по тѣмнымъ кибиточкамъ,
Розвозили-то ихъ да по тѣмнымъ тюрмамъ.

101.

Жена разбойника *).

Изъ подъ кустышка было ракитова,
Изъ подъ камешка было сѣрого,
Протекала-то-де рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода холодная.

5. Во этой рѣчки быстрой, въ водѣ холодной,
Красна дѣвушка она мылася,
Бѣдна бѣлилася,
Она мылась, слезно плакала,
Красоты она своей дивилася:
10. «Красотали ты моя, красоточка!
Охъ ты счастье-ли мое, счастьеце!
Талану-участи доля горькая!
На роду-ли то да мнѣ написано,
На дѣлу-ли то да мнѣ досталосе,

---

*) Пѣсня эта взята изъ переданной мнѣ тетрадки, заключающей 18 пѣсенъ. Пѣсни записалъ съ голоса мѣстный крестьянинъ Егоръ Ивановичъ Дитятевъ, прошедшій курсъ сельской школы.

15. Въ жеребьи-ли мнѣ сповыпала:
Жениховъ-ли про меня не было?
Сватовья-ли на мнѣ не сватались?
Изъ бояръ-то-ли да сватались бояра,
Изъ купцовъ-то-ли сватались на мнѣ купцы,
20. Изъ крестьянъ-то-ли сватались молодчики;
Какъ нынѣ отдалъ меня родной батюшко,
Просватала родна матушка,
Какъ за вора, да за разбойника,
За ночного да подорожника;
25. Со вечера да онъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи въ розбой сѣѣзжалъ,
Къ утру-свѣтичку домой вѣѣзжалъ;
Онъ кричитъ-зычитъ собачьимъ голосомъ:
«Ты ставай-ко-ся, жена немилая!
30. «Немилая жена, постылая,
«Добывай огня скорѣхонько,
«Затопляй-ко печь крутѣхонько,
«Ужъ ты грѣй-ко-ся воду ключавую,
«Ужъ ты мой-ко-ся платьѣ кровавое,
35. «Кровавое платьѣ, разбойницкое».
Я ставала млада скорѣшинько,
Топила печку крутѣшинько,
Я нагрѣла воды ключавой,
Я стирала платьѣ кровавое;
40. Перву вымыла я, не раздѣрнула,
Втору вымыла, да развѣрнула,
Нашла эту рубашеньку, знакомую,
Знакомую рубашечку, примѣтную;
Закричала я громкимъ голосомъ,
45. Закричала я, сама заплакала:
«Ожъ ты гой еси, ладо немилое,
Немилый и постылый!
Ты пошто убилъ моего брата любимого?
Своего шурина постылаго?»
50. — Не я убилъ твоего брата любимого,
Своего шурина постылого,
Не я убилъ—убила темна ноченька,
Подстрѣлила калена стрѣла.—

Словарь мѣстныхъ словъ *).

Ажъ 21, 10—ужь, уже? см. Ожъ.

А к и т а н т ъ, 100, 30—адъютантъ.

Алабышь 47, 197—въ смыслѣ тѣпышь. Первоначальное значеніе см. Алябышь.

Алавіна или Улавіна 64, 63—жесткая трава, растеть у воды.

А-и ле, Але 21, 30—или.

Алябышь, чаще Алабышь 1, 181—особаго рода блинъ; отсюда Аладья, Алашки напр. въ Вятской губ.

Бадья 7, 51—деревянное ведро съ узкимъ дномъ и широкимъ верхомъ, привязанное къ веревкѣ; достаютъ воду изъ колодцевъ.

Балбанъ 24, 99—болванъ, деревянный обрубокъ.

Банкетовать или еще Панкетовать 37, 72—пировать.

Бардовать 94, 286—слушать, понимать.

Баса 1, 146—красота, прелесть.

Баско-хорошо 4, 8—прекрасно, красиво.

Безчесьё 1, 285—несчастье.

Бершатыя сумки 46, 9—узорчатые.

Берщатыя скобки у сапогъ, 27, 18—м. б. отъ берчать—бренчать, по «олонецкому нарѣчію» Куликъ.

Бладень 40, 13—младенецъ.

Бладой, бладь 12, 33—молодой.

) Первая цифра обозначаетъ № былинны, вторая цифра— ся стихъ, гдѣ находится слово; сокращеніе „см “, значить см от р и; сокращеніе „въ см.“— что приводимое слово употреблено пѣвцомъ въ данномъ мѣстѣ была съ смысломъ такомъ-то. 26

- Блевать, вы́блевать 59, 143—вырвать.
Бой 1, 270—въ смыслѣ оружіе.
Бóльнѣ, больно 2, 171—въ смыслѣ очень.
Бр́ататься 1, 261 — дѣлаться братьями, мѣняться крестами.
Бр́атчина. 88, 26—напитокъ.
Бр́атыня 12, 11—металл. сосудъ, изъ котор. пьютъ пиво и квасъ—(Подв. Архн. Кулик. Олон.).
Бу́евая палица 19, 113—бо́евая, для боя, для битвы.
Буржумѣцкое 19, 117 — Бурзомѣцкое копьѣ 6, 136—мурзамецкое, мурзинское.
Бурзумѣнтъ 30, 6—извращенное слово позументъ.
В́аровать 7, 103—слушаться; 2, 31—вѣрять.
Варово 21, 35—быстро, проворно.
Варóвой 63, 8—проворный, быстрый.
Валья́жный 24, 180—красивый.
Вз́абыль 2, 149—на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно.
Взрадо́ваться 19, 54—обрадоваться.
Верхóвишшо, Верхóвище, 86, 165—темя.
Внóго 12, 10—много.
Вод́иться при борьбѣ 86, 135—схватившись другъ съ другомъ руками ходить, до момента когда роняютъ другъ друга.
Вóжлокъ или Вы́жлокъ 1, 66—собака.
Возгра́ивать 54, 47—см. граять.
Волоч́ажная с́ука 21, 163—безпризорная, бездомовая см. волочиться.
Волоч́игься 20, 304—бродить безъ призору, также: валя́ться безъ вниманья.
Ворóхнуться 88, 51—шевелиться.
Ворош́ить стр. 256—трóгать.
Воску́рканье 20, 334—ку́ркать—ка́ркать.
Востáрзанье 20, 335—растерза́нье.
Вран́довать, не вран́довать 53, 114 — слушать, не слушать.
Въ любы́ придуть 24, 73 — будутъ въ пору, полюбятся.
Вы́жилъ 7, 118—въ см. выслужилъ, заработалъ.
Вы́знять 1, 382—поднять высоко.
Вы́крошить, повы́крошить 18, 243—перебить.

- Выпнуть двери 2, 51—сломать ногами.
Вышибаться из рѣчей, 14, 10, шибовиту жить 14,
63—говорить то, что не слѣдуетъ, лишнее.
Вычихнуть 37, 222—выскочить внезапно.
Вѣшво 84, 45—вѣжливость.
Галань 27, 110—гавань.
Гни́ла, Гни́лка 24, 142—глина, глинка.
Гнуса́на 82, 125—мышь. Гнуса́—общее наз. кома-
ровъ, мошекъ, оводовъ.
Годовъ петішта-же» 63, 43—годовъ пяти.
Гораздъ 94, 156—ловокъ.
Горазна играть 11, 157—хорошо играетъ.
Гортань 85, 76—въ см. горло.
Гра́ять 37, 111—каркать.
Греду́ть 97, 24—идутъ.
Гриня 3, 132—комната для собранія дружины.
Громить 25, 10—въ смыслѣ стучить.
Громѣть 1, 92—гремѣть, производить грохотъ, шумъ,
говорить громко.
Гру́бый ручей 51, 3—сильный, бурливый.
Грядка 25, 24—полка у стѣны въ избѣ.
Гузно́ 86, 146—сѣдалищная часть тѣла.
Гума́га 26, 47—бумага.
Давани́це въ принеты 66, 114—дается, идетъ въ
приняты въ домъ.
Даръ божій 19, 20—въ см. хлѣбъ.
Де́рнуть, Оде́рнуть 66, 59—внезапно ударить.
Дице́-де всѣхъ 27, 384—дичье всѣхъ, всѣхъ глуше,
дураковатѣе.
Дозво́ль 17, 103—позволенье.
Докуча́ться 49, 81—добиваться.
Доло́нь 77, 30—ладонь.
Доспѣть 20, 157—случиться, сдѣлаться, но и сдѣлать.
Дре́безги 11, 130—разбить въ мелки дребезги—на
мелкія части.
Дроби́на 85, 96—гуща.
Друга́стольки 42, 31—въ другой разъ столько-же.
Другі́жды 25, 87—въ другой разъ.
Думучи́сь 7, 18—думая.
Дыбу́нъ, дыбу́чее болото, 19, 170—зыбу́нъ, зыбучее

б., тряси́на; поросшее мохомъ и болотн. растеніями земля, на которой выступаетъ изъ подъ ногъ вода. «Арх. Нар. Подв.»

Дѣитце 37, 197—дѣлается.

Дѣльнѣ 2, 120—правильно, справедливо.

Е 22, 404—есть.

Ёбзадорюсь 20, 196—см. обзадорюсь.

Ёбѣння 10, 10 обѣдня.

Едрѣной 63, 10—крѣпкій, сильный.

Ёжъ 23, 223—ожъ,

Ёкой 22; 413—экой.

Ёммѣнимсе 20, 40—обмѣнимся.

Ёрдá 26, 13—орда.

Ётоя 39, 27—эта.

Ефицѣрь 15, 26—офицеръ.

Ёхвота 7, 130—охота.

Ёчсливой, Очсливой, 3, 47—относящійся къ кому ниб. сообразно его чести, вѣжливый.

Ёчунь 9, 84—очень.

Жáлится, Нажáлится 23, 81—жаловаться, На-жаловаться.

Жáребцы 22, 206—жеребцы.

Жѣребей 94, 209—въ см. часть.

Живóть 17, 57—имущество.

Забавля́ться 2, 84—развлекаться.

Забѣдú стало 22, 200—обидно, оскорбительно показалось.

Завѣдú руки 1, 325—сочлененіе между кистью и предплечьемъ.

Загрѣзить, Грѣзить 17, 20—шалить, проказничать, бѣдокурить.

Зáлѣзной 23, 350—желѣзный.

Замѣнѣться людьми 9, 13—см. засылаться.

За невѣдъ, 1, 115—не изъ за чего, изъ за пустяковъ.

Запихáть 12, 66—затолкать, всунуть.

Заплывчивой родъ 24, 213—гнѣвливы́й, вспльчи-вы́й. Заплывчивое сердце—обидчивое, завистливое.

Засѣльщина 85, 101—въ см. деревенщина, необразованный.

Заспáть 20, 138—заснуть; заспаль—уснуть.

Засыла́ться людьми 9, 12—посылать людей вмѣсто себя.

Захлѹпывать 37, 220—захлѹпывать, накрывать чѣмъ нибудь.

Заю́тренья 22, 28—заутреня.

Здохъ, 26, 267—отдыхъ.

Здря, зря 2, 175—напрасно.

Звора́чивать 20, 274—поворачивается.

Згра́бится 98, 81—схватиться крѣпко, вцѣпиться.

Зеленёшинёкъ 6, 118—въ см. очень молодой.

Злачные перстни 3, 32—золотые.

Знаменѹется гора 6, 18—видится, показывается.

Зревѣтъ, взревѣтъ 20, 240—вскричать, закричать.

Зрѣтъ 81, 156—глядить.

Зрыдова́ласе 54, 103—возрадовалась.

Зрѣтъ 1, 43—смотре́тъ.

Зы́кнуть 17, 46—въ см. ударить изъ всей силы; обыкновенно-же—крикнуть громко;

Зыча́тъ—кричать; зычный голосъ 2, 192—громкій.

Извихну́лись 1, 281—вывихнулись, выскочили изъ своихъ мѣсть.

Изгиля́ться 45, 296—издѣваться, глумиться.

Има́льникъ, имáльники 22, 397—ловцы.

Има́тъ 19, 194—ловить.

Изорва́нчатъ 30, 5—въ см. узорчатъ, узорчатый.

Ись, пойсь 26, 7—ѣсть, поѣсть.

Искита́ться 45, 296—см. изгиляться.

Йскопыть 37, 134—слѣды отъ копытъ по дорогѣ.

Исподній 24, 132—нижній.

Ищербѣ́ться 1, 269—зазубриться.

Кака́ эка 4, 181—какая этакая.

Кали́ка, 20, 1—нищій, который поетъ духовные стихи.

Киски́ 57, 260—тиски.

Кичѣ́га, кичѣ́ги 4, 82—палка аршинъ двухъ величиной, на концѣ утолщенная и загнутая; кичигами молотятъ на Печорѣ хлѣбъ.

Клюка 5, 106—палка, посохъ.

Коври́га 19, 20—чистый ржаной, безъ примѣси ячменной муки хлѣбъ.

- Кокора 88, 156—утолщѣніе дерева въ корнѣ.
Кольцѹ жина 23, 116—кольчуга.
Колыхаться 82, 131—смѣяться.
Конаться 59, 136—просить, упрашивать, добиваться.
Копоть 1, 60—пыль.
Корысть 19, 162 — польза; чужа́ корысть — чужая польза.
Косица 78, 80—високъ.
Косявчато, косящато 3, 102—обшитое досками.
Кобшка подводная 90, 86—песчаная или каменистая мель на взморѣ.
Коя 1, 330—какого.
Красно-трубно-окно 4, 148—окно въ черной, курной избѣ, куда выходитъ дымъ, когда топятъ печь.
Крестоваться 26, 342 — обмѣняться крестами, въ знакъ братскихъ отношеній; равнозначуще — брата ть ся.
Крестовушко 81, 28—крестовый братъ.
Кровавиться 1, 267—запачкиваться кровью.
Кружало государево 4, 136—казенный кабакъ.
Круто, крутѣнько 94, 53—скоро, скоренько.
Куна 23, 302—въ см. женск. половыхъ органовъ.
Курива, Курева 1, 151—дымъ, пыль.
Куропать, жен. р. 23, 361—куропатка.
Кычкó, кычки 21, 164—собака, кобель; на Печорѣ собакъ кличуть кычó-кычó.
Ладятъ 19, 192—хотятъ, намѣреваются.
Лѣсни 37, 160—ясли.
Лѣжня теплая, Лóжня 25, 21—спальня.
Лудá 90, 85—каменистая прибрежная мель.
Маниться 14, 40—годить, ждать.
Матица 26, 340—въ см. середина.
Мйса 65, 38—чаша.
Молѣбна 49, 123—молельня.
Муравленка-печь 16, 26—покрытая глазурью.
Набъ 16, 2—надо; не набъ—не надо.
Надѣрнуть 25, 55 — надѣть на скорую руку; надѣрнула сь—надѣла наскоро.
На дымъ спустить 1, 93—сжечь.
Надѣвайся 95, 55—одѣвайся.

- Накида́ть, накинывать платье 35, 28—надѣвать.
Нако́нь 1, 243—разъ; во перво́й нако́нь — въ первый
разъ.
На опо́рь 2, 17—на споръ.
На попла́въ воды 1, 96—бросить въ воду плыть.
Напроку́чить 14, 56 — надоѣсть, разсердить, набѣдо-
курить.
Напу́скъ 1, 164—нападеніе, наѣздъ.
Нару́шить 4, 248—убить.
Наса́дка у копыя 1, 280—мѣсто, гдѣ желѣзный конецъ
копыя прикрѣпляется къ пикѣ.
Наше́сточка 90, 115—нашесть — скамейка для греб-
цовъ въ промысловомъ суднѣ.
Не ётслышенъ былъ 94, 14 — не ослышался, послу-
шался.
Не поклѣпной сынъ 6, 109—на самомъ дѣлѣ сынъ,
дѣйствительно.
Нелáдичка 37, 92—безпорядокъ.
Непокуль 50, 37—не какъ.
Непоцѣ 20, 199—незачѣмъ.
Несурядливой во хмелю 81, 95—задорный, спор-
ливый.
Не упа́дывать говорить 3, 86—не падать духомъ.
Нецѣ 4, 182—ничего.
Нни 19, 11—дни.
Ночесъ 2, 127—прошлою ночью.
Обзадóрился на цѣ 20, 52—прельстился чѣмъ.
Обѣща́ться 19, 77—въ см. дать обѣтъ.
Оболока́ть 24, 167—надѣвать.
Обрю́шиться 24, 203—обрушиться, свалиться.
Оверну́ть, оберну́ть 21, 152 — волшебное дѣйствіе,
сдѣлать, напр., изъ человѣка звѣря; Отверну́ть 21, 154—
дѣйствіе обратное,—опять изъ звѣря человѣка.
Огумѣ́нный 80, 236—живущій на гумнѣ.
Одва́ 1, 186—едва.
Одѣва́льница 94, 78—одѣяло.
Ожъ 22, 135—ужь?
Окарачъ 19, 238—«спаль на окарачъ», положеніе тѣла
въ согнутомъ состояніи, когда человѣкъ стоитъ, упираясь
въ землю руками и ногами.

Окользділась нога 1, 287—подскользнулась, покати-
лась, оступилась.

Опочінутце 4, 255—отдохнуть, оправиться.

Отдальтесь 94, 226—отойдите.

Отпружилъ 2, 157—опрокинулъ.

Отъ ся 22, 52—отъ себя.

Оттуль 11, 131—оттуда.

Отшанула 94, 230—отшатнулась, отошла.

Отяпышь, Тяпышь 1, 180—шлепокъ, ударъ по тѣлу,
отъ слова тѣпнуть—ударить.

Очесливыйй, 1, 129—вѣжливый.

Пагубокъ, 19, 230—поддубокъ.

Пажобная тюрьма, 42, 5—гнилая, сгнившая.

Пай 17, 58—часть.

Панзырь 20, 60—панцырь.

Пельки, 86, 148—женскія груди.

Переваръ 26, 106—напитки, сваренные на праздникъ:
квасъ, пиво, брага и пр.

Переньёй 27, 54—передній.

Перепались 37, 67—испугались.

Перепѣхнула вѣтру полоска 1, 301 — про-
неслась.

Перстѣнки 24, 50—перчатки.

Перечиться 21, 5—спорить.

Перещепать 24, 149—взять верхъ, превзойти.

Пилькать, роспилькивать, прироспильки-
вать 29, 8—глядѣть, разглядывать, подслѣповатыми гла-
зами, насмѣшливое выраженіе.

Пластаться 17, 83—дѣлать что-нибудь усиленно,
изо всѣхъ силъ.

Племѣденка, племѣненка 37, 65—племянница.

Плѣнка 80, 138—сѣтка для ловли птицъ.

Плестъ, Наплестъ стр. 59—врать, придумывать.

Плѣтныи сонъ 1, 394 -- крѣпкій, возстановляющій
силы.

Повальня 75, 106—сильная буря на морѣ.

Поварёночка, поварёнка 5, 8—большая дере-
вянная или жестяная разливательная ложка.

Поворотъ давать 8, 62--въ см. идти обратно.

Подмѣтывать, 1, 86--подбрасывать.

Подопну́лась нога, 21, 70—запнулась.

Подпасть подъ что-нибудь 26, 236—навалиться всё́мъ тѣломъ, чтобы уронить или пошевелить.

Подпина́ться 19, 258—запина́ться.

Подуто́маньё 1, 13—подъатаманъ.

Погалиться, Галиться 11, 164—смѣяться зло, издѣваться.

Поизы́ть 2, 181—выйди.

Пойсь 47, 154—поѣсть.

Полени́ца 3, 7—богатырша.

Положе́нье 89, 58—даръ по обѣту.

Покатилась съ плечъ голова 5, 49—въ см. опустилась.

Помѣшкать 73, 149—подождать.

Понафѣда 49—128—панихида.

Поно́сить, 27, 106—нести.

Поня́ть стр. 3,—въ см. выучить наизусть, напр., понять старины.

Порáто 4, 180—очень, сильно.

Пори́пкивать 75, 99—помигивать, рипáть—часто мигать глазами.

Порозное мѣсто 64, 39—свободное мѣсто.

Порóть груди 1, 294—рѣзать.

Пóрскнуть 77, 35—отъ слова пóрскъ,—звукъ при разрывѣ ткани; пóрскнула—разорвалась издавая звукъ.

Послать на ускóрую 81, 82—на́скоро.

Послѣ́нни-жь 22, 221—въ послѣ́дній разъ.

Поспро́вѣдать, провѣ́дать 47, 246—узнать, разузнать.

Потóпнить очи 1, 200—опустить глаза въ землю.

Потребѣ́ль 5, 108—въ см. извелъ, уморилъ.

Пóршни 85, 131—кожанная обувь безъ голенищъ, нѣчто вродѣ туфель, только для хожденія не дома, а на работѣ.

Потяну́ть телѣ́гу 96, 32—повезти.

Походи́ть 27, 105—идти.

Преставился 59, 6—умеръ.

Пригиба́ютъ съ клятвой 2, 25—наговариваютъ, лжесвидѣ́тельствуотъ.

Пригоди́ться 1, 399—быть гдѣ-нибудь въ извѣ́стное время кстати.

- Прижнѣть 1, 226—признѣть.
Прилучилось 1, 347—пришлось.
Припадѣть на ногу 11, 95—хромать.
Приразлѣпаться 3, 13—разболтаться.
Приправа богатырская 1, 221 — вооруженіе богатыря.
Приставиться 21, 6—преставиться, умереть.
Проклаждѣться 9, 8—проводить время пріятно.
Просвистѣла рѣка 4, 1—протекла быстро.
Простѣться 4, 257—въ см. извиниться.
Протолмѣчивать 26, 58 — говорить, переводить съ
съ одного языка на другой.
Пуинки 2, 191—привязь коня.
Пурга-падера 70, 34—снѣжный буранъ въ морѣ.
Пѣшехонъ 58, 10—пѣшеходъ.
Разрушивать залогъ 19, 174 — нарушать обѣтъ.
Раниться 1, 267 — получать раны.
Растулить 20, 172 — вынять втулку, тулку, деревян-
ный гвоздь пзъ бочки, замѣняющій кранъ.
Ратиться 5, 127 — драться, воевать.
Ревѣть, заревѣть 1, 203 — въ см. кричать.
Релѣ, рѣлѣ 12, 54 — горка, холмъ, возвышенность въ
Олон. г. по Кулик.; въ былинѣ употребляет. въ смыслѣ
висѣлица.
Робить, сробить 51, 20, 21 — работать, сдѣлать.
Ровно-неровно 1, 217 — какъ будто, подобно тому,
какъ.
Рогозина 18, 130 — рогожа.
Родъ свестѣ 9, 17 — породниться.
Развистѣть 1, 418—разбросать.
Розволочать 22, 208 — розволокутъ, растащатъ въ
разныя стороны.
Роздубѣнить 62, 54 — раскупорить.
Размыкѣть книгу 78, 45 — раскрывать.
Росколыбѣться 37, 112 — расшататься.
Росполубить 74, 40 — раскупорить.
Ростанъ 19, 148 — рѣстанъ, перекрестокъ, пересѣченіе
дорогъ.
Ростарзаньѣ 1, 421 — растерзанье, расхищенье.
Ростолочать 22, 207 — растолкутъ, растопчутъ.

- Рѹшатъ хлѣбъ 64, 53 — рѣзать.
Сѹрцо 86, 73 — сердце.
Сбру́ня 1, 220 — сбруя.
Сбѹдетсе 2, 144 — сбудется.
Свѹснуль 1, 303 — сбросиль, бросиль.
Сѣдни 2, 135 — сегодня.
Сенóтъ 15, 6 — сенать.
Сѣреда, 3, 78 — полъ въ избѣ.
Сплѹменка 40, 24 — соломенка.
Скóлькоро 51, 47 — сколько; употр. крайне рѣдко.
Скопотѣть пески 80, 94 — поднять пыль.
Смердъ 85, 100 — въ см. мужикъ, человѣкъ низкаго происхожденія.
Сметья 20, 305 — помѣи, соръ.
Содѣлось 20, 198 — сдѣлалось.
«Спасали князя» 47, 99 — говорили спасибо, благодарили.
Спѣчка, спѣца 25, 25 — деревянный гвоздь, вбитый въ стѣну, на которомъ вѣшаютъ платье.
Сподобляться 1, 136 — приготовляться къ чемунибудь серьезному.
Способствовать 18, 96 — пособлять, помогать.
Состѣгъ 47, 238 — настѣгъ.
Состоялось 20, 189 — сдѣлалось.
Срѣньней 27, 52 — средній.
Степь лошадиная, 1, 145 — спина у лошади.
Столѣшенка, столѣшница, 4, 216 — доска на столѣ.
Стрѹсь 28, 101 — трость.
Ступать 23, 241 — при игрѣ въ пѣшки, ходѣть.
Субо́й 11, 52 — быстрое мѣсто на рѣкѣ или въ морѣ, гдѣ вода бѣтъ.
Суго́нь 5, 120 — погоня.
Суредѣть 80, 172 — снарядить.
Сыспóлнилось 86, 136 — исполнилось.
Тóщится казна 23, 113 — тратиться.
Трепѣть 93, 198 — рветъ, треплетъ.
Трупьё 9, 101 — въ см. мертвое человѣческое тѣло.
Тыль 78, 76 — затылокъ.
Тюни 38, 8 — сапоги изъ оленьяго мѣха.

- Тя, 22, 407—тебя.
Тяшыпъ 47, 196—ударъ ладонью по тѣлу, отъ слова
тяпнуть, ударить.
У дѣлѹ 4, 234—при дѣлежѣ.
Удрогнуть 95, 78—дрогнуть, задрожать.
Укѣтиста, Окѣтиста гора 22, 143—крутая, обры-
вистая.
Увѣлиста гора 22, 143—противоположная крутой.
Уливѣться слезами 49, 133 — обливаться, горько
плакать.
Улыскѣться 49, 140—насмѣхаться.
Умылка 45, 31—улыбка; умыляться—улыбаться.
Умыльная поглядочка 27, 40—умильная, веселая.
Умыльные слезы 49, 130—умильные.
Умыляться 49, 134—улыбаться, усмѣхаться.
Уножь 11, 55—поль подѣ ногами, въ данномъ случаѣ
палуба; упасть подѣ уножь—подѣ палубу, въ трюмѣ; на
уножь—на палубу.
Усторонились 94, 136—отошли въ сторону.
Учалъ 90, 8—началь.
Учуль 94, 102—почувствовалъ.
Учуть, учуять 1, 133—услышать.
Ушинка 57, 268—заноза.
Флюгаръ 4, 23—флюгеръ.
Хвостать, похвостывать 94, 208—хлестать, похле-
стывать.
Хилѣ 86, 198—хуже.
Хребѣтница 22, 352—хребѣтъ, спина.
Хромна посторѣнная 19, 8—отдѣльное помѣще-
нiе; хоромна.
Хрущатѣ камкѣ 8, 43—шелковая цвѣтная ткань съ
узорами.
Чеблѣты 4, 42—штилеты.
Чѣрево 12, 42—въ см. женск. половыя органы.
Черкальчѣто сѣдло 19, 129—черкасское.
Чѣ или цѣ 3, 104—чего, что.
Чѣботы 80—242—сапоги.
Чумакъ 16, 13—цѣловальникъ, кабатчикъ.
Чуять 19, 263—слышать.

Чѣлкомъ пехнулъ 20, 279—всунулъ цѣликомъ, все, безъ остатка.

Шабáшить 4, 225—кончать какое нибудь дѣло.

Шалабóлка 23, 379—неважная, незначительная вещь бесполезная вещь.

Шйшка стр. 37—передній, наиболѣе опытный бурлакъ.

Шбóлонь окатистая 24, 6—холмъ.

Шолыга 85, 133—дубина.

Шти 1, 228—щп.

Штóфъ 30, 10—въ смыслѣ штабъ-офицеръ.

Шурмовáть 1, 93—ударять, бросать.

Щанъ 88, 18—чанъ.

Щéля 50, 51—гора на берегу рѣки или моря.

Щикъ 41, 14—штыкъ.

Щúналы 10, 63—шесты для опредѣленія дна.

ыщэ 22, 167—еще.

Этамъ 2, 133—здѣсь.

Этта 22, 437—здѣсь.

Ягодица 79, 39—щека.

Ясáкъ стр. 37—напѣвъ пѣсни или былины.

Указатель именъ *).

- Абатуй Абатѹевъ царь, 264—9.
Авдотья Микулисна, жена Данила Староильевича 166—8.
Авдотья дочь Облудишна 47—8; Авдотья Блудова вдова 193—4.
Авдотья Семеновна, дочь Семена Лиховитова 186—191.
Акіёнъ-море 310.
Алѣтырь-камешокъ 132, 136; онъ-же Латырь.
Александръ Павловичъ, царь 158, 183, 401.
Александръ II, царь 62—64.
Алѣша Полувѣренинъ, сынъ Марьюшки Салтановны и Луки Даниловича 213, 282.
Алѣша Поповичъ, поваръ на заставѣ богатырской, 5, 8; ѣздитъ съ Ильей Муромцемъ 43; на пиру у князя Владиміра 24—6; 140, 163—8 187, 191; 201—2—ѣдетъ за калпками; 260—3; 315, 332—7, 389—393.
Анна, племянница Владиміра-князя кіевскаго 293—7.
Аннушка, дочь Марины Чусовой-вдовы 193—6.
Аннушка Путятишна, живетъ въ Литовской землѣ 46—7.
Анастасья Петровична, сестра братьевъ Долгополыхъ 23—5.
Анастасія Семеновна, дочь Лиховитого царя 186.
Андронъ-поле 310.
Анисимъ Захаровъ 175.
Антоніевъ монастырь, 346—7.
Антоній старикъ, 350.
Апράксія-княгиня, жена князя Владиміра Кіевскаго 17—21; 29, 71, 115, 118—121; 198—200, 203, 228, 239, 263; 333—7; 346, 390—2.
Апросенья Семеновна, дочь Лиховитскаго царя 186—192; 339—341, 343.
Артемьевъ монастырь 196—7.
Архангельскъ, 157.
Астрахань 26, 45, 155 275.

*) Цифры означаютъ страницы.

Бабушка-задворенка, воспитательница Михайла Карамышева 100, 374—380.

Базыкова корова 14.

Батуишшо, онъ-же Абатуйишшо царишшо 54—6.

Блудно-Блудищо, отецъ Фатенка 193.

Бобръ осистой, 26; бобръ закаменской 353.

Богъ Саваовъ 310.

Богородица 171—2, 266—8, 231—4, 336, 345. 395.

Борисъ Горденовичъ 315, 17, 318.

Бранскóй-городъ 230—3.

Брюнской-король 182.

Буславей, онъ-же Буславьюшко 297 — 8; Буславъ 347, 396.

Бутманъ Колыбановичъ 59—62; 64—5

Буянъ-островъ 6, 163—5.

Бѣдовая деревня 370.

Бѣлое озеро 311, 329.

Бѣльской, бояринъ при дворѣ Ивана Грознаго 369, 370.

Варальское море 44.

Василій Буслаевъ 5, 38, 53—6; 151—5; 204, 298—301, 346—358; 381—8; 396—7.

Васька Захаровъ 155, 175.

Василей Ивановичъ, переряженная мужчиной жена Ставра Годинова 117—123.

Василій Игнатъевичъ 5, 29—32, 62—9, 73—6.

Василій Казимировъ 264—9.

Васинька маленькій 299, 307, 366, 398.

Василиса Микулицьна, жена Ставра Годиновича 115, 116.

Васинька Окуловъ, онъ-же Васька Прекрасной-царь 142—4, 149—150, 316—20.

Васинька Ханавовъ 175.

Визя Лазурьевичъ 163—8; онъ-же Вижя.

Вильянской-князь 401.

Владимиръ-князь, стольнокиевскій 16—25, 28; 33, 53, 68, 71—6; 80, 89, 93, 97—8; 102, 106—122; 124, 126, 129, 133—9; 166—8; 192—203; 222, 228—30; 233; 237—244; 251—4; 263—4; 268—9; 287, 293—7; 313—333—7; 342—3; 346, 389—393.

- Владиміръ-князь, Черниговскій 260—3.
Волга рѣка, матушка 26, 45, 234—5, 275, 301—2, 305.
Вольга Всеславьевичъ 331—2.
Волкъ рыскупій 26.
Ворона пустопѣрая 11.
Волотѡманъ Волотомоновичъ, царь 308—9.
Волховъ рѣка 50—1, 152—4, 349—50, 386.
Волхѡнской-князь 401.
Галица Малая, Нижняя 123, 129, 321—2.
Гогáринъ-князь 400.
Голубинная книга 235—6.
Голубкова деревня 370.
Господь, Царь, Небѣсной-свѣтъ 236.
Госпожа Мать Богородица 70.
Граничники 223—4.
Гремитъ Манойловичъ, король Турецкій 292.
Греческая земля 81.
Гурьюшко, названой братъ Олешн Поповича 336.
Давыдъ Евсеѣвичъ, царь 309.
Давыдъ-пророкъ 236.
Данило Борисовичъ, атаманъ казацкій 209, 213—18.
Данилко Денисьевичъ атаманъ казацкій 305—7.
Данило Игнатьевичъ 269, 272—4.
Данило Староильевичъ 162—8, 280.
Демрюкъ 307, 364.
Добрынина жена 389—393.
Добрыня Никитичъ 5, 8—10, 37, 41—5, 70, 98—101, 138—40, 191, 203, 232, 247—51, 253, 259—60, 314—16, 321—23, 338—40, 389—93.
Долгорукова княгиня 219—221.
Долгорукой-князь 57—8, 218—20.
Долгополые братья 38, 39, 232.
Донъ рѣка 156—7, 213—17, 305.
Дунай Ивановичъ. 338—5, 8, 16, 43—5, 186—192.
Дунай-рѣка 241.
Дѣвушка-черनावушка 130—1, 276—8, 383.
Дюкъ Степановичъ 5, 123—9, 332.
Егорей-князь 180—1.
Екимъ-паробокъ 260—3, 334—7.
Елесей-рѣка 132, 133, 136.

- Ерака Большебородой 175.
Ёрданъ-рѣка 154, 298, 300, 355.
Ерусалимъ-градъ 151—4, 298, 300, 352—3, 355.
Еруславъ-городъ 184, 400.
Естрѣпель, птица 310.
Жена разбойника 401—2.
Женщина снарядная 385.
Жена сторомáтера 362.
Зáмосква 366.
Застава татарская 75.
Златыгорка 13, 40.
Змѣй Горыцькой, любовникъ Маринки 99.
Змѣя лютая троеглавая 281.
Иванъ Горденовъ 313—321.
Иванъ Гостиновичъ 102—112.
Иванъ Васильевичъ Грозный царь 204—9, 307.
363—8, 370—3, 397—9.
Иванъ Великій 158.
Иванъ Тимоеевичъ, отецъ Ильи Муромца 78, 80, 88.
Идолъ Жидойловичъ 293—7.
Идолище поганое 40, 89.
Илья Муромецъ 5—15, 16—21, 37—45, 124—129,
134—142, 168, 191, 221—230, 253, 256—8, 315—18, 332, 390—3.
Имбаль, король Литовскій 330—1, 333.
Исай пророкъ 236, 309—10.
Исусъ Христосъ 236, 355.
Казакѣ Донскіе, Гребенскіе, Запорожныя 156—7.
Казань городъ 26, 45, 155, 275.
Казаринъ Петровичъ 332.
Калнка перехожая 395.
Кама-рѣка 156.
Камчужскій орелъ 377.
Кандрѣкъ-городъ 183.
Карамышовъ-городъ 374, 380.
Карачагово село 78, 88; Карчагово жи́ло 228.
Карела пребогатая 123, 321—2.
Карчага рѣка 221.
Катерина, жена Егоря-князя 180.
Кашинъ-городъ 59.
Киршакъ, племянникъ Скурлы царя 66—7, 70.

- Киршикъ, зять Кудреванка-царя 133.
Киселиковъ-градъ, въ царствѣ Салтана Турецкаго 271—4, 282.
Кіевъ 11, 14, 17, 18, 27, 31, 35—6, 42, 70—3, 82—6, 89—90, 102, 106, 113, 123—4, 133, 137, 139, 183, 185, 191—2, 197, 205, 222—5, 230—9, 242, 251, 260, 263, 275—9, 285—7, 293—7, 313—7, 321—4, 333, 340—6.
Ключникъ, приемышъ князя Долгорукова 57, 58, 218—221.
Книги старопечатныя 18.
Ковшей Безсмѣртный 18—21.
Кончальникъ, 345—6.
Коньшакъ, зять Скурла царя, 70.
Копейщата-земля 240—1.
Король Литовской земли 45—46.
Костринскій городъ 182.
Кострюкъ Темрюковичъ 364—8. Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ 397—9. Кострюкъ Демрюковичъ 307—8.
Костя Новоторженинъ 299, 347—9, 354, 397.
Костя, братъ царя Александра, 63—4.
Кощѣй Трипѣтовъ 115.
Красна дѣвица, сестра Михаила Карамышева 378—81.
Красота-Касьянъ сынъ Степановичъ 199, 200, 203, 204.
Кремль-городъ 218.
Кривда 311.
Кудреванко-царь 133—7.
Кузенко Сибирчаженинъ 332.
Куликово поле 6, 70, 133, 371.
Куршакъ, свать Скурлы-царя 27, 70, 345.
Латырь-камешокъ 13, 40.
Левонтей, попъ Ростовскій 301—2, 334—5.
Леховитской-городъ, 338—9.
Лимбаль-король, Литовскій 169.
Лисица Берёзовка 45.
Лисица бурнастая 26.
Литва проклятая 288—291, 363, 397—9; Литва поганая 394; Литовская земля 45.
Лука Даниловичъ 209—213 269—273, 274 280—2.
Лука Петровичъ Долгополый 6, 8, 23—5, 141—2, 177.
Ляхово 27, 69, 87.

- Ма́ево побонще 142.
Макаръевскіе пески 20, 249.
Малюта Скурлатовъ, палачъ московскій 371 — 2
205—7.
Малюта-царь 324; Малюта-король 252; Малютинъ-
князь 33.
Малюта Скурлатъевна 33.
Малютисна, дочь Малюты короля 252—3.
Маривьяна 325, мать Скопина.
Ма́ринка 159, 160.
Маринка-душка лебедь бѣлая 241—4.
Маринка, волшебница подруга змѣя Горыцькаго
99—101.
Маринка-душка лебедь бѣлая, дочь Черниговск. кня-
зя, она-же Маримьяна прекрасная 313, 316—321.
Маринка Чусова вдова 47—9, 193—6.
Марія, царица, сестра Кострюка 307, 363—8, 399.
Марьюшка, дочь Салтана, короля турецкаго 212—213.
Матвѣй Петровичъ Долгополый 6, 8, 23—5, 141—2, 177.
Медвѣжина рѣка 81.
Миршакъ, зять Скурлы - царя 27; Миршикъ, сынъ
Кудреванка-царя 113.
Михайло Карамышевъ, 374—381. см. Казаринецъ.
Михайлушко Казаринецъ 177—180.
Мишка Торопанишко, конюхъ на заставѣ богатыр-
ской 58.
Монастырь вселенскій, Микола светителя 158.
Морскоѣ-царь 303—4.
Москва городъ 97, 158, 183, 205, 218, 245, 308, 370—1,
363—6, 397.
Муромъ-городъ 78, 88, 221-8.
Мыслеево озеро 196—7.
Настасья дочь Колашница, жена Пермьты Ива-
новича 276—8.
Настасья Салтановна, дочь салтана Турецкаго
271—4, 282.
Настасья Семеновна, дочь Леховитскаго царя 340—4.
Нева-рѣка 69.
Несѣѣ-рѣка 42.
Никита преширокій 5, 53—5; 265—9.

Никита Романовичъ, дядя царя Ивана Грознаго 160, 206—9, 307, 372—3, 364—8, 397—9.

Никитушка высокой 153.

Никитушка Романовичъ, отецъ Добрыни 97, 247, 258—9.

Никола святитель 52, 79, 139, 156—8, 179—80, 266—8, 302—4, 359—60, 363.

Новгородъ 50—1, 151, 260, 301—4, 346—350, 358, 360, 363, 370, 381—8, 394.

Новгородяны-мужики 349, 351, 382—8.

Новгородскій перевозъ 275.

Новотóкмяны мужики 83, 152—3; они-же станичники и коробочники.

Новые города 97.

Нѣпръ-рѣка 128; Нѣпровскіе омуты 275.

Панкó русый 175.

Перегримищо-старичище 385—6.

Пермя Васильевичъ 5; Пермята Ивановичъ 130—2, 276—8.

Петръ Алексѣевичъ, царь. 60—2.

Петровъ день 276.

Петръ Карамышевъ, купецъ 374, 380.

Печора рѣка 370.

Питеръ городъ 183, 205, 245.

Племянники Лимбала, короля Литовскаго 169—175, 230—233.

Подóбьская земля 242—3.

Потáнюшка Хромой 5, 53—4, 153, 265—9, 299, 307—8, 348—9, 354—7, 366—8, 397—9.

Потапъ Артамѣновичъ 286—292; см. Потапъ Ивановичъ.

Потапъ Ивановичъ, богатырь 394—6.

Подсушина 29.

Пóтыкъ Михайло Ивановичъ 5, 237—245.

Почéвъ-рѣка 18, 20; Пучевъ-рѣка 27.

Правда 311.

Разбойникъ-воръ, ночной подорожникъ 402.

Резань. слобода и городъ 204, 247, 258.

Родивонъ превысокій 5.

Россія 62; Руськая земля 158, 354, 363—4.

- Россійскій орелъ 377.
Ростовъ, городъ 216.
Саворъ-гора 235.
Садко́, купецъ новгородскій 234—5, 278—9, 301—4,
358—363. Садко́къ, 50—2.
Салтанъ Лукопереннъ, царь 282.
Салтанъ Турецкій 212, 271—4.
Самсонъ Колыбановичъ 5, 8, 315, 318, 332.
Саратовы-горы 6.
Святогоръ 256, 332.
Семень Лиховитыи-царь 44, 186—191, 338—340.
Сибирскій собо́ль 353.
Сизокамскій орелъ 7. 81.
Снигморя ледовитыя 378.
Скопинъ Михаило Ивановичъ 6, 33, 191, 252—4, 321—4.
Скурла-царь, 27, 28, 32, 66—70, 75, 287—291, 345—6, 394—6.
Скурлата Малютична, кума Скопина 324—5, см. Малюта
Скурлатьевна.
Смородина-рѣ́ка 26, 45.
Сокольникъ 12—15, 40.
Соловей Будимировичъ 45—7.
Соловей Рахматовичъ 84—88, 223, 226—230.
Солóманъ, Премудрый царь 144—151, 236.
Сорока-бѣлобокая 11.
Сорочина долгополая 354, 357.
Сорочинскія горы 270, 300—1, 354—6.
Сорочинское поле 6, 27, 70.
Спасъ Вседержитель 262, 266—8, 336—395.
Ставе́ръ сынъ Годиновичъ 114—123.
Старець-гологу́зь, волшебникъ 370.
Старикъ бѣлый какъ куропать 278.
Стенька Разинъ 156, 182.
Степа́новы, царскіе гости 399.
Сторона Западная, Сѣверная, Лѣтняя, Полу-
ночная 6, 378.
Студёное море 136.
Суздаль-градъ 233.
Оглиця́нина, народъ 62.
Омельфа Тимоѣевна 34—6, 123—9, 349—353, 355,
358, 382—8.

- Орда проклятая и Земля поганая 61.
Офимья Константиновна, жена Никиты Романова 259.
Тараканъ Заморенинъ 144—7, 150.
Татары трое, везуть дочь Петра Карамышева 378—80.
Татаринъ 9.
Титъ-рыба 310.
Тугаринъ Змѣвъ 95—7, 134—8, 261—3, 334—7; онъ-же Угарище, Югарище, Идолице.
Туесь-городъ 181, 274.
Турецкая земля 292.
Турка, народъ 62.
Турзы-урзы 223—5.
Фатѣнко, 47—9, 193—6; онъ-же чудно-чудишно.
Федоръ, попъ Ростовскій 261 2.
Федоръ Черниговскій, князь, 316, 317.
Холщевская земля и городъ 238—9.
Христось Царь Небесный 310.
Царевичъ, старшій сынъ Ивана Грознаго 370 - 1.
Царищо-Поддолицо 361—2.
Церковь Свѣтлаго Христова Благовѣщенія 275.
Чахово 344.
Черниговъ-градъ 102—3, 105, 197, 203, 260, 313, 315, 333.
Черное море 231.
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ 182—3.
Чивудельскія плѣса 275.
Чудь бѣлоглазая 354—7.
Чурило Пленковичъ 5, 125—132, 276—8, 332; онъ-же голошанишко 390.
Шахъ Персицкій 215.
Шахово 27, 69.
Шолкъ Россійскій и Шолкъ Шематинскій 384.
Фаргорская гора 308.
Федоръ-царевичъ, сынъ Ивана Грознаго 370—3, 205—9.
Ома толстой 348—9, 354, 397.
Ома широкой 153.
Французъ, народъ 62.
Юлановы (Улановы), царскіе гости 399.

**Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.**

т. XXX.

RECEIVED

APR 21 1933

LIBRARY OF
PRAMIDY MUSEUM

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

Записалъ Н. Ончуковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.

1904.

11

e

L.SOC.100.54.2.14.1 (30)

Pechorskiaa byliny

Tozzer Library

AXE9399

3 2044 043 341 262

**This book should be returned
to the Library on or before the
last date stamped below.**

Please return promptly.

